

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

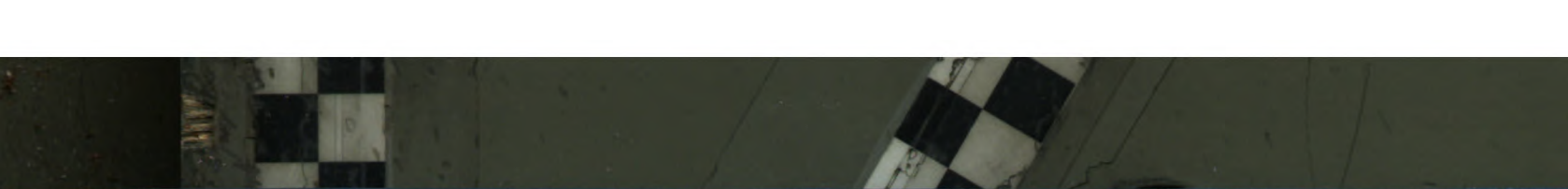
Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

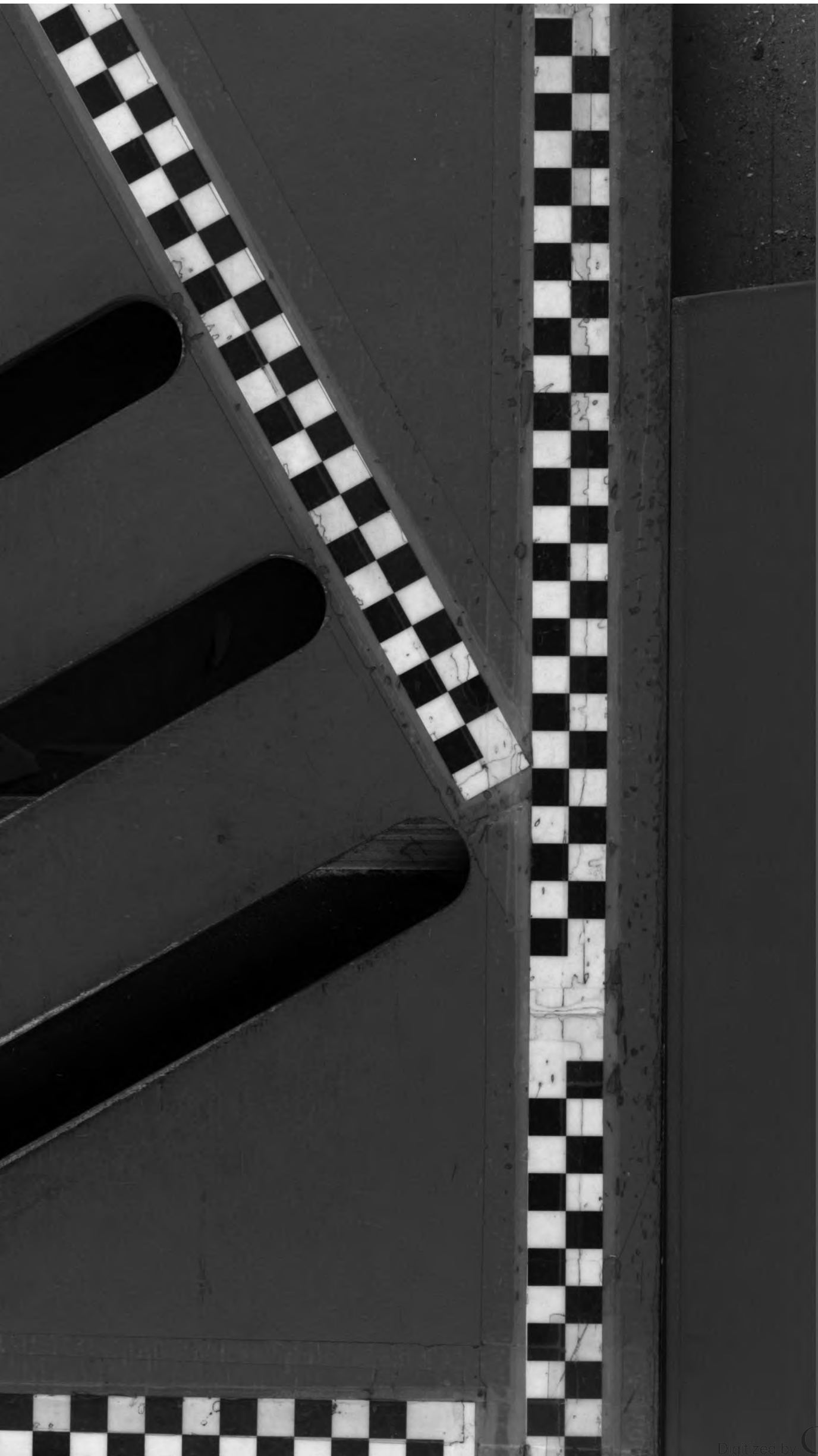
Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Московское археологическое общество

ДРЕВНОСТИ

ВОСТОЧНЫЯ.

ТРУДЫ ВОСТОЧНОЙ КОММИССИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ИЗДАНИЕ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

М. В. НИКОЛЬСКАГО И С. С. СЛУЦКАГО.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ВЫПУСКЪ II.

Съ 3 таблицами и однимъ рисункомъ въ текстѣ.

МОСКВА:

1901.

STANFORD
LIBRARIES

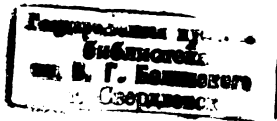
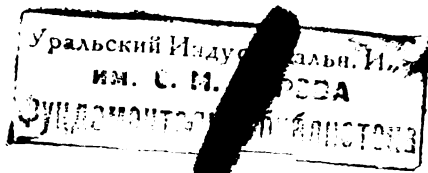
9(3)

DS11
M65
f
4. 2. 1901

Печатано по опредѣленію Редакціоннаго Комитета Императорскаго Московскаго
Археологическаго Общества на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

Москва, 9 Февраля 1901 года.

Типографія и Словолитня О. О. Гервека, Чернышевскій пер., 5.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Баронъ Р. Р. Штакельбергъ. —Объ иранскомъ вліяніи на религіозныя вѣрованія древнихъ армянъ	1— 39
А. С. Хахановъ. —Грузинскій отрывокъ Калилы и Димны	40— 93
М. В. Никольскій. —Сирійскія пергаменныя евангелія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества	94—101
Архим. Арсенъ Клитчянъ. —Древній городъ Astuhini (Астакана)	102—104
Ө. Е. Боршъ. —«Восточныя замѣтки» сборникъ статей и изслѣдованій профессоровъ и преподавателей факультета восточныхъ языковъ Императорскаго С:Петербургскаго Университета	105—119
Г. А. Халатьянцъ. —О нѣкоторыхъ географическихъ названіяхъ древней Арменіи въ связи съ данными ванскихъ надписей	120—131

ПРОТОКОЛЫ

засѣданій Восточной Комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества за 1895—1900 гг. (особая пагинація).

	<i>Стр.</i>
Аттая, М. О. —Переводъ Псалтири въ ркп. сборникѣ Абдуллаха-ибн-Фадла	134—135
— Султанскія грамоты съ Кавказа	136—137
— Къ сказанію о Мудромъ Хакирѣ	142
— Арабскія надписи изъ Ферганск. области	151 и 160
— Журналь Al-Mashḡiq	164—165
— Древнія арабскія надписи съ горы Фавора	182
Григорьевъ, А. Д. —Восточные источники сказанія объ Акирѣ Премудр.	172
Клитчянъ, арх. Арсенъ —О курганахъ и историческихъ памятникахъ Эриванской и Карской области	149—150
Консулы русскіе на Востоѣ: письма господъ: <i>ф. Цилмермана</i> изъ Самсуна, <i>Щелкунова</i> изъ Трапезонда, <i>Максимова</i> изъ Эрзерума, <i>Петровскаго</i> изъ Кангара и <i>Григоровича</i> изъ Тегерана—о мѣстныхъ древностяхъ	152—153
Кологривовъ, С. Н. —Персидская лицевая рукопись «записокъ султана Бабера»	179
Боршъ, Ө. Е. —Каменецъ-Подольскіе армяно-татарскіе документы Кіевскаго Центральнаго Архива	136
— Крымская жалованная грамота конца XVII в.	155
— Лингвистическія замѣтки: а) пропускъ <i>б</i> въ арабскомъ множ. ч. и б) персидское <i>бадä</i>	141—142
— г) персидское <i>гунд</i>	169—170
— д) сирскія: <i>bar</i> и <i>treyn</i>	174—177
Крымскій, А. Е. —Изъ исторіи суфитской жизни IV в. гиджры	133
— Нѣкоторые арабскіе документы, вывезенные изъ Сиріи	174
— Ученая мечеть Аль-Азхаръ, ея печать и отношеніе къ остальной печати	184
Кучукъ-Іоаннесовъ, Х. И. —Старинныя армянскія рукописи собранія г. Аггара Іоанниссіани въ Кишиневѣ	156—158
— Надписи храма св. Рипсиміи въ Вагаршапатѣ	171, 172—173
— Армянскій текстъ Паралипомонъ, издан. Лазаревск. Инст.	184
Миллеръ, В. Ө. — <i>Г. А. Халатьянцъ</i> — <i>Fragmente iranischer Sagen bei Gregor Magistro</i>	134
— <i>Кретчлеръ</i> — <i>Einleitung in die Geschichte d. Griechischen Sprache</i>	137
— Къ сказанію о Мудромъ Хайкарѣ	144—146
— Матеріалы по эскимосскимъ нарѣчіямъ Анадырскаго округа, собранные Н. Л. Гондатти	148
— Легендарная ист. Тимура (ZDMG)	149
— Семитскій элементъ въ татскомъ нарѣчьи горскихъ евреевъ	178—179
Миртчянъ, о. Галусть, Теръ —Шагриарская клинообразная надпись	183
Мсеріанцъ, Л. З. —Памяти Фридриха Мюллера	166—169
Муркосъ, Г. А. —Рукопись Путешествія Макарія, принадл. Московск. Архиву Мин. Иностр. Дѣлъ	177—178

Муркозь, Г. А. —О рѣчахъ, приписываемыхъ Халифу Али	<i>Стр.</i> 180—181
— О подлинности произведеній, приписываемыхъ Халифу Али	182
Никольскій, М. В. — а) <i>Talquist</i> , Die assyrische Beschwörungstabelle Maqlu, б) <i>Haupt</i> , The Sacred books of the Old Testament	132—133
— Статья по восточной филологіи въ сборникѣ <i>Харіотіра</i>	141
— а) Леманъ и Белькъ о городѣ Альніуни ванскихъ надписей, б) о древнемъ названіи Ванскаго озера	155—156
— Труды по востоковѣднію, изданные Лазаревскимъ Институтомъ восточныхъ языковъ. — I. Книги Паралипоменонъ въ древнѣйшемъ армянскомъ переводѣ. 180, 181—182	180, 181—182
— Шагріарская клинообразная надпись въ изд. г. Басмаджіана	180
Рябининъ, М. В. —Нѣсколько замѣчаній объ иранскомъ элементѣ въ угрофинской группѣ языковъ	182
Обзоръ десятилѣтней дѣятельности Восточной Комиссіи , читанный въ засѣданіи 31 октября 1897 г. секретаремъ С. С. Слуцкимъ	185—198
Саковъ С. Е. и г. Шиленковъ —а) Хуссейнъ-Бекъ, мусульманскій святой у бакиръ X—XI в. б) дворець Тура-хана	<i>Стр.</i> 138
Слуцкій, С. С. —О восточной Rossica. 143	143
— Туркестанскій кружокъ любителей археологіи	153—154
— Deutsche Orient-Gesellschaft	154
Трутовскій, В. Е. —Лутфи-бей объ обычномъ правѣ арабовъ	135
Халатьянцъ, Г. А. —«Хроника Маръ-Аббаса»	135—136
— Неизданные армянскіе апокрифы въ переводѣ Эмина	138—140, 143—144
— О нѣкоторыхъ географическихъ названіяхъ древней Арменіи (обсужденіе доклада)	158—159
— <i>Н. Я. Марр</i> о критикѣ Исторіи Моисея Хоренскаго	160—161
Хахановъ, А. С. —Къ вопросу о происхожденіи грузинск. алфавита. 161, 162—163	161, 162—163
Шиленковъ и Саковъ — см. <i>Саковъ</i> .	
Штакельбергъ, бар. Р. Р. —Объ иранскомъ вліяніи на вѣрованія древнихъ армянъ (обсужденіе доклада)	147

Объ иранскомъ вліяніи на религіозныя вѣрованія древнихъ армянъ.

Дѣйствительнаго члена барона Р. Р. Штакельберга.

Народная вѣра древнихъ индійцевъ и грековъ заключалась, насколько намъ возможно судить по дошедшимъ до насъ даннымъ, въ поклоненіи стихійнымъ силамъ. Такова была, по всей вѣроятности, и религія другихъ индоевропейскихъ народовъ, къ восстановленію которой ученые прилагали не мало труда, примѣняя къ изученію этой отрасли науки методъ сравнительнаго языковѣдѣнія. Но результаты, добытые сравнительной миѳологіей, во многихъ отношеніяхъ нужно признать за весьма шаткіе.

Но въ общемъ всетаки можно сказать съ нѣкоторой увѣренностью, что индоевропейскій пранародъ поклонялся стихійнымъ силамъ. Наши предки обращались къ своимъ богамъ, какъ и въ наши дни дикіе народы, съ мольбой объ оказаніи имъ либо защиты противъ вторженія враговъ или дикихъ животныхъ въ свои поселенія или стада—либо помощи противъ невзгодъ, обусловливаемыхъ стихійными явленіями и могущихъ разрушить въ теченіе нѣсколькихъ часовъ ихъ лучшія надежды. Съ другой стороны, первобытный индоевропеецъ обращался къ своимъ богамъ съ просьбой о ниспосланіи ему всякихъ небесныхъ и земныхъ благъ. Но такое наивное отношеніе индоевропейцевъ къ силамъ природы послѣ развѣтвленія ихъ на разныя племена не продолжалось, конечно, одинаково долго у каждаго отдѣльнаго племени. Осѣдность и постепенное развитіе культуры, равно какъ и неразрывно связанное съ послѣдней соприкосновеніе съ другими, чуждыми по происхожденію и стоящими выше по развитію народами сдѣлали свое и мало по малу измѣнили характеръ мышленія и религіозныхъ воззрѣній. Такое развитіе можно, на примѣръ, прослѣдить въ древней Индіи, гдѣ религія Ригведы подъ вліяніемъ духовенства и болѣе сложныхъ условій общественной жизни впослѣдствіи принимаетъ форму систематическаго ученія.

Ближайшіе родственники индійцевъ, принадлежащіе къ той-же арійской вѣтви индоевропейскихъ народовъ, иранцы, въ своемъ религіозномъ развитіи сильно отличаются отъ первыхъ. Между тѣмъ какъ индійскіе арійцы послѣ покоренія дикихъ племенъ, населившихъ Индію, могли, бла-

годаря географическому положенію завоеванной ими страны, самостоятельно развивать свои народныя силы, иранцевъ постигла иная судьба. Иранцы, по прибытіи въ свою теперешнюю родину, должны были скоро наткнуться на сосѣдніе съ ними народы, стоящіе въ культурномъ отношеніи выше новыхъ пришельцевъ. Эти племена принадлежали къ семитической расѣ, оказавшей значительное вліяніе на возникновеніе первыхъ зачатковъ культуры древняго міра. Эти семиты, внесшіе сравнительно рано болѣе отвлеченныя понятія въ свои религіозныя системы, имѣли значительное вліяніе на образованіе догматовъ иранской религіи¹⁾. Зороастръ, реформаторъ религіи Ирана, включилъ въ свое ученіе не мало семитическихъ элементовъ, а *Табари*, одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ источниковъ для исторіи древней Персіи, прямо говоритъ, что Зороастръ принадлежалъ къ ученикамъ пророка Іереміи²⁾, но впослѣдствіи обманулъ послѣдняго и былъ прогнанъ имъ³⁾. Замѣтимъ, впрочемъ, кстати, что семитическое вліяніе замѣтно и въ религіи ахеменидовъ⁴⁾, что вытекаетъ изъ упоминанія богини *Анахиты* (*Anāhita*) въ клинообразныхъ надписяхъ.

Испытавъ, какимъ образомъ, на себѣ довольно сильное вліяніе семитовъ въ религіозномъ отношеніи, иранцы со своей стороны имѣли весьма многостороннее и плодотворное вліяніе на умственную и бытовую жизнь сосѣднихъ съ ними и подвластныхъ имъ народовъ. Иначе и не могло быть. Въдъ при ахеменидахъ персы покорили себѣ почти всю переднюю Азію и до сегодняшняго дня языки и нравы нѣсколькихъ народовъ Передней Азіи краснорѣчиво повѣствуютъ намъ о минувшихъ дняхъ персидскаго господства надъ ними.

Въ числѣ народовъ, подпавшихъ подъ политическое и культурное вліяніе персовъ, армянская нація какъ въ своемъ языкѣ, такъ и въ гражданскомъ и въ религіозномъ строѣ своей жизни, ярко отражаетъ на себѣ тѣсную связь, существовавшую въ теченіе многихъ столѣтій между Ираномъ и его сѣверными сосѣдями. Армянскіе полководцы и самозванцы упоминаются при Даріѣ I, въ бехистанскихъ клинообразныхъ надписяхъ, причемъ имя одного изъ нихъ—Дадаршишъ—встрѣчается также какъ имя одного перса.

Однакоже тѣ извѣстія, которыя насъ знакомятъ съ персидско-армянскими отношеніями, сводятся лишь къ установленію того факта, что армяне находились въ политической зависимости отъ персидскаго государства⁵⁾.

¹⁾ Ср. J. Darmestéter, *Le Zend-Avesta*, III, стр. LXII и LXXXIV (*Annales du Musée Guimet* XXIV). Paris, 1893. *Spiegel*, *Arische Studien* стр. 44—77. *Spiegel*, *Avesta* I, 269 сл. *ZDMG* V, стр. 221, VI, стр. 78.

²⁾ *Табари* I, стр. 648, 9—10.

³⁾ *Табари*, *ibid.*

⁴⁾ Ахеменидская религія—религія маговъ въ тѣсномъ смыслѣ—не отличалась существенно отъ зороастризма. Ср. *Darmestéter*, *Le Zend-Avesta* III, LXX сл. P. Horn *Waren die alten Perser Zoroastrier?* (*Allgem. Zeitung* 1895, № 206).

⁵⁾ Ср. *Hubschmann*; *Armenische Grammatik* I. Die persischen Lehnwörter im Armenischen стр. 9—12.

О размѣрѣ вліянія персидской культуры и религіи на религіозную или гражданскую жизнь армянъ этой эпохи мы не въ состояніи составить себѣ яснаго понятія. То-же самое можно сказать и о времени правленія надъ Персіей діадочовъ и селевкидовъ: лишь со времени возникновенія въ Персіи аршакидской династіи мы обладаемъ болѣе полнымъ матеріаломъ для рѣшенія интересующаго насъ вопроса.

Такъ какъ мы не знаемъ времени, въ которое установилось въ Персіи ученіе Зороастра, мы, конечно, лишены и возможности опредѣлить хоть и приблизительно время для введенія въ Арменіи иранской религіи. При такихъ обстоятельствахъ, мы должны довольствоваться свидѣтельствомъ Страбона⁶⁾, передающаго, что въ его время, т. е. въ первомъ вѣкѣ до нашей эры, армяне уже восприняли ученіе персидской вѣры.

О коренной древнеармянской религіи, предшествовавшей извѣстной намъ формѣ, въ которой преобладаетъ иранскій элементъ съ семитической примѣсью, намъ извѣстно весьма мало достовѣрнаго. Къ такимъ кореннымъ армянскимъ богамъ могъ принадлежать *Ušwšur* Сманоръ, духъ новаго года⁷⁾, судя по чисто-армянскому имени; намъ кажется, что и вѣру въ такъ называемыхъ Арлезовъ⁸⁾ (у *Езника шпшл* и *шршл*, у *Фавста Византійскаго шшл* кн. V, гл. 36 въ изданіи Патканова стр. 201) можно отнести къ первоначальнымъ вѣрованіямъ древнихъ армянъ.

Покойный арменистъ *Н. О. Эминъ* оставилъ намъ въ своемъ трудѣ, озаглавленномъ «Очеркъ религіи и вѣрованій языческихъ армянъ» первое научное изслѣдованіе о данномъ предметѣ, весьма цѣнное и въ наше дни⁹⁾. Но не слѣдуетъ забывать, что со времени перваго появленія статьи Эмина прошло болѣе тридцати лѣтъ и что труды *Лагарда*, *Патканова*, *Гюбишана* и другихъ ученыхъ доставили намъ много новыхъ матеріаловъ для изученія предлагаемаго вопроса. *Эминъ*, конечно, признаетъ также тѣсную связь религіи языческихъ армянъ съ зороастризмомъ, хотя онъ съ другой стороны отрицаетъ фактъ позанмствованія со стороны армянъ иранскихъ боговъ¹⁰⁾ и вообще стоитъ болѣе на почвѣ миѣологической школы Гримма, допускавшей возможность заимствованія въ вопросахъ миѣологіи въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ ученые нашего времени.

⁶⁾ Ср. XI, p. 805 (ed. Cramer): Ἐπαυτα μὲν οὖν τὰ τῶν Περσῶν ἱερὰ καὶ Μῆδοι καὶ Ἀρμένιοι τετιμῆσασιν—; ср. ibid. XVI, p. 1072, 1080. Ср. также *Rapp* ZDMG 19, стр. 16 и 62.

⁷⁾ *Агавангелъ* стр. 482 (изд. тифлисское 1882). Ср. «Изслѣдованія и статьи» *Н. О. Эмина* стр. 29 (Москва 1896). Но и тутъ допускаема возможность иранскаго вліянія. О праздникѣ *Наурозъ* у Персовъ ср. *Albgrün*, trsl. *Sachau* стр. 199 и сл.

⁸⁾ Ср. *Эминъ* I. с. стр. 2—6, ibidem стр. 42—44.

⁹⁾ Изслѣдованія и статьи *Н. О. Эмина* стр. 7—60 (Москва 1896). Сочиненіе вышло сперва какъ приложение къ русскому переводу *Эмина* «Степана Таронскаго» (Асохика) и было также переведено на французскій языкъ подъ заглавіемъ «Recherches sur le paganisme arménien».

¹⁰⁾ Ср. Изслѣд. и статьи стр. 61—109. Въ полемикѣ между проф. *Паткановымъ* и г. *Эминомъ* наука должна стоять на сторонѣ петербургскаго профессора.

Обратимся теперь къ разбору отдѣльныхъ божествъ иранскаго происхожденія, входившихъ въ составъ армянскаго пантеона.

1) *Անահիտ* *Anahit*. Ср. *Lagarde*, Armen. Studien стр. 105, *Эмина*¹¹⁾ стр. 15, *Hübschmann*, Armenische Grammatik I, стр. 18. Уже *Страбонъ* (XI, стр. 805, ed. Cramer) зналъ о персидскомъ¹²⁾ происхожденіи этой армянской богини: "Ἀπαντα μὲν οὖν τὰ τῶν Περσῶν ἱερά καὶ Μῆδοι καὶ Ἀρμένιοι τιμήκασιν, τὰ δὲ τῆς Ἀναίτιδος διαφερόντως Ἀρμένιοι, ἐν τε ἄλλοις ἰδρυσάμενοι τόποις, καὶ δὴ καὶ ἐν Ἀκίσιονῆ, ἀνατιθέασιν ἄνταῦθα δούλους καὶ δούλας, καὶ τοῦτο μὲν οὐ θαυμαστόν, ἀλλὰ καὶ θυγατέρας οἱ ἐπιφανέστατοι τοῦ ἔθνους ἀνιερούσι παρθένους, αἷς νόμος ἐστὶ καταπορνευθεῖσας πολὺν χρόνον παρὰ τῆ θεῷ μετὰ ταῦτα δίδοσθαι πρὸς γάμον, οὐκ ἀπαξιούντος τῆ τοιαύτη συνοικεῖν οὐδενός¹³⁾". Не можетъ быть сомнѣнія, что не только имя этой богини, но и то немногое, что намъ извѣстно изъ ея культа, почти все заимствовано армянами изъ Персіи, на что указалъ уже *Windischmann* въ своемъ трудѣ: *Die persische Anahita oder Anaïtis*¹⁴⁾. Такъ, напримѣръ, эпитеты, придаваемые богинѣ *Անահիտ* у *Агаоангела*: *Մեծ տիկին* «великая царица или госпожа» и *Անահիտ տիկին* соотвѣтствуютъ авестійскому названію *Ardivi Sūra Anāhita*, у парсовъ *Ardivi Sūrī Bānō*.

Приведемъ теперь тѣ мѣста, гдѣ въ исторіи *Агаоангела* (тифлисское изданіе 1882) говорится о богинѣ *Անահիտ*. Ср. стр. 40—41:—*Եթէ ոչ անունըսու յանձն զիցն պաշտօն մատուցանել. մանաւանդ պսսմ մեծի Անահայ տիկնոջ որ է փառք աղբիս մերոյ և կեցուցիչ՝ զոր և թագաւորք ամենայն պատուեն, մանաւանդ թագաւորն Յուկաց. որ է մայր ամենայն զգաւտու թեանց, բարերար ամենայն մարդիան ընտլթեան, և ծնունդ է մեծին արին Արամազդայ* — «— если ты не обязуешься принести поклоненіе богамъ, а въ особенности (поклоненіе) этой великой царицѣ (госпожѣ) Анахитъ, которая есть слава нашего народа и оживительная (сила), которой поклоняются и всѣ цари, въ особенности же императоръ грековъ. Она мать всякаго цѣломудрія¹⁵⁾, благодѣтельница всего человѣческаго рода и чадо великаго храбреца Арамазда».

¹¹⁾ Цитируя имя *Н. О. Эмина*, мы всегда имѣемъ въ виду его «Исслѣдованія и статьи». Ср. прим. 9. Тоже самое относится и къ вышеупомянутымъ трудамъ *Lagarde*'а и *Hübschmann*'а.

¹²⁾ Замѣтимъ кстати, что самое имя *Anāhita* не поддается удовлетворительной иранской этимологіи, вслѣдствіе чего весьма возможно неиранское (въ этомъ случаѣ семитическое) происхожденіе имени этой богини. Ср. *Rapp* ZDMG 19, 61 и *Jensen*, WZKM, VI, стр. 66. Последній сближаетъ *Anahitu* съ эламитской богиней *Nahuntī* (вечерняя звезда), восходящей по мнѣнію *Jensen*'а къ вавилонской богинѣ *Anunītu-Ištar*.

¹³⁾ Замѣтимъ кстати, что донедшіе до насъ тексты Авесты не упоминаютъ о развратныхъ обрядахъ, сопряженныхъ съ культомъ *Ardivi Sūra Anāhita*.

¹⁴⁾ Ср. стр. 27 (111): *Nachdem wir die armenischen Nachrichten, die schon dem weiteren iranischen Kreise angehören, in schönstem Einklang mit denen des classischen Alterthums gefunden haben, entsteht die weitere Frage, ob Anaïtis oder Anahit auch in den engeren iranischen Traditionen und im zarathustrischen Cult ihre Stelle hat.*

¹⁵⁾ Такъ по *Эмину*, l. c. стр. 17. *Langlois*, (Coll. I, стр. 127) переводитъ «mère de toute science».

II далѣ (стр. 47—48) *Агаѳангелъ* говоритъ:—*Թշամանեսս և զվեծն Անահիտ տիկին. որով կեսյ և զկենդանութիւն կրէ երկիր հայոց*—ты хулишь также великую царицу (госпожу) Анахитъ, благодаря которой живетъ и дышетъ жизнью эта земля армянская». Далѣ (стр. 83) *Агаѳангелъ* присовокупляетъ:—*Ինամակայութիւն յԱնահիտ տիկնոջէ..... հասցէ ձեզ* покровительство да будетъ даровано вамъ отъ госпожи *Анахитъ*.

Изъ первоначальнаго характера *Arduī Sūra Anāhita* какъ богини воды, каковою она выступаетъ съ особой яркостью въ посвященномъ ей отрывкѣ въ *Ясна*, естественно вытекають эпитеты, придаваемые *Անահիտ* у Агаѳангела. Оживительная, очистительная и вообще благодѣтельная сила воды даетъ себя чувствовать земледѣльцу и пастуху на Востокѣ гораздо рѣзче, чѣмъ въ Европѣ. Уже въ Авестѣ (ср. *Arduī Sūr* или *Ābān Yašt*) иранскіе миѳическіе цари полубоги поклоняются богинѣ *Anāhita*, обращаясь къ ней съ просьбой о заступничествѣ въ своихъ мирныхъ и воинскихъ предпріятіяхъ. Относительно храмовъ, воздвигнутыхъ въ Арменіи въ честь богини *Անահիտ* и упоминаемыхъ въ исторіи *Агаѳангела*, мы отсылаемъ читателя къ вышеупомянутому труду *Н. О. Эмина* стр. 19—20. Намъ изъ указаній *Агаѳангела* и *Фавста Византійскаго* извѣстны только три храма богини *Անահիտ* (въ Ерезѣ, въ Арташатѣ, въ Аштишатѣ); эти храмы назывались древними армянами *Անահատական մեհան*. О мѣстѣ, посвященномъ богинѣ *Անահիտ*, упоминаетъ и *Фавстъ Византійскій*. Ср. кн. V, гл. 25, стр. 184 въ изданіи Патканова. Это мѣсто находилось, по словамъ историка на великой горѣ, на мѣстѣ (сборища или капища) боговъ, которое называютъ престоломъ *Նահատայ* (другое чтеніе *Անահատայ*);—*ի մեծի լերինն ՚ի տեղի դիւն՝ զոր կռչեն ամոռն Նահատայ*¹⁶ (*Անահատայ*). Замѣтимъ кстати, что у персовъ ахеменидскія развалины до нынѣ называются *تخت جمشید تخت سلیمان*. О другихъ капищахъ богини *Anāhita* въ Персіи и Каппадокіи ср. *Windischmann, Die persische Anāhita* стр. 6, сл.

Обрядъ жертвоприношенія армянской богини *Անահիտ* носитъ также иранскій характеръ. Ср. *Агаѳангелъ* стр. 39:—*հրաման ետ Թադաւորն Գրիգորի զի պատկս և Թաւուսու ծառոց՝ նուէրս տարցի բազնին Անահատական պատկերին*—царь (Грдатъ) приказалъ Григорію поднести вѣнки и густыя вѣтви деревьевъ въ качествѣ жертвоприношенія (капищу) Анахитъ». Эти «вѣнки и густыя вѣтви деревьевъ» суть, конечно, ничто иное какъ вѣтви «*Barresman*» (*Barsom*)¹⁷, употребляемая древними иранцами при богослуженіи и упоминаемая въ Авестѣ также по поводу жертвоприношеній въ честь богини *Arduī Sūra Anāhita*, ср. *Yašt* 5, 17 и сл. въ изданіи *Geldner*'а).

¹⁶ Форма *Նահատայ* (вмѣсто *Անահատայ*) врядъ-ли могла существовать уже въ пятомъ вѣкѣ. Новоперсидская форма *نهاد* у *Фурдауси* 1100, ст. 602; 244, 13 и въ поэмѣ *Виса о Ралинъ* обозначаютъ планету (Венеру; ср. «Виса о Рамннъ» стр. 109).

¹⁷ Объ этихъ вѣтвяхъ ср. *Spiegel, Av.=Übers.* II, стр. LXVII. «Le Barsom, symbole de la nature végétale» (*Darmestéter, le Zend-Avesta*, I, стр. LXXXV; III, стр. LXIX); березовыя вѣтви употребляются также языческими вотяками для гаданія. (Ср. *Max Buch, die Wotjaken, Acta Societatis Fennicae* т. XII, стр. 624 сл.). О подобныхъ обрядахъ у древнихъ германцевъ ср. *Germania Taciti* гл. X.

Въ одномъ изъ мелкихъ сочиненій¹⁸⁾, приписываемыхъ Монсею Хоренскому и помѣщенныхъ въ полномъ изданіи его сочиненій (изд. Венец. 1865, стр. 294), упоминается также мѣстность, связанная, повидимому, съ культомъ богини *Անահիտ* и находившаяся въ области Андзавацикъ, къ востоку отъ Ванскаго озера. *և եկեալ յաշխարհն Անցաւացեաց 'ի Համրաւ քարի միոջ, քանզի դէք բազումք բնակեալ էին անդ, և պատրէին զմարդիկ տեղւոյն, տուեալ յայնմ տեղւոջէ դեղս արտականս առ 'ի կատարել զպղծութիւնս արտից, կուանաձայնս դարրնաց ահաւոր հրաշիւք արհաւիրս գործէին. յորս մարդիկ աշխարհին սովորեալք, անդ առ քրային դեգերէին, առեալ 'ի շաստուածոցն ծրարս թարախածորս 'ի պատիր արտիցն, որպէս զծրարսն Կիպրիանոսի առ 'ի պատիր Յուստինեայ կուսին. և անուանէին զանուէն տեղւոյն այնորիկ Դարրնաց քար. Հասեալ սուրբ առաքեալն աստուծոյ անդ, Հալածեաց զդարրինսն զգործօնեացս չարին, և զկուսն փշրեաց որ յանուէն Անահայոց էր.* — «И услышавъ объ одной скалѣ, онъ (т. е. св. Варфоломей) прибылъ въ область Андзавацикъ, такъ какъ тамъ жили многіе дэвы; а эти дэвы искушали мѣстныхъ жителей, раздавая имъ изъ этого мѣста возбуждающія страсти снадобья, для удовлетворенія похоти сладострастія, и наводя ужасъ ударами своихъ кузнечныхъ молотовъ (и другими) страшными чародѣйствами. А жители этой области, привыкшіе къ этимъ (чародѣйствамъ), продолжали заниматься подобными гнусностями, получая отъ боговъ пропитанные гноемъ свертки, для возбужденія страстей, подобно сверткамъ Кипріана, (предназначенныхъ) для возбужденія дѣвы Юстины. А называли они эту мѣстность *Դարրնաց քար* «горой кузнецовъ». Прибывъ туда, св. апостоль Божій разогналъ кузнецовъ, учинителей зла, и раскрошилъ кумирь, который здѣсь былъ воздвигнутъ въ честь богини *Անահիտ*».

Это извѣстіе можно считать послѣднимъ отголоскомъ разсказовъ древнеармянскихъ писателей о поклоненіи богини *Անահիտ*. Оно до извѣстной степени подтверждаетъ указанія Страбона относительно распутныхъ обрядовъ, сопряженныхъ съ культомъ *Անահիտ* въ древней Арменіи¹⁹⁾.

II) *Արամազդ*, Арамаздъ (ср. *Lagarde*, Ges. Abhdl. 292; *Hübschmann*, Armenische Grammatik I, 24—25) = древнеперс. *Auramazdā*, авест. *Ahurō Mazda*, аршакидск. = пехл. *Ōharmazd*, сассан. = пехл. *Hormizd* ('Ορμίσδας, 'Ορμίσδης) = верховное божество у древнихъ армянъ. Онъ называется «великимъ и храбрымъ Арамаздомъ, творцомъ неба и земли» — *զմեծն և զարին Արամազդ՝ զարարինն երկնի և երկրի* (Агаѳангелъ стр. 48) и отцомъ всѣхъ боговъ. Ср. Агаѳангелъ стр. 457. *Եւ անդ կործանէին զբազինսն ևս դիցն Արամազդայ՝ հորն անուանեալ դիցն ամենայնի.* «И тамъ они разрушили жерт-

¹⁸⁾ *Պատմութեան Թղթոյն Սահակայ.*

¹⁹⁾ Эти сцены «изступленія и сладострастія» (*Эминъ* I. с. стр. 18) указываютъ на семитическое и малоазіатское вліяніе и могли быть присущи культу только тѣхъ областей Арменіи, на которыхъ вслѣдствіе ихъ географическаго положенія, съ особенной силою отражалось вліяніе западныхъ сосѣдей. О любовномъ зельѣ у персовъ ср. *Lagarde*, Gesammelte Abhandlungen стр. 18. Ср. также ZDMG 19, стр. 16 и 62; *Windischmann*, Anahita стр. 18 и сл.

венники бога Арамазда, называемаго отцомъ всѣхъ боговъ». Изъ его потомковъ упоминаются: богиня *Անահիտ* (Агаангелъ стр. 41) богъ *Միհր* стр. 459 *ibid*: *Գայր Հասանէր ՚ի Մրհապան մեհեան անուանեալ որդւոյն Արամազդայ*— онъ отправился въ храмъ Михра, называемаго сыномъ Арамазда». Далѣе, Агаангелъ называетъ Арамазда (стр. 83) также источникомъ изобилія: *Թիւն պարարտութեան յարդն Արամազդայ*— «изобиліе богатства (происходитъ) отъ мужественнаго Арамазда».

Всѣ эти качества и эпитеты, рисующіе, хотя и довольно сжато, значеніе и дѣятельность Арамазда въ сонмѣ армянскихъ боговъ, вполне согласуются и съ характеромъ древнеперсидскаго *Auramazdā* и авестійскаго *Ahurō Maždā*. Авестійскій *Ahurō Maždā* часто упоминается какъ творецъ вселенной «*dātā gaethānām astraitinām* или *dātā, dādhwā*. Между многочисленными эпитетами, придаваемыми *Ahurō Maždā* въ Авестѣ, находятся такіе, какъ *avanemna* «непобѣдимый», *avatanuyō* «могучій» *vāthwuyō* «дарующій стада» *spananhuhā* «создающій благосостояніе» и т. д.²⁰⁾

Сообщеніе Агаангела (стр. 40—41), называющаго *Անահիտ* чадомъ²¹⁾ Арамазда, не находитъ себѣ подтвержденія въ дошедшихъ до насъ текстахъ Авесты; дочерью *Ahurō Maždā* является въ Авестѣ *Speñta Armaiti*, гений земли²²⁾, а сыномъ его—огонь; ср. *Yašt* 19, 46:—*ātremča, Ahurahe Maždā ruthrem* «и огонь, сына (бога) *Ahurō Maždā*. Замѣтимъ кстати, что *Езникъ* (II, стр. 143, изд. Венец. 1826) называетъ *խորշիկ* *хорашетъ*= н. п. *خورشید* солнце—сыномъ Ормизда. Это мнимое разногласіе между возрѣніями Авесты и древнихъ армянъ по отношенію къ Арамазду, какъ «отцу всѣхъ боговъ» объясняется тѣмъ, что или Агаангелъ замѣнилъ бога «Зрвѣна» Арамаздомъ, какъ полагаетъ v. *Gutschmid* *Kleine Schriften* III, стр. 342, или же тѣмъ обстоятельствомъ, что въ данномъ случаѣ имѣло мѣсто примѣненіе возрѣній греческой миѳологіи къ армянскому пантеону²³⁾.

Любопытно, что къ характеристикѣ *Арамазда*, встрѣчаемой у Агаангела, всего болѣе подходятъ тѣ черты этого бога, которыя приводятся въ алвендской и въ другихъ клинообразныхъ надписяхъ царей Дарія и Ксеркса (ср. *Spiegel, die altpersischen Keilinschriften*, 2-ое изданіе, стр. 46 и сл.): *Vaga važrka*²⁴⁾ *Auramazdā hya imām bumim adā hya avām asmānam adā*

²⁰⁾ *Ormazd-yašt* (I) 7, 8. *Darmestéter, Le Zend-Avesta* II, стр. 336, сл. *Spiegel, Avesta-übersetzung* т. III, стр. VI.

²¹⁾ *Կիսիկ*.

²²⁾ *Vendidad* 19, 13—16 (ed. Geldner): *speñta srītra dughdha Ahurahe Mazdā*. Ср. *Darmestéter* I. с. стр. 24 и 128; II, стр. 263.

²³⁾ Такъ какъ христіанскіе писатели армянъ были, благодаря своему греческому образованію, хорошо знакомы съ греческой миѳологіей черезъ риторическія сочиненія Эллады, они примѣняютъ имена греческихъ боговъ къ подходящимъ— по ихъ мнѣнію армяно-иранскимъ и на оборотъ. Такъ, греческій переводчикъ исторіи Агаангела передаетъ имя Арамазда чрезъ «Κρόνος». Ср. вышеприведенное мѣсто у Агаангела стр. 457, которое переводится здѣсь слѣдующимъ образомъ: τὸν βυμόν Κρόνου τοῦ πατρὸς παντοδαίμονος (*P. de Lagarde, Agathangelos und die Akten Gregors von Armenien* § 132).

²⁴⁾ Вмѣсто *važarka*. Ср. *Habschmann, Persische Studien* стр. 29.

hya martiyam adā hya šiyātim adā martiyahya. «Великій богъ (есть) Аурамазда, который сотворилъ эту землю, который сотворилъ это небо, который сотворилъ человѣка, который сотворилъ благополучіе для человѣка».

Далѣе, въ персепольскихъ надписяхъ²⁵⁾ *Auramaždā* называется *hya mathišta bagānām* «который (есть) величайшій (изъ) боговъ»; тамъ же царь *Даріу* проситъ верховнаго бога въ сообществѣ съ «племенными богами» *hadha vithibiš bagaibiš* оказать помощь землѣ персидской.

Эта перечень главныхъ чертъ древнеперсидскаго бога *Auramažda* повторяется часто въ началѣ клинообразныхъ надписей, принадлежащихъ преемникамъ *Дарія* на престолѣ ахеменидовъ. Такія воззванія къ богу составляютъ, какъ извѣстно, и въ наше время введеніе въ сочиненія восточныхъ авторовъ. Въ виду замѣчательнаго совпаденія эпитетовъ, придаваемыхъ *Ahuramaždā* въ клинообразныхъ надписяхъ и у *Агавангела*, мы склонны думать, что вышеприведенные отрывки изъ армянскаго писателя взяты изъ молитвъ или гимновъ, употреблявшихся при поклоненіи верховному богу армянъ.

Что касается формы *Արամազդ*, то она несомнѣнно старше пехлевійскихъ формъ *Oh(a)rmažd* и *Hormižd* и принадлежитъ къ тѣмъ иранскимъ словамъ, которыя получили право гражданства въ армянскомъ языкѣ во всякомъ случаѣ не позже аршакидской эпохи. Подъ формой «*Ормиздъ*»²⁶⁾ армянскіе писатели всегда подразумѣваютъ персидскаго бога времени сассанидовъ.

Въ старинныхъ памятникахъ новоперсидской поэзіи *هرمز* *Фурд*. стр. 1098, ст. 581 обозначаетъ то бога, то планету Юпитера *هرمز* *Фурд*. 1100, ст. 602 или *هرمز* *Виса* *Раминъ* 13,9 или *اورمزد* *Фурд*. 1725, 4025²⁷⁾, то наконецъ, *هرمز* (*Фурд*. 1105, ст. 696). *اورمزد* (*Фурд*. 1803, ст. 378) есть также день парсійскаго календаря. Ср. *Al-Bīrūnī, the chronology of ancient nations*, trsl. by E. Sachau стр. 53.

III. *Ահրմն* Ахрмнъ, часто у *Езника* и Егнше; *Հարամանի* Харамани, (род. *Հարամանյ*; Егнше 27, изд. Иоаннесова); *Խարաման* у *Езника* 235, род. *Խարամանյ* *Езникъ* 144²⁸⁾, злой духъ иранской мифологіи. Хотя мы не имѣемъ

²⁵⁾ Spiegel I, с.

²⁶⁾ *Агавангелъ* стр. 252: *Որմիզդ* (род. падежъ) и *Որմիզդ* у *Езника* во второй книгѣ его *Опроверженія ересей*. Ср. *Hubschmann, Armen. Gramm. I*, стр. 24—25 и 62.

²⁷⁾ Ср. *اورمزد* у *Salemann'a Shams i Fachrī* *Lexicon Persicum* стр. 30, 4—5. Размѣръ въ *Шахнамѣ* въ данномъ случаѣ требуетъ такого чтенія слова, *اورمزد* *که فرختر از اورمزد منست*: — — — Ср. *Salemann, 'Abdulqādiri Bagdādensis Lexicon Šāhnāmianum* 63 (стр. 9).

²⁸⁾ Ср. *Hubschmann, Armen. Gramm. I*, стр. 29. «Im Armenischen scheint *Haramani* die ältere, *Arhmn* die jüngere (sasanidische) Form zu sein». — Относительно объясненія слова *Խարամանի*, предлагаемаго страсбургскимъ ученымъ для основаннаго на народной этимологіи толкованія этого имени у *Езника* (стр. 144) мы скорѣе склонны сблизить слогъ *խар*—въ словѣ *Խարամանի* со словомъ *խար* (Խ), «мрачный», эпитетомъ *Аримана* у того-же *Езника* (стр. 114), нежели съ персидскимъ *خور* солнце; у *Фурдауси* *آهرمن* 546, 429. 1497, 42. *Salemani, 'Abdulqādir*. 166 сл. (стр. 20); *آهرمن* *Виса* о *Раминѣ* стр. 135, 9 снизу.

прямыхъ указаній на существованіе *Аримана* въ древнеармянской религіозной системѣ, мы всетаки не можемъ отрицать возможности вѣрованія древнихъ армянъ въ злаго духа. Конечно, въ честь сатаны никогда не строились храмы, и въ слѣдствіе этого не упоминается и о разрушеніи послѣднихъ при введеніи въ Арменіи христіанства. Такъ, имя Аримана не встрѣчается и въ клинообразныхъ надписяхъ ахеменидовъ, хотя не можетъ подлежать сомнѣнію, что дуализмъ былъ господствующей религіей въ Иранѣ уже при первой персидской династіи. Ср. *Darmestéter, Le Zend Avesta*, т. III, стр. LXVI.

Позволю себѣ еще привести одно мѣсто у *Езника*, касающееся Аримана. Быть можетъ это мѣсто и не имѣетъ прямого отношенія къ нашей задачѣ, но оно интересно въ виду того, что оно находится, повидимому, въ связи съ религіозными повѣртіями болѣе позднихъ временъ. Въ пехлевійской литературѣ, насколько намъ извѣстно, не отыскано мѣста, соответствующаго указанію *Езника*. Онъ (стр. 139) говоритъ: *Որպէս ևս սանն՝ թէ Արհմանն սասայ, ոչ եթէ զկարեմ՝ սոնել բարի ինչ, այլ զկամիմ. և առ ՚ի Հաստատուն զբանն սոնելոյ արար սիրամարգ.* — Они также говорятъ, будто Архм(е)нъ сказалъ: «Не то что бы я не въ состояніи былъ сдѣлать добро, но что я не хочу этого (дѣлать добро)». И въ подтвержденіе своихъ словъ онъ сотворилъ павлина.

Какъ извѣстно, у *езидовъ*²⁹⁾ сатана изображается еще до нынѣ подъ видомъ павлина и называется этими курдами-язычниками *ملك طاوس* «царемъ-павлиномъ». Ср. ZDMG 51, стр. 598.

О связи павлина съ нечистой силой повѣствуютъ намъ и мусульманскіе писатели. (Ср. *Mantic Utair... traduit... par Garcin de Tassy*, стр. 35, прим. 3). Приведемъ стихи *Фаридъ-уддинъ-Аттара* (Мантикъ-утъ-Таиръ стр. 24—25 изд. *Garcin de Tassy*, ст. 628 сл.):

خه خه ای طاوس باغ هشت در - سوختی از زخم مار هفت سر
 صحت این مار در خوفت فگند - وز بهشت عدن بیرون رفت فگند
 بر گرفتت سدره وطوبی ز راه - کردت از سد طبیعت دل سیاه
 تا نگرانی هلاک آن مار را - کی شوی شایسته این اسرار را
 گر خلاصی باشدت زین مار زشت - آدمت باخویش گیرد در بهشت

«Привѣтъ тебѣ, о павлинъ изъ сада о восьми воротахъ. Ты страдалъ, горялъ отъ жала (удара) семиглавой змѣи! Прикосновеніе къ этой змѣи обогрило тебя кровью³⁰⁾ и выключило тебя изъ эденскаго рая! Она т. е. змѣя преградила тебѣ путь къ (райскимъ деревьямъ) *Сидре* и *Тубэ*; она своими кознями сдѣлала тебя преступнымъ! Какъ тебѣ быть достойнымъ

²⁹⁾ Ср. *Chwolohn Die Ssabier I*, стр. 207; *Jaba-Justi Dictionnaire Kurde-Français* стр. 274 s. v. *طاوس*. Ср. тутъ-же курдское выраженіе: *به طاوسه هره be teaüse here* «va au diable».

³⁰⁾ Собственно «ввергло въ кровь». Ср. *فیرداوسی در خون کشیدن* 223, 1682; 942, 1272 (также 90, 530).

участникомъ въ этой тайнѣ, пока тебѣ не удастся истребить эту змѣю³¹⁾. Но когда настанетъ часъ твоего освобожденія отъ этой змѣи, самъ Адамъ помѣститъ тебя около себя въ раю³²⁾. Ср. далѣе (ibid.) стр. 31, ст. 799:

يار شد با من يکجا مار زشت - تا ديغفتم بخواری از بهشت

«Со мной сошелся безобразный змѣй, такъ что я позорно лишился своего мѣста въ раю³³⁾».

IV. *Միթր* Мирхъ = *Mithra* въ Авестѣ и клинообразныхъ надписяхъ, у греческ. писателей *Mithras*. Ср. *Windischmann*, *Mithra. Ein Beitrag zur Mythengeschichte des Orients*. (Leipzig 1859). *Lagarde*, *Gesammelte Abhandlungen* стр. 293. *Spiegel*, *Av.=Übers.* III, стр. XXIV—XXVI. По сообщенію *Агаѳангела* (стр. 459), *Մրճական մեճենան* храмъ «Михра, называемаго сыномъ Арамазда», *անուանեալ զորդոյ Արամազդայ*, находился въ деревнѣ, которую называли Багайричъ на парейанскомъ языкѣ — *զոր բազայարիճն կողն ըստ պարթևարէն լեզուին*. Мы уже выше указали на одно мѣсто у *Езника* (II, стр. 143), гдѣ сыномъ *Ормизда* называется *խորաշեն* = *خورشيد* солнце. Извѣстно, что также въ новоперсидской литературѣ солнце называется *مهر*, ср. поэму «*Вуса* и *Раминъ*» стр. 125, 2 снизу и стр. 119, 13 сверху. О значеніи бога *Mithra*³⁴⁾ въ иранскомъ пантеонѣ: ср. *Darmestéter*, *Le Zend Avest.* т. II, стр. 441 сл. По мнѣнію *Lagarde*, принятому и *Hübshmann*'омъ³⁵⁾, старшей объармянившейся формою иранскаго слова *Mithra* надо признать армянское *մեք մեճ*, которое встрѣчается въ словахъ *մեճեկան* (мяя мѣсяца) = *Μιθρακίνα* = *مهر گان* *Фурдауси* стр. 63, 9—10), арабиз. *مهر جان* (Табари I, 230, 11), *մեճեան* храмъ, *ամեճի* суровый³⁶⁾. Но имя армянскаго бога — судя по формѣ *Մրճական* у *Агаѳангела* — звучало не *Մեճ*, но *Միթր*. Это объясняется — если текстъ передаетъ намъ настоящую форму — или тѣмъ, что болѣе древняя форма была вытѣснена болѣе новой, или же тѣмъ, что имя бога *Mithra*, благодаря религиознымъ или связаннымъ съ богослуженіемъ причинамъ, сохранило болѣе

³¹⁾ И въ парсійской мифологіи *Ахриманъ* изображается въ видѣ змѣи. Ср. *Bundehesh* гл. III, стр. 6 въ изданіи *Justi u West*, *Pahlavi Texts I*, стр. 17.

³²⁾ Ср. *Garcin de Tassy*, *Les oiseaux et les fleurs allégories morales d' Azg-Eddin Elmocadessi* стр. 57, 61 и 170—172.

³³⁾ Поэтъ далѣе намекаетъ на безобразныя ноги павлина. (Ср. французскій переводъ *Garcin de Tassy* стр. 44, прим. 2). Ср. также *Câgu*, Гулистанъ кн. II, гл. 8, стр. 59 въ изданіи *Eastwick*'а:

طاوس را بنفش ونگاری که هست خلق
تصین کنند و او خجل از پای زشت خویش

³⁴⁾ Ср. Египте гл. 8, стр. 149 въ 149 въ изд. Иоаннесова, гдѣ говорится, что солнце (*արեգական*, род. пад.) называлось «богомъ Михръ, *անուանեցաւ Միթր անուանե*». Тутъ, конечно, идетъ рѣчь не объ армянской, но о персидской мифологіи сассанидскихъ временъ.

³⁵⁾ *Persische Studien* стр. 205, прим. 2.

³⁶⁾ Ср. *Lagarde*, *Gesammelte Abhandlungen* стр. 9.

близкій къ персидскому оригиналу типъ³⁷⁾. Формой *Միհր*, употребляемой довольно часто у армянскихъ писателей³⁸⁾ (ср. *Միհրական* у *Моисея* Каланкайца кн. II, гл. 17, стр. 134 въ изданіи *Элина*), обозначается всегда парсійскій богъ.

V. *Սանդարամետ*, *Սպանդարամետ* С(п)андараметъ, уже въ Библии (кн. Макк. II, 6, 7; — *ական* ibid.), у *Моисея Хоренскаго* (кн. III, гл. 62, стр. 262) и у *Θомы* Арцруни (стр. 26—27 константинопольскаго изданія 1853, 28 у Патканова). Въ Библии это слово передаетъ греческое *Διόνυσος*; проф. *Элинъ* въ своемъ новомъ переводѣ *Моисея Хоренскаго* (стр. 282, § 485) передаетъ *սանդարամետ*³⁹⁾ чрезъ «князь подземный». Вышеупомянутое мѣсто у *Θомы*, не относящееся собственно къ армянской мнѳологіи⁴⁰⁾, гласитъ: — *և երկիր անդրդիր սպանդարամետ աստուծոյ է* — и земля есть мѣстопробываніе⁴¹⁾ бога Спандарамета. Армянская форма *Սպանդարամետ* есть, конечно, ничто иное, какъ армянско-пехлевійское видоизмѣненіе авестійскаго слова *Spenta Armaiti* генія земли⁴²⁾. По мнѣнію *Lagarde* (*Gesam. Abhand.* стр. 264—265; *Armen. Studien* стр. 139, § 2039) иранское божество, соотвѣтствующее авестійскому генію *Spenta Armaiti*, было извѣстно и народамъ Малоі Азіи; онъ относится сюда-же имя бога *Sandan* и названіе каппадокійскаго мѣсяца *Σόνδαρα* (?).

Въ пользу заимствованія духа *Спандараметъ* (Сандараметъ) и популярности его у древнихъ армянъ говоритъ упоминаніе о немъ въ армянскомъ переводѣ Библии (5. в.). Если добрый геній земли въ Авестіи въ армянской Библии занимаетъ роль подземнаго духа, то нужно думать, что такая перемѣна совершилась подъ параллельными вліяніями, какъ и переходъ ведійскаго слова *dēva* «богъ» въ злаго духа «*daeva*» въ Авестіи, т. е. подъ вліяніемъ христіанской религіи, развѣнчавшей божества древняго пантеона. Такому превращенію армянско-парсійскаго генія земли *Спандарамета* въ злаго, подземнаго духа въ Библии способствовали, конечно, характеръ *Спандарамета* какъ духа земли вообще.

Въ парсійской мнѳологіи *Spenta Armaiti* считается еще геніемъ набожности и скромности, духомъ-покровителемъ цѣломудренныхъ женщинъ.

³⁷⁾ Замѣтимъ кстати, что и форма *Միհր* пехл. *Mihr* (старше *Mitr*, *Meher*) есть правильное армянское видоизмѣненіе вышеупомянутого пехлевійскаго слова.

³⁸⁾ Ср. *Habschmann*, ZDMG 43, 312 и *Armenische Gramm.* I, 53.

³⁹⁾ 'ի սանդարամետէն, 'ի սպանդարամետասպետէն :

⁴⁰⁾ Нижеслѣдующія слова составляютъ по сообщенію *Θомы* изреченіе одного царя Ефталитовъ.

⁴¹⁾ *անդրդիր* = гр. *πανδοκείον* = арабск. *فندق*.

⁴²⁾ *Darmesteter*, *Le Zend Avesta* I, 24; II, XII. *Habschmann*, *Armen. Gramm.* I, стр. 73, 169. Армянская форма *սպանդարամետ* восходитъ, какъ слово религіознаго происхожденія, къ авестійскому *spenta armaitis*, пехл. *sbandaramet*, между тѣмъ какъ форма *սանդարամետ* үнъ *kátw*, *χθόνιος*, *αἰθρον* восходитъ по нашему мнѣнію, къ древнеперсидской формѣ. Такимъ образомъ объясняется и выпаденіе *n* послѣ с. Ср. др.-перс. *visa* = авест. *visra*, н. п. *ك* и мидійское *spáka* и *Habschmann*, *Persische Studien* стр. 178, § 71.

Ср. *Шахнаме* стр. 1110, 784, гдѣ поэтъ, перечисляя геніевъ персидскихъ мѣсяцевъ, слѣдующимъ образомъ отзывается о геніѣ 12-го мѣсяца سپندارمذ:

سپندارمذ پاسبان توباد -
خرد جان روشن روان توباد

«Да будетъ твоимъ стражемъ Сипендармедъ, да будетъ разумъ достояніемъ твоей свѣтлой души». Само собой понятно, что черта мудрости, связанная съ мифологическимъ характеромъ иранско-армянскаго божества *Спандараметъ*, не могла мириться со свойствами, присущими подземному духу, а въ особенности въ библейскомъ изложеніи.

VI. *Տիր* Тиръ (*Տիր*; *Տրէ* по *Lagarde*, *Gesammelte Abhandl.* стр. 264, 14 и стр. 294—295; его-же *Armenische Studien* стр. 152, § 2245). Это божество упоминается лишь въ одномъ мѣстѣ у *Агаѳангела* (стр. 452): նախ դիպեալ ՚ի ճանապարհի երազացոյս երազընդճան պաշտաման Տիրդից դպրի գիտութիւն Բրմայն անուանեալ զիւան գրի Որմիզի ուսման ճարտարութեան մեճեան.— ἀπιούσι δὲ αὐτοῖς ὑπήντησε τόπος προσαγορευόμενος ὄνειροπόλων, ὄνειροδείκτων σέβασμα δαίμονος Γραμματέως καὶ γνώσεις ἱερέων. Τρίδις ἐκέκλητο βωμός Ἀπόλλωνος, χαρτουλαρίων Διός, διδαχῆς εὐμαθῆτης ἱερέων (ср. *Lagarde*, *Agathangelos* и *Die Akten Gregor's von Armenien*, Göttingen 1887; стр. 65. 20 сл. и стр. 138—139; его-же *Ges. Abhandl.* стр. 294).

Хотя вышеприведенное мѣсто у *Агаѳангела* не совсѣмъ ясно, то все-же оно имѣетъ первостепенную важность въ виду того, что въ немъ указывается на поклоненіе небеснымъ свѣтиламъ у древнихъ армянъ. Какъ бы ни звучала первоначальная форма имени этого армянскаго бога—*Տիր*, *Տիր*, *Տրէ* Тиръ, Тіуръ, Тре,—но несомнѣнно, что она восходитъ къ тому-же корню, какъ и древнеперсидское Тіри въ личныхъ именахъ, какъ н. п. Τηριδατης, Τηριβάζος и т. д. и форма Τειρεῖ въ каппадокійскомъ календарѣ⁴³⁾. По мнѣнію проф. *Nöldeke*⁴⁴⁾, первоначальная иранская форма имени звучала *Tīrī* или *Tīrya*; изъ этихъ обѣихъ формъ вполнѣ правильно могли образоваться армянскія формы *Տիր* и *Տրէ*. О древнеиранскомъ богѣ *Tīrī* или *Tīrya* намъ ничего не извѣстно, но проф. *Nöldeke* (1. с. стр. 35) вполнѣ основательно замѣчаетъ, что одно персидское названіе планеты Меркурія *تیسر* указываетъ на то, что иранскій богъ *Tīrī* или *Tīrya* былъ однимъ изъ первостепенныхъ боговъ древнеперсидскаго пантеона⁴⁵⁾—на ряду съ богами *ناهید*, *هرمز*, *بهرام*, замѣнившими первоначальныя вавилонскія названія планетъ своими иранскими именами. Съ этой оговоркой можно и принять предположеніе проф. *Эмина*⁴⁶⁾ объ ассирійскомъ происхожденіи армянскаго бога *Тира*. Покойный *Эминъ* (1. с. стр. 39) указалъ на эпитеты, придаваемые Тиру у *Агаѳангела*: *դպիր* (род. п. *դպրի*) и *գրիչ* «писецъ»

⁴³⁾ *Lagarde*, *Ges. Abhandl.* p. 260.

⁴⁴⁾ *Persische Studien* I, стр. 34.

⁴⁵⁾ Aber trotzdem müssen wir voraussetzen, dass die Aufnahme unter die Planetengötter Tīr als einen grossen Gott bezeichnet.

⁴⁶⁾ Изслѣдованія и статьи стр. 26.

(род. п. *qrč*), ссылаясь притомъ на трудъ проф. Хвольсона⁴⁷); изъ сочиненія петербургскаго почтеннаго семитиста мы видимъ, что эти эпитеты несомнѣнно семитическаго происхожденія. Намъ не удалось отыскать мѣста въ парсійской литературѣ, гдѣ упоминалось бы о Тирѣ, какъ о писцѣ неба. Однако монеты царей изъ династїи *Turyuka* свидѣтельствуютъ о почитаніи персидскаго *Tiri* или *Tiya* даже среди племенъ неперскаго происхожденія, но воспринявшихъ религію иранцевъ. На этихъ монетахъ наряду съ другими иранскими божествами упоминается и богъ *Teuro*, отождествленный *Stein'*омъ⁴⁸) съ персидскимъ *Turo.nz*. Во всякомъ случаѣ, нужно имѣть въ виду, что божество *Sir* или *Srk*, не смотря на семитическое вліяніе, способствовавшее причисленію иранскаго божества *Tiri* или *Tiya* къ небеснымъ свѣтиламъ, проникло въ армянскій пантеонъ изъ Персіи, получивъ предварительно у персовъ свою семитическую окраску.

Роль планеты *تیر*, какъ писца, извѣстна и персидскимъ поэтамъ. Приведемъ, на примѣръ, одно мѣсто изъ поэмы «*Виса и Раминъ*» *Фехръ-Гургани*, гдѣ (стр. 13) планета *تیر* упоминается какъ писецъ царя Мобеда: *دیسر او شد تیر جهنم - ازین شد امر و نهی او روند* «Его писцомъ былъ подвижной Меркурій—отъ него (Меркурія) исходили его (т. е. царя Мобеда) приказы и запрещенія»⁴⁹).

Ср. также *Сăди*, *Бустанъ*, стр. 158, ст. 19, 7 (изд. Graf.):

جزرگیش سر در تباهی نهاد - عطارد قلم در سیاهی نهاد

«величіе его миновало (букв. положило голову въ пустоту)—а Меркурій обмакнулъ свое перо въ чернила» (т. е. судьба не благоприятствовала ему).

Приведенныя мѣста изъ болѣе древней эпохи персидской поэзіи, по нашему мнѣнію, врядъ ли можно считать прямыми отголосками зороастрийскихъ воззрѣній; какъ мы видѣли выше, и арабскимъ писателямъ была извѣстна роль, приписываемая астрологами Тиру, какъ небесному писцу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя упустить изъ вниманія, что во время поэтовъ *Фехръ-Гургани* и *Сăди* число поклонниковъ парсизма было гораздо значительнѣе, чѣмъ въ наши дни, и что, слѣдовательно, повѣрія и суевѣрія древней религіи играли также болѣе большую роль въ духовной и умственной жизни Персіи.

VII. *Վահագն* Вахагнъ. *Агаѳ.*, 83 говоритъ — *քաջութիւն հասցէ ձեզ 'ի քաջն Վահագնէ* — «храбрость будетъ дарована вамъ отъ храбраго Вахагна». И далѣе на стр. 469, тотъ-же *Агаѳангелъ* сообщаетъ намъ, что св. Григорій, просвѣтитель Арменїи, прибывъ въ Таронскую область, нашель тамъ *Վահէվահեան մեհեան... ու թերորդ պաշտօն հռչակեալ, անուանեալն վիշապարալն Վահագնի. յաշտից տեղէք թագաւորացն հայոց մեծայ, 'ի սնարս լերինն Բարբեայ*

⁴⁷) Die Ssabier und der Ssabismus II, стр. 685 и 395. Ср. ZDMG 42, стр. 45 сл., гдѣ приводится обильный матеріалъ для изученія характерныхъ чертъ планеты *عطارد* (по арабск. = Меркурій). Ср. приведенныя здѣсь названія (стр. 46) *الكاتب* и *نجم لکتاب*

⁴⁸) Ср. *Oriental and Babylonian Record* 1887, стр. 155—166.

⁴⁹) «и онъ (т. е. Меркурій) исполнитель всѣхъ приказовъ и потому называютъ его писцомъ» (*Chwolsohn, die Ssabier II*, стр. 685).

ի վերայ գետոյն Եփրատայ, որ Հանդէպ Հայր ՚ի մեծ լեռանն Տաւրոսի, որ և անուանեալ ըստ յաճախապաշտաման տեղեացն Յաշտիշատ. — Προσηγορεύετο δὲ ὁ βωμὸς ὀγδόου σεβάσματος τοῦ εὐφημοτάτου δρακοντοπνίκτου Ἡρακλεόυς, τόπος θυσίων βασιλέων Ἀρμενίας μεγάλης ἐν τοῖς Χαρχαρεῶν ὄρεσιν. Ἦν δὲ ἐπάνω τοῦ ποταμοῦ Εὐφράτου, κατ' ἔναντι τοῦ μεγάλου ὄρους Ταύρου, ὁ εἰρημένος τόπος διὰ τὰς πολλὰς θυσίας πολύθυτος. У Фавста Византийскаго (III, гл. 14, стр. 32 изд. Патканова) упоминается также храмъ или капище Վահագն'а Հերակղայ պսիւրն Վահագնի Иракла, т. е. Вахагна, разрушенное св. Григоріемъ. II въ Библии имя Ἡρακλῆς переводится черезъ Վահագն. Ссылки ср. у Lagarde, Armenische Studien, стр. 141, § 2084.

Къ армянской формѣ Վահագնъ всего болѣе подходитъ форма Ὁραγνο на нидоскифскихъ монетахъ. А эта форма Ὁραγνο въ свою очередь есть аршакидско-пехлевійскій представитель имени авестійскаго генія побѣды, Verethraghna. Болѣе древняя сассанидско-пехлевійская форма звучала Varahran Оυαραράνης, болѣе поздняя сассанидская-же Vahram, у Фирдауси (مجموعه 50). Ср. Stein, Zoroastrian Deities on indo-scythian coins стр. 159.

Весьма любопытное преданіе о Вахагнѣ приводитъ армянскій математикъ и астрономъ Ананія Ширакаци 7-го в.; стр. 48, изд. Патканова): Դարձեալ ոմանք յառաջնոցն Հայոց ասացին՝ թէ խիստ ձմերանի Վահագն նախնին Հայոց գողացաւ զյարդն Բաղամայ (вар. Բարշամայ) Ասորոց նախնոյ, զոր և մեր սովորեցաք ընախօսութեամբ յարդգողի Հետ անուանել. «Далѣ нѣкоторые изъ древнихъ армянъ говорили, что какъ то въ суровую зиму Вахагнъ, предокъ армянъ, укралъ солому у Балаама (вар. Баршама), праотца сирийцевъ; который (т. е. млечный путь) и мы привыкли въ естествознаніи называть «слѣдомъ соломокрада»⁵¹⁾.

Мы до сихъ поръ не касались сообщеній Моисея Хоренскаго объ армянской языческой вѣрѣ. При теперешнемъ скептическомъ отношеніи арменнистовъ⁵²⁾ къ труду этого историка мы себя не считали въ правѣ пользоваться его указаніями для нашей задачи.

Однако, въ данномъ случаѣ мы себѣ позволимъ сдѣлать исключеніе, приводя цѣликомъ интересный отрывокъ изъ Моисея⁵³⁾, у котораго приводится «пѣснь» о рожденіи Вахагна:

Երկներ երկիր և երկին —
երկներ և ծիրանի ծով
երկն ի ծովուն ուներ
զկարմրիկ եղեգնիկն

⁵⁰⁾ 244, 13. 870, 3. 461, 426. 1110, 782: نگهبان تو باد بهرام و تیر «да будутъ Тиръ и Бехрамъ твоими покровителями».

⁵¹⁾ Замѣтимъ кстати, что это названіе встрѣчается и у другихъ восточныхъ народовъ. Ср. н. перс. راه کاه کشان курдск. rê-a kadîzan «дорога соломокрадовъ», тур. صمان اوغریسی и т. д. Ср. Justi-Jaba стр. 216. Salemann, Shams-i-Fachrii Lex. Pers. стр. 96, 14; 98, 14. Элизъ, Исслѣдованія и статьи стр. 22 и 46. Grimm, Deutsche Mythologie I, стр. 130, прим.

⁵²⁾ Ср. Халатьянцъ. Армянскій эпосъ въ Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго. Часть I. Исслѣдованія. Москва, 1896. Ср. въ особенности гл. VIII, стр. 201—209.

⁵³⁾ Кн. I, гл. 31, стр. 59 въ Венц. изд. 1865.

ընդ եղեգան փող ծուխ ելանէր
 ընդ եղեգան փող բոց ելանէր
 և 'ի բոցոյն պատանեկիկ վազէր
 նա հուր հեր ունէր
 ապա թէ բոց ունէր մուրուս
 և աչկունքն էին արեգակունք.

Приведемъ тутъ-же и переводъ *Н. О. Эмина*⁵⁴⁾. «Въ мукахъ рожденія находились Небо и Земля—Въ мукахъ рожденія лежало и пурпуровое Море; Море разрѣшилось красненькимъ Тростникомъ—Изъ горлышка Тростника выходилъ дымъ; Изъ горлышка Тростника выходило пламя; Изъ пламени выходилъ юноша—У него были огонь волосы.—У него была борода полымя И глаза словно два солнышка».

Въ этомъ отрывкѣ можно найти отголоски тѣхъ чертъ, которыя носить прототипъ армянскаго *Վահագն, Verethraghna* Авесты, на что уже было указано проф. *Lagarde* и *Fr. Müller*'омъ. Ср. *Яумъ* 14-ый (*Bahirām Yasht*), 17 въ изданіи *Geldnera*:

ahmāi xštīwō ājasaṭ važemnō
 Verethraghno ahuradātō
 narš kehṛpa rañčadasaṅhō
 xšaetahe spiti dōithrahe
 kasu pāšnahe srīrahe.

«Передъ нимъ предсталъ въ шестой разъ *Verethraghna* сотворенный богомъ—подъ видомъ пятнадцатилѣтняго юноши—блестящаго, свѣтлоокаго—съ узкой пятой⁵⁵⁾, прекраснаго».

Позволимъ себѣ еще указать на одно мѣсто въ *Шахнамэ* (916, 785 сл.), гдѣ приводится сновидѣніе иранскаго полководца *Туса*:

چنان دید روشن روانش بخواب
 که رخشند شمعی بر آمد ز آب
 بر شمع رخشان یکی تخت عاج
 سیاوش بر این تخت باقر و تاج
 لبان پر ز خند زبان چرپ گوی
 سوی طوس کردی چو خورشید روی

«Свѣтлая душа его во снѣ видѣла слѣдующее:—Изъ подъ воды поднималась лучезарная лампада.—Надъ лампадой покоился престоль изъ слоновой кости—На этомъ престолѣ сидѣлъ Сіявшъ, одаренный царскимъ величіемъ, съ короной на головѣ—Уста его улыбались—Слова его были полны ласки—А по направленію къ Тусу обращалъ онъ свое солнцеподобное лицо».

⁵⁴⁾ Исторія Арменіи Моисея Хоренскаго, Москва 1893, стр. 45—46.

⁵⁵⁾ Ср. *Darmesteter*, *Le Zend-Avesta* II, стр. 566.

Приводя стихи изъ *Шахнамэ*, мы, конечно, не имѣемъ въ виду установить какую нибудь непосредственную связь между ними и предшествующимъ отрывкомъ изъ *Моисея Хоренскаго*; собственно въ стихахъ *Шахнамэ* приводится одно изъ тѣхъ многочисленныхъ сновидѣній, которыя составляютъ отличительную черту персидскаго эпоса, между тѣмъ какъ армянскій историкъ приводитъ — можетъ быть, даже отчасти мнимую — народную пѣсню. Но какъ-бы то ни было, въ основѣ обоихъ отрывковъ лежитъ, по нашему мнѣнію, древній отголосокъ мифа о восходѣ солнца⁵⁶). Замѣтимъ кстати, что Сіявушъ въ иранскомъ эпосѣ является не столько геросомъ, отличающимся своими воинскими подвигами, сколько юношей, плѣняющимъ всѣхъ своей сверхъестественной красотой и кроткимъ нравомъ. Однако нужно прибавить, что ни сравнительная мифологія, ни Авеста не даютъ намъ права причислить Сіявуша къ сонму древнеиранскихъ божествъ, какъ напримѣръ جمشید, *Ила* или *Ила Хиэма* въ Авестѣ. Имя *Сіявуша* упоминается въ числѣ сказочныхъ царей, не Изедовъ; ему дается въ Авестѣ эпитетъ «*Zūrōjāta*» «убитый несправедливымъ образомъ» (Яштъ IX, 18); въ девятомъ Яштѣ (71) Сіявушъ упоминается еще въ числѣ тѣхъ лицъ, которые обладали «царскимъ блескомъ» *kavaem xwarenañh*⁵⁷).

Что касается, въ частности, отрывка о Вахагнѣ у *Моисея Хоренскаго*, то мы себя не считаемъ въ правѣ судить объ его происхожденіи въ виду весьма строгаго приговора, произнесеннаго надъ Моисеемъ Хоренскимъ его новѣйшими изслѣдователями. Мы только обращаемся къ армянистамъ, посвятившимъ себя изученію Моисея, со слѣдующимъ вопросомъ: нельзя ли допустить, что Моисей Хоренскій, будучи знакомъ съ трудами *Филона*⁵⁸) и *Анани Ширакаци*, гдѣ армянскій *Вахагнъ* сближается либо съ Аполлономъ, либо съ солнцемъ, примѣнилъ имя Вахагна къ одному изъ тѣхъ космогоническихъ зороастрійскихъ гимновъ, образцы которыхъ дошли до насъ въ твореніяхъ *Діона Златоуста* (*Dion Chrysostomus*; ср. ZDMG 19, 51. 20, 63)⁵⁹).

⁵⁶) Возможность существованія такихъ пѣсенъ въ эпоху Моисея у армянъ допускаетъ и Г. А. Халатьянцъ (Ср. Армянскій эпосъ I стр. 205), который впрочемъ только въ четырехъ первыхъ стихахъ у Моисея видитъ отрывки изъ народной пѣсни времени 8-го в. (стр. 207). Замѣтимъ кстати, что и Г. А. вполне признаетъ вліяніе иранскаго эпоса на народную литературу древней Арменіи, отъ которой до насъ дошли только обломки (ср. I, стр. 321, прим. 1).

⁵⁷) Повѣсть о Сіявушѣ вошла навѣрно и въ составъ такъ называемаго пехлевійскаго Худайнамака, о чемъ свидѣлствуетъ сравнительно весьма обстоятельный рассказъ *Табари* о походженіяхъ Сіявуша (I, стр. 598—601). Ср. *Табари* стр. 598, 1—2: «و انولد له ابن لم ير مثله في عصره في جماله و كماله و تمام خلقه فسماه سیاوخس (Кейкауса) сынъ, и не было видно въ его время подобнаго ему по красотѣ и совершенству и превосходству его нрава, и назвалъ онъ его Сіявушемъ». Ср. армянское растеніе خون سیاوشان = *سوسن* Фирд. стр. 664, 2515. خون سیاوشان у *Муваффака* стр. 128, 6. *Hübschmann*, Pers. Stud. стр. 273—274. Ср. «пепель отъ огня Сіявуша» у *Казвини* ед. Wüstenfeld II, стр. 92, 2 снизу.

⁵⁸) Ср. Халатьянцъ, Армянскій эпосъ стр. 202.

⁵⁹) Oratio Borysthenica (36) p. 449 ed. Dindorf.

Послѣ распространенія ислама въ Персіи имя зороастрійскаго *Изда* *Vahrām* (*Vahrām i amāvand*⁶⁰) храбрый *Vahgām*) стало обозначать въ болѣе древней персидской поэзіи только планету Марса. (Ср. Фирд. 461, 426. 870, 3; *Виса о Раминъ* 13, 9). Въ поэмѣ «Виса о Раминъ» (стр. 53, 10 снизу) Бехрамъ называется *بهرام ستمگر* «насилникъ Бехрамъ».

Кромѣ этихъ божествъ иранскаго происхожденія, почитаемыхъ древними Армянами, армянскимъ писателямъ былъ еще извѣстенъ авестійскій *Zrvan*—(вин. *Zrvānem*, род. *Zrvānahē*) подъ формой *զրվան* = пехл. *Zurvān*, *zurvān-i-akanarak*, *zurvān-i-akanar*. *Езникъ* (II, стр. 113 въ Венец. изд. 1826) переводитъ слово *զրվան* не вполне точно—какъ справедливо замѣчаетъ *Hübschmann*⁶¹) чрезъ «*բարևի կամ փառք*» т. е. «судьба или слава», между тѣмъ какъ коренное значеніе этого слова есть «время». У *Егише* персидскій министръ *Мухръ-Нерсе* называетъ *Zurvāna* великимъ богомъ *Մծն աստուած*⁶²). По сообщеніямъ *Езника* и *Егише* Ормиздъ и Ахриманъ считались сыновьями *Zurvān*'а, существовавшего до сотворенія міра. Однако, во всѣхъ доступныхъ намъ зороастрійскихъ памятникахъ *Zurvān* въ сравненіи съ другими богами отступаетъ на задній планъ. Нигдѣ не сообщается о храмахъ или жертвенникахъ, воздвигнутыхъ въ честь *Zurvān*'а у армянъ.

Въ Авестѣ⁶³) *Zrvan-akarana* «безконечное время» является еще въ совершенно отвлеченномъ видѣ; лишь мало по малу, съ распространеніемъ болѣе спекулятивнаго направленія въ персидской религіи, или даже можетъ быть, подъ прямымъ вліяніемъ иностранныхъ религіозныхъ системъ⁶⁴), ученые толкователи Авесты сдѣлали изъ «безконечнаго времени» отца двухъ главныхъ представителей дуалистскаго принципа. Послѣдователи одной зороастрійской секты назывались, какъ извѣстно, зерванитами; эти сектанты «возводили добраго и злаго духа къ одному высшему отвлеченному началу⁶⁵)».

Въ виду того, что *Езникъ*, жившій во время разгара борьбы между христіанствомъ и мадеизмомъ, въ весьма энергичныхъ выраженіяхъ обрушивается на «басни о Зруванѣ», мы склонны думать, что и среди армянъ еще находились поклонники этого бога. Но этимъ, конечно, мы отнюдь не высказываемъ мнѣнія, будто ученіе зерванитовъ было когда-нибудь господствующей религіею въ Арменіи или Грузіи⁶⁶). Извѣстное воззваніе

⁶⁰) *Minochirad* въ изданіи Westa стр. 9.

⁶¹) *Armenische Grammatik* I, стр. 42, 57. Въ болѣе позднихъ парсійскихъ теогоническихъ сочиненіяхъ вмѣсто имени *Zurvān* употребляется слово زمان=время. Ср. *Spiegel*, die traditionelle Litteratur der Parsen стр. 161 сл.

⁶²) Кн. II, стр. 27 въ изданіи *Иоаннесова*.

⁶³) Ср. *Darmestéter Le Zend-Avesta* III, стр. LXV, примѣчаніе.

⁶⁴) *Spiegel*, *Avestaübersetzung* I, стр. 270 сл.; II, 217—222.

⁶⁵) *Schahristani-Haarbrücker* II, стр. 284.

⁶⁶) Несмотря на то, что имя бога *Zrvan* встрѣчается въ личныхъ именахъ знатныхъ лицъ въ Арменіи и Грузіи. Ср. *զրվանի արքայ*, имя армянской царицы *Hübschmann*, *Armen. Gramm.* I, 42, 76; груз. ზურვანელის ὁ Ἄζατος; ср. *Залеманъ* Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ. т. IV, стр. 439—443 (стр. 2—3 отдѣльнаго оттиска).

персидскаго полководца и государственнаго дѣятеля *Михръ-Нерсе* къ армянамъ, указываетъ только на то, что въ той формѣ зороастризма, которая была государственной религіей Персіи въ пятомъ вѣкѣ, ученіе о Зрванѣ, какъ отцѣ Ахримана и Ормизда и какъ высшемъ религиозномъ началѣ, занимало выдающееся мѣсто. Это подтверждается и указаніями *Езника*. Можно даже допустить возможность, что секта зерванитовъ, подобно сектѣ маздакитовъ при Каватѣ I-омъ — 489—531, временно была господствующимъ ученіемъ при персидскомъ дворѣ. Во всякомъ случаѣ нужно имѣть въ виду, что Михръ Нерсе'а, славившагося въ Персіи своимъ религиознымъ рвеніемъ и благочестіемъ, никонимъ образомъ нельзя считать еретикомъ съ точки зрѣнія господствовавшей въ его время при сассанидскомъ дворѣ религіи⁶⁷⁾.

Кромѣ этихъ высшихъ духовъ или божествъ, въ иранской миѳологіи существовалъ еще рядъ второстепенныхъ духовъ.

Между злыми духами были главные дэвы, извѣстные и понынѣ многимъ кавказск. народамъ. Въ своей полемикѣ противъ «Ереси язычниковъ», *Езникъ* говоритъ о злыхъ духахъ слѣдующее (стр. 98) — *որպէս յորժամ քաղաքք և գիւղք աւերեսցին, և անդ դէք բնակիցեն, և կեղծս ՚ի կեղծս յայտնիցին, և մարդկան ըստ կեղծեսաց նոցա անուանս եղեսալ՝ զոմն յուշկապարիկ, զոմն պարիկ, զոմն համբարու կոչեսցին* — «такъ, когда разрушаемы бывали города и деревни, въ нихъ поселялись дэвы: они появлялись въ разныхъ видахъ людямъ, которые придавали имъ (дэвамъ) названія сообразно принятому ими внѣшнему виду—то *յուշկապարիկ*, то *պարիկ*, то *համբարու* юшкапарикъ, парикъ, хамбару».

Дэвы иранской миѳологіи, игравшіе роль сподвижниковъ Ахримана, сохранились въ народномъ воображеніи и послѣ сокрушенія древней религіи въ Персіи. Эти дэвы упоминаются нерѣдко и въ армянской литературѣ. У *Моисея Хоренскаго*⁶⁸⁾ источника, пожалуй, сомнительнаго съ чисто исторической точки зрѣнія, но весьма драгоценнаго для изученія сассанидской Персіи⁶⁹⁾, приводится отвѣтъ, данный армянскимъ царемъ *Шанухомъ* на охотѣ армянскому вельможѣ Атому Мокаци: *դու երթիցիր. զի ՚ի քարինս դիւաց է շահատակել* — «самъ ступай впередъ, ибо по камнямъ только дэвамъ дорога» (Эминъ). Тотъ же *Хоренскій* рассказываетъ намъ, будто дракониды украли молодаго *Артавазда* и дэва положили на его мѣсто (III, 61). Ср. также *Фавста Визант.* кн. VI, гл. 8, стр. 226, 2 сн. *դև ուրեմն հարաւ ի քեզ* — не дэвъ ли тебя поразилъ? Что касается названія *парикъ*, то оно также несомнѣнно иранско = пехлевійскаго происхожденія: ср. авест. *pairikā*, пехл. *parik*, н. перс. *پاری*. *Hübschmann Armen. Gramm. I*, стр. 228, 523.

⁶⁷⁾ Одинъ изъ сыновей *Михръ-Нерсе* носилъ имя *Zarvāndād* (чтеніе *Nöldeke*, *Tabari* стр. 110, *Hübschmann*, *Armen. Gramm. I*, 42, 79). Ср. еще о Михръ-Нерсе *Tabari I*, стр. 869, 3 сл. и переводъ *Nöldeke* стр. 109.

⁶⁸⁾ Кн. III, гл. 55, стр. 249, 2.

⁶⁹⁾ Ср. А. v. *Gutschmid*, *Über die Glaubwürdigkeit der armenischen Geschichte des Moses von Khoren* стр. 17 и 39 отдѣльнаго оттиска.

Между тѣмъ какъ авест. *pairikā* и пехл. *parik* обозначаютъ злаго демона женскаго пола, *пэри* въ новоперсидской поэзіи играетъ роль доброй феи, одаренной сверхъестественной красотой. Изъ показаній *Езника*, впрочемъ, не совсѣмъ явствуетъ характеръ этихъ духовъ въ повѣрїяхъ древнихъ армянъ, хотя мы скорѣе склонны считать ихъ, подобно пехлевійскимъ духамъ *parik*, злыми духами, чѣмъ добрыми.

Слово *юшканарикъ* намъ не совсѣмъ ясно. Вторая часть его — *парикъ* — отождествляется, по мнѣнію всѣхъ изслѣдователей, съ предыдущимъ названіемъ духовъ. Первую часть — же *Hübschmann*⁷⁰⁾ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ сближаетъ съ персидскимъ словомъ *وشك* «осель», приведеннымъ *Angelo à S. Joseph* въ его «*Gazophylacium linguae Persicae* стр. 33. *Езникъ* (стр. 98) изображаетъ этихъ *юшканариковъ* какъ духовъ, живущихъ въ пустынѣ и называемыхъ на «этомъ⁷¹⁾ языкѣ» ослами-быками — *յուշկապարիկայ սանն բնակել յաւերակն, զոր յոյն լեզու իշապուլս սիւ*. Переводъ слова *յուշկապարիկ* черезъ *իշапул* у *Езника* находитъ себѣ подкрѣпленіе еще въ томъ обстоятельстве, что армянское слово *յուշկապարիկ* соотвѣтствуетъ въ Библии греческому *ὄνοκένταυρος* (*Исаія* 13, 22; 34, 11, 14; *Моисей Хоренскій*⁷²⁾ II, 64, стр. 149).

Сомнительно также происхожденіе имени другаго класса духовъ въ армянской мѣологии — *Համարու* или *Համարի*. встрѣчающагося и у *Езника* и въ Библии. Ср. *Михей* I, 8: *զրեւոտերայ Համարեայ* — *θυγατέρων σειρήνων*; *Иовъ* 30, 29: *Եղբայր եղև Համարուաց* — *ἀδελφὸς γέγονα σειρήνων*; *Иеремія* 50, 39: *դստերք Համարեայ* — *θυγατέρες σειρήνων*; *Исаія* 13, 21: *Համարուք* — *σειρήνες*; *Исаія* 34, 13: *բնակութիւն Համարեայ* — *ἐπαύλεις σειρήνων*; *Исаія* 43, 20: *Համարուք* — *σειρήνες*.

По повѣрїямъ древнихъ армянъ «у *Хамбару* рождаются и умираютъ потомки» — *Համարուաց ծնունդք քոն և մեռանիւն* *Езникъ* I, 98. Къ сожалѣнію, безусловно убѣдительной этимологіи для этого слова пока еще не отыскано. Мы съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ сближаемъ съ именемъ *Համարու* армянское слово *Համար* кладовая, *амбаръ*, *магазинъ*, *погребъ* (ср. *de Lagarde Armen. Stud.* стр. 82, § 1217), которое также персидскаго происхожденія. Въ такомъ случаѣ армянское *Համարու(ի)* восходило-бы къ предполагаемому древнеперсидскому **hambariva* съ приблизительнымъ значеніемъ «домовой».

Езникъ (стр. 98) упоминаетъ еще о чудовищномъ морскомъ быкѣ *ճովազուլ* тцовацуль, происходящемъ, будто, отъ коровы — *զոր ի կովէ եղեալ սանն*. Эти быки извѣстны и парсійской мѣологии. Въ *Бундехешъ*⁷³⁾ мы читаемъ: «О морскомъ быкѣ (быкѣ-рыбѣ) говорятъ, что онъ живетъ во всѣхъ моряхъ: когда онъ издаетъ крики, то всѣ рыбы становятся бе-

⁷⁰⁾ Armen. Gramm. I, 199, 426.

⁷¹⁾ Т. е. армянскомъ.

⁷²⁾ Варіантъ у Моисея имѣетъ форму *յուշկապարիկայ* вмѣсто *յուշկապարիկայ*; ср. *Langlois, Coll.* II, стр. 112, примѣч. 1. *Паткановъ*, Матеріалы для армянскаго словаря I, стр. 11.

⁷³⁾ Изд. *Justi* гл. XIV, стр. 17 и 30. *Pahlavi Texts*, transl., by *West* I, стр. 71 (въ V-омъ томѣ *Sacred Books of the East*).

ременными и всѣ вредныя морскія животныя рождаютъ своихъ потомковъ». Этотъ морской быкъ—*gāvmāhik* по пехлевійски—упоминается и у *Фирдауси* (стр. 444, 190), гдѣ говорится про коня *Сухраба*, будто «отъ удара его копыта пришелъ въ ужасъ даже *gāvmāhi* گاوماهی ستوه *z. Zخم سمش گاوماهی*».

По повѣрью, общему персамъ, курдамъ и осетинамъ, на рогахъ этого сказочнаго быка покоится міръ. У курдовъ этотъ быкъ по сообщенію *Лерха*⁷⁴⁾ называется *gāmāsi*; у осетинъ-же онъ носитъ названіе *zāxhīl-xācāg gal* «быкъ, держащій землю»⁷⁵⁾.

Этотъ быкъ, на спинѣ (или рогахъ) котораго, по повѣрью персовъ, покоится земля, упоминается и у персидскихъ поэтовъ *Феридъ уд-Динъ Амтара* и *Омаръ Хейяла*:

Ср. *Амтаръ* (изд. *Garcin de Tassy* 2, 48):

چون زمین بر پشت گاو استاد راست
گاو بر ماهی و ماهی بر هواست

«когда земля покоилась на спинѣ быка—быкъ (стоялъ) надъ рыбой—а рыба надъ эиромъ». Объ этомъ же быкѣ говоритъ и *Хейялъ*⁷⁶⁾.

گاو یست در آسمان و نامش پروین
یک گاو دگر نهفته در زیر زمین

Есть быкъ въ небесахъ—а имя его Первинъ (Плеяды)—а другой быкъ⁷⁷⁾ скрывается подъ землей. О чудовищныхъ морскихъ быкахъ—повѣствуетъ *Фирдауси* стр. 1374, 1988 по поводу описанія мореплаванія царя *Кей Хосру*⁷⁸⁾.

Хотя въ бѣглои замѣткѣ *Езника* о морскихъ быкахъ не указано на связь этихъ баснословныхъ животныхъ съ космогоническими преданіями древнихъ армянъ, то мы все же думаемъ, что такая связь существовала въ виду того, что преданія о подземномъ быкѣ донинѣ еще распространены между кавказскими народами, и между армянами и грузинами въ частности⁷⁹⁾.

Говоря о духахъ, существовавшихъ въ воображеніи у древнихъ армянъ, *Езникъ* приводитъ и шахапета—*շահապետը վարդադ*,—духа, «котораго называютъ *владѣтелемъ тѣстъ* (и который) показывается то въ видѣ змѣи, то въ видѣ человѣка». У *Агавангела* (стр. 56, 57 Венец. изд.) *շահապետ* является какъ духъ покровитель могилъ. Слово *շահապետ* есть несомнѣнно иранское

⁷⁴⁾ Forschungen über die Kurden I, стр. XVII.

⁷⁵⁾ Ср. ZDMG 42, стр. 419; 45, 628.

⁷⁶⁾ Les quatrains de Kheyam, изд. Nicolas, стр. 169, 338.

⁷⁷⁾ Ср. پشت گاو Фирд. 1308, 716; بوسا *o Raminy* 291, 6 снизу.

⁷⁸⁾ Ср. گاو عنبر *bos marinus, qui ambram producere perhibetur* (*Cādu*, Гулистанъ VII, 91, стр. 182 ed. *Eastwick*).

⁷⁹⁾ Ср. газ. Кавказъ за 1887-го года, н. 79—81: Небесныя свѣтила, атмосферныя явленія и примѣты о погодѣ по повѣрью армянъ и грузинъ; в. *Erckert, der Kaukasus und seine Völker* стр. 207. Движеніямъ роговъ этого подземнаго быка приписывается происхожденіе землетрясеній.

(ср. авест. *šōithrapaiti*⁸⁰) обозначающее собственно «владѣльца областей». По повѣрію персовъ, сокровища и клады находятся подъ стражей змѣй. Такъ, по словамъ *Sādi*⁸¹ «надъ кладомъ находится змѣя — *برسر کنج مار* въ Гулистанѣ-же (V, 7, стр. 145) *Sādi* говоритъ: *کنج بر داشتند و مار بماند* «кладъ они унесли — и остался змѣй».

Впрочемъ духи, носящіе имя *ἄρχοντες*, встрѣчаются и у грековъ (ср. *Chwolsohn*, *die Ssabier* II, стр. 186); у грузинъ духъ называется также «батони» (*Дубровинъ*, *Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ* II, 173).

Мы теперь переходимъ къ вѣрованіямъ древнихъ армянъ, касающимся небесныхъ свѣтилъ. Мы уже выше имѣли случай коснуться нѣкоторыхъ мѣстъ въ сочиненіяхъ армянскихъ писателей, прямо указывающихъ на существованіе такихъ преданій о небесныхъ свѣтилахъ среди армянъ. Эта связь древнеармянскихъ боговъ съ небесными свѣтилами особенно ярко отражается на двухъ изъ нихъ — *Вахагнъ* и *Тиръ*.

Названія небесныхъ свѣтилъ у древнихъ армянъ — насколько возможно судить по даннымъ языка — не носятъ на себѣ отпечатка заимствованія изъ иностраннаго языка. Поклоненіе солнцу совершалось поклонниками секты такъ называемыхъ *արևորդեր* «сыновъ солнца»; эта языческая секта сохранилась еще до XII-го вѣка нашей эры въ Арменіи⁸². Но религія этихъ армянскихъ язычниковъ основана на семитическихъ началахъ; проф. *Хвольсонъ*⁸³ считаетъ этихъ «сыновъ солнца» послѣдователями ученія такъ называемыхъ *Шемсѳе*.

Мы не имѣемъ прямыхъ, вполнѣ надежныхъ указаній древнихъ писателей на поклоненіе солнцу у жителей Арменіи, не принадлежавшихъ къ вышеупомянутой сектѣ. Среди зороастрійцевъ солнце, въ виду приписываемой ему оживительной и очистительной силы, пользовалось великимъ почетомъ. Сассанидскій царь *Издегердъ II*, приглашая армянъ принять персидскую вѣру, предлагаетъ имъ «собраться на поклоненіе огню, поднося ему (т. е. огню) жертвы и называя его богомъ» — *միայնդ եկեացին յերկր-պարտժիւն արեգական, զոչս մատուցանելով և աստուած անուանելով*⁸⁴.

Относительно изученія роли, занимаемой луной въ повѣрїяхъ армянъ, мы поставлены въ болѣе благопрїятныя условія. По этому предмету заслуживаютъ нашего вниманія указанія *Ананіи Ширакаци*⁸⁵, затрогивающаго

⁸⁰) Ср. *Hubschmann*, *Arm. Gramm.* I, стр. 208, 462, гдѣ приводится и индійское *kṣetrapā*, *kṣetrapāla* богъ покровитель полей.

⁸¹) Гулистанъ VII, 19, стр. 185, Eastwick.

⁸²) *Элиа*, *Исслѣдованія и статьи* стр. 32.

⁸³) *Die Ssabier und der Ssabismus* I, 292 сл.

⁸⁴) Египте II, стр. 22 (изд. Иоаннесова).

⁸⁵) Ср. о нёмъ: *Паткановъ*, *Армянская Географія седьмаго вѣка*, стр. XVII сл.; *Киракосъ Гандзакеци* стр. 35 (Венец. изд. 1865).

иногда и народныя повѣрія своихъ единоплеменниковъ. На стр. 49, 9 сн. (изд. Патканова) *Ананія*, говоря о лунѣ, сообщаетъ намъ слѣдующее: *բայց անաջինքն որ ջանացան հասու լինել նմա, պայպէս ասացին, եթէ լուսինն տարր է սեղմ, խիտ, մարուր, գնդաձև. և ոչ ունի զլոյսն բնութեամբ՝ այլ հաղորդութեամբ յարեգականէ անեալ*—«но древніе, потрудившіеся объяснить себѣ—се (луну, естественныя качества луны) разсуждали такъ: луна есть элементъ скатый, плотный, чистый шарообразный; она не по природѣ имѣетъ свѣтъ, но получаетъ его черезъ общеніе съ солнцемъ. Въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ у того-же *Ананіи*: *բանզի անաջին հարքն զլուսին դայեակ և անուցիչ բուսոց անուանեցին* (стр. 66, 1)—«такъ какъ предки (бкв. первые отцы) называли луну кормилицей и питательницей растений». Оба эти вышеприведенныя мѣста какъ нельзя лучше подходятъ къ воззрѣніямъ, выраженнымъ въ *Авестѣ*. Въ седьмомъ или *Māx*—*Яштѣ 4* мы находимъ слѣдующее мѣсто: *āať yať mānhem raoxšuš tāraieiti, mišti urvaranām zairigaonānām zaramaem paiti zemādha uzuxšieiti*—а если (солнечный) свѣтъ согрѣваетъ луну, тогда на землѣ всегда вырастаетъ зелье золотоцвѣтныхъ растений⁸⁶).

Другое, также очень интересное мѣсто приводится въ трудѣ *Езника* (III, стр. 217);—*որպէս կախարդաց տեսեալ ՚ի ժամանակի հրամանաւ Աստուծոյ զլուսնոյն արիւնագոյն լինելոյ զկերպարանսն՝ դիւի նմանել լուսնի բարրանջն՝ լծէ զլուսին իջուցանիցեն*—«какъ колдуны, по повелѣнію Господа, увидѣвъ ликъ луны, покрытый кровеннымъ цвѣтомъ, уподобляли ее дэву (демону) и разсказывали, будто они въ состояніи свести луну на землю».

Повѣріе, будто луна—какъ солнце и звѣзды—подвергается (напр. во время затменій) нападению со стороны злыхъ духовъ или драконовъ, распространено между индійцами⁸⁷ и иранцами. Ср. *Фирдауси* стр. 695, 234:

خور و ماه گفتی برك اندرست
ستاره بكام نهنك اندرست

«Ты сказалъ бы: солнце да луна приняли (другой, яркій) цвѣтъ, а звѣзды попали въ пасть крокодила». Ср. *ibid.* 1708, 3732:

شنیدم که داستان جادو پرست
بهر کار یازد بخورشید دست

«я слыхалъ, что волшебникъ *Дестанъ* въ каждомъ дѣлѣ протягиваетъ руку къ солнцу». Ср. поэму *Гургани* «*Виса и Раминъ*» стр. 122, 1: *رسته—شاد زدست ازدها ماه* «луна освободилась изъ рукъ дракона».

⁸⁶) *Darmestéter*, Le Zend-Avesta II, 409, переводить: Et quand la lumière de la Lune s'échauffe, de la terre pousse un printemps de plantes aux couleurs d'or.

⁸⁷) Довольно обильный матеріалъ относительно повѣрій и обычаевъ индоевропейскихъ народовъ, касающихся затменій солнца и луны приводится у *Grimm'a*, *Deutsche Mythologie* 3, I, стр. 668—671. Ср. также de *Hammer*, *Sur les Origines Russes*, стр. 34 и 98.

По мнѣнію персовъ, поклонниками солнца, луны и звѣздъ считались жители Ирана до введенія въ этой странѣ религіи Зороастра⁸⁸). Такъ *Фирдауси* повѣствуетъ будто царь *Гушмаспъ* въ своемъ дворцѣ поставилъ изобразенія Джамшида, поклонника солнца и луны (1499, 70).

برو بر نگاريد جمشيدرا
پرستنده ماه و خورشيدرا

Извѣстно, что въ ученіи зороастрійской секты зерванитовъ поклоненіе планетамъ занимало весьма выдающееся мѣсто⁸⁹), какъ это явствуетъ изъ того краткаго отрывка, который приводитъ Spiegel въ своемъ трудѣ «Die traditionelle Litteratur der Parsen» стр. 161—166. По ученію зерванитовъ, восходящему въ предлагаемомъ вопросѣ несомнѣнно ко вліянію семитическому, планеты, смотря по ихъ характеру и вліянію на судьбу людей, раздѣлились на три разряда. Добрыми, приносящими счастье, планетами, считались кромѣ солнца и луны, *Венера* и *Юпитеръ*, злыми—*Сатурнъ* и *Марсъ*, смѣшанною (нейтральною) планета «*Меркурій*». Ссылаясь на богатый матеріалъ, приведенный *Хвольсономъ* въ вышецитированномъ трудѣ, *Шпигель* вполне основательно высказывается за заимствованіе этихъ зерванитскихъ вѣрованій изъ семитическаго источника.

Считаемъ не лишнимъ привести два отрывка изъ сочиненія *Ананіи Ширакаци*, въ которыхъ идетъ рѣчь о планетахъ; 64, 16: — *սսնն չեթանոսք ՚ի սոցանէ զոմանս բարերասս և զոմանս թշուառացոցիցս, որպէս խնդրեն տանուտէրութիւնս, առէս սստեղ որ է երեքշարած զոր սսնն ոչ բարեոր ճանսպարհորդէին, կամ սսնիցէ սկիզբն գործոյ* — «язычники называютъ нѣкоторыя (изъ планетъ) благотѣльными, а другія приносящими несчастье, смотря по ихъ зодіакальному положенію; такъ говорятъ, будто во вторникъ, въ кульминаціонный день планеты Марса, не слѣдуетъ предпринять путешествіе или начать какое-нибудь дѣло». И далѣе: — *նմանսպէս զտանուտէրութիւն կոնոսս սստեղ որ է շարած, զոր սսնն սմենայն թշուառութեան պստճառ* «подобнымъ образомъ (говорятъ и) про субботу, (кульминаціонный день) планеты Сатурна, котораго считаютъ причиною всякаго несчастья». Ср. далѣе *ibidem* стр. 65, 13: *իսկ բարերար սստեղքն են լուսնթագ, լուսարեբ, և խորգախք—երևակ, հրաս* — «благотѣльныя звѣзды суть Юпитеръ, Венера, а коварныя Сатурнъ, Марсъ». И далѣе: *իսկ փայլածունն հասարակայննութիւն* — но Меркурій (имѣетъ) нейтральное качество⁹⁰). О дурномъ вліяніи *Сатурна* на челоуѣческія дѣянія говоритъ и *Езникъ* (II, стр. 156, 10): *որպէս թէ որժամ Կոնոսն*

⁸⁸) Ср. *Chwolsohn*, die Ssabier I, 19; *Albiruni*, the chronology of ancient nations, trsl.... by *Sachau*, стр. 176.

⁸⁹) Ср. *Spiegel*, Eranische Alterthumskunde II, стр. 181; еро-же *Avesta-Übers.* I, 30-II, 220.

⁹⁰) Ср. *Spiegel*, Av.-Übers, II, 221—22 «Онъ (т. е. Меркурій) склоненъ по злу; но такъ какъ онъ привязанъ къ рукѣ солнца, то онъ не въ состояніи творить настолько зла, сколько ему хочется».

յաւտեղատուեն մտանիցէ, թագաւոր մեռանի — «будто бы, когда Сатурнъ входитъ въ свой кругъ, то умираетъ царь». Ср. *Фирдауси* 137, 146:

نشیمی از او بر کشید بلند
که ناید ز کیوان برو بر گزند

«(онъ увидѣлъ) гнѣздо, возвышавшееся надъ ней (горой), такъ что даже отъ Сатурна (самой-высшей планеты) ему, т. е. гнѣзду, не грозитъ опасности». Ср. слѣдующее мѣсто въ поэмѣ «Виса о Раминъ (53, 8—9).

بهم گرد آمد خورشید باماه-چو دستوری که گوید رازبشاه
رفیق هر دو گشته تیر کیوان-بدان تابجدود پیوند ایشان

«Луна приблизилась къ солнцу, подобно министру, сообщающему тайну царю; къ нимъ присоединились еще планеты Меркурій и Сатурнъ, какъ бы для того, чтобъ сочетаніе ихъ было бы дурнымъ предзнаменованіемъ».

Мы уже выше, говоря о богѣ Вахагнѣ, привели отрывокъ изъ Ананіи Ширакаци, (стр. 48), гдѣ говорится о млечномъ пути, при чемъ мы указали на совпаденіе названій этого небеснаго явленія — «слѣда соломокрада» — у многихъ народовъ передней Азіи. Но у того-же *Ананіи* (стр. 66, 12) приводится еще другое любопытное указаніе на различныя названія млечнаго пути: — *և կէսը՝ հին արեգակն ճանապարհ՝ և այլք կառն երկնից. կէսը պատկանին՝ կէսը սպիտարեալ և կէսը դարդազողս գհետ աստուածոցն* — «одни называютъ млечный путь старымъ путемъ солнца, другіе — разрывомъ, иные рубцомъ, а другіе «соломокрадомъ по слѣдамъ боговъ». Въ особенности названіе «слѣдъ боговъ, дорога, ведущая къ богамъ, дорога боговъ» встрѣчается у многихъ народовъ индоевропейскихъ и тюркскихъ⁹¹⁾. Такъ, у монголовъ въ Восточной Сибири млечный путь называется *тэнгэринъ-оёдолъ* «путь бурхановъ или боговъ», у татаръ⁹²⁾ *حاجیلر یولی* «дорога паломниковъ⁹³⁾», у персовъ *راه حاجیان*.

Пользуемся случаемъ привести отрывокъ изъ «Исторіи Агванъ» *Моисея Каланкайтуаци* (кн. II, гл. 40, стр. 191 въ изданіи *Эмина*), гдѣ описывается бытъ и повѣрія народа *հնր* (Гунны), обитавшаго на сѣверномъ склонѣ кавказскаго хребта: *բանդի կրակաց և ջրոց զոհէին, և ճանապարհաց աստուածոց ոմանց երկրպագանաէին՝ լուսնի և ամենայն արարածոց, որ ինչ թուէր յալ նոցա զարմանալի*. Покойный проф. Паткановъ переводитъ это мѣсто

⁹¹⁾ Ср. примѣчаніе 49.

⁹²⁾ Млечный путь называется у Чувашей: *кайык-хор-сьоле* «дорога дикихъ гусей» (также *хор кайык* сьоле) у татаръ *kiuk-каз-жулы* (Слов. Будагова, II, 381, 81); *Махмудовъ*, *Практ. руков. къ изуч. татар. яз. 7*. У финновъ: по эст.: *linno-radda* «птичья дорога», у зырянъ *рѣтка-лебзан-туй* «дорога полета птицъ» (*Wiedemann, Syrgj. Deutsches Wörterbuch* стр. 375).

⁹³⁾ Названіе «дорога паломниковъ», какъ болѣе подходящее къ духу ислама, вытѣснило болѣе древнее, языческое названіе «дорога боговъ». Ср. также русскія названія: «*Моисеева дорога, Батыева дорога, птичій путь*». По мадьярски млечный путь называется *hada-kutya*, «weil die Ungarn aus Asien einwandernd dieser Constellation folgten» (*Grimm, Deutsche Mythologie* I³, стр. 331, прим.).

слѣдующимъ образомъ (стр. 193—194): «Они⁹⁴) приносили жертвы огню и водѣ и поклонялись нѣкоторымъ богамъ путей, также лунѣ и всѣмъ твореніямъ, которыя въ глазахъ ихъ казались удивительными». Мы предлагаемъ перевести *ճանապարհացու աստվածք* вмѣсто черезъ отмѣченныя нами курсивомъ слова «богамъ путей» черезъ «путямъ боговъ»; такой переводъ вполнѣ допустимъ въ грамматическо=синтактическомъ отношеніи. А эти «пути боговъ», конечно, ничто иное какъ вышеупомянутыя названія *тэнэринъ оѣдолъ* и — *mutatis mutandis* — *حاجیر یولی*.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о радугѣ. Объ этомъ небесномъ явленіи говоритъ *Փոռա Արարուի*⁹⁵), писатель IX-го вѣка, слѣдующее: *Ժիւծանդ. զոր ոմանք հոգի մեկնեալ յամպոյ ասպին. և որդիք ասորապաշտիցն դոմի Արամպոյոյ.* — «радугу⁹⁶) одни объясняютъ какъ огонь, исходящій отъ облаковъ, а сыны огнепоклонниковъ (бкв. поклонниковъ стихій) какъ поясъ Арамазда».

Въ Авестѣ — ср. *Ясна IX, 26* въ изданіи *Geldner*'а звѣзда *Orion* называется поясомъ созвѣздія Плеядъ», который даровалъ *Ахурамазда* *Ahuramazdā* богу *Наома*: — *frā te Maṣdā baraṭ paurnanīm aiwuyānhānet stehrpaēsañhet mainyutāštem* — тебѣ принесть *Мазда* поясъ Плеядъ (поясъ *Оріона*), выкованный Духомъ, унизанный звѣздами⁹⁷).

Въ новоперсидской литературѣ, въ *Бустапѣ Сади* (I, 757, стр. 113, изд. Графа), радуга называется *قوس قزح*, лукомъ (демона) *Кузā*; въ словаряхъ также приводятся формы: *کمان شیطان*, лукъ сатаны *کمان رستم* лукъ *Рустама*, *کمان سلم*, лукъ *Сама*, *کمان بهمن*, лукъ *Бехмена*; ср. *ZDMG* 45, стр. 627. У *Осетинъ* радуга называется *Сослани āндурā* (на *дигорскомъ* нарѣчій) «лукомъ *Сослана*» или на *иранскомъ* нарѣчій «*arbu-ардун*» «лукомъ неба».

О весьма сильномъ вліяніи иранской религіи на религіозныя вѣрованія древнихъ армянъ свидѣтельствуетъ и рядъ словъ персидскаго происхожденія, касающихся предметовъ и выражений изъ религіозной жизни и получившихъ право гражданства въ древнеармянскомъ языкѣ. Мы приведемъ самыя важныя изъ нихъ, отсылая читателей, интересующихся филологическими и лингвистическими подробностями, къ выше упомянутому труду проф. *Hübschmann*'а (*Armenische Grammatik* I, *Страсбургъ* 1896).

⁹⁴) Поклоненіе этого народа «исполину *Аспендзату*» указываетъ на извѣстное вліяніе иранской религіи на это племя. Ср. *ZDMG* 45, стр. 623, прим. 5.

⁹⁵) Стр. 19 въ изд. *Патканова* (1887); стр. 17 въ константинопольскомъ издан. (1852).

⁹⁶) Ср. *Fr. Maller*, *WZKM* 5, стр. 69; замѣтимъ кстаті, что предшествующія вышеприведенному отрывку слова взяты *Փոռայ* изъ *Бытіи* (Бытіе I, 9, 13).

⁹⁷) Мы слѣдовали переводу *West*'а (*Pahlavi Texts* II, стр. 94 прим. 6). Ср. *ibid. Dādistān-i-Dīnīk* гл. 37, 48: *And the splendid belt bearing Pleiades, like the star-sludded girdle of the spirit fashioned, good religion of the Maṣdawhorshippers, are so arrayed of the luminaries, of the fully glorious ones.* Ср. *Haug*, *Essays on the sacred language, writings and religion of the Parsis.* 2-е изд., Лондонъ 1878. *Darmesteter*, *Le Zend-Avesta* I, 95, придаетъ вышеупомянутому мѣсту Авесты метафорическій смыслъ: «*Les étoiles sont ici les pierreries d'une immense ceinture jetée autour du monde.*»

1) *աՅեկան* соответствует девятому мѣсяцу пехлевійскаго дѣтосчисления *atur, ādhar* (пазендск.); *Hübschmann* (стр. 95, 12) ставитъ сюда-же древнеперсидское названіе мѣсяца *āthriyadiya*. Армянское *աՅեկան*, судя по своему звуковому составу, всего ближе подходит къ предполагаемой аршакидской формѣ **āthrakān* (сассанидск. пехл. *āhrakān*, н. п. *آذرگان*).

2) *ատրուշան* — пирей. Ср. *Фавста Виз.* кн. IV, гл. 23 стр. 119 (Паткановъ): *նախ ես, աւէ, շինեցիցի ատրուշան յիմում տանն սեպհականին պարսիքն տուն կրակին պաշտելոյ.....* «я самъ (говоритъ Меружанъ Адзруни персидскому царю Шапуру впервые, сказалъ онъ, воздвигну въ своемъ собственномъ домѣ *атрушанъ*, т. е. домъ служенія огню. — Мы сближаемъ послѣднюю часть слова *атрушанъ* съ персидскимъ суффиксомъ мѣстности *شن*, уцѣлѣвшимъ въ словѣ *گلشن*» розовый кустарникъ⁹⁸).

3) *բագ* — въ сложныхъ именахъ, какъ *բագին, բագպարիճ*. Ср. древнеперс. *baga*, ав. *bagha*, пехл. *bag*; н. п. *بغ* въ словѣ *بغجور بغداد*, названіи богдыхана⁹⁹), у *Фурд.* *فغفور* древнеперс. **bagaruthra* «сынъ божій», и въ названіи мѣсяца *Faghakān* у содвіанцевъ (*Albirūnī, Chronology, trsl. Sachau* стр. 221, 35).

4) *բարսум* = вѣтви «барсумъ» употребляемыя парсами при исполненіи ихъ религіозныхъ обрядовъ. Авест. *baresman*, пехл. *barsum*, новоперс. *بوسم*.

5) *գումէզ (գումէզ)* — коровья моча; авест. *gaomaēza*, пехл. *gōmēz*. Позволимъ себѣ привести отрывокъ изъ Егише¹⁰⁰), гдѣ между прочимъ приводится и это слово. Здѣсь мы находимъ отличную характеристику образа дѣйствія персидскаго правительства и зороастрійскаго духовенства въ пятomъ вѣкѣ, когда при самыхъ неблагоприятныхъ для армянъ обстоятельствахъ имъ приходилось вести борьбу за христіанство:

դարձեալ և կանայք նախարարացն կայցին զուսումն վարդապետութեան մոգացն: ուստերք և դստերք ազատաց և շինականաց՝ կրթեսցին ի հրապարակս նոցուն մոգաց: կարճեսցին և արգելցին օրէնք սուրբ ամուսնութեան զոր ունէին ի նախնեաց ըստ կարգի քրիստոնէութեան. այլ փոխանակ ընդ կնոջ միոյ՝ բազում կանայս արասցեն. զի աճնեալ բազմացին աչք հայոց. դստերք՝ հարանց լինիցին, և քորք եղբարց. մարք մի՛ ելցին յորդուոյ, այլ և թոռունք ելցեն յանկողինս հաւուց. Պատուճակք մի մեռցին անյալ, եթէ յօդեաց իցէ և եթէ յայծեաց և եթէ յարջառաց և եթէ ի հաւուց և եթէ ի խոզաց: հայք առանց փանդամի մի զանգային. ծիրտք և քակորք և կռակ մի՛ եկեսցեն. ձեռք անանց գումիզոյ¹⁰¹) մի՛ լուսացին, շնջոիք և աղուէք և նապաստակք մի՛ մեռցին. Օձք և մողէք, գորտք և մրջմունք և որ այլ ևս խառնափնդոր բազմաճճիք են մի՛ կացցեն.

Приказъ, изданный персидскимъ царемъ гласилъ: «Да примутъ жены нахараровъ ученіе маговъ; сыновья какъ знатныхъ, такъ и крестьянъ да будутъ воспитаны публично подъ руководствомъ маговъ; да будутъ

⁹⁸) *Фурдауси* 73, 209; 619, 1729; 1050, 20. *Фридрихъ Мюллеръ* (WZKM II, 123; IV, 158) читаетъ на одной пехлевійск. геммѣ слово *atrušan* ?

⁹⁹) Ср. *Ibn Khordādhbeh* ед. de Goeje стр. 16.

¹⁰⁰) Кн. II, стр. 50 въ изданіи *Іоаннесова*.

¹⁰¹) Другое чтеніе *գումէզ* болѣе соответствуетъ пехлевійскому слову.

запрещены законы священнаго брака, которые они¹⁰²⁾ унаслѣдовали отъ предковъ своихъ по обряду христіанскому; а вмѣсто одной жены имѣть ихъ по нѣскольку, чтобы, расплодившись, умножился армянскій народъ. Дочерямъ сочетаться съ отцами, а сестрамъ съ братьями; не только разрѣшать матерямъ имѣть дѣтей отъ сыновей своихъ, но даже открывать внучкамъ доступъ въ брачное ложе дѣдовъ своихъ». — И далѣе, «не закалывать животныхъ иначе какъ жертвоприношеніемъ, будетъ ли то козы или козлы, крупный-ли скотъ, птицы-ли или свиньи; не мѣсить тѣста безъ *пандала*¹⁰³⁾ и не бросать въ огонь птичьяго помета и кала и не умывать рукъ безъ употребленія коровьей мочи. Не убивать ни выдръ, ни лисицъ, ни зайцевъ. Змѣй, ящерицъ, муравьевъ и какихъ бы то ни было другихъ разныхъ пресмыкающихся не оставлять (въ живыхъ)».

6) *դժոխք* адъ, пехл. *dōšav, dōšaxvī*, н. п. *دوزخ*. Въ Авестѣ *dušah* «адъ».

7) *զանդիկ* Манихеецъ, пехл. *zandīkih*, араб. *زندیق*¹⁰⁴⁾ н. п. *زندى*. Первоначальнымъ значеніемъ иранскаго слова *zandika* было, вѣроятно, «комментаторъ».

8) *զոհ* жертва, авест. *zaothra*, пехл. *zōhr*. Ср. Египше I, стр. 17: *ցլուք սւրբապարհ և գիւտար նորազօր անստացոյց զզոհ կրակի* — «онъ (т. е. Іездегердъ) принесъ въ жертву огню въ обильномъ количествѣ бѣлыхъ быковъ и мохнатыхъ козловъ». Въ армянскомъ переводѣ Б. Сократа (Церк. Ист.), относящемся къ седьмому вѣку, употребляется любопытная форма *զոհ* въ сложномъ словѣ *զոհասուք*. (См. изд. Эчм. 1897, стр. 255).

9) *Ծափուկ* «носилки, гробъ.» *Hübschmann* (Armen. Gramm. I, 153, 245) теперь считаетъ это слово за позаимствованное изъ пехлевійскаго языка; онъ раньше — допуская, однако возможность происхожденія армянскаго *Ծափուկ* изъ персидскаго источника — отнесъ это слово къ сирійскимъ элементамъ въ армянскомъ языкѣ¹⁰⁵⁾.

10) *կախարք* «колдунъ» авест. *kaxwardha* колдунъ, *kaxwardidhi* вѣдьма.

11) *Հորրակ* названіе храма у языческихъ армянъ. По мнѣнію *Hübschmann*'а — I. с. 181, 349 — подъ словомъ *Հորրակ* кроется названіе парсійскаго *ātar-i-frōbāk*, упоминаемаго въ Бундехешѣ¹⁰⁶⁾. У арабскаго писателя *Шахристани*¹⁰⁷⁾ мы находимъ искаженную форму *آذرخوا* (тоже *ادرجوا*), перешедшую въ послѣдствіи и въ персидскіе словари и вмѣсто которой,

¹⁰²⁾ Армяне.

¹⁰³⁾ Платокъ, носимый парсами-жрецами передъ ртомъ при исполненіи религиозныхъ обрядовъ.

¹⁰⁴⁾ Ср. *Lagarde*, Armen. Stud. 754. Арабизированная пехлевійская форма *زندیق* обозначаетъ также Манихейца. Ср. *Ibn. Khordādhbeh* ед. de *Goeje* стр. 31, 2. *Табари I*, стр. 830, 14. *مانی الزندیق*; *Cādu*, Гулистанъ, 8, 56, стр. 210 въ изданіи Eastwick'a.

¹⁰⁵⁾ Ср. ZDMG 46, 260, 18. Слово *Ծափուկ*, вѣроятно, египетскаго происхожденія (*tbt*), ср. ZDMG 46, 123. Слово *آذرخوا* встрѣчается часто въ *Шахнамѣ*; кромѣ двухъ мѣстъ, приведенныхъ *Гюбшманномъ*, ср. стр. 510—516 у *Фурдауси* *passim* и 1700, 359; 1720, 3926 и 3932; 1742, 4308 сл. *Бустанъ Cādu* стр. 103, 687 (Graf).

¹⁰⁶⁾ 17, 5. *West*, Pahlavi Texts т. I, стр. 63.

¹⁰⁷⁾ Ср. переводъ *Haarbrücker*'а ч. II, стр. 423.

конечно, слѣдуетъ читать *آذرفروبا*. Кромѣ того *Египше*¹⁰⁸) упоминаетъ объ «огнь Вахрама» — *վահրամի կրակն* — пехл. *ātaxš i vahramān*, *ātaxš i vah-gāt*. У Себеоса (стр. 92 въ изд. Патканова) упоминается еще разрушенный императоромъ Иракліемъ жертвенникъ огня *Вшнаспа*: *կործանէ և զբազին Տրասին մեծի, զոր Վշնասպն կռչէին*, по пехл. *Višnasp*, у *Фурдауси* *آذر گشپ* 451, 295; 859, 1531¹⁰⁹).

12) *Տրեշտակ* «посланникъ, ангель» пехл. *freštak* н. перс. *فرشته*.

13) *Տրտիկ* послѣдній мѣсяць армянскаго календаря. Ср. пехл. *fravar-tikān* «высокосные дни», перс. *فروردگان*, *فروردجان* (арабиз.) *Φουρδιγάν* у Менандра (7 в. по Р. Хр.)¹¹⁰). Ср. древне-перс. *Fravarti*, авест. *fravaši*

14) *մհկհանի* «7-ой армянскій мѣсяць». Ср. *Μηδράκανα* (у *Страбона*), *مهركان* у *Фурдауси* (63, 9) *المهرجان* у Табарн I 230, 11.

15) *մոգ* «парсійскій жрецъ» «магъ» ср. *մոգութիւն* «ученіе маговъ», *մոգական արարող* «ересь маговъ». Др. перс. *magi*, «магъ», пехл. *mag*, н. п. *مغ* (*Вуса о Раминъ* 47, 2; *Бустанъ* V, 156, 301); *մոգութեա* «глава, начальникъ маговъ» пехл. *magurat*, *mogret*, *movret*, у *Фурд.* *مويد*.

16) *յազէլ* принести жертву; авест. *v yaz*, жертвовать (скр. *yaj*) *yasna* «жертва», пехл. *yažēt*, *yažēšn*; *յաշ* «жертва» авест. *yešti*, пехл. *yašt*.

17) *նաւասարդ* «первый мѣсяць армянскаго календаря новый годъ»; авест. «*saredha*» «годъ». Старинныя названія *نوسرد نوسارجى* сохранились только у жителей нѣкоторыхъ сѣверовосточныхъ странъ¹¹¹) Ирана (*Хварезма*, *Согдіаны*).

18) *մազդեան* «Маздаясна, поклонникъ доисламской религіи въ Персіи»; авест. *mazdayasna*, пехл. *mazdēm*.

Уже покойный проф. *Lagarde*¹¹²) обратилъ вниманіе ученыхъ на разные слои иранскаго вліянія, отразившіеся на языкѣ и бытѣ древнихъ армянъ. Придерживаясь, впрочемъ, оставленной въ наше время теоріи о принадлежности армянскаго языка къ языкамъ иранскимъ, проф. Лагардъ вполне основательно указываетъ на вліяніе, оказанное пареянами и персами сассанидскаго періода на культуру древнихъ армянъ¹¹³). По этому пути, проложенному *Лагардомъ*, слѣдовали и другіе ученые. Въ своемъ

¹⁰⁸) Кн. III, стр. 66 въ изданіи Иоаннесова.

¹⁰⁹) У арабскаго географа *Ibn Khordāhbeh* мы находимъ (119, 17—120, 2) *أزرجنسپ* или *افرخش* (обѣ формы искажены); послѣдняя форма встрѣчается и у *Якута* (III, стр. 356, 3—5) и перешла также въ персидскіе ферхенги.

¹¹⁰) Ср. *Habschmann*, I. с. 184—185. *Sachau* (*Albiruni* стр. 384) приводитъ арабскую транскрипцію армянскаго слова *Տրտիկ* подъ формой *هرودتس*. Армянское слово *Տրտիկ* есть собственно род. пад. отъ неупотребительной формы *Տրտիկ*. Ср. перс. *فرودین*, восходящее къ предполагаемому древнеперсидскому **frāvarfīnām*, род. пад. множ. ч.

¹¹¹) Ср. *Albiruni-Sachau* стр. 82. Ср. *سال نو* у *Фурдауси* 25, 24, что въ полнѣ соотвѣтствуетъ древнему *navasaredha*. Но обыкновенно новый годъ называется у персовъ *نوروز* *Фурд.* 25, 2. Ср. также согдіанское выраженіе *nim sarda* «полугодіе» *Albiruni-Sachau* стр. 221, 35 и 38.

¹¹²) Ср. его *Gesammelte Abhandlungen* стр. 291—292.

¹¹³) Ср. его «*Armenische Studien*» стр. 208.

трудѣ «Persische Studien»¹¹⁴⁾ проф. *Hübschmann* строго отдѣляетъ персидскій языкъ временъ пароянъ или пехлевійскій языкъ въ строгомъ смыслѣ отъ среднеперсидскаго языка временъ сассанидовъ, не отличавшагося въ значительной степени отъ языка въ *Шахнамэ*. Въ другомъ трудѣ¹¹⁵⁾, на который намъ не рѣдко приходилось ссылаться, *Hübschmann* нагляднымъ образомъ излагаетъ различіе въ звуковомъ составѣ между среднеперсидскими словами временъ аршакидовъ и сассанидовъ, вошедшими въ армянскій языкъ въ видѣ заимствованій.

Такое раздѣленіе персидскихъ элементовъ въ армянскомъ языкѣ на аршакидскіе и сассанидскіе¹¹⁶⁾ имѣетъ весьма важное значеніе и для нашего предмета. Мы можемъ теперь сказать съ увѣренностью, что названія армянскихъ божествъ *Арамездъ*, *Вахагизъ*, *Анахитъ* и *Туръ* (Тре, Тіуръ), хотя звуковой составъ ихъ подвергся значительной арменизаціи, принадлежатъ однако по своей формѣ къ языку, господствовавшему въ Иранѣ приблизительно между временемъ возникновенія аршакидской династіи и началомъ нашей эры. Свѣдѣнія наши довольно скудны. Но какъ монеты, такъ и извѣстія древнихъ писателей, не позволяютъ намъ сомнѣваться въ томъ, что религія Зороастра въ эпоху аршакидовъ не только была господствующей въ предѣлахъ коренныхъ иранскихъ областей, но и распространена среди племенъ неарійскаго происхожденія къ востоку отъ Ирана. На то же указываютъ монеты царей изъ династіи *Турушка*, относящіяся къ первому столѣтію нашей эры¹¹⁷⁾. Мы знаемъ, что пароянскій царь *Вологесесъ* (*Валаршъ*, *Валаршакъ*, позднѣе *Балашъ*), въ первомъ столѣтіи нашей эры приказалъ собирать всѣ отрывки Авесты, уцѣлѣвшіе еще въ его время отъ погрома, постигшаго по преданію парсовъ при Александрѣ Великомъ, священную литературу Персіи¹¹⁸⁾. Далѣе, до насъ дошли еще прямыя указанія на то, что и зороастрійцы временъ сассанидовъ отличали пароянскую вѣру (*dēn-i-pahlavīk*) отъ персидской или сассанидской¹¹⁹⁾ вѣры (*dēn-i-pārsīk*). Ср. Египше кн. 7, стр. 131 въ изд. Іоаннесова, гдѣ армянскій историкъ сообщаетъ намъ объ одномъ *деннетъ* (главномъ жрецѣ), «знакомомъ съ пехлавійскимъ и парсійскимъ религіоз-

¹¹⁴⁾ Persische Studien (Страсбургъ 1895) стр. 116. Armenische Grammatik. I. Theil. Armenische Etymologie.

¹¹⁵⁾ I. Abtheilung. Die persischen und arabischen Lehnwörter im Armenischen. Leipzig 1895. Стр. 12—13.

¹¹⁶⁾ Это раздѣленіе пехлевійскаго языка на аршакидскій и сассанидскіе періоды нужно понимать съ той оговоркой, что къ аршакидскому періоду относится и персидскій языкъ временъ селевкидовъ, между тѣмъ какъ сассанидская эпоха обнимала, можетъ быть, и времена первыхъ халифовъ.

¹¹⁷⁾ Ср. *Stein*, Zoroastrian Deities on Indo—Scythian coins. (Oriental and Babylonian record 1887). По сообщенію *Ibn Khordādhbeh*, въ 9-омъ столѣтіи по Р. Х. среди тюркскихъ племенъ теперешняго Туркестана находились и поклонники «магизма» (стр. 31, 1).

¹¹⁸⁾ Ср. *Gutschmid*, Geschichte Iran's стр. 137; *Darmestéter*, *Le Zend-Avesta* III, стр. XXXVII сл. «L'Avesta et les Arsacides».

¹¹⁹⁾ Сассанидская династія была родомъ изъ области *Парсъ*, т. е. Персіи въ тѣсномъ смыслѣ.

ными учениями» — *սնէր և զպաշտակին և զպարսկադէնն*. Сюда относится, вѣроятно, и одно мѣсто у *Фирдауси*, касающееся брака царя Бехмена съ его дочерью (1756, 137):

پدر در پذيرفتش از نيکوی
بدان دين که خوانی ورا پهلوئی

«отецъ принялъ ее (въ свой гаремъ) на законномъ основаніи¹²⁰⁾, согласно той вѣрѣ, которую называютъ пехлевійской». Объ этомъ бракѣ *Бехмена* съ дочерью упоминаетъ и *Табари* (т. I, стр. 689, 2).

На существованіе брака между ближайшими родственниками среди древнихъ армянъ прямо указываютъ сообщенія историковъ древней Арменіи, ведущихъ ярую полемику противъ ученія и пропаганды зороастрійской религій. Между этими авторами имѣютъ особенный вѣсъ указанія *Фавста Византійскаго* и *Езника*; первымъ изъ нихъ впослѣдствіи пользовался авторъ жизнеописанія Св. *Нерсеса Благодатнаго*. Всѣ эти мѣста собраны и переведены на нѣмецкій языкъ проф. *Hübshmann*'омъ¹²¹⁾. Оставляя пока въ сторонѣ указанія *Езника*, касающіяся исключительно персидскихъ «суевѣрій», безъ прямого примѣненія ихъ къ Арменіи мы приведемъ мѣсто у *Фавста*¹²²⁾ — *և փախել ակելի ՚ի մերձաւոր և յազգին տոհմակից խառնակութեան անպանութենէն*; — Св. Нерсесъ увѣщаетъ армянъ, «избѣгать въ особенности брачнаго общенія съ родственниками и родичами». Однако, не слѣдуетъ упустить изъ вниманія того обстоятельства, что, хотя фактъ брака между ближайшими родственниками среди древнихъ персовъ не подлежитъ никакому сомнѣнію въ виду единогласнаго свидѣтельства древнихъ и новыхъ источниковъ, наукой еще не вполне установлено, упоминается-ли въ *Авестѣ* объ этомъ обычаѣ или нѣтъ. Это обстоятельство побудило ученаго парсійскаго *Дастура Peshootan Sanjana* отрицать въ его сочиненіи «*Next of Kin — marriage in old Irân*» (Лондонъ 1888) существованіе брака между близкими родственниками въ древней Персіи; не ограничиваясь этимъ, парсійскій богословъ даже старался доказать, что всѣ извѣстія древнихъ писателей объ этомъ предметѣ лишены всякой достовѣрности. Однако мы, придерживаясь мнѣнія *West*'а¹²³⁾, позволяемъ себѣ указать на то обстоятельство, что даже новоперсидская поэзія, возникшая послѣ окончательнаго торжества ислама въ Персіи, знаетъ о существо-

¹²⁰⁾ Дословно съ добрымъ (замысломъ) *bona fide*. Не слѣдуетъ упустить изъ вниманія, что эпосъ *Фирдауси* былъ составленъ для мусульманскихъ читателей, въ глазахъ которыхъ бракъ отца съ дочерью являлся, конечно, преступленіемъ.

¹²¹⁾ Ср. ZDMG 43, стр. 310—312.

¹²²⁾ Кн. IV, гл. IV, стр. 64 въ изд. Патканова.

¹²³⁾ Ср. статью этого ученаго, и лучшаго современнаго знатока быта и языка парсовъ: *The meaning of Khvêtúk—das or Khvêtúdad* въ *Pahlavi Texts II*, стр. 389—430. *West* высказывается за существованіе брака между ближайшими родственниками среди древнихъ персовъ.

ваніи брака между братомъ и сестрой¹²⁴). Но если мы даже допустимъ возможность, что *Авеста* не предписываетъ такого брака, то нужно имѣть въ виду, что реформація Зороастра возникла, вѣроятно, въ восточной части *Ирана* и что сверхъ того принадлежность ахеменидовъ къ зороастрійской формѣ персидской религіи еще не установлена съ полной убѣдительною¹²⁵). Но съ другой стороны нельзя упустить изъ вниманія, что, если уже существовалъ такой обычай, какъ бракъ между ближайшими родственниками, онъ съ особенной устойчивостью сохранился среди аристократіи¹²⁶).

По нашему мнѣнію, дошедшія до насъ извѣстія объ остаткахъ иранскихъ элементовъ въ религіи древнихъ армянъ прямо указываютъ на заимствованіе изъ той формы религіи, которая водворилась въ Персіи вслѣдствіе религиозной реформы, приписываемой Зороастру¹²⁷), внесшему болѣе опредѣленный догматическо-теократическій элементъ въ народную религію древнихъ иранцевъ. Но эта реформація, конечно, была проведена не безъ тяжелыхъ усилій, какъ это видно изъ многихъ стиховъ въ *Гатахъ* и изъ парсійскаго преданія, сохранившагося въ сочиненіяхъ арабскихъ историковъ (ср. *Табари I*, стр. 648). Такъ какъ извѣстія армянскихъ писателей восходятъ лишь ко времени первыхъ сассанидовъ, а мы, съ другой стороны, весьма мало знаемъ о формѣ зороастризма при аршакидахъ¹²⁸), то при рѣшеніи вопроса относительно точнаго опредѣленія характера древнеармянской религіи мы поставлены въ довольно затруднительное положеніе; лично мы думаемъ, что эта религія древнихъ армянъ представляла изъ себя обьярмянившуюся форму маздеизма или зороастризма съ извѣстной примѣсью греческихъ и семитическихъ элементовъ въ связи вообще съ малоазійскими религиозными возрѣніями.

¹²⁴) Ср. *Фирд.* 1756, 137 (выше) и поэму «Виса и Раминъ» стр. 24—25; 31, 3 снизу; 32, 2 сверху; 44, 4 снизу, 45 ult. Ср. также ZDMG т. 20, стр. 113; т. 35, стр. 615; т. 43, стр. 310 сл. и пехлевійскій эпическій рассказъ *Jātkār-i-Zārēran* въ переводѣ Geiger'a стр. 49 и 76, 4.

¹²⁵) Ср. *Paul Horn*. Waren die alten Perser Zoroastrier? прилож. 171 къ № 206 *Allgem. Zeitung* № 206; 1895).

¹²⁶) *А. Нерсесъ* объясняетъ этотъ бракъ изъ желанія сохранить интересы «родовитаго дворянства и отцовское достояніе» — *յարազան սեպհակն արտաթեան և հարկեանց* (ZDM 43, 311).

¹²⁷) *А. Н. Гренъ* (Кіевскія Университетскія Извѣстія за 1895 годъ, № 8, стр. 95) оспариваетъ господство зороастризма въ Арменіи, основываясь на многихъ неперсидскихъ элементахъ въ древнеармянской религіи. Однако, греческое и семитическое вліяніе было очень сильно и въ аршакидской Персіи а семитическую богиню *Нанъ* мы даже находили на сассанидскихъ геммахъ, т. е. во время несомнѣннаго господства самаго строгаго зороастризма (ср. ZDMG 44, стр. 669).

¹²⁸) Замѣтимъ кстати, что во всякомъ случаѣ та форма иранской религіи, которая была господствующей вѣрой при ахеменидахъ и которая намъ извѣстна главнымъ образомъ изъ исторіи Геродота и клинообразныхъ надписей, не смотря на извѣстныя различія, не отличалась существенно отъ религіи Зендавесты. Но такъ какъ съ другой стороны и Геродотъ и клинообразныя надписи проходятъ молчаніемъ личность Зороастра, то можно допустить возможность, что иранская реформація не была распространена въ западной части Ирана при первыхъ ахеменидахъ.

Всякое другое влияние на религиозную, социальную и умственную жизнь древних армян во всех отношениях уступает иранскому: и нужно, при определении греческого и семитического дохристианского влияния на язык и воззрения армян, всегда иметь в виду, что в свою очередь и культура аршакидской Персии стояла под значительным влиянием греко-семитической цивилизации, господствовавшей в эти времена во всей передней Азии. Однако, мы думаем, что такое влияние сирийцев могло отразиться на Армении и помимо персов. Такое сирийское влияние было, по видимому, всего сильнее в прилегающих к арамейским провинциям армянских областях.

При этом не следует забывать, что в древней Армении аристократия составляла нацию в политическом смысле, а вся духовная жизнь этой аристократии была пропитана иранским духом; народ же был призван к участию в духовной жизни своей страны не раньше появления в ней христианства.

Для характеристики того глубокого влияния, которое имели иранизм на высшие слои армянского народа, мы теперь обратимся к известиям армянских писателей о том переходном времени, когда христианство находилось в ожесточенной борьбе против зороастризма. Христианские историки¹²⁹⁾ этого времени, высоко держащие знамя своей веры, нередко жалуются на упорную привязанность армянского народа к религии своих предков; они этим указывают на глубокие корни, которые пустила персидская культура в жизни древних армян.

И на самом деле, весьма не мудрено понять, что маздеизм персов, проповедующий жизнерадостное настроение и наслаждение земными благами, пришелся больше по вкусу иранизированной до мозга костей армянской знати и армянскому царствующему дому из парянской династии аршакидов, чем христианство, требующее воздержания от светских прихотей и сверх того носящее на себе в первые столетия своего существования совершенно демократический характер¹³⁰⁾. Приведем теперь самые характерные места из истории Фавста, имеющие значение для нашего предмета. В третьей книге, гл. 3, стр. 7 *Фавст* упоминает о чудь, мшавшем армянским язычникам убить епископа Вертанеса, — историк при этом отзываясь об армянах следующим образом: *որք միանգամ զհնու թիւն կռակաշարո թեան հեթանոսութեան զնոյն սովորութիւն մինչև ցայն-ժամ և ունէին գաղտնի* — «(язычеству) которые все еще тайкомъ придерживались обычаев старинного языческого идолопоклонства до этого времени».

¹²⁹⁾ Мы тут главным образом будем ссылаться на *Фавста Византийского* (в изд. Патканова), которого *Gutschmid* вполне основательно называет «ein echter Geschichtsschreiber». Ср. статью: *Über die Glaubwürdigkeit des Moses von Choren* стр. 2 в особенном оттиске.

¹³⁰⁾ Ср. вышеупомянутое воззвание *Михрь-Нерсе* к армянам (Египте гл. II, стр. 27 сл. в издании Иоаннесова), где как нельзя лучше противопоставляется христианской этике эпикурейский дух мировоззрения сасанидских зороастрийцев.

И далѣе *Фавстъ* (III, 13, 29) говоритъ:—*զի 'ի վաղնջուց, յորմէ հետէ առին նորա զանուն քրիստոնէութեան, ընդ միայն իբրև զկրօնս իմն մարդկութեան յանձինս իւրեանց և ոչ ջերմեանդն ինչ հաւատովք ընկալան, այլ իբրև զմոլորութիւն իմն մարդկութեան ի հարկէ*— «хотя они (армяне) издавна носили имя христіанъ, однако восприняли христіанство какъ-бы челоувѣческую религію и не были проникнуты теплой вѣрой, относясь къ ней какъ къ челоувѣческому заблужденію по необходимости». И далѣе, *ibid*—*և զիւրեանց երգս առասպելաց զվիպասանութեանն սիրեցեալք 'ի փոյթ կրթութեանցն, և նմին հաւատացեալք, և 'ի նոյն հանապազորդեալք,*— «и распѣвая свои эпическія пѣсни, они охотно въ этомъ изошрялись, вѣруя въ нихъ, и постоянно ихъ повторяя»— *ср. ibid*:—*և զգրցն հնութեան պաշտամունս 'ի նմանութիւն պոռնկութեան գործոյն ընդ խաւար կատրէին.*— «и поклоненіе своимъ древнимъ богамъ они совершали въ темнотѣ, какъ-бы исполняя дѣло любодѣйствія; далѣе, *ibid*.—*բայց միայն սակաւ ինչ զհանգամանս գիտէին հելլէն կամ ասորի դպրութեանց*— «и они очень мало были знакомы съ греческой и сирской письменностью».

Такая привязанность древнихъ армянъ къ ихъ языческой религіи нашла сильную поддержку со стороны персидскихъ царей и зороастрійскаго духовенства, пропаганда котораго имѣла значительный успѣхъ среди армянскихъ вельможъ. Послѣ смерти Св. Нерсеса—передаетъ *Фавстъ* (V, 31, 194) «многія области Арменіи и многочисленныя жители возвратились къ древнему демонопоклонству, воздвигая кумиры во многихъ мѣстностяхъ Арменіи, съ допущенія со стороны царя Папа—*բազում գաւառք հայոց և բազում մարդիկ 'ի հնութիւն դիւապաշտութեան դարձան, և ընդ բազում տեղիս հայոց կուռս կանգնեցին, 'ի համարձակութենէ թագաւորին Պապայ*».— Изъ числа армянскихъ вельможъ, принявшихъ персидскую вѣру, упоминаются у *Фавста Меружанъ Арцруни* и *Ваханъ Маликонеанъ*. По словамъ армянск. историка, «Меружанъ Арцруни, принявъ религію маздейцевъ т. е. маговъ, поклонялся солнцу и огню, признавая, что (настоящіе) боги суть тѣ, которымъ поклоняется царь персидскій»—*և կալաւ զօրէնս մագդեղանցն, այսինքն, զմոգուցն. եպագ երկին արեգական և կրակի, և խոստովան եղև ' թէ աստուածք այն են, զոր թագաւոր Պարսից պաշտէ.*¹³¹).—Такимъ-же образомъ поступилъ Ваханъ Маликонеанъ, «соглашаясь соблюдать законы маговъ, т. е. поклониться огню, водѣ и солнцу»;*—և յանձն առ պաշտել զօրէնս մոգութեան, այսինքն երկիր պարանել կրակի և ջրոյ և արեգական (Фавстъ IV, 50, стр. 136).*

Но не довольствуясь открытымъ переходомъ въ религію враговъ тогдашней Арменіи, *Меружанъ* и *Ваханъ*, воздвигая пиреи, старались совратить въ зороастризмъ также своихъ единоплеменниковъ: *Ատրուշանս շինէին 'ի բազում տեղիս, և զմարդիկ հնազանդէին օրինացն Մագդեղանց. և բազում յիւրեանց սեպհականսն շինէին ատրուշանս, և զորդիս և զպագայինս իւրեանց տային յուսումն Մագդեղանցն.* (*Фавстъ IV, гл. 59, 152*); «они основали пиреи во многихъ мѣстахъ и обратили людей въ ученіе маздензма; они также

¹³¹) *Ср. ibid.* кн. IV, гл. 23, стр. 119; *ibid.* кн. V, гл. 43, стр. 211:—*զօրէնս մագդեղանցն յանձն առեալ էր*— «онъ (т. е. Меружанъ Арцруни) принялъ законъ поклонниковъ маздензма».

воздвигли пиреи въ собственныхъ своихъ владѣніяхъ и сыновей и родственниковъ своихъ они отдавали для обученія поклонникамъ маздеизма». — Не останавливаясь ни передъ чѣмъ, эти ревнители маздеизма приступали даже къ разрушенію христіанскихъ церквей. Ср. Исторію *Фавста* кн. IV, гл. 59, стр. 151: — *Այնուհետև Վահանն մամիկոնեան և Մերուժանն արծրունի, սորա երկրբան արք պիղծք անօրէնք էին, ապստամբեալք էին յուխտէ աստուածապաշտութեան, և զանաստուած Մազդեզանց աղանդն յանձն առեալ պաշտէին, սկսան այնուհետև յերկրին հայոց աւերել զեկեղեցիս՝ զտեղիս աղօթից քրիստօնէից յամենայն կողմանս հայոց՝ գաւառաց գաւառաց և կողմանց կողմանց. «Послѣ этого Ваханъ Мамиконейнъ и Меружанъ Арцруни, будучи оба нечестивыми, незаконными, приняли безбожное лжеученіе поклонниковъ маздеизма, отрекшись отъ ученія (истиннаго) Бога, и послѣ этого стали разрушать церкви и часовни христіанскія во всѣхъ концахъ и предѣлахъ земли армянской».*

Изъ исторіи *Египше*¹³²⁾ мы видимъ, что еще въ V-омъ вѣкѣ нашей эры въ лицѣ Васака, князя Сіонійскаго, явился изъ среды армянской знати поборникъ маздеизма, «который въ душѣ своей еще не отказался отъ вѣры язычниковъ» — *որ ոչ ի բաց կացեալ էր յուխտէն հեթանոսաց ըստ ներքին խորհրդոցն իւրոց:*

Однако, удостовѣрено свидѣтельствомъ *Фавста* Византійскаго, что и въ царствующемъ аршакидскомъ домѣ въ IV-омъ вѣкѣ сохранилась еще привязанность къ религіи иранскихъ предковъ. Такъ, по преданію, царица Парандземъ, жена армянскаго царя Аршака, посвятила дѣвамъ своего сына Папа при его рожденіи: — *իրրև ծնաւ զնա մայր իւր, քանզի անօրէն մարդ էր, և ամենևին յաստուծոյ ոչ երկնչէր, նուիրեաց զնա դիւաց և բնակեցին զևք բազումք ի մանուկն. (Фавстъ IV, 44, стр. 132), — «когда мать (Парандземъ) родила своего сына (Папа), то будучи сама нечестивой и не знающей страха передъ Богомъ, она посвятила его дѣвамъ, и поселилось въ немъ множество дэвовъ¹³³⁾.*

Это преданіе о посвященіи Папа дѣвамъ дало поводъ къ слѣдующему любопытному разсказу *Фавста* (стр. 180): — *վասն զի հանապազ զկամս դիւաց ասնէր, վասն այսորիկ և զբժշկութիւն իսկ ոչ կամէր գտանել զի հանապազ վարժէր զանձն իւր դիւօք, և կախարդանօք երևէին զևքն ՚ի նմա. և ամենայն մարդ զգևսն ՚ի նմա աչօք բացօք տեսանէին. զի յորժամ մարդիկ հանապազօր յայգորել ելեալ մտանէին, տեսանէին՝ զի յօձից կերպարանս ելանէին ՚ի ծոցոյն Պապայ թագաւորին, և պատէին զուօք նորա — «вслѣдствіе этого (т. е. посвященія его дѣвамъ) онъ (Папъ) всегда исполнялъ желаніе дэвовъ и по этому не желалъ исцѣленія отъ нихъ; ибо онъ постоянно упражнялъ себя дѣвами и дэвы появлялись въ немъ своими чародѣйствами: и всякій воочію видѣлъ въ немъ дэвовъ. Всякій разъ когда спозаранку приходили къ царю съ поклономъ, замѣчали, какъ (дэвы) въ видѣ змѣй выползали изъ объятій царя Папа и охватывали его плечи».*

¹³²⁾ III, стр. 69 въ изд. Иоаннесова.

¹³³⁾ Ср. *ibid.* V, 22, стр. 181.

Этотъ любопытный разсказъ *Фавста* о посвященіи армянскаго царя Папа змѣвиднымъ чудовищамъ есть, по нашему мнѣнію, примѣненіе одного эпизода изъ персидскаго сказанія о *Доххакъ*¹³⁴⁾ къ армянскому царю *Пану*. Ср. *Фурдауси* 32, 177:

دومار سیه از دوکتفش برست

«Двѣ черныхъ змѣи выросли изъ его плечъ».

Армянскій пересказъ тѣмъ любопытнѣе, что онъ исходитъ изъ христіанскаго источника. Повидимому это свидѣтельствуеетъ о сильномъ вліяніи персидскихъ эпическихъ сюжетовъ на воображеніе населенія древней Арменіи.

Христіанскій писатель Езникъ (II, 140) прямо называетъ зороастрійцевъ *դիւանապաշտ* «поклонниками дэвовъ».

Такая привязанность армянскаго царствующаго дома къ религіи своихъ предковъ имѣла, помимо личнаго расположенія къ колыбели аршакидскаго рода, еще политическую цѣль. Армянскіе цари-аршакиды, считая сассанидовъ самозванцами, претендовали на престолъ шахиншаховъ Ирана, какъ нѣкогда принадлежавшій ихъ истымъ предкамъ. Само собой разумѣется, что «Царское величіе» Ирана, *فرکیان*, могло быть присушимъ только настоящему зороастрійцу, а что слѣдовательно послѣ принятія христіанства армянскимъ царямъ уже нельзя было мечтать объ осуществленіи завѣтной мысли ихъ династіи въ строго зороастрійской Персіи время сассанидовъ. Эти вождельнія армянскихъ царей особенно ярко выступаютъ въ словахъ армянскаго царя Аршака, сказанныхъ имъ при встрѣчѣ съ персидскимъ царемъ Шахпуромъ. Ср. *Фавстъ* IV, 54, 142: *'ի բաց կայ յինէն, ծառայ չարագործ տիրացեալ տերանցն քոց. այլ ոչ թողից զքեզ և որդւոց քոց զվրէժ նախնեաց իմոց, և զմահն Արտաւանայ արքայի.* — «Иди прочь отъ меня, рабъ ты преступный, воцарившійся надъ своими (законными) господами; я не оставлю ни тебя, ни сыновей твоихъ безъ отмщенія за предковъ моихъ и за смерть царя Артевана¹³⁵⁾». — Такіе-же честолюбивые замыслы приписываетъ армянскому царю Тирану придворный Писакъ, желая тѣмъ поколебать довѣріе атарпатканскаго марзпана Варазъ Шапура къ своему царю Тирану: — *Խորհի հանել զԹագաւորութիւն Պարսից յազգէն Սասանայ. զի սսէ, թէ մեր լեալ է և հարցն մերոց այն տէրութիւն. Արդ սսէ, թէ չեմ ծուղալոց՝ մինչև դարձցի պատիւ հարցն նախնեաց. զնախնի զԹագաւորութիւն այսրէն առ որդի և առ զաւակ նոցա յազգս իմ և 'ի տունս իմ և յանձն իմ դարձուցանեմ¹³⁶⁾*; — «онъ замышляетъ отнять царскую власть въ Персіи у рода Сасана, говоря: «Страна эта была нашею и нашихъ отцовъ». И такъ говорить

¹³⁴⁾ Въ *Авестѣ* *Axi dahāka*, пехл. *Aḫdahāk* (также у Моисея Хоренскаго), н. п. *اددا*; форма *ددا* есть арабское видоизмѣненіе этого имени, употребляемое и въ *Шах-намѣ*. Ср. *Табари* I, стр. 202, 11.

¹³⁵⁾ *Ардаванъ*, послѣдній царь изъ аршакидской династіи, убитый въ битвѣ съ Ардеширомъ Бабаганомъ, основателемъ сассанидской династіи (въ 224-омъ году по Р. Х.).

¹³⁶⁾ *Фавстъ* III, 20, стр. 43.

онъ: «я не успокоюсь, пока мнѣ не будетъ возвращено (подобающее мнѣ) званіе моихъ отцовъ; и я немедленно верну прежнюю царскую власть себѣ, своему сыну и его потомству, своему роду и своему дому».

Позволимъ себѣ привести еще одно мѣсто изъ исторіи Арменіи *Фавста* (IV, 59, стр. 151), въ которомъ идетъ рѣчь о совращеніи женщинъ въ зороастризмъ: — *սպին հրաման... զի ներկայն զնրա՝ դարձուցանել յորէն Մարդկանց. եթէ ոչ անուցուն յանձն, սասակայցն զամենեւեալ շրջար*; — «они (т. е. Меружанъ и Ваханъ) издали приказъ (такого содержания): чтобы (военачальники) принуждали женъ (т. е. женъ армянскихъ вельможъ) принять религію маздеизма; а въ случаѣ отказа перебить ихъ всѣхъ жестокимъ образомъ».

Къ повѣрѣямъ и обычаямъ, связаннымъ въ извѣстной степени съ религіозной жизнью и общимъ древнимъ армянамъ и персамъ, принадлежатъ вѣра въ дѣйствіе дурнаго глаза и употребленіе приворотной травы для разжиганія любовныхъ страстей. Но этимъ обычаямъ и суевѣрѣямъ, распространеннымъ и среди многихъ другихъ народовъ, нельзя придавать никакого рѣшающаго значенія. Мы лишь для полноты приведемъ тѣ свѣдѣнія, которыя намъ удалось найти въ армянской и пехлевійской литературахъ.

О вліяніи дурнаго глаза упоминаетъ *Моисей Хоренскій* (кн. II, гл. 42, стр. 119, Венец. изд.), приписывающій это свойство армянскому царю *Ерванду*. Судя по указанію въ Бундехшѣ¹²⁷⁾, и довольно частому упоминанію глаза въ болѣе древней персидской поэзіи, вѣра въ глазъ играла значительную роль въ народной жизни Персіи¹²⁸⁾.

Объ употребленіи же приворотной травы у древнихъ армянъ, ср. *Моисей Хоренскаго* I, гл. 30, стр. 58 и 94; *Паткановъ*, Матеріалы для армянскаго словаря I, стр. 22—24; II, стр. 44. *Халатьянцъ*, WZKM, за 1893 г. стр. 27. О зельѣ, употребляемомъ у персовъ для приготовленія приворотной травы, ср. *Lagarde*, *Gesammelte Abhandlungen* стр. 18. Употребленіе той-же травы извѣстно и кавказскимъ народамъ; ср.: *Дубровинъ*, *Исторія войны и владычества Русскихъ на Кавказѣ* I, 1, стр. 527.

Съ первоначальной иранской религіей древнихъ армянъ, можетъ быть, находилось въ связи и пристрастіе армянскихъ вельможъ къ охотѣ, такъ какъ зороастрійскій законъ требовалъ истребленія дикихъ животныхъ и насѣкомыхъ (по пехл. *храфстаръ*). Въ Шахнамѣ и въ другихъ памятникахъ персидской литературы охота играетъ въ жизни знати весьма видную

¹²⁷⁾ Гл. 28, 15: *Мѣнōī arask dēv druī kīnvar ī dušcašmī* «the demon Arask (,malice') is the spiteful fiend of the evil eye» (*West*, *Pahlavi Texts* I, стр. 107, 14).

¹²⁸⁾ Дурной глазъ называется по персидски چشمه. Ср. «Древности Восточныя» т. II, стр. 19, прим. 7. Ср. *Фирдауси* 1047, 1490; *Виса и Раминъ* 246, 7; 261, 6; 297, 6 сн; 391, 11. *Садди*, *Бустанъ* стр. 26, 184; 62, 208, (въ изд. *Графа*). Противъ бѣдствій, могущихъ произойти отъ дурнаго глаза, персы употребляли растеніе روتا (рута). Ср. *Ethé*, *Rudagis Vorläufer und Zeitgenossen* (*Morgld. Forsch.* 40). *Фирд.* 289, 133. *Гулистанъ* I, 20. *Хафизъ*, *Синъ*, 15.

роль¹³⁹). Приведемъ одно мѣсто изъ армянской Исторіи «*Лазаря Парпскаго*» гл. 5, стр. 21, гдѣ между прочимъ идетъ рѣчь и о дѣтяхъ армянскихъ вельможъ, охотившихся на разнородныя породы птицъ при помощи соколовъ — *զսլլ և սլլ սերս 'ի թռչնոցն քրիստոսեալ բազայիւք*; — Ср. поэму *Гургани* «Виса о Раминъ» стр. 231, 12:

կէի կիրմ Ե Եւզան Զրմ օ Ահօ
 կէի կիրմ Ե Եւզան ԿԵԿ օ Կիւօ

«то я съ гепардами ловлю туровъ и сайгъ, то я съ соколами ловлю куро-патокъ и рябчиковъ».

Мы не имѣемъ въ виду касаться въ этой статьѣ разбора слѣдовъ иранскаго вліянія на гражданскую жизнь древнихъ армянъ, хотя это вліяніе, безспорно, было весьма значительно. Феодальное устройство, придворные порядки, гражданская и военная жизнь древней Арменіи, всѣ эти стороны жизни отражаютъ на себѣ сильнѣйшее вліяніе Персіи. Но мы должны повторить, что доступные намъ источники даютъ намъ возможность судить только о знати въ древней Арменіи. О темной массѣ простаго народа мы очень мало знаемъ. Но можно предположить, что среди армянскихъ простолюдиновъ иранское вліяніе было гораздо слабѣе, чѣмъ въ кругахъ высшаго общества. Намъ думается, что дѣятельность христіанскаго духовенства, пробудившаго народное самосознаніе изобрѣтеніемъ алфавита и созданіемъ армянской словесности, нашла свою главную опору въ простомъ народѣ, менѣе доступномъ вліянію Ирана. Воскресивъ въ населеніи чувство національной самобытности, христіанское движеніе вмѣстѣ съ тѣмъ вселило въ сердцахъ народа отвращеніе противъ религіи персовъ. Наглядной иллюстраціей такой перемѣны въ религіозныхъ взглядахъ служить сожженіе персидскихъ плѣнниковъ, послѣдовавшее по приказанію побѣдоноснаго армянскаго полководца Мушега, — *իսկ զՄազդեզդունս, որ միանգամ 'ի բունն արկին, զամենեանն սպոր հրաման սպարապետ Մուշեղունել և հրով խորովել*. (Фавствъ, кн. V, гл. I, стр. 157).

Такое оскверненіе огня черезъ прикосновеніе къ нему труповъ считалось у персовъ весьма тяжкимъ святотатствомъ¹⁴⁰). Такое-же оскверненіе огня намѣревались совершить и туранцы, грозившіе сжечь тѣло иранскаго богатыря *Рустема* («*Фирдауси*» стр. 978, 298):

تانش را بسوزیم و خاکسترش
 همی بر فشانیم پیش درش

«тѣло его мы сожжемъ—а его пепелъ мы посыплемъ передъ вратами его (дома)».

¹³⁹) Ср. *Фирд.* 416, 555 сл. «Виса и Раминъ» 124, 6 снизу; 309, 2 снизу.

¹⁴⁰) *Darmestéter*, Le Zend-Avesta t. III, стр. LXVIII.

По окончаніи нашей статьи мы ознакомились съ трудомъ *H. Gelzer's* «Zug armenischen Götterlehre»¹⁴¹⁾. Разбирая дошедшія до насъ свѣдѣнія объ языческой религіи древныхъ армянъ, іенскій ученый приходитъ къ заключенію, что въ ней замѣтны четыре элемента, а именно: иранскій, семитическій, коренной армянскій и греческій элементы, какъ это было замѣчено уже покойнымъ арменистомъ Эминимъ. Проф. *Гельцеръ*, конечно, вполне признаетъ глубокое и всестороннее вліяніе иранской культуры на древнеармянскую жизнь; но что касается армянской языческой религіи, то онъ допускаетъ въ этомъ вопросѣ лишь существованіе сильнаго иранскаго элемента въ вѣрованіяхъ древней Арменіи. Ссылаясь на свидѣтельство Моисея Хоренскаго—къ сожалѣнію сомнительное—о разрушеніи армянскихъ святынь персидскимъ царемъ Ардеширомъ (II 77), г. *Гельцеръ* (стр. 135) видитъ въ такомъ поступкѣ сассанидскаго ревнителя зороастризма прямое указаніе на различіе армянской религіи отъ персидской: «армянскій политеизмъ, говоритъ проф. *Гельцеръ*, несмотря на свои сильныя, хотя во многихъ отношеніяхъ подвергнушіеся измѣненіямъ націонализированныя иранскіе элементы, долженъ былъ показаться въ глазахъ царя-маздеяца чистѣйшимъ идолопоклонствомъ¹⁴²⁾». Но мы должны имѣть въ виду (если мы здѣсь имѣемъ предъ собою заслуживающее вниманія историческое событіе), что «разрушеніе статуй предковъ армянскихъ царей и изображенія солнца и луны» со стороны Ардешира могло имѣть лишь политическую цѣль. Напомнимъ читателю, что и Александръ Великій послѣ взятія имъ ахеменидской столицы Персеполя предалъ огню царскій дворецъ; въ этомъ поступкѣ Александра проф. *Nöldeke*¹⁴³⁾ видитъ хорошо обдуманнй планъ, рассчитанный на образъ мыслей персовъ, такъ какъ сожженіе царскихъ палатъ должно было убѣдить персовъ, что ихъ царство окончательно рухнуло, и настоящій ихъ повелитель теперь Александръ. По нашему мнѣнію, такой мыслью могъ руководиться и Ардеширъ, разрушая статуи предковъ армянскихъ царей и изображенія солнца и луны¹⁴⁴⁾. Разбирая характеръ и положеніе *Арамазда* въ армянскомъ пантеонѣ, проф. *Гельцеръ* (стр. 103) замѣчаетъ, что, въ виду сильнаго различія между армянскимъ Арамаздомъ и *Ahurō Maṣdā* Авесты, первый представляетъ изъ себя сочетаніе («Kontamination») качествъ кореннаго, древнеармянскаго отца боговъ («Göttervater») съ верховнымъ иранскимъ богомъ. При этомъ проф. *Гельцеръ* основывается на показаніи *Агаангела*, называющаго Арамазда «царемъ всѣхъ боговъ». Мы уже выше указали на то, что такое мнимое разногласіе объясняется или тѣмъ, что *Агаангелъ*—какъ предполагаетъ Гутшмидъ—либо замѣнилъ *Зрвана Арамаздомъ*, или-же тѣмъ обстоятельствомъ, что въ данномъ

¹⁴¹⁾ Berichte über die Verhandlungen d. kgl. sächs. Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig. Philol.-Hist. Cl. Bd. 48. Лейпцигъ 1896, стр. 99—148.

¹⁴²⁾ Der armenische Polytheismus musste trotz seiner starken—freilich vielfach umgewandelten und nationalisirten—iranischen Elemente dem mazdayasnischen Könige als der reinste Götzendienst erscheinen.

¹⁴³⁾ Aufsätze zur persischen Geschichte стр. 83.

¹⁴⁴⁾ Ср. *Халатьянцъ*, Армянскій эпосъ стр. 298—299.

случаѣ имѣло мѣсто примѣненіе греческой мифологіи къ армянскому пантеону. — Переходя далѣе — стр. 111 — къ разбору армянской богини *Анахитъ*, *Гельцеръ* полагаетъ, что въ культѣ этой богини въ Арменіи произошли значительныя видоизмѣненія, обусловливаемыя семитическимъ вліяніемъ. Но вѣдь и авестійская богиня *Anāhita*, какъ полагаютъ, восходитъ къ семитическому началу. Говоря о культѣ богини *Анахитъ* въ Багаванѣ, г. *Гельцеръ* продолжаетъ (стр. 111): «Это объясняется тѣмъ, что богиня эта была въ послѣдствіи включена въ число трехъ верховныхъ боговъ — хранителей, какъ бы *repates publici* Арменіи: Арамаздъ, Анахитъ, Вахагнъ, что видно изъ указа царя Тиридата». — По нашему мнѣнію, о такомъ болѣе позднемъ причисленіи богини Анахитъ къ вышеупомянутымъ верховнымъ божествамъ (*Арамаздъ* и *Вахагнъ*) мудрено думать: мы ссылаемся на проф. *Nöldeke*¹⁴⁵), по мнѣнію котораго имена вавилонскихъ боговъ-планетъ: *Bēl*, *Bēlti*, *Nērgal*, *Nēbo*, были въ сравнительно позднее время замѣнены персами соотвѣтствующими иранскими названіями боговъ: *Hormiṣd* (Арамаздъ у Армянъ) *Nāhēdh* (арм. Анахитъ) *Bahrām* (арм. Вахагнъ), *Tīr* (арм. Трѣ или Тіур). Такимъ образомъ, этихъ четырехъ боговъ нужно причислять къ главнымъ божествамъ древняго Ирана, а слѣдовательно и Арменіи, такъ какъ всѣ они встрѣчаются и въ армянскомъ пантеонѣ.

Переходя потомъ (стр. 119) къ божествамъ сирійскаго происхожденія, проф. *Гельцеръ* полагаетъ, что замѣна звука *l* черезъ *r* въ имени бога *Баршаминъ*, *Баршилнѣ* указываетъ на иранское вліяніе (стр. 121). Относительно имени богини *Астликъ* проф. *Гельцеръ* раздѣляетъ мнѣніе *Гофмана*, выдающаго въ этомъ названіи перев. сирійскаго слова *kaikabā* «звѣздочка» (стр. 123).

Къ числу чистоармянскихъ боговъ г. *Гельцеръ* (стр. 132) относитъ бога *Ванатур'а*, упоминаемаго у *Агавангела*, къ сожалѣнію въ очень темномъ отрывкѣ; по мнѣнію *Гельцера*, и поклоненіе солнцу и лунѣ у армянъ, о которомъ упоминаетъ *Моисей Хоренскій* — II, 77 — принадлежало издревле къ армянскому культу¹⁴⁶). Греческому вліянію, наконецъ, нѣмецкій ученый приписываетъ главнымъ образомъ введеніе въ храмы языческой Арменіи изображеній и статуй боговъ, основываясь и тутъ преимущественно на показаніяхъ *Моисея Хоренскаго* (стр. 136 и сл.).

Итакъ, проф. *Гельцеръ* считаетъ языческія вѣрованія древнихъ армянъ, на основаніи доступныхъ ему текстовъ, смѣшанной религіозной системой, отражающей на себѣ вліяніе четырехъ культурныхъ круговъ. Между этими культурами, и по его мнѣнію, оказалъ самое сильное вліяніе иранскій элементъ. Мы лично идемъ еще далѣе въ своей статьѣ, считая ядро древнеармянской религіи иранскимъ. Полезная и интересная статья проф. *Гельцера* не могла поколебать нашего мнѣнія въ данномъ вопросѣ¹⁴⁷).

¹⁴⁵) Ср. его *Persische Studien* I, стр. 34.

¹⁴⁶) Ср. однако: *Халатьянцъ*, Арм. эпосъ стр. 293 и сл.

¹⁴⁷) Замѣтимъ кстати, что сближеніе «*Kind Arataḥd*» съ *Zeús φαλακρός* (*Гельцеръ* стр. 146) было уже сдѣлано *Г. А. Халатьянцемъ* въ его трудѣ «Армянскій эпосъ въ исторіи Арменіи *Моисея Хоренскаго*», Москва 1896, стр. 291.

ГРУЗИНСКІЙ ОТРЫВОКЪ КАЛИЛЫ И ДИМНЫ.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА ОБЩЕСТВА А. С. ХАХАНОВА.

Читано въ засѣданіи Восточной Коммиссіи 8 октября 1898 года.

Калила и Димна, или лучше сказать, ея персидская версія «Анвѣр-е Сохѣилѣй, какъ я уже докладывалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Восточной Коммиссіи И. М. А. О., имѣется въ грузинскомъ переводѣ царя Вахтанга VI подъ заглавіемъ «Килила да Дамана». Переведенъ былъ этотъ сборникъ басенъ въ началѣ XVIII в. въ гор. Кирманѣ, при чемъ ученый царь въ своемъ, завѣщаніи», приложенномъ къ его переводу Анвѣре Сохѣилѣй, говоритъ, что еще въ золотой вѣкъ грузинской литературы, въ царствованіе «царицы царицъ» Тамары, «Килила да Дамана» была переведена на грузинскій языкъ, но переводъ этотъ былъ утраченъ, точно также считается до настоящаго времени погибшимъ переводъ «К. и Д.», предпринятый въ XVI в. отцомъ царя Теймураза I Давидомъ и доведенный имъ до сказки о черепахѣ и скорпионѣ. Лѣтомъ 1898 года мнѣ удалось найти въ библиотекѣ Тифлисскаго Общества распространенія грамотности среди грузинскаго населенія одинъ рукописный сборникъ статей различнаго содержанія, между которыми оказались и басни, до настоящаго времени неизвѣстныя. Списавъ всѣ сохранившіяся въ рукописи басни и сличивъ ихъ съ Килилой и Даманой въ переводѣ царя Вахтанга VI и съ арабской «Калилой и Димной», переведенной съ арабскаго на русскій языкъ М. О. Аттая и М. В. Рябининымъ, я пришелъ къ убѣжденію, что нашелъ новый отрывокъ грузинскаго перевода «К. и Д.», быть можетъ относящагося къ XII в. и по-нынѣ со временъ Вахтанга VI считавшагося погибшимъ.

Найденный мною переводъ басенъ помѣщенъ въ рукописномъ сборникѣ XVIII в. (№ 110, въ кожаномъ переплетѣ in 4°, письмо «мхедрули»). Онъ заключаетъ въ себѣ: 1) «Давришіани». (Разсказъ о дервишахъ), 2) Бесѣда дня съ ночью, соч. царемъ Теймуразомъ I, 3) «Оманіани» въ прозѣ, продолженіе «Барсовой кожи Руставели» и 4) Сказки.—Сказки начинаются безъ связи съ предъидущей страницей, прямо со словъ «Былъ одинъ знаменитый купецъ». Какъ выяснилось изъ дальнѣйшаго ознакомленія съ рукописью, отмѣченная басня вмѣстѣ съ другими, за ней слѣдующими, заимствованы изъ недошедшей до насъ въ цѣлости IV главы, такъ

какъ передъ восьмой сказкой читается «კბრო მუხუთუ» (კბობდარბს მუხვისბთობს და ბოლას დაკარგვისბთობს), т. е. глава v (соответствующая въ переводѣ г. Аттая главѣ ix объ обезьянѣ и черепахѣ). Эта пятая глава заключаетъ въ себѣ 6 сказокъ, въ шестой главѣ имѣются три сказки, всѣхъ стало-быть сказокъ въ сборникѣ шестнадцать. Обрывается рукопись на второй строчкѣ сказки о купцѣ, имѣющемъ красивую жену. Хотя сборникъ этотъ неполонъ и не совпадаетъ въ деталяхъ съ арабской «К. и Д.», но по дошедшимъ до насъ сказкамъ можно сказать, что онѣ не принадлежатъ переводу царя Вахтанга VI ни по языку, ни по формѣ: въ рассматриваемой рукописи языкъ проще, менѣе тяжело-вѣсенъ, чѣмъ у Вахтанга, которому помогалъ ученый монахъ С. С. Орбелиани¹⁾. Этотъ послѣдній снабдилъ переводъ Вахтанга разнообразными стихами, слѣды которыхъ совершенно отсутствуютъ въ найденномъ мною сборникѣ басенъ, написанныхъ только въ прозаической формѣ. Переводъ этого сборника не можетъ быть приписанъ также и вышеназванному царю Давиду, такъ какъ извѣстно, что онъ довелъ свой трудъ до сказки о черепахѣ и скорпионѣ (т. е. гл. ix по араб. «Калилѣ и Д.»), а новый сборникъ заключаетъ въ себѣ сказки, соответствующія x гл. арабскаго оригинала.

Сравнивая же вновь найденныя басни съ Калилой и Димною, легко усмотрѣть въ общемъ сходство въ содержаніи, но не всегда въ самомъ расположеніи матеріала. Первая же «сказка» изъ грузинской рукописи, ниже мною приводимая въ русскомъ переводѣ, представляетъ близкое воспроизведеніе басни «Купецъ, его жена и воръ» изъ viii гл. «о совахъ и воронахъ» Калилы и Димны. Слѣдующая *сказка, доложенная визиремъ* «Отшельникъ, корова, воръ и шайтанъ» параллельна баснѣ изъ «К. и Д.» подъ тѣмъ же заглавіемъ. Третья «сказка» *Слѣпой и его жена* соответствуетъ араб. баснѣ «Плотникъ и его жена». Нѣчто въ родѣ сказки визиря Зѣрака (въ грузинской рукописи) подъ заглавіемъ «Обезьяны и медвѣдь»²⁾ составляетъ начало главы «о совахъ и воронахъ» у г. Аттая. За этой сказкой слѣдуетъ сказки «Отшельникъ и мышенокъ», «Черная змѣя и лягушки», по содержанію совпадающія съ таковыми же изъ «Калилы и Димны». Седьмая сказка (см. у меня) о «воробѣѣ и змѣѣ» не имѣетъ параллели въ Кал. и Димнѣ. Глава пятая грузинскихъ сказокъ соответствуетъ главѣ ix «К. и Д.» «Объ обезьянѣ и черепахѣ» съ одной лишней вставочной сказкой «Два вора, царь и обезьяна». Съ басней арабскаго оригинала «Левъ, шакалъ и осель» можно сопоставить грузинскую сказку «Левъ, лисица и осель». Шестая глава грузин. сборника начинается словами: «О поспѣшности и раскаяніи впослѣдствіи». По содержанію она приближается къ главѣ x К. и Д. въ переводѣ Аттая «Объ отшельникѣ

¹⁾ С. С. Орбелиани, авторъ Грузинскаго словаря, басенъ, извѣстныхъ подъ именемъ «Книги мудрости и лжи», Путешествія по Европѣ (журналъ «Цискари» 1852, I—IV), «Христіанскаго ученія», руководства для школьныхъ воспитанниковъ и др. произведеній, умеръ приблизительно въ 1726 г.

²⁾ Заглавія басни или «сказки» въ груз. рукописи не имѣютъ: мы ихъ обозначаемъ по содержанію.

и ласкъ», но сверхъ разсужденій о необходимости сдерживаться, чтобы потомъ не расканиваться, передается только начало сказки объ отшельникѣ, вздумавшемъ жениться и отправившемся за совѣтомъ по этому вопросу къ другому отшельнику. Сказку эту я перевожу съ тѣми размышлениями, которыми она сопровождается, какъ образецъ нравоучительныхъ вставокъ, переполняющихъ разсказъ. При этомъ нужно замѣтить, что грузинскій текстъ вообще изобилуетъ сентенціями и значительно превосходитъ арабскій оригиналъ разглагольствованіями на извѣстную тему. Пятнадцатая по порядку въ моей рукописи «Сказка, сказанная куропаткой», не имѣется въ «Калилѣ и Димнѣ», а послѣдняя грузинская сказка соотвѣтствуетъ арабской баснѣ «Отшельникъ, ягненокъ и воры». (гл. viii К. и Д. въ переводѣ Аттая).

Хотя рукопись, найденная мною, относится къ XVIII в., но судя по одной припискѣ³⁾, она снята съ болѣе древняго списка. Въ воспроизведеніи собственныхъ именъ и формъ грамматическихъ замѣчаются слѣды архаическіе. Такъ имя визиря Бидпая или Барама, данное въ груз. переводѣ Анваре Соһаи-ли (Т., 1886 стр. 2), въ формѣ ბბბბ здѣсь имѣемъ съ придыханіемъ (звукъ *β* (*h*) передъ *ρ*) ბბბბბ. Другія собственные имена, здѣсь упомянутыя, слѣдующія: царь Рай; разсказываютъ басни Карсона, Кардана, (ქსბბბბ, ქსბბბბ). Зираки (ზობბბ). Этому имени соотвѣт. въ древнесирійской версіи имя царя мышей *Šīgar*⁴⁾.

Въ переводѣ имѣются ново-персидскія слова, какъ ბბბბბ пустыня (bi-безъ, âb-вода+оконч. âp=безводное).

Переводъ принаровленъ къ грузинской рѣчи весьма искусно и сдѣланъ прекраснымъ, выразительнымъ языкомъ. Нерѣдко упоминается, что визири говорили *по-грузински*⁵⁾, но это, конечно, не свидѣтельствуетъ въ пользу оригинальнаго происхожденія найденныхъ сказокъ. Можно съ увѣренностью сказать, что басни, переведенныя на грузинскій языкъ, не были буквальнымъ воспроизведеніемъ оригинала. Считать таковымъ оригиналомъ арабскія басни Бидпая въ той редакціи, которая имѣется по-русски является невозможнымъ въ виду того, что нравоучительными размышлениями, порядкомъ расположенія матеріала и добавочными сказками найденный грузинскій отрывокъ представляетъ существенную разницу съ «книгой Калила и Димна».

Я ограничился переводомъ сказокъ и опустилъ бесѣду по поводу ихъ смысла и значенія. Грузинскій отрывокъ открывается переводомъ viii гл. «К. и Д.» о совахъ и воронахъ. Въ этой главѣ въ арабскомъ оригиналѣ имѣются восемь сказокъ, по-грузински сохранились шесть сказокъ, начиная съ четвертой «Купецъ, его жена и воръ», затѣмъ слѣдуетъ въ порядкѣ «К. и Д.» Отшельникъ, корова, воръ и шайтанъ, Слѣпой (плотникъ «К. и Д.») и его жена, приведенный въ русскомъ переводѣ К. и Д. г. Аттая по-

³⁾ См. у меня дальше.

⁴⁾ Рябининъ, стр. XV въ предисловіи къ переводу «К. и Д.»

⁵⁾ Ср. *Аттая и Рябининъ* Калила и Димна, стр. 196: «Этотъ отшельникъ говорилъ между прочимъ *по-еврейски*».

латыни. Затѣмъ въ грузинской рукописи приводится сказка «Обезьяна и медвѣдь», соотвѣтствующая до извѣстной степени баснѣ о царѣ совѣ и воронѣ; заканчивается эта глава по-арабски двумя сказками, имѣющимися и въ груз. переводѣ: Отшельникъ и мышенокъ, и Черная змѣя и лягушки. Примыкающія же къ нимъ въ груз. рукописи басня «Воробей и змѣя» отсутствуетъ въ «К. и Д.». Въ главѣ «Объ обезьянѣ и черепахѣ» по-грузински приводится сказка «Воры, царь и обезьяна», не отмѣченная въ «К. и Д.», при чемъ съ араб. сказкой этой главы «Левъ, шакаль и осель» можно сравнить груз. сказку «Левъ, лисица и осель». Изъ х гл. «Объ отшельникѣ и ласкѣ» въ груз. переводѣ сохранилось только начало. Груз. же Басня, сказанная куропаткой, пропущена въ «К. и Д.», а послѣдняя сказка Отшельники, воры и ягненокъ соотвѣт. третьей сказкѣ viii гл. «К. и Д.» Я перевелъ для сравненія нѣсколько сказокъ, по содержанію приближающихся къ «К. и Д.», и всѣ сказки, не имѣющіяся въ ней. Какъ видно изъ перечисленія груз. сказокъ значительное число ихъ имѣются въ viii и ix гл. «К. и Д.» при томъ съ тѣми дополненіями, которыя приводятся въ примѣчаніяхъ русскихъ переводчиковъ изъ ватиканской рукописи Guidi⁶⁾. Слѣдуетъ отмѣтить, что Guidi даетъ рукописи заглавіе (il capitolo) di Behgām ge dei tori, которому соотвѣтствуетъ въ грузин. рукописи имя Bahgam. Порядокъ сказокъ въ этой главѣ, какъ можно было замѣтить, перебитъ, такъ: за 8-ой сказкой «К. и Д.» *Черная змѣя и лягушки* приводится въ груз. переводѣ сказка «Отшельникъ, ягненокъ и воры», занимающая третье мѣсто въ viii гл. «К. и Д.» Двѣ же первыя сказки изъ этой главы вовсе не сохранились. Въ виду всѣхъ вышеприведенныхъ фактовъ я полагаю, что найденный груз. отрывокъ басенъ Бидпая не есть воспроизведеніе той редакціи «К. и Д.» которая имѣется въ русск. переводѣ. Какъ бы то ни было, нижеприводимыя сказки представляютъ интересъ для занимающихся вопросомъ объ отпрыскахъ Панчатантры.

Какъ видно изъ одного мѣста рукописи, она была переведена съ болѣе полного оригинала. Въ главѣ vi (см. дальше) читается, что переводчикъ изъ нея перевелъ только нѣкоторыя басни. А конецъ этой сказки свидѣтельствуетъ, что нынѣ найденная рукопись снята съ болѣе древняго списка: замѣтка переписчика: «здѣсь въ оригиналѣ не хватало» служить къ этому мнѣнію достаточнымъ основаніемъ.

1. Купецъ, его жена и воръ. Ср. К. и Д.

Былъ одинъ знатный купецъ, владѣлецъ громаднаго состоянія, но съ виду былъ онъ невзраченъ и некрасивъ. У него была красивая жена, подобная пятнадцатилѣтней лунѣ, затмевающая (с. бракующая)⁷⁾ солнце и

⁶⁾ Напр. ср. примѣч. къ IX гл. о черепахѣ и обезьянѣ. Тутъ же предисловіе LXXXIX.

⁷⁾ Буквою с. обозначаю слово *собственно*, т. е. буквальное значеніе.

мѣсяцъ, всѣмъ одаренная и не знающая счета (своей)⁸⁾ славѣ и похвалѣ. Мужъ ее очень любилъ, но ей было неприятно (с. доставляло горечь) видѣть мужа, и къ нему она не прикасалась⁹⁾. Въ одну ночь въ ихъ домъ вошелъ воръ; мужъ спалъ, а жена бодрствовала. Она узнала о проникновеніи (къ нимъ) вора, испугалась его и тотчасъ же прижалась къ мужу. Когда купецъ проснулся, увидѣлъ, что жена рядомъ съ нимъ, обрадовался и сказалъ: о, еслибы (я зналъ, что за причина) такого счастья и радости, что жена ко мнѣ приблизилась! *до сихъ поръ судьба моя почивала (мнѣ не улыбалась), а теперь она проснулась (= открылась).* Когда (же) открылъ купецъ глаза, увидѣлъ вора и сказалъ (ему): *я счастливъ, что ты пожаловалъ въ мой домъ, миръ твоей встрѣчѣ!* Что (сколько) хочешь (изъ) вещей возьми изъ моего дома, такъ какъ (=за то, что) эта моя жена, благодаря твоей счастливой ногѣ, приблизилась ко мнѣ. *Гдѣ ты былъ до сихъ поръ? о, еслибы (я желалъ бы, чтобы) ты раньше пожаловалъ!*

Полюза этого разсказа заключается въ томъ, что отъ страха часто врагъ дѣлается другомъ¹⁰⁾.

2. Корова, пустынный, воръ и дьяволъ. Ср. К. и Д.

Былъ одинъ спасающій душу пустынный; пребывалъ онъ въ странѣ Багдадской. Дневнымъ и ночнымъ его занятіями были молитва и милостыня. Одинъ его ученикъ подарилъ ему одну хорошую корову, и какой-то воръ замѣтилъ эту корову и пожелалъ ее украсть. Отправился этотъ воръ на кражу,—по пути встрѣтилъ одного дэви (=демона), который явился ему въ образѣ человѣка. Воръ спросилъ (его): «куда ты идешь и кто ты такой?»—Тотъ отвѣтилъ ему: «я дэви и хожу въ образѣ человѣка (въ виду того), что одинъ пустынный (всю) страну (с. міръ) обратилъ въ свою религію, отвративъ отъ насъ, и ищущу (теперь) случая (с. время) причинить ему чѣмъ-либо смерть и тѣмъ міръ снова къ себѣ приблизить (перевести на свою сторону). Вотъ моя забота (с. дѣло). Такъ какъ я съ тобою столкнулся на этой дорогѣ и открылся тебѣ и сказалъ правду, (то) теперь и ты скажи, кто ты и (с. или) куда идешь? Тотъ отвѣтилъ ему: «я воръ, и (такъ какъ) у того пустынного есть одна хорошая корова, то ее хочу у него украсть. Дэви одобрилъ это его намѣреніе (с. слово) и сказалъ тому вору: «такъ какъ и ты къ нему идешь съ неприязнью, то я очень полюбилъ тебя, и мы хорошими друзьями являемся». Дали другъ другу слово относительно враждебныхъ дѣйствій (с. вражды) противъ того пустынного и отправились. Шли (долго) и вечеромъ прибыли къ тому пустынному. Послѣдній (с. онъ), видно, предъ тѣмъ кончилъ молитву и тамъ же (за книгой?) задремалъ. Воръ подумалъ: если (с. когда) этотъ

⁸⁾ Въ круглыхъ скобкахъ ставлю слова, которыя отсутствуютъ въ текстѣ, но для яснаго пониманія необходимыя въ русскомъ переводѣ.

⁹⁾ Отъ слова «у него была красивая жена» до «она не прикасалась» отсутствуетъ въ «К. и Д.»

¹⁰⁾ Напечатанныя курсивомъ слова отсутствуютъ въ «К. и Д.»

дэви подойдетъ къ нему (пустыннику) съ цѣлью убить его, то пустынникъ проснется, и онъ отъ страха крикнетъ, дэви исчезнетъ, а сосѣди поймаютъ меня. Такимъ путемъ (с. этимъ) нельзя украсть этой коровы. Дэви (же) думалъ слѣд.: если (когда) этотъ воръ отворить двери, чтобы вывести (с. украсть) корову, то двери заскрипятъ, пустынникъ проснется и закричитъ; на его крикъ соберутся сосѣди, и я не сумѣю его убить. Онъ сказалъ вору: «пусти прежде меня сначала (одного), я убью пустынника и тогда (с. послѣ того) не будетъ оспаривающаго у тебя корову, и уведи ее». Воръ (же) сказалъ: «нѣтъ, пусти прежде меня увести корову, а потомъ убей пустынника». Стали спорить по этому дѣлу и подняли шумъ. Воръ закричалъ: эй, пустынникъ, здѣсь одинъ воръ и хочетъ тебя убить! Тогда дэви кликнулъ: пустынникъ, здѣсь одинъ воръ и хочетъ украсть у тебя корову! Пустынникъ, услышавъ, ихъ голосъ, сталъ взывать: собрались сосѣди, воръ и дэви вмѣстѣ убѣжали, а корова и пустынникъ спаслись (отъ опасности).

3. Сказка визиря. Слѣпой и его жена¹¹⁾.

Въ странѣ Харандолійской былъ одинъ слѣпецъ, весьма ученый, и была у него одна (такая) красивая жена, что глаза ея походили на глаза газели и однимъ наклоненіемъ рѣсницъ могла она льва заманить. Ея красы и граціи языку не выразить; сіяніе ея облика — лишающій сознанія у человека — изсушало розу. Тотъ слѣпецъ (=названный), мужъ ея, такую къ ней питалъ (с. имѣлъ) любовь, что ни одной минуты безъ нея не могъ провести. Жена же ему въ лицо (съ виду) угождала, а (между тѣмъ) сердцемъ она витала въ другомъ мѣстѣ (с. сердце имѣла...), чашу сердечной любви она испивала на пиру съ другими. Среди ихъ сосѣдей былъ одинъ юноша, лицомъ подобный солнцу, а ростомъ чинару, (какъ будто) живой водой (с. водой безсмертія) былъ умытъ. Этотъ юноша и жена слѣпца мелькомъ замѣтили другъ друга и искра страсти (с. древо страсти) уже возгорѣлась въ нихъ, и (съ тѣхъ поръ) непрерывнымъ ихъ занятіемъ стала любовная переписка. Кто-то узналъ объ этой ихъ любви и изъ зависти пришелъ и рассказалъ слѣпцу. Слѣпецъ сталъ слѣдить за ихъ коварствомъ и осторожнымъ дѣйствіемъ, чтобы открыть правду. Разъ (с. въ одинъ день) сказалъ онъ женѣ: заготовь пуговую провизию, хочу идти въ другое мѣсто, здѣсь у меня такого (важнаго) дѣла нѣтъ; пойду на нѣкоторое время, (хотя) разстаться съ тобою трудно, и какъ мнѣ безъ тебя жить! Услышавъ это отъ него, съ хитростью она прикинулась опечаленной и отчасти отъ радости нѣсколько слезъ пролила, однако провизіей не замедлила и очень скоро (ее) заготовила. Слѣпецъ при уходѣ далъ наставленіе — будь осторожной, запири покрѣпче двери, чтобы воръ ничего не укралъ, а она клятвой обѣщала осторожность, и какъ только мужа отправила, тотчасъ же послала человека къ своему другу (передать): пожалуй въ садъ, настала часъ

¹¹⁾ Плотникъ и его жена въ К. и Д. — на латинскомъ языкѣ.

расщепать розу. Тотъ прислалъ сказать: жди меня, когда пройдетъ первая половина ночи. Женщинѣ понравилось это условленное время его прихода, и приготовилась. Домъ ихъ имѣлъ одно укромное мѣстечко, и слѣпецъ-то тайкомъ туда проникъ. Былъ тотъ моментъ, когда солнце и луна сошлись и взаимнымъ изліяніемъ любви, если можно сказать, горѣли какъ на огнѣ. Слѣпецъ подождалъ, пока усѣлись они; за ихъ ласками, бесѣдой и поведеніемъ онъ слѣдилъ скрытно изъ-подъ тахты (=турецкаго дивана). Потомъ посмотрѣла женщина подъ тахту и, замѣтивъ человѣка, легко (с. быстро) догадалась (въ чемъ дѣло): причина ухода моего мужа клонилось къ выясненію этихъ нашихъ затѣй (подумала она). Своему собесѣднику она тихо сказала: запроси громко (меня такъ): кто тебѣ болѣе милъ—я или твой мужъ? И тотъ юноша громко спросилъ: кто тебѣ болѣе милъ—я или твой мужъ? Женщина отвѣтила: почему ты спрашиваешь, какая польза (смыслъ) этого вопроса? Когда настойчиво сталъ юноша (ее) спрашивать, женщина отвѣтила: любовь бываетъ различнаго рода, женщина со многими (станеть) можетъ вступать въ бесѣду, но такъ испытывать (с. имѣть) любовь къ другому, какъ къ мужу, она не въ состояніи, потому что кровью и плотью мужъ и жена слились,—душа и тѣла предполагаютъ разъединеніе, а союзъ мужа и жены неразрывенъ. Да не дастъ Господь радости женщинѣ, которая не предпочитаетъ мужа своей душѣ и тѣлу и неготова (жертвовать) собою для его жизни! Слѣпецъ, услышавъ такія слова жены, проникся жалостью въ душѣ и сказалъ про себя: чуть невинно, неразобравъ (дѣла), неосудилъ (ея) и Богу противное дѣяніе не учинилъ. Какъ могло явиться у меня подозрѣніе (с. что за мысль была), когда я пользовался такой ея любовью, столько преданности и расположенія она ко мнѣ имѣетъ (=питаетъ)! Теперь будетъ лучше не портить имъ веселья и честное имя не порочить. Опустился тогда онъ тутъ же въ концѣ подъ тахту и звука не издавалъ, пока пиръ ихъ не кончился. Былъ разсвѣтъ, тотъ юноша отворилъ двери (и вышелъ), а женщина заснула на тахтѣ. Слѣпецъ вышелъ тайкомъ и сѣлъ на тахту, проводя рукой по лицу и тѣлу жены. Лукавая его жена открыла глаза и, увидѣвъ мужа, произнесла: да, какое счастливое утро наступило, что мой разсѣивающій сердечную тоску мужъ пришелъ! потомъ она сказала: здравствуй, (милый), когда изволилъ ты прибыть? Мужъ отвѣтилъ: когда ты обнимала посторонняго человѣка, я тогда пришелъ. Понялъ, что страсть любви ко мнѣ ты старалась излить на него, и я пощадилъ твою добродѣтель, ничего не причинивъ тому юношѣ. Я знаю свойства твоей природы (=твое мнѣніе), что ты никого не считаешь (с. имѣешь) лучше меня и помимо меня ни съ кѣмъ дѣла не имѣешь. Прости, что у меня было подозрѣніе на тебя. Благодарю Бога, что узналъ правду и (только) своимъ недостойнымъ сердцемъ что-то взвелъ на тебя. Жена также притворно нѣсколько ласковыхъ словъ излила и готовые къ ссорѣ снова помирились. Мужъ просилъ извиненія, и жена ему простила ¹²⁾.

¹²⁾ Опускаю нравоучительныя размышленія, приведенныя въ заключеніе этой сказки, какъ и другихъ.

4. Сказку сказалъ Зирака. Обезьяны и медвѣдь.

Былъ одинъ прекрасный, старый лѣсъ (роща), полный свѣжихъ плодовъ. Въ немъ собралось множество обезьянъ. Онѣ жили тамъ, (такъ какъ) воздухъ благопріятствовалъ ихъ организаціи. Разъ (въ одинъ день) ихъ вельможи сидѣли въ тѣни одного дерева—(при чемъ) кто орѣхъ грызъ, а кто миндаль или фігу изъ того сада. Одинъ медвѣдь прошелъ мимо и увидѣлъ, что столько обезьянъ собралось вмѣстѣ и сказалъ въ своемъ сердцѣ (=подумалъ): какъ это такъ—я, скитаясь непрерывно по горамъ и скаламъ, изрѣдка (с. изъ тысячи случаевъ разъ) нахожу только дикую грушу, а эти въ такомъ мѣстѣ (обитаютъ, гдѣ) постоянно свѣжіе и новые плоды ѣдятъ и наслаждаются въ такомъ, подобномъ раю, саду. Сказалъ онъ это и заревѣлъ, а обезьяны, увидѣвъ это (его нападеніе), выступили всѣ вмѣстѣ, окружили медвѣдя и смяли (одолѣли его). Несчастнаго медвѣдя избили и заставили его, алчущаго плодовъ, бѣжать. Еле-живой спасшись отъ обезьянъ, добрался онъ до горъ и кликнулъ. На зовъ его собралось множество медвѣдей и выпросили у него (обстоятельства) избіенія его врагами и бѣгства (отъ нихъ). Тотъ разсказалъ исторію (несчастной) войны и восхвалялъ рощу. Тѣ ему замѣтили, что большой позоръ бѣжать отъ обезьянъ большому и упрямому медвѣдю; никогда съ ихъ родомъ этого не случилось, (а теперъ) дурная эта слава должна тяготѣть надъ ними. Исходъ заключается въ томъ, чтобы всѣмъ имъ собраться, пойти и въ одну ночь напасть на нихъ и отравить имъ жизнь, засыпавъ ихъ глаза бранною пылью. Подняли вой и собрались. Крикъ ихъ слышенъ былъ до небесъ. Можно было объ нихъ подумать, что ихъ враги—муравьи, а сами—драконы. «Онѣ не спасутся отъ нашихъ рукъ, если мы свои военныя оружія заготовимъ, то надломаемъ вѣнецъ на главахъ нашихъ враговъ». Положили это условіе, и съ наступленіемъ ночи медвѣди, собравшись, направились въ рощу. Царь обезьянъ съ вельможами, оказалось, отправился на охоту и въ ту ночь остался въ полѣ, подъ открытомъ небомъ. Оставшіяся же обезьяны, не ожидая нашествія медвѣдей, пребывали на своихъ мѣстахъ. (Вдругъ) онѣ увидали войско медвѣдей, превосходящее по численности муравьевъ и саранчу, (которое) стройными рядами напало на нихъ. Не успѣли еще обезьяны придти въ сознаніе (опомниться), какъ множество изъ именитыхъ пали или такъ были изранены, что едва душу спасли. А медвѣди увидѣли благоустроенную рощу, полную разнообразныхъ плодовъ. Здѣсь они расположились и успокоились, а тому первому избитому медвѣдю вручили начальствованіе. Все, что у обезьянъ было собрано (старые плоды), досталось медвѣдямъ. На другой день міръ разсѣялъ мракъ и озарился свѣтомъ. Царь же обезьянъ, въ невѣдѣніи о случившемъ событіи, направился въ рощу и столкнулся по дорогѣ съ бѣжавшимъ отъ медвѣдей обезьяннимъ израненнымъ и избитымъ войскомъ. Царю доложили о приключеніи, а тотъ, услышавъ, въ огорченіи воскликнулъ: горе мнѣ, если наслѣдство и родовое имѣніе отъ моихъ предковъ (доставшееся) потерю и та благоустроенная роща останется въ рукахъ враговъ! Бывшіе

при царѣ вельможи и приближенные стали громко рыдать и горевать. Между ними былъ одинъ, по имени Маймунъ¹³⁾, во всѣхъ дѣлахъ опытный, умомъ—знаніемъ исполненный, добротою прославленный и весьма уважаемый. Царь и всѣ другіе безъ его совѣта ничего не предпринимали. Увидѣвъ царя и вельможъ опечаленными, онъ сказалъ: горевать здѣсь бесполезно, ваше огорченіе составляетъ ихъ радость. Въ такомъ положеніи оказавшійся человѣкъ долженъ возблагодарить Господа. Человѣкъ не долженъ легко терять надежду, а долженъ искать исхода и дѣятельности. Умѣніемъ и совѣщаніемъ можно исправить и вернуть тысячелѣтіемъ испорченное дѣло. Обезьянѣ царю понравилось это его слово и спросилъ: какъ имъ быть?

Маймунъ отозвалъ его въ сторону и доложилъ: великій царь, (такъ какъ) мой сынъ и многіе изъ моихъ родственниковъ погибли въ ихъ (=павшихъ) числѣ и въ особенности будучи свидѣтелемъ такого случая (с. дня) въ жизни нашего царя, побѣжденнаго врагомъ, то на что мнѣ оставаться въ живыхъ?—тысячу разъ смерть лучше такой жизни! Завтра или послѣ завтра мы всѣ будемъ обречены на смерть,—10 годами раньше или позже—безразлично. Я (даже) предпочитаю смерть, такъ какъ чѣмъ больше я проживу, тѣмъ ничего болѣе грѣха—не наживу. О, еслибы мнѣ поскорѣй умереть и отомстить кровью имъ за себя и за родныхъ! Тогда царь на это изволилъ сказать: «человѣкъ все хочетъ для своей жизни, питаетъ вражду къ врагамъ и любовь къ друзьямъ для личнаго удовольствія. Если тебя не будетъ, міръ процвѣтаетъ ли, или разрушается (—все равно). Если тебя нѣтъ на лугу, то роза пусть распустится или пусть засохнетъ!» Маймунъ доложилъ: это не такъ! Честь—большое сокровище. Я, покрайней мѣрѣ, предпочитаю смерть такой жизни, о другихъ я не знаю. Свѣту моихъ очей—дѣтямъ и роднымъ, которые должны были оплакивать меня, быть мертвымъ, а мнѣ топтать землю?!—(Нѣтъ). Теперь я хочу преданность свою вамъ (доказать) и службу на себя возложить и, въ отомщеніе за смерть нѣкоторыхъ и за пораненіе другихъ изъ моихъ товарищей, принести вамъ себя (с. свою голову) въ жертву. (Вѣдь), человѣкъ въ мірѣ долженъ умереть съ именемъ! Пусть моей смертью ни царь и никто другой не огорчается; пусть (только) вспоминаютъ среди дружеской пирушки и заупокойную чашу поднимаютъ. Тогда царь изволилъ ему сказать: какъ ты (это) устроишь и сдѣлаешь (намъ) благодѣяніе, зависить отъ тебя. Маймунъ доложилъ: у меня планъ сжечь ихъ въ пустынѣ (دژوډډډو) Бардазаманской пламенемъ Самумскимъ. Мой совѣтъ заключается въ слѣдующемъ: прикажете кому-нибудь оторвать мнѣ уши и, переломавъ руки и ноги, бросить меня ночью на краю рощи. Царь съ своимъ войскомъ дня на два пусть отправится въ поле, на третій день, вернувшись, онъ не найдетъ ни враговъ, ни меня въ живыхъ, а вы спокойно водворитесь на вашихъ мѣстахъ¹⁴⁾.

¹³⁾ Маймунъ по-грузински значитъ обезьяна, (ср. араб. میمون).

¹⁴⁾ Извѣстный въ литературѣ сюжетъ наказать непріятеля, отмѣченный между прочимъ у Геродота.

Приняли этотъ планъ (дѣйствию), и царь велѣлъ оторвать ему уши, переломать руки и ноги и прогнать къ опушкѣ лѣса, сами же отправились въ поле. Маймунъ въ ту ночь до разсвѣта такимъ громкимъ голосомъ кричалъ, что его кликъ слышенъ былъ до небесъ, а изъ состраданія къ нему отзывались скалы и овраги. Утромъ царь медвѣдей самъ вышелъ на его вой и увидѣлъ Маймуна, расвирапѣвшаго отъ боли. Сжалился онъ надъ нимъ и сталъ разсматривать его раны. Маймунъ же догадался, что это былъ самъ царь медвѣдей, возблагодарилъ его, прославляя (его) и объясняя, что (при этомъ) приличествовало: благодарю Господа, что ты самъ своими глазами видѣлъ мое положеніе! я визирь царя обезьянъ и, будучи на охотѣ, меня не было въ ту ночь (вашего) нашествія. На другой день обращенные вами въ бѣгство войны встрѣтились съ нами и рассказали о вашемъ къ намъ пожалованіи. Нашъ царь всегда со вниманіемъ относился къ моему совѣту и по поводу этого событія запросилъ меня. Я изъ чувствъ преданности доложилъ и посовѣтовалъ, чтобы служить (вамъ) рабски и покориться (новому) царю и по его милости насладиться миромъ.—Царь былъ недоволенъ этимъ моимъ совѣтомъ и несогласные заспорили со мною. Царь разгнѣвался и велѣлъ меня искалѣчить, сказавъ: такъ какъ онъ преданъ имъ и въ пользу ихъ онъ говоритъ, возьмите и поближе къ нимъ прогоните, посмотримъ, какъ они ему помогутъ. Такъ наказалъ меня Богъ, и служба моя даромъ пропала. Сказавъ это, сталъ онъ горько плакать такъ, что самъ царь медвѣдей изъ жалости къ нему прослезился, а потомъ спросилъ: гдѣ теперь обезьяны? Тотъ доложилъ: есть одно запущенное мѣсто (пустыня), называемое Бардазамъ,—туда они отправились, ожидая войско отовсюду, въ каждую минуту и секунду. Собираютъ большое войско и готовятся напасть (на васъ) ночью. Царь медвѣдей оторопѣлъ и сказалъ: ну, Маймунъ, что ты совѣтуешь, въ чемъ противовѣсь этому намѣренію (ты находишь), чтобы моему войску не было ущерба отъ нихъ? Маймунъ доложилъ: будьте увѣрены, что при возможности я всѣхъ васъ туда бы повелъ, но что мнѣ дѣлать: я не въ состояніи (двигаться). Тогда царь изволилъ повелѣть: я знаю, что тебѣ хорошо извѣстно ихъ мѣстопребываніе, и если не откажешь насъ туда вести, то будетъ прекрасно, и мы твоихъ услугъ не забудемъ: будемъ благодарны, и дадимъ тебѣ возможность (имъ) отомстить. Маймунъ доложилъ: не владѣю ни руками, ни ногами, какъ мнѣ пойти (съ вами)? Царь медвѣдей молвилъ: объ этомъ я подумаю и устрою. Кликнулъ онъ тогда, и вельможи медвѣдей явились къ нему. Онъ, сказавъ имъ объ этомъ обстоятельстве, сказалъ: «будьте готовы, въ эту ночь, нападете на нашего врага!» Всѣ прониклись заботой приготовить бранное оружіе, того Маймуна посадили на одного медвѣдя (и отправились). Шли, а Маймунъ указывалъ имъ путь вдаль. Подошли къ окрестностямъ *пустыни Бардзама* (?). Настолько она безводная и настолько огненная *пустыня*, что облака могли бы воспламениться. Зналъ (онъ), что отъ вѣянія Самума таяло все,—земля и скала расплавлялись, какъ въ кузницѣ (жельзо). Подъ дѣйствиемъ этого вѣтра въ томъ запущенномъ мѣстѣ ни живое существо, ни трава не могли уцѣлѣть. Маймунъ сказалъ: поидемте скорѣе и до раз-

свѣта устроимъ дѣло. Медвѣди по мѣрѣ своихъ силъ двигались въ этой пустынѣ,—сами шли на вѣрную гибель. Солнце показалось, а о царѣ обезьянъ никакихъ свѣдѣній не могли добиться, а Маймунъ все болѣе подстрекалъ (ускорялъ *ከገሥገሥ*), обманывая (спѣшить), пока солнце высоко не поднялось, лучи котораго зажгли горы и долины: кто смотрѣлъ вверхъ, тотъ горѣлъ, какъ бабочка, а кто наступалъ ногой на землю, таялъ, какъ свѣча. Когда солнечные лучи усилились, медвѣди ослабѣли. Царь медвѣдей спросилъ: Маймунъ, что это за запущенное мѣсто, гдѣ дуетъ огненный вѣтеръ? Маймунъ отвѣтилъ: ахъ ты несправедливое (существо)! Это запущенное мѣсто называется смертью. То, что дуетъ огненнымъ пламенемъ, есть такая сила, что если будешь имѣть 1000 душъ, не сумѣешь спасти ни одной. Будьте увѣрены, что этотъ Самумскій вѣтеръ и меня, и васъ обратитъ въ прахъ. Возмездіе за ту несправедливость, которую вы причинили обезьянамъ, потерпите вы теперь. Во время этого разговора подулъ Самумскій вѣтеръ и медвѣдей съ Маймуномъ—всѣхъ сжегъ такъ, что ни одинъ не спасся.— На третій день по условію царь обезьянъ вернулся въ наслѣдственное имѣніе, остановился тутъ и нашелъ роццу (лѣсъ), свободную отъ враговъ. Такъ онъ (снова) овладѣлъ страной. Мракъ ночной исчезъ, и заря разсвѣта занялась; прошла осень, наступила весна.

Эту басню потому рассказалъ, чтобы царь понялъ, что человѣкъ для отвращенія врага пожертвуетъ своей жизнью.

5. Сказку сказалъ визирь. Отшельникъ и мышенокъ. Ср. въ пер. Аттая (стр. 144) «К. и Д.»

6. Черная змѣя и лягушка. Ibid (стр. 147).

7. Сказку сказалъ Коршона. Воробей и змѣя¹⁵⁾.

Въ одномъ мѣстѣ два воробья подъ крышей дома свили гнѣздо. Когда вывели они птенцовъ, то для доставки имъ пропитанія улеталъ то самецъ, то самка, и такъ кормили своихъ птенцовъ. Въ одинъ день самецъ—воробей былъ въ отлучкѣ за провизіей (пищей), вернулся вечеромъ и увидѣлъ, что его супруга горестно ходила кругомъ гнѣзда: (чѣмъ-то) опечаленная самка чиркала. Самецъ спросилъ: что (за причина) твоей досады и въ какомъ состояніи я тебя вижу? Та отвѣтила: «терновая игла врѣзалась мнѣ въ сердце (т. е. меня постигло горе) и потому я неутѣшно проливаю слезы. Плачу и горюю вслѣдствіе того, что на короткое время была въ другомъ мѣстѣ; когда я вернулась, увидѣла, что одна змѣя пожирала моихъ дѣтенышей. Сказала я: змѣя, сколько бы у тебя ни было силы, все же бойся безсильнаго врага; если даже ничего онъ не будетъ въ состояніи (причинить), проклятіями сведетъ (тебя) въ могилу. Она (змѣя) отвѣтила: «твои проклятія мени не сразятъ», а я замѣтила, что бойся, такъ какъ я

¹⁵⁾ Этой сказки въ русскомъ переводѣ К. и Д. Аттая нѣтъ. Сказка эта известна въ устной словесности грузинъ.

и супругъ мой опояшемся враждой противъ тебя (=проникнемся чувствомъ вражды) и на сколько сумѣемъ будемъ мстить и вредить. Змѣя засмѣялась и сказала: если твой какой-нибудь врагъ не боится льва, то какъ онъ устрасится тебя? Взывала я къ помощи и плакала, но заступника никакого не нашла. Эта жестокая (собств. несправедливая) змѣя съѣла моихъ дѣтенышей и тамъ же въ гнѣздѣ лежитъ». Самецъ—воробей, услышавъ это, и сердце воспыало у него гнѣвомъ (с. огнемъ). Въ это время хозяинъ дома зажегъ фитиль, чтобы развести огонь. Слетѣлъ самецъ—воробей и заженный фитиль схватилъ и занесъ въ свое гнѣздо. Увидѣвъ это, хозяинъ взялъ кирку и сталъ ломать крышу и, прорубилъ напротивъ гнѣзда, откуда высунула (спасаясь) отъ огня голову змѣя; хозяинъ ударилъ киркой, и змѣя не успѣла спастись и тотчасъ же скончалась.

Полезьа этой сказки та, что змѣя своего врага считала безсильнымъ, съѣла его дѣтей и тамъ же (въ гнѣздѣ) легла, безъ стѣсненія, а тотъ безсильный врагъ привелъ его (=хозяина) срубить ей голову; значитъ, какъ бы ни былъ врагъ безсильнъ, считай его сильнѣе и остерегайся его.

Сказку сказавъ Кардана¹⁶⁾. Два вора, царь и обезьяна.

Говорять, въ странѣ Кишмирской былъ одинъ царь, весьма благородный, именитый и (несмѣтно) богатый. У этого царя была одна обезьяна, (которую) онъ очень любилъ; не разлучался съ нею даже ночью: въ спальнѣ она была у него стражей. Разъ какой-то умный воръ изъ деревни направился въ городъ для (совершенія) кражи. Вошедши въ городъ, два—три дня осмотрѣлъ и произвелъ наблюденія. Въ одну ночь вышелъ и скитался (что-либо) украсть. Встрѣтился съ нимъ одинъ глупый воръ, и спросилъ его (умный): братъ, кто ты и куда идешь? Глупый воръ отвѣтилъ: признаюсь тебѣ, иду воровать. Умный воръ сказалъ: мы съ тобою не знакомы, но такъ какъ оба мы представители одного ремесла, будемъ товарищами, и что Богъ дастъ, подѣлимъ пополамъ. Скажи теперь только, въ какой участокъ намъ идти и въ чей домъ пробраться? Глупый воръ сказалъ: у старшины этого города имѣется большой осель на цѣпи и въ кандалахъ привязанъ. Два человѣка его сторожатъ. Сначала его украдемъ, а потомъ знаю стеклянный заводъ, возьмемъ стекла, нагрузимъ осла, повеземъ въ деревню и продадимъ. Умному вору этотъ совѣтъ и путь къ кражѣ не понравился и сталъ искать причины, чтобы разстаться съ товарищемъ, а между тѣмъ ихъ накрыли городскіе стражи. Умный воръ скрылся, а глупаго арестовали и спросили, куда онъ шелъ. Тотъ отвѣтилъ: хочу украсть осла у старшины, нагрузить стекломъ и увезти. Стражи улыбнулись и сказали: молодець, хорошій ты воръ! Вотъ это называется воровствомъ! У осла караулъ изъ 10—12 человѣкъ, а сто стеклянныхъ штукъ

¹⁶⁾ Сказка, вставленная въ главу объ обезьянѣ и черепахѣ (Ср. Аттая, стр. 112 и слѣдующ.). Въ переводѣ г. Аттая этой сказки нѣтъ.

за одинъ рубль (?) отдадутъ, а ты изъ-за этого въ такую бѣду попалъ. Если ужъ вознамѣрился воровать, то вошелъ бы въ домъ царя. Человѣкъ здравомыслящій, вѣдь, долженъ получить вознагражденіе за свой трудъ! Сказавъ это, связали ему руки и увели. Тотъ умный воръ сидѣлъ (тутъ) по близости и разслышалъ ихъ разговоръ. Умнаго вора слова тѣхъ караульныхъ навели на мысль и хитрость. Эта стража, сказалъ онъ, — мой врагъ, но на хорошую мысль меня навела. Подумалъ и тихо направился къ дому царя. Разломалъ снизу стѣну дома и проникъ въ спальню царя и замѣтилъ, что вокругъ царя было разсыпано много драгоценныхъ камней. Замѣтилъ онъ (также), что одна обезьяна близъ царя сидѣла и бодрствовала. Воръ, при видѣ ея, задумался и сталъ (что-то) замышлять. Увидѣлъ онъ (вдругъ), что нѣсколько муравьевъ спустилось съ потолка и упало на грудь царю. Обезьяна замѣтила это и огорчилась, подумавъ: изъ усердія къ моему царю ни днемъ, ни ночью не сплю, а эти развѣ достойны его (прикосновенія)? Я имъ прочитаю отходную. Обнажила кинжалъ, чтобы изрубить муравьевъ на груди царя. Внезапно этотъ умный воръ крикнулъ ей: что ты дѣлаешь? Подскочилъ и удержалъ руку, въ которой она держала кинжалъ. Между тѣмъ и царь проснулся и спросилъ вора: кто ты такой? Тотъ доложилъ: о взлелѣянный царь, я врагъ и желалъ украсть сокровища царя и еслибы даже что-либо взялъ, большого ущерба царю не причинилъ бы, но у меня столько ума, что (понимаю), царь Богомъ поставленъ и для человѣка неприкосновенное лицо. Я врагъ, но умный, а эта обезьяна (твоя) пріятельница, но глупая, недалеко было до бѣды... Услышавъ разсказъ объ обезьянѣ, царь вознесъ благодареніе Богу, сказавъ: если Господь захочетъ, то врагъ сдѣлается другомъ, а другъ врагомъ.

«Глава шестая. О поспѣшности и раскаяніи впоследствии»¹⁷⁾.

Вслѣдъ за приглашеніемъ визиря царемъ Райемъ разсказать «Сказку о поспѣшности и раскаяніи впоследствии» съ послѣдовавшими размышленіями по этому поводу, въ грузинскомъ текстѣ читается мѣсто, указывающее, что переводчикъ переводилъ только нѣкоторыя басни изъ подлежащаго оригинала. «Въ этой главѣ было много сказокъ, изъ нихъ эта сказка повѣствуетъ объ *Отшельникѣ*», гласитъ замѣтка переводчика. А вотъ и сказка:

Былъ одинъ отшельникъ богомольный и отличный труженикъ. Подъ конецъ (жизни) захотѣлъ жениться. Отправился къ другому отшельнику и спросилъ: что скажешь ты, хочу я жениться? Тотъ отвѣтилъ: хорошо сдѣлаешь, если женишься. Кто женится, лучше очистится отъ грѣховъ и лучше сохранить вѣру; разбогатѣетъ и будетъ (ему) дарованъ сынъ любезный. До тѣхъ поръ свѣтъ довольства не озаритъ человѣка, пока у него въ домѣ нѣтъ женщины, зажигающей ему свѣчи. Подумай заложить фундаментъ своего счастья. Но постарайся получить хорошую жену и избѣг-

¹⁷⁾ Ср. въ переводѣ г. Аттая гл. X «Объ отшельникѣ и ласкѣ».

нута нескладной бесѣды. Тотъ спросилъ, какую женщину слѣдуетъ брать въ жены? Тотъ отвѣтилъ: возьми такую жену, которая бы родила побольше числомъ дѣтей и мужа бы твердо полюбила, избѣгала бы грѣха и пересудовъ. Если въ домъ входитъ къ мужу чистая невѣста, ночь и день прибавятъ свѣтъ. Хорошая добрая жена даетъ юношескую энергію. Блаженъ тотъ, у кого хорошая жена! Отъ хорошей жены сердечныя раны заживаютъ. Спросилъ онъ (его): какой женской дружбы мнѣ избѣгать? Тотъ отвѣтилъ: (избѣгать) женъ тройкаго разряда. Первый разрядъ составляютъ замужня жены, разставшіяся съ мужьями по случаю ихъ смерти или по разводу. Всегда такая жена будетъ объята воспоминаніями о первомъ мужѣ. Ко второму разряду принадлежатъ жены, у которыхъ большое приданое: онѣ часто попрекаютъ имъ мужа. Третій разрядъ женъ таковъ, что онѣ начинаютъ ложно крехтѣть, выдумывая болѣзни, когда мужья заходятъ въ ихъ комнату. Видѣть такую жену для мужа смерть; въ домѣ хорошаго мужа (видѣть) злую жену все равно, что видѣть адъ. Тотъ спросилъ, сколькихъ лѣтъ слѣдуетъ брать жену? Онъ отвѣтилъ: она должна быть молода и красива, чтобы мужъ съ нею наслаждался.....

Послѣ этихъ словъ обрывается сказка и на поляхъ читается приписка: «здѣсь въ оригиналѣ (т. е. спискѣ) не хватало».....

15. Сказку сказала куропатка¹⁸⁾.

Одного человѣка ставили судьей, а тотъ плакалъ. Видѣлъ его одинъ человѣкъ и сказалъ: (странно) зачѣмъ онъ плачетъ, когда нужно радоваться? Тотъ отвѣтилъ: къ чему мнѣ радоваться,—наступилъ часъ моего осужденія (на муки вѣчныя): если придетъ истецъ и подастъ на кого-нибудь ложную жалобу, какъ мнѣ узнать, кто изъ нихъ правъ и кто виноватъ? Заставятъ рѣшить несправедливо, или обмануть съ помощью взятки, или можетъ случиться, что кто-нибудь два—три раза пожалуется, и рѣшеніе его дѣла я предоставляю другому, а этотъ его обидитъ несправедливо! Все это я предвижу въ ущербъ (спасенія) моей души. Если судья взялъ взятку, то праваго отъ виноватаго уже не отличить и отъ него произойдетъ больше зла, а въ будущей жизни ему не будетъ добра.— Благодареніе Богу, что ты не взяточникъ и не кривосудъ; я увѣренъ, что ты вѣрно разсудишь, а кто рѣшенія нашей жалобы не исполнитъ, съ того взыскивай. Тогда кошка сказала: вы изъ вражды къ другъ другу не умышляйте лжи, говорите правду, не искореняйте въ сердцахъ справедливыхъ чувствъ, чтобы за добро получить добро. Великаго и малаго ставьте выше себя и чего вы не хотите и не принимайте, не воздавайте (его) также другимъ. Кошка говорила по-грузински все въ этомъ родѣ лукаво и хитро, когда довѣрились и приблизились, однимъ взмахомъ лапы

¹⁸⁾ Въ переводѣ г. Аттая не имѣется.

она (собств. *руки*) обоих схватила. Какъ она жаждала ихъ мяса, такъ наѣлась. Она постъ и спасеніе души предприняла для злыхъ умысловъ и злодѣяній.

Эту сказку потому доложилъ, чтобы показать, что не слѣдуетъ никогда довѣрять забіякѣ и злому человѣку.....

Не продолжая этой сказки, можно по приведенному началу видѣть, что она представляетъ отрывокъ басни недоконченной, неясной по содержанию и несвязанной съ предшествовавшимъ рассказомъ. Судя по тому, что въ ней упоминаются дальше царь совъ и ворона, нужно полагать, что она примыкаетъ къ VIII гл. «К. и Д.». Безсвязнымъ же является этотъ отрывокъ отъ того, что передъ нимъ, какъ сдѣлано примѣчаніе переписчика, въ списокѣ, съ котораго онъ снялъ копию, былъ значительный пропускъ. Этотъ пробѣлъ и отразился на послѣдней сказкѣ, приведенной въ грузинской рукописи.

1. ს რ ა გ ი.

ერთი დიდი გაჭირი იყო მრავლის ქონების პატრონი, მაგრამ დაიღ ავი და გონჯი სანახავი იყო. მას ერთი კარგი ლამაზი ცოლი ჰყვანდა, თხუთმეტის მთვარეს ჰგვანდა, მზისა და მთვარის მოწუნარე იყო, ყოვლის ფრით შემგობილი და ქება-დიდებათ აურაცხელი. მეტად უყვარდა ქმარსა თვისსა, მაგრამ იმას იმ თავის ქმრის ნახვა დაიღ ემწარებოდა და არაოდეს ქმარს არ მიეკარებოდა. და ერთს ღამეს იმას სანლში ქურდი შევიდა, გაჭირს ეძინა და დაიძვს ეღვიძა. დაიძვან ქურდის შესვლა შეიტყო და შეშინდა მის ქურდისაგან და მსშინათვე ქმარს მიეგრა. რა გაჭირმან გაიღვიძა, ნახა ცოლი თვისი მკურდს ანლდა, იამა და თქვა: ნეტავი ეს რა ბედი და დოლბთი არისო, რომ ეს ჩემს სიანლადეს მოსულაო, აქამდის ჩემს ბედს ეძინა, ანლს გაულვიძინაო. რა გაჭირმან მართლს თვალი გახლო, ქურდი დაინახა და უთხრა: ნეტავი მე, რომ შენ ჩემს სანლში მობრძანდა, მშვიდობით ნახვა შენაო; რაც გინდა ამ ჩემს სანლიდამ საქონელი წაიღე, რომ ეს ჩემი მეუღლე შენის ბედნიერის ფუნის წყალობით ანლს მომიდგა, კაის ფუნისა იყავ. აქამდის სად იყავ, ნეტავი უფრო ადრე მობრძანებულ იყავ. ამ მასალის სარგებელი ეს არის, რომე შიშით მრავალჯერ შეიქნების მტერი მოყვრად. მერმე ხელმწიფემ მესამეს გუიონს ჰგითხა: შენ როგორ არჩევი? მოახსენა: სჯობს, რომ სიკვდილი ამატილოთ და წყალობით გაიერთგულეთ. ეგეც ჰგვიანა კაცია, ეცდებოთ თქვენს სამსახურს და იმოდენს შეიძლებს, რომე სხვა გინც გინდა იმათის ჯარიდამ გამოიყვანოს და მათში ორიანობა მიანდინოს. ამასთინას საქმით შენს მტერს მოერევი, ერთმანერთმა მათ რომ ჩხუბი ჩამოუკარდესთ, სხვის მტრისთვის გულარ მოიცლიან, როგორც ქურდი და დევი აიშაღნენ და მეუდაზნოე მოერჩა. ხელმწიფემ ჰგითხა, როგორ ყოფილანო.

2. ს რ ა გ ი მოახსენა გეზირმან.

ერთი წმინდა სულის მიმდევი მეუდაზნოე იყო, ბაღდადის ქვეყანას იმყოფებოდა, დღე და ღამ მისი საქმე ლოცვა და მოწყალები იყო. და ერთმან მოწაფემან მისმან ერთი კარგი მროხა მიართლა და ერთმან ქურდმან ის მროხა შესთავლა და მისი მოპარვა მოინდომა, წავიდა ის ქურდი საქურდლად. გზაზე ერთი დევი შეეყარა და კაცის სანედ მოერევი. ქურდმან ჰგითხა: სად მიხვალ ან გინ ხარო. იმან უპასუხა-მე დევი ვარ და ადამიანის სანედ ვიარებო, რომე იმ ერთმა მეუდაზნოემ ქვეყანა თავის სჯულზედ მიასყია და ჩვენ გაგვა-

შორს და აწ გეგმებ დროსა, რომ მას აუტენო რამე სიკვდილითა, რომ ქვეყანა ისევე ჩვენ მოვიანზლოვით. ჩემი საქმე ეს არის, რადგან შენ შეგვეყარე ამ გზაზე, განიტყვი და ახლა შენც მითხარ, ვინა ზარ და ან სად მიხვალ? მან უთხრა: მე ქურდი ვარ და იმ მეუღანზე ერთი კარგი ძროხა ჰყავს და ის მინდა მოკვარო. დეგმა ეს სიტყვა დაუბადლა და უთხრა მას ქურდს: რადგან შენც იმის სამტეროდ მიხვალ, დაიღ შემიყვარდი და კარგი ამხანაგიცა ვართ. შეშინდნენ ერთმანეთს მის მეუღანზე მტერობაზე და წავიდნენ. იარეს და საღამომდის იმ მეუღანზე მისა მივიდნენ. მას ლოცვა გაეთავკობინა და იქავე დასძინებოდა. ქურდმა იფიქრა: ეს დეგო რომ იმას მოსაკლავად მივა, მეუღანზე რომ გამოვუვიძო, შიშით დაიძახებს, დეგო გაჭკრება და მეზობლები მე დამიჭერენ. ამით არ იქნების ამ ძროხის მოძარგა. დეგმა ეს იფიქრა: ეს ქურდი ძროხის მოსამარგად რომ კარს გახლებს, კარი დაიჭრიანლებს, მეუღანზე გაივიძებს და დაიძახებს, მის ძახილში მეზობლები შემოკრებიან და გულარ მოკვლავ. ქურდს უთხრა, ჯერ მე დამაწყალო, მეუღანზე მოკვლავ და მასუგან ძროხის მოცილე არავინ გეყოლებს და ძროხა წაიყვანეო. ქურდმა უთხრა: არა, ჯერ მე დამაწყალო, ძროხა გაიყვანო და მას უგან მეუღანზე მოკვლავ. ისინი ამ საქმეზე შეცილდნენ და აიშლნენ. ქურდმა დაიძახა: ეშა, მეუღანზე, აქ ერთი დეგო არის, სიკვდილს გიშირებს მერმე დეგმა დაიძახა: მეუღანზე, აქ ერთი ქურდი არის, ძროხის მოძარგას გიშირებსო. მეუღანზე რა მათი ზმა გაიგონა, დაიძახა და მეზობლები შემოკრნენ და ქურდი და დეგო ერთად გაიჭნენ და ძროხა და მეუღანზე ორნივე მოკრნენ. გუიომან რა ეს სიტყვა გაათავა, მერმე ის შირველი გუიომი გაშმაგდა და თქვა: მე ვიცი, ეს ყვავი ეშმაგს ჰგავს და თავისსავე ქართულეს ეტყოდა, რომ ჩვენ მოკვტყუებს, ყურიდამ ბაზა ამოიღეთ, ამ საქმეს კარგად გასინჯვ უნდა, ჭკვიანს კაცს უთქვამს, მტერს არც უნდა ენდო და არც მტრის ქართული დაიჭრო, რა გინდა კარგი შეგექნას, გუნებოდამ ზაკვი არ ამოუვა. თქვენი საქმე იმას ჰგავს, რომ ერთი ბრუტი ავის დედაკაციან გან მოტყუდა. ხელმწიფემ ჰგითხა, როგორ ყოფილანო.

3. არაკი გეზირმან მოახსენა.

ქვეყანასა ზარანდილისას იყო ერთი ბრუტი, კარგი მცოდინარე და ერთი ლამაზი ცოლი ჰყვანდა, რომ თვალნი მისნი ჯერინს თვალსა ჰგვანდა და ერთის წამწმის დასამხამებით ზვადს ლომს ინადირებდა. მისს სიტურფეს და შეკრებს ენა გერ იტყოდა; კაცის სულს წამლებს და კაცის სულს დამადნობელი ელვარება შირისა მისისა კარდს აჭვანობდის. და მის ბრუტსა მის მეუღლისა ესეთი სიყვარულსა შქონდა, რომე ერთს წამს უმისოდ გერ გასძლებდა, და ის დიაცი შირად ეფერებოდის და გულს სხვანით შქონდის. გულს სიყვარულის თვალს სხვანთ მეჯლიში სკემდის. და მათს მეზობლებში ერთი კარგი ვაჭვაცი იყო, შირად მზესა და ტანად ალვისა ხესა ჰგვანდა, უკვდაგების წყლით შირი დაუბანა. და მან კაცმა და ბრუტის ცოლმა

ერთმანერთს თვალი მოჰგრეს და ერთმანერთის მიჯნურობის ხე გულშიგან დაქნერგათ. და მიდღეში მათი საქმე სასაბიუო წიგნის ქერა იყო. და ერთმან რომელმანმე ცნა მათი აბიუობა, მეშურობით წავიდა და ბრუტს უამბო. ბრუტი მათს ხერხსა და სიფთხილეს შეუდგა, რომე მართალი შეეტყო. ერთს დღეს ცოლს უთხრა, საგძალი მინახე, სხაგან მინდა წავიდეო. აქ მაგდენი საქმე აღარა მქვს-რა, წავალ და ცოტა ხანიც დამიგვიანდება და შენი გაყრაც მეძნელება, უშენოდ რა გამამლებაინებს. რა ესე მისგან ისმინა, ეშმაგობით მოიწყინა და ზოგი სიხარულით ორიოდ ცრემლიც ჩამოაგდო, მაგრამ საგძალი არ დაუგვიანა, დაიღ ადრე მოუშინა. მან ბრუტმან წასვლის დროს დაწინა, ფრთხილად იყავო, კარს მაგრამ მიუგებდე, ქურდმა არ მოგშაროს რაო. და ის ფიცით დაჰპირდა სიფრთხილესა და რა კაცი გაისტუმრა, მამინვე თავის მოყვარესთან კაცი გაგზავნა, მობრძანდი ამ ბაღსა, კარდის ფურცლობის ყამი არისო. მან შემოუთვალა: ერთმა პირმა ღამემ რომ გაიარსო, ჩემი მოლოდინი შექონდესო. დედა კაცს ეს იმის მოსვლის შესმინი იამა და მოუშინა, იმ სანლს ერთი სამალავი შექონდა და ის ბრუტი ძალგით იმ გზით შევიდა. ის დრო იყო, რომ მზე და მთავარე ერთად შეყრილიყო, ერთმანერთის მიჯნურობით, თუ ითქმის, ცუცხლით იწოდნენ. ბრუტმა მანამდის დაწყალა, სანამ დასხდებოდნენ და ბრუტი მათს ალერსსა და მოკითხვას და ყოფა ქცევას მალგით ტახტს ქვეშ შეიპარა და იქიდან უყურებდა. მერმე მიხედა დედა კაცმან ტახტ ქვეშ, რა ადამიანს თვალი მოჰგრა, ფიცხლავ შეიტყო, რომ ჩემის ქრმის სხვაგან წასვლის მიზეზი ამ ჩვენის საქმის სანუთისათვის ყოფილათ. თავის მუსახბს ჩუმით უთხრა: ხმა მალლა მკითხე, მე გიჩვენებარ, თუ შენიქმარო. და მან კაცმან ხმა მალლა ჰკითხა: მე გიჩვენებარ, თუ შენიქმარო. დიაცმან უთხრა, რაზედა მკითხეო, ამ ამბის კითხვა სარგებელი არ არიო. მან ყმამან დაჟინებით რომ ჰკითხა, დიაცმან უმასუნა: სიყვარული ბეგრი გვარია, დედა-კაცი ბეგრს ვისმე გაუმუსახბდება, მაგრამ თავის ქრმის სიყვარული რომა აქვს, ისე არავისთან ექნება, იმისთვის რომ ცოლქრმის სისხლი და ხორცი შეერთებულია, სულსა და ხორცს გაყრა აქვს და ცოლქრმობას გაყრა არა აქვს. ნუმც გაუნარია, რომელსაც დედა-კაცს თავისი ქმარი სულსა და ხორცს არ ერჩივნოს და თავისი სიცოცხლე იმისთვის არ უნდოდეს! ბრუტმა ამგვარი სიტყვები თავის ცოლისგან გაიგონა, ისევე გუნებაში სიბრალული ჩაუვარდა და გულშიგან თქვა: კინაღამ უბრალოდ და გაუკითხავად წავსდინე და ღვთის სანყენი საქმე გქენი. ეს რა ფიქრი იყო, რომ მე გუნებაში ამისი ამთონი სიყვარული მქონდა, ეს ჩემი სიყვარული და სიამოვნე ამთონი ამას შექონია. აკვაცობა ორი რიგი არს: ერთი რომ ავსაქციელი იქნება, მეორე ცთომით მოუკა. ამისთვის როგორ გამოვიძებო. ასეთი ვინ იქნება, რომ იმისი კალთა ერთ რამემე არ გარეოდეს. რამდენი გეცხდე და სიფთხილემე ჩაუდექ. ხლას ესე სჯობს, რომე ამათი ღზინი არ გაგამწარო და იმისის ნამუსის პირის წყალი სიფრცხილის მიწაში არ ჩავსქცო. და იქავ ტახტის ძირს ჩუმად დაჯდა და ხმა არ ამოიღო, სანამდის იმათი ღზინი არ გათავდა. გათენება იყო, რა-

მე იმ კაცებან კარი განიარა და დედა-კაცებან ტანტხუედ დაიბინა. ბრუტი ჩუმად გამოვიდა და ტანტხუედ დაჯდა და იმ დედაკაცს ხელს უსკვამდა თვალ-პირხუედ და ტანტხუედ. და იმ მაცდურებან დედაკაცებ თვალი განილა და ქმარი ნახა, თქვა: ნეტარ, რა ბედნიერი დილა არის, რომ ჩემი გულთწირის უკუბრეული ქმარი მოსულა. მერმე უთხრა, მშვიდობით შენი ნახვა, როდის გამობრუნდიო. ქმარმა უთხრა, შენ რომ უცხლს კაცს ეხვეოდი, მე მაშინ მოკვლო. შევიტყუე, რომ ჩემის სოკარულის ჟინს იმახუედ იყრიდი და მეც შენი სათნო შევიანხე, რომ იმ კაცს არა ვერჩოლეო. მე შენის გუნების ამბავი ვიცი, რომე ჩემს უკეთესი არა გყავს რა და არც არა ჩემს იქით იცი. ამ გვარი საქმე ცდომით მოხდება, შიში და ნაღველი ნურა გაქვს-რა. შემინდე, რომე მე შენხუედ გუნება ბევრ რიგად მქონდა. კმადლობა ღთსა, რომ შევიტყუე მართალი და ჩემი ეს დანაწკრელი გული უბრალოდ რასმე გნამობდა. ცოლმაც თარისეკლობით მისი საფერი სიტყვები მოახსენა და წასაკიდებულნი ისეგ შერიგდნენ. ქმარმა ბოდიში მოითხოვა და ცოლმაც შენდობა მისცა. აწ ეს მასალა ამხუედ მოვიყვანეთ, რომ თქვენც იმ ბრუტსავით მაგისის ტყუილის ქართულით არ მოსტყუდეო. ვინცა ვინ მტრის ქართულით მოტყუდეო, ბოლღს სინანული მოაქვს. მტრებან რომ კაცს ძალით ვერა დააკლეს—რა, ხერხით და მოყვრობით ეცდები, რომ შეუვიდეო. მერმე ქრშინამ თქვა: ამდენი ქართულები რას ვარგა, ამდონს ანდაზას რომ მოხუელიხართ, რა სარგებელი აქს, ეს სატანჯველი და ჭირი რომ მე დამმართებია რა აჯათი აქვს, არაჭკვიანი კაცი სხვის მოსვენებისათვის თავის თავის ამისთანას ჭირსა და სატანჯველში არ ჩაადებს. მე ამთენს ჭირსა და ვაქებს ჩემის ნებით როდის დაგვერდებოდი. ზირაქმან თქვა: ეს საქმე ვერავობით და უშმაკობით გიქნია და ამისთანას ჭირს ჩაბუღხარ, ბევრს კაცს უქნია იმგვარი საქმე თავის პატრონის გულისათვის და მტრის ამოვარდნისათვის, და თავის სახელის გადაიდების გულისათვის თავისითავი გაუწირავს. ბატონის ნამსახური დარჩება, როგორც მამბუნმა თავისი თავი მოაკლა და თავისი მტრების ჯგერი ამოიყარა, და თავის ნათესავის სისხლი მოიკითხა. ხელმწიფემ ჰკითხა, როგორ ყოფილან.

4. არაკი ზირაქმან მოახსენა.

ერთი ჭალა იყო შენიერი და ძველის ძველი და ახლის ხილით სავსე და მასშინა მრავალნი მამბუნნი დაგროვებულ იყვნენ და იქ იმყოფებოდნენ. იქარობის ჰავა იმათის გუნებისა იყო და ერთს დღეს მათნი დიდებულნი ერთის ხის ჩრდილს ქვეშ ისხდნენ: ზოგი თხილს აქებდა და ზოგი მის ბაღის ნუშს და ლელვსა. და ერთმან დათვამან მათს სიხლადკეს განურა და ნახა, რომ იმდენი მამბუნნი ერთად შეურილი იყვნენ, ეწინა და თქვა გულშიგან: ეს როგორ იქნება, მე სულ კლდეში და მთაში ვიარები და ათასში ერთხელ შანტას ვერ ვიშოვნი და ესენი ამისთანას ადგილს არიან მუდამ ახალ ახალს ხილსა სჭამენ და ამისთანას სამოთხის მსგავსს წაღვოტს შექცევიან. ეს

თქვა და შეუტოვა და რა მამუნთ მისგან ეს ნახეს, მიეგებნენ სულ ერთ შირ მამუნნი და დათვს მიეხვედნენ და მოუვიდნენ. და საბრალო დათვი გალახეს და ხილისაგან ნატრული განაქციეს. ძლივ ცოცხალ მკვდარი მამუნებისგან მოურჩა, მთაში მიაწია და დაიძახა და მანდილითა მისითა მრავალნი დათვნი შეიყარნენ. და მის მტრისაგან გალახვა და გამოქცევა გასინჯეს და ამბავს ჰგითხევდნენ. იმან ომის ამბავი და ჭაღის ქება უამბო. და მათ უთხრეს: დიდი უნამუსობა არის, რომ დიდი და ბრძოლი დათვი უღონოს მამუნისაგან გამოიქცეს, კვლავ ჩვენს გვარს ეს არაოდეს დამართებია, ეს ავი სახელი ჩვენზე უნდა დარჩეს. რჩევა ეს არის, რომ ყველანი შევიყარნეთ და წავიდეთ ერთს ღამეს, თავს დავესხათ და მათ სიცოცხლე დავამწროთ, ომის მიწამტკვრით მათნი თვალი ავაგვსნეთ. შექნეს ყვირილი და შეიყარნენ; კმა მათი ზეცას ისმოდა, ამას იტყოდნენ ჩვენი მტერნი ჭინჭვალად მიგვარნს და ჩვენი თავი კეშმად. ჩვენი კელით როდის მოჩუბიან, ჩვენ რომ ჩვენი საომარი ახალი მოვიმზადოთ, ჩვენს მტერს თავს გვირგვინს დავაღწეოთ. ეს შირობა დანსკენეს და რა დაღამდა, იმა მთის დათვები შეიყარნენ და მის მამუნთ ჭაღისაგან იარეს. მამუნთ კელმწიფე თავისის დიდებულებით სანადროდ წასულიყო და იმ ღამეს მინდვრად კარში დარჩომილიყვნენ. მათ სხვათ მამუნთ დათვების მიხედობა თურმე არ ეგონათ, თავთავისა ალავს იმყოფებდნენ, და ნახეს დათვს ჯარი ჭინჭვლისა და მკაღის უმრავლესნი მიუხდნენ რაზმ დაწყობილნი. სანამ მამუნნი შეიტყობდნენ, მრავალნი მათნი სახელადებულნი დაიკოცნენ, ზოგი ისე დასჭრეს, რომ სული ძლივ განსწიეს. და მერმე დათვებმა ის ჭაღა ამუნებულნი და ყოვლის ფრის ხილით საგსე ნახეს. იქავ ბარგი ჩამოხადეს და მოისვენეს და იმ შირგელს მამუნებისგან გალახულს დათვს უფროსობა მისცეს, რაც მამუნისა მკვლად საჭმელი ხილი დაეგროვებინათ და ან სხვა რამე იმ ჭაღაში იყო, ყველან დათვებმა მოაგროვეს. მეორეს დღეს შავგულმა ქვეყანამან ნათელი შეიმოსა და ბნელი განდევნა. ამას ჟამს მამუნთ კელმწიფე ამ საქმის შეუტყობარი ჭაღისაგან მოვიდოდა, გზაზე დათვებისგან გამოქცეული ჯარი დაჭრილნი და დაკემსილნი წინ შემოყარნენ. და მათი ამბავი მეფეს მოახსენეს, და რა ეს მეფემან ისმინა თითხედ იგინა და თქვა: ვაბი, თუ მამისა და შაშის სამგდრო და მამული დამეგარგოს და ის ამუნებულნი ჭაღა მტრის კელში ჩავარდეს! სხვანი ვინცაინ დიდებულნი კელმწიფის მახლობელი იყვნენ ტირილი და ვაება შექნეს. მათში ერთი იყო, სახელად მამუნთ ერქვა, ყოვლის ფრის საქმით გარიგებული და ჭკუნამეცნიერებით დასრულებული და სიკეთით სახელგანთქმული იყო და დიდად პატივცემული. კელმწიფე გინა სხვანი დიდებულნი მისს უკითხავს არას იქმოდნენ. რა მამუნმა კელმწიფე და დიდებულნი მოწყენით ნახა, თქვა: ნაღველი აღარას უშველის, თქვენი მოწყენა მათი სიხარული არისო, ამისთანას საქმეში რომ კაცი ჩავარდეს, კიდევ ღთს მადლობა უნდა მისცეს, არ უნდა მალე კაცმა გული გაიტყოს, კიდევ კარხსა და საქმეს ეცადოს, კარხითა და რჩევით ათასის წლის წამკდარი საქმე გამობრუნდების

და გაკეთდების. მანიშნებთ კვლამწიფეს ეს სიტყვა იმბა და ზგითხა: ამისი ილახი რეკორ იქნებისო. მანიშნებთ ცალკე გაიკმო და მოახსენა: დიდო კვლამწიფეო, ჩემი შვილი და ბუკრი ნათესავი ამბთში დაკოცოლან და მეტადრე ჩემის კვლამწიფის ამ დღის მნახავი და მტრისაგან მორეული თავი რაღათ მინდა ცოცხალი, ამისთანა სიცოცხლეს სიკვდილი ათას წილად სჯობს. ზგალ და ზეგ მანც სსსიკვდილო ვართ, ათიწელიწადი გინდა წინ იყო, გინდა უკან, მე ადრე სიკვდილი მიჩვენია, ამბად რომ, რასაც ბუკრს ვიცოცხლებ, ბუკრის ცოდვის მეტი არა შემომემატებარა, ნეტამც მალე მოკვდე და ამბთი ჯგერი ამოვიყარო და ჩემის ნათესავის სისხლი გახლგვეინო. მერმე კვლამწიფემ ბრძანა: კაცს ყოველიფერი თავისის სიცოცხლისათვის უნდა, მტრის მტრობასაც კაცი თავის სიამოვნისათვის იქს და მოყვრის მოყვრობასაც შენ რომ არ იყო, ქვეყანა თუნდა ამბადეს, თუნდა დაიქცეს; ერთს ბალახში შენ თუ არა ხარ, ვარდი თუნდა დასჭკენეს, თუნდა აყვავდეს. მანიშნებთ მოახსენა: ეგ არ არის, ნამუსი დიდი საქონელია; მე ხომ სიკვდილი მიჩვენია ამისთანას სიცოცხლესა და სხვის რავიცო. ჩემი თვალის სინათლე შვილები-და ჩემი დამტირებელი ნათესავნი დაკოცოლ იყვნენ და მე ფეკზოდ ვიარებოდე? ახლასე მინდა თქვენი ერთგულობა და სამსახური დავიდგა და ზოგნი ჩემი ამხანაგები რომ მათგან დაკოცოლან და ზოგნი დაკოდილნი არიან, მათიჯგერი ამოვიყარო და ჩემი თავი თქვენიჭირის სანაცვლოდ გქნა. ქვეყანაზე კაცი სახელით უნდა მოკვდე. ჩემს კვლამწიფეს ჩემის სიკვდილისა ნურა ენაღვლებარა და ნურც არა ვის სხვასა. თავიანთ მეგობართან ღზინში მომიგონებდენ და შესანდობელს ფილანს დალევდენ. მერმე კვლამწიფემ ბრძანა, რეკორც მოაკვარებ და კარგსა იქ, შენუდა ზგოდა. მანიშნებთ მოახსენა: მე ასეთი ფიქრი მიქნია, რომ ისინი ბარდაზამანის ბეიბანში ბადის სამურის ზლით დავწვა; ჩემი რჩევა ეს არის-უბრძანეთ ვისმე მე ყურები დამბგლიჯონ და კვლამწიფე დამამტკრიონ, ღამით ჭაღის შირს მიმიყვარონ და ერთს კუთხეში დამბგდონ. კვლამწიფე თავის ჯგერით ორიოდ დღეს მინდვრად გაბრძანდეს, მესამეს დღეს მობრძანდეს და აღარც მტერი დახვდება ცოცხალი და აღარც მე, თქვენთვის მოსვენებით თქვენსა აღავს დაემკვიდრებით. ეს რჩევა დაუჯერეს, და ბრძანა კვლამწიფემ მისი ყურებისა დაგლეჯა და კვლამწიფის დამტკრება და ტყის შირს გაგდება. თვითონ მინდორში გაგდენ. მანიშნებთ იმ ღამეს გათენებამდის კმა მალა ყვიროდა, რომ იმისი კმა ზეყას ისმოდა და მისის ცოდვით კლდე და ღრე იწოდა. დილაზე დათვთ ზელმწიფე *) მის მახილზე თვით გამოვიდა და ის მანიშნებთ ისე გამწარებული ნახა. შეუბრალა და სინჯედა მისს დაკოდილობას. იმ მანიშნებთ ჭკუით იცნო, რომ დათვთ ზელმწიფე იყო, დალოცა და ქება შესხა და რაც მართებული იყო, მოახსენა: ვმადლობ ღმერთსა, რომ ჩემი საქმე თვალთა ნახეთო, მანიშნებთ ზელმწიფის კუხირი ვარ და სანადიროდ ვიყავით და ღამით თავ დასხმას იქ არ დაგესწარ. მეორეს დღეს

*) კ. ჯ აღარ ვხმარობ.

თქვენგან გამოქცეულნი კაცნი წინ შემოგვიყარნენ და თქვენის მო-
ბრძანების ამბავი იმათ გვიამბეს. ჩვენს კელმწიფეს ნიადავ ჩემის რჩე-
ვის ესტობარი შქონდა და ამ საქმის რჩევა მე მკითხა. მე ერთგულ-
ობით მოვასხენე და ურჩივე, რომე ყმურებ ვემსახურნეთ და თვით
ხელმწიფეს დავემონეთ, და მისის წყალობით მოსვენებაში ჩავარ-
დეთ. ჩემგან ეს რჩევა ხელმწიფეს ეწყინა, და სხვანი, ვინც ჩემი მტერ-
ნი იყვნენ, ამხუედ წამამებნენ, ხელმწიფე გამიწერა და გამასჯიბრა
და თქვას, რადგან იმათი ერთგული არის და იმათგან ლაშარაკობს,
წაიყვანეთ და იმათს სიანხლოკეს გაგდეთ. ვნახოთ რას უშველიანო.
ასე ღთი გამიწერა და ჩემმა ნამსახურმა ცუდად ჩამიარა. ეს თქვა
და გულმწუხრად ტირილი დანიწყო, ასე რომ დათვთ ხელმწიფესაც
იმისის სიბრალულით ტირილი მოუვიდა. მერმე შკითხა: ახლა მამი-
უნები სად არიანო? მან მოახსენა ერთი ბეიბანი არის, ბარდაზამ
შქვიან, იქ წავიდნენ, ყველგნით ლაშქარს ელიან წამსა და წუთსა.
უანგარიშოს ჯარს იურვიან, ღამით თავს დასხმას გიპირებენ. დათვი
ხელმწიფე არქარდა და თქვა: ეჭა მამიუნო, რას გამოიბრჩევ, ამ საქ-
მის წამალი რა არის, არამც ჩემ ჯარს იმათგან ზიანი დაემართოს.
მამიუნმა მოახსენა: ხათრიჯბი იყავით, თუ მე შემეძლოს, ყველას იქ-
წავიყვანდი, მაგრამ რა ვქნა, არ შემიძლიან. მერმე ხელმწიფემ ბრძანა:
მე ვიცი, რომ შენ იმათი ალაგი კარგად იცი და თუ ამდენსა იქ, რომ
ჩვენ წავიყვან, დიად კარგი იქნების და მის დღეში შენს კარგესაც-
ბას არ დაგვარგავთ, ჩვენც მადრიელი ვიქნებით და შენც შენს ჯარს
ამოკურით; მამიუნმა მოახსენა: ხელფეხი არ მერჩის, როგორ წამო-
ვიდე? დათვთ ხელმწიფემ ბრძანა: მე მაგისს ფიქრსა ვიქ და გავირი-
გებ. ერთი დამიძნა და დათვების დადებულნი მოვიდნენ წინაშე მის-
სა და ეს ამბავი იმათც უამბო, თქვა: მხანი იყვიანთ, ამას ღამ ჩვენს
მტერს მიუხდეთ და ყველანი მისს ფიქრს შეუდგნენ, საომარი იარა-
ღი მოიმარჯვეს და ის მამიუნი ერთს დათვხუედ შესვეს. იარეს და
მამიუნი შორით გზას უჩვენებდა, ბარდაზამის ბეიბანის შირს მი-
ვიდნენ. ასეთი უწყალო ბეიბანი იყო და ცხელი, რომ ღრუბელი და-
ინჯიდა, იცოდა, რომე სამურის ნიავი ვისაც ეცეს, განწყობდა. მიწასა
და კლდეს მჭედლის ქურსასავით დანადროდა, იმ ქარის სანაბით იმ
ბეიბანში არა სულდგმული და არა ბალახი არ დარჩომლიყო. მ-
ამიუნმა თქვა: მალე ვიაროთ, სანამ გათენდებოდეს, ვიაროთ და საქმე
გავარვიგოთ. დათვებს, რაც ღონე შქონდათ, იარეს იმ ბეიბანში. თავთ
თავის სასიკვდილოდ თავის ფეხით წავიდნენ. მზე ამოვიდა და მამ-
იუნთ ხელმწიფისა ვერა შეიტყეს-რა და ის მამიუნი კიდეკ უფრო არ-
ქარებდა და ატყუებდა, სანამდის მზე ამალდებუდა და მისის შუ-
ქით მთასა და ბარს ცუცხლი მოეკიდებოდა, რომელიც ზევით შეხუ-
ვიდა, ფარვანასავით დანიწოდა. ვინც დედა მიწაზედ ფეხს ადგებდა,
სანთელსავით დნებოდა. რა მზეს შუქი მოემატა, დათვები უღონოდ
განდნენ, დათვთ ხელმწიფემ შკითხა: მამიუნო, ეს რა ბეიბანი არის,
რომ ცუცხლის ალსავით ჩქარა მოვა, მამიუნმა უპასუხა: შენ უსამართ-
ლოვ! ამ ბეიბანს სიკვდილი შქვიან, ის ცუცხლის ალსავით რომ მოვა,
ის არის, რომ ათასი სული გქონდეს, ერთი ვერ მოვრჩება, ხათრი-

ჯამი იყავ, ეს სამურის ქარი თქვენცა და მეც ნაცარ-მტკრად გაგვზდის. ის უსამართლო რომ თქვენ მამბუნებისათვის გექნათ, იმისი სამუქაფო ახლან თქვენ დაგუმართებათ. ამ ლამაზარაში იყვენ, სამურის ქარი მოვიდა, დათვნი და მამბუნი ყველა დასწავ და ერთი გულარ გარდაურჩა. მესამეს დღეს შირობა რომ იყო მამბუნთ ხელმწიფე თავისს სამკვიდროს მამულში მივიდა, დადგა და ჭაღან ცარიელი ნახა, მტრისაგან მოსვენებული ქვეყანა დარჩა. ღამის ბნელი წავიდა და გათენების ნათელი შეიმოსა, შემოდგომა წავიდა და გაზაფხული მოვიდა. ეს მასწავ ამისთვის მოგახსენე, რომ ხელმწიფემ შეიტყუოს, კაცი მტრის ჯავრის ამოყრისათვის თავის თავს გამიქუტოს სსიკგდალოდ. ამ ქარშონას ამბავი კარგად ვიცი, ხერხითა და კერავობით სავსე არის, ყოველის საქმობით გამოცდილი არის. ახლან ამ გვარად რომ ვნახე, რაც მესმოდა, ასიმდენი ყოფილა. აწ სჯობს, სანამ ამან ჩვენ გახშირი გავჭამოს, ჩვენ ამას სადილი ვაჭამოთ, სანამდისინ ეს ჩვენს სისხლს დაღვრიდეს, ჩვენ უმაღ დაგლაროთ, ბუთ ხელმწიფემ რა ეს სიტყვები გაიგონა, ასრი მომუჭა და თქვა: ეს როგორს უწყალოს სიტყვებს ამბობს, საბრალე ქარშონა ჩვენის გულისთვის ასრე გაუზდიანთ და ჩვენ წყალობის მავიერ სსიკგდილოდ ვიმეკუტებ დაჭირს ჭირხედ ურთობთ. დაჭირება ყოველს კაცს უნახავს, შენი დაჭირების დღე მოიგონე და დაჭირებული ასე გაიგითხე. მერმე ბრძანა: ეს ყვავი კანის პატავით აიყვანეთ და ხელმწიფემ თან წაიყვანა. კუბირმა მოახსენა: ხელმწიფეა ჩემო, ბარემ ჩემი ქართული არ გაიგონე და ფრთხილად მანც წაბრძანდი და ფრთხილად იყავ, მისი ამ გვარად მოსვლან ყვავთ რჩევა და კერავობა არის. რა ეს ხელმწიფემ მისი სიტყვა და სწავლება უფასურად გასთვალა და ყვავი კანის პატავით შეყვანდა, მეხლიში დანისკემდა და ყოველთვის სამსახურს უბრძანებდა, ვინცაგინ ხელმწიფის ვაი ყმა იყო ყოველივე თითო საქმით და რიგით მოიგო და მოკეთეთ დაიჭირა, დღე ყოველ პატავს შეიმეტებდის. ხელმწიფესთან ემობა (?) გაიკეთა და ცოტას ხანს უკან გუზირობაშიაყ დასკემდენ და მისს რჩევას დაიჭერებდენ და რა თავისი კარგი მრჩევლობა გამოიჩინა, ბუთ ხელმწიფემ თავის ქვეყანა იმას მიაბარა ერთს დღეს დიდა ნადიმობა იყო. ბუთ ხელმწიფე ჯდა და თავის დიდებულნი გვერთ ახლდენ. ყვავმან აღმოსთქვა: დიდო ხელმწიფე და დარბაისელნო: ყვავთ ხელმწიფემ რომ უსამართლედ წამახდინა, სანამ მისს მუქათას არ უხამ და ჯავრს არ ამოკიყრი, მანამდის არც ძილი მომივა და არც მოსვენება მექნება და არც ღზინი ღზინად მჩანს. მე იმ საქმისათვის ბევრს გეცადე და გუნებაში ბევრი ვარჩივე, მაგრამ სანამდისინ მე ყვავის სახე მსქვს, მე რომ მწადიან, ის არ იქნების. ფილოსოფოსთაგან გამიგონია, რომ ერთს კაცს ძალიან უსამართლობა დამართებოდეს და გაუკითხავად დიდს ჭირში ჩავარდნილიყოს, მას სიკვდილი ნუღარ ენადვლება თავის თავი ცუცხლში დაწვას და მისი მუქათა მისს მოძალეს გარდახდება ღთი სამართალს არ დაუკარგავს და რასაც ინტრის, აუხდება. ახლან ხელმწიფეს ამას გუხვეწები, ბრძანოს ჩემი ცუცხლში ჩავდებ და იმ დროს ვინტრი ჩემს ბუთ გარდაქცევას და თუ ღთი შემიწყალა და ისმინა

გადრება ჩემი და ბუთ მატყის, ეგების მამინ ამოკოყრო ჯავრი მტრისა ჩემისა და მათ უსამართლოდ ჩემი სისწლი მოკვებითს. მერმე ის გეზირი ბუთ ხელმწიფისა, რომელიც იმ ყვავის სიკვდელს არჩევდა, ისიც იმ ნადიმობას იკვდა. ხელმწიფემ ბრძანა: გეზირო, აქ რაღას იტყვი ამისას? მან მოახსენა: ეგეც სხვა ეშმაკობა არის, თუ ერთი რომელიმე მობუზლარი და ავი კაცი ფერად ფერად დასწვან და მისი ნაცარი სალასბის წყლით ტალახად შექონა, მისი ფერი და საქციელი ისევე ექნება: არას წყლით არ განწმდება, არც ცუცხლით დაიწვის. როგორც უთქვამსთ ავის კაცისაგან კარგის იმედი ნუ გაქვსთო როგორც ზანგი რეცხით არ გათეთრდება, ახლან ფრშამავი შეიქნას, გინდ მისმა უწმინდურმა ტანმა ფასკუნჯის კაბა ჩაიცვას, ისევე ყვავიან და ყვავი ურჩევიან, როგორადაც მას ყვავს ადამიანს სახე შექონდა და თავის კვარი არ დავიწყებოდა. ხელმწიფემ ჰგითნა, როგორ ყოფილანო.

5. არაკი გეზირმან თქვა*).

ერთი სულის მიმდევრი კაცი იყო. ერთ ალაგს წყლის შირს იკვდა ამ სოფლათ განდგომილი იყო. და ყოველის ფრისაგან ამ სოფლათ ხელი განებინა. ერთმან ყვავმან ფრინგით გამოიარა იმ განდგომილის გვერდით, ერთი თავის ბარტყი ხელთ ეჭირა და იმ განდგომელს წინ გაგარდა. მას კაცს შებრალა და აიღო კალთაში ჩაისვა, რომ შინ უნდა წაიყვანოს, მაგრამ იფიქრა არამ შინ აწყინოს გინმე რამე. ილოცა წინაშე ღთისა და იმ თავის ქალად გარდაქცევა ინატრა, უსმინა ღთს ლოცვა მისი და თხოვა და ის ქალი თავი ქალად გარდაიქცა, ასეთი ლამაზი და ტურფა შეიქნა, რომ მისი შვერება მზეს და მთვარეს ენატრებოდა, თმანი მისნი გომრის საგდებელსა ჰგვანდა. შეხუდა მუდუნებოდა და ერთი კალმით დახატული ღთის წყალა დაინახა, და ერთს თავის მოწაფეს მიანარა, რომ შვილად გაზარდე და ის მოწაფე მოძღვრის ბრძანებით შვილსაგან უფრო ასათუთებდა და ამატიკებდა. გამოვიდა ხანი და გაიზარდა. მუდუნებოდა უთხრა ახლან დრო არის უნდა გასთანოვდე შენის ნებით, გინც გინდა ქვეყანაზედ, იმას შეგერთავო. ქალმან უმასუხა: თუ ქმარს შემერთავთ ასეთი კაცი მინდა სამხნითათ თუ შვერებით, სიმდიდრითათ თუ ძალით ქვეყანაზედ იმისთანან არავინ იყო. განდგომილმან უთხრა: შენ რომ ამბობ მაგისთანას ადამიანს რომ გერ ვიშროვით და ზეცური მზე უნდა იყო, ის არის ყველას უმჯობესი. ქალმან უთხრა: ეგ მეც, გიცო ქვეყანაზედ რაც რომ არის, ყველას ისა სჯობს და ის შემერთეო. რა გათენდა, მზემ ლილიფარის სარკლმითა თავი ამოყო მთა და ხარი განათდა და ქვეყანა დააშვერა. მან განდგომილმან დილის ლოცვა ილოცა, შევიდა და მზეს მოახსენა, ქალი მყამს ტურფა და შვენიერი და ქრმის შერთვა შემოიკვითა. ასეთი ქმარი მინდა, რომ ქვეყანაზედ იმისთანან არს იყო რაო. იმ კვარი შენ ხარ და არც არავინ შენისთან არის. მზემ

*) Ср. «Отшельникъ и мышенокъ» изъ «Калилы и Димны».

უთხრან: ჩემგან უფრო ძალიანსა და შემძლებელს გასწავლი. ღრუბელი ჩემგან უფრო შემძლე არის, როდესაც მონდომებს სინათლეს წამართმევს და ქვეყნის შირს აღარ მჩვენებს. მეუდაზნოვე ღრუბელთან მოვიდა, ეს ამბავი მას უაზრო. მან უთხრა: ქარი ჩემგან უძლიერესია, როდესაც მონდომებს, საითაც უნდა, იქით წამიღებს. მეუდაზნოვე ქართან წავიდა და აგრევე ეს ამბავი ქარს უაზრო, ქარმან შემოუხუვლა და უთხრა: მე რა შემოიღიან, ძალი და ღონე მთასს აქვს: ასე ფეხი გაუმავრებია, რომ ათასი მინდოდეს ჩემს ხმას იმას ვერ გაგონებ, მე იმის ჯავრით აღარა ვარ. ქარმან რა გინდა ღრუბელი დასძროს, მთასთან რომ მივა, მაშინც დადონდები. მერმე წავიდა მეუდაზნოვე და მიადგა მთასს და ეს ამბავი მთასს უაზრო, მთა დადონდა, ეს უპასუხა: თავი უფრო ჩემგან ძალიან არის, საითკენაც იმას უნდა, იქით გამხვრეტს, და რომელსაც გვერდს სწადიან, იქით შემომივა და სახლს დაიდგამს, ჩემი გული და ღვიძლი მისგან ცხრილივით დახვრეტილი არას, არას გზით იმისგან არა მეწამლები-რა. მერმე ქალმან სთქვა-მართალს ამბობს თავის ოდენი არავის შეუძლიან. მეუდაზნოვემ თავს უაზრო ეს ამბავი, თავი შეხლტა და ითამაშა, და ქალსაც დაიღ იამა. თავგმან თქვა მეუღლე მეც მენატრება, ერთი ჩემსავით ტურფა ვინმე იყოს მინდა და კიდევ შევიერთავ. მაგრამ არ ვუჭობ ჩემი საფერი ვინმე იყავს ჩემ გვარში, და თუ ჩემი გვარი არ არის, რომ არ იქნება! მერმე ქალმან თქვა: ეგეც ადვილია. ამ მეუდაზნოვემ თავის წმინდის ერთ გლაცლს და თავგათ გარდამაქციოს და მე და შენ ერთად გავიზაროთ. მეუდაზნოვემ ნახა, რომ ორისავე წადილი და ნება ერთი იყო, დადგა ღლაცლს და ბრძანებითა ღთისათა ის ქალი ისევე თავგად გარდაიქცა და ისინი ერთმანეთს შერთო, თვითონ დაბრუნდა და თავის უდაზნოს წავიდა: ეს მასალი იმისთვის მოგახსენეთ, რომ ყოველსავე თავის გვარი ურჩევნია, ჩვენ მიწანი ვართ, ისევე მიწადვე მივიქცევით. რაც რომ სხვა ფერადი დახვედრო. ბოლოს ისევე თავის ფერს დაიჭერს. ფილესოფოსთ უთქვამთ: ერთის მწარეს ნაყოფის ძომცეში ხე გინდა სამოთხეში დარგო და თაფლისა და შაქრის წყლითა რწყევდე, მაშინც რომელსაც შირველს მოისხავდა, მისვე მოისხავს, და არც მისა ხელი გატვირთება. ბუთ ხელმწიფემ ეს ამბავი ბედულისავით გაიგონა, და ვეზირის ქართული საქმიზოთ ეგონა და არა ყური უგდო. ყვავი დღე ყოველ უცხოს უცხოს მასალს ამბობდა, რომ მე ბუთ ხელმწიფეს იამებოდა, და დღე და ღამ გაუყრელად გვერთს ახლდა, ზვერავდა მათი ამბავი და სამალავი ყველას შესტყო. ერთს დღეს დრო იმოკნა, იქიდან გამიზარა და ყვანხელმწიფესთან მივიდა, ხელმწიფეს დიდთ გავხარდა, და მელიქ ფირუზ შკითხა: ჩემო ქარშონავ, რა შექნილი? მან მოახსენა: ჩემის ხელმწიფის დოვლათით რაც მიხდოდა, ყველას განმირიგებია, ახლან ის დრო არის, რომ ჩვენი მტერი ჩვენი თვალთ ვნახოთ. ხელმწიფემ ბრძანა: ჯერ მოკლეთ თქვი გარჩიოთ კანის რიგითა და საქმიად. რაც მოკვინდება მზას დავიჭიროთ. ქარშონამ მოახსენა: ამა და ამ ალაგას მთაში ერთი ქვაბი არის,

დღისით იმათონი ჯარნი იქ არიან, და მის ქვანის სიანსლოკეს
 ხმელი კაჭაჭი ბეგრი იშოკება. ხელმწიფემ უბრძანოს, ფრინველთ
 რომ იმ ქვანის სიანსლოკეს ბეგრი კაჭაჭი დააგროვონ, მე მეცხსვა-
 რების სადგომიდან ცუცხლს მოვიტან, იმ კაჭაჭს მოუკიდებ. თქვენ
 ფრინველთ უბრძანეთ ფრთა დაიქნიონ და ცუცხლი გამრთელდეს.
 რაც ბუ იმ ქვანადამ გამოვა, ცუცხლში დაიწვიოს, და რომელც არ გა-
 მოვა, შინ კომლით დაიწვიოს. ქარშონას რჩევა ხელმწიფეს დაიღ
 მოეწონა, და ამ რჩევაზედ შეიყარნენ და წავიდნენ იმ რიგად, რომ
 მელც ქარშონამ არჩივა, ბუები სულ დასწვეს და თვითონ მზარუ-
 ლად გამობრუნდნენ გამარჯვებულნი. ხელმწიფე და მისნი დიდუ-
 ბულნი ქარშონას ამბავსა და საქმეს ჰკვირობდნენ და დიდათ უმად-
 ლიდნენ, რაც იმას ჰფერობდა პატივს სცემდნენ, და ის ხელმწიფეს
 ღოცავდა და მსახურთა და აზნაურშვილთა ყველას თავთავისათ გა-
 მარჯვებას მიულოცევდა. მერმე ხელმწიფემ უბრძანა ქარშონას, რომ
 შენი რჩევა და საქმე კარგად მოკვირდა. მტრის დამარცხება და მოყ-
 გრის გამზარულება შენგით გეჭირს, ქარშონამ მოახსენა: ყველა
 ხელმწიფის ბედნიერებით და სვე სვიანობით იყო, მაგრამ მე ამ
 გამარჯვების ნიშანი იმ დღეს ვნახე, რომ იმათ უსამართლობით ჩვე-
 ნი მკვიდრი ალავი წაგვართვეს. და ჩვენი ცოლი-შვილი გასტანჯეს,
 იმ ბუე მლანშეუბამა ჩვენი სამკვიდროს წართმევისათვის თავლები
 გასწითლებოდანთ ნაკვერცხანლისავით და შირი გაწყვიტლებოდანთ.
 და ქვეყანა იმათვე დაუბნელდათ. ხელმწიფემ ბრძანა: ბუებთან რომ
 გორს ღზინში იყავ არ როგორ სძლებდი? მან მოახსენა: შხამითა და
 სწამლავით სიკვდილი სჯობს ვისმე უცხლსა შხარ შარბათის სმასა.
 არა ჭირი უგვაროს მუსაფის ღზინს არ შეედარება. უფერის მო-
 კეთის შირი ჯოჯოხეთი არის, მაგრამ ხელმწიფის ერთგულების
 გულისათვის კაცი ბეგრს ჭირს გასძლებს, რაც წინმართგან, არ უნ-
 და ითაკილეს და სიხარულით წინ უნდა მიეკუბოს. რომელიც ჭირს
 არა ნახავს, იმას ღზინი არ ეღიროს. ხელმწიფემ ბრძანა: ბუთ ამოწ-
 ყვეტა გეჭობ უსამართლობით იქნა. ქარშონამ მოახსენა: აგრე იქნე-
 ბა, როცა ხელმწიფე უსამართლო იქნება. მისი სვე სვიანობა მალე
 გადებრუნდება. უსამართლობის დღემოკლებაც მოაქვს. რომელიც
 ხელმწიფე უსამართლო განუითხავ და ავის მომქმედი იქნების უსა-
 ცილოთ თავის თავისათვის იქნების. ნათქვამი არის, ვინც ღთახის
 საქმის მქნელი არის, ღთახს რასმე უნდა ელოდეს. ვინც რეგვინისა
 და მეტიანს კაცის გუირობა უნდოდეს და მისს რჩევაზედ დად-
 გეს, ქვეყანაზედ ხელი უნდა აიღოს. კიდევ ნათქვამია, რომ კაცს
 ექვსის ნივთის იმედი არ უნდა ჰქონდეს. ამ ექვსის აგებულებისა,
 შირგული, მწყინარსა და უსამართლის ხელმწიფეს ამალებისაგან.
 მეორე, კონტასა და შურად მვირს კაცთან პატივით ქება დიდებისა-
 გან. მესამე, აგუულს კაცს ბეგრის მოკეთის მოპოვებისაგან, მეოთხე,
 ავ საქციელ კაცს გამდიდრებისაგან. მეხუთე, მემრუშეს კაცს ვანს საქ-
 მისაგან. მეექვსე, მეტის მდობელს კაცს კარგი არ დაუმართების და
 არც წაუშდარი მოწიების. როგორც ბუთ ხელმწიფემ მეტის მდო-
 მით ყვავთ ამოწყვეტა მომდომა და იმისკე გარდახდა, რომო

სწავისთვის მოსთანხარ, და თვითნ ჩაგარდა. მტრისათვისაც ავი ნუ გინდა, თვარა შენს თავს მოკა. მერმე ხელმწიფემ უბრძანა, რომელიც ენით მოიხსენების იმისი მადლი, რომე ჩვენის გულისთვის ამდენს განსარჩე, და ჩვენის გულისათვის მათთანს უგვაროს და ავ სულთ მსახურე და შეუხველ. მოახსენა, თუ ბუთ ხელმწიფეს თავისის გე-ზირის სიტყვა გაგონა, დიდს ფათერაკში ები. კურთხეული არს ღთი რომ მოჩი ფათერაკისაგან. ქარშონამ მოახსენა: კაცი ის არის, რომ იმისთანს დაჭირებში თავი გამოიმეტოს. კაცობა გამო-ჩინოს, საქმის შირით გასინჯოს, და თავის უმდაბლესს კაცს მსახუ-როს, და გულით რაც უნდა, იმას ეწევა. როგორც გველმან სვლი-კის სამსახური მოინდომა და მისგან ნება აღისრულა. კვლმწიფემ შკითხა, როგორ ყოფილა:

6. ანაკი ქარშონამ მოახსენა.

ერთს გველს სიბერე მოეწივა და იმ მიზეზით დიად უღონოდ და სნულად შეიქნა. ნადირობის და სიარულის დონე აღარ შქონდა, ბეგრ რიგად იფიქრა ყმაწვილობის ძალა, მაგრამ აღარას უშველიდა, როგორც ცუცხლი მწეურგალს ვერ უშველის და წყალი ცუცხლს ვერ ხანთებს, ისე ვაჭვაცობის გავლილი ძალა და დონე სიბერეს გე-ღარას უშველის. სიჭაბუკის დრო წავიდა, სიბერე მოგვეწივა ვაი ამ დღეს, რომ სიბერე შემოგვეწინა, სიბერეს ჭაბუკობის სიტგებობა აღარა აქვს. გველმან შეიტყო, მაგრამ ვეღარას მოეწეოდა და სწავ ეთქრი მოიგონა, თქვა მაშინდელის ძალის მაგიერად ჭკუა და სერხი უნდა, ახლა უწყინაობას უნდა დავეჩვიო, ისა სჯობს, რასაც მოვითმენ, მოთმენას და სერხს ვეცადო, რომე სარჩო მით მოვი-შოკო. ერთს წყაროს თავზედ მივიდა, რომ იქ ბევრი სვლიკი იყო და მათი ხელმწიფეც იქ იყო, მოწყენით და დაღრეჯით დაჟდა. ერთი სვლიკი მოვიდა და კითხა, რასათვის მოგწყენიაო, გველმან უთხრა, როგორ არ მომწყენია, ჩემგან უფრო მოსაწყენს აღარავ ვინ არის, ჩემი სარჩო და სიცოცხლე სვლიკთ ნადირობა იყო. ახლა ასეთი საქმე მოხდა, რომ მათი ნადირობა აღარ შემომლიან, წამლად რომ მიინდოდეს, ერთს ვეღარ დავიჭერ. მერმე ის სვლიკი წავიდა თავ-კანთს ხელმწიფეს მოახსენა და იმ სვლიკთ ხელმწიფეს გაუგვირ-და, ადგა, გველთან მივიდა და შკითხა, რისგან დაგემართა ამისთანა უძლურება, გველმან უპასუხა: ჩემის დაუნდობელის გულისაგან და მეტის მდომისაგან დამემართა. ასე იყო, რომე ერთს დღეს ერთი სვლიკი მიინდოდა დამეჭირა, გამექცა და ერთის ბერის სახლში შე-კარდა. მეც მისის მდომით თანშევეკე, ბნელი იყო და სვლიკი მეგონა და ბერს ეყნის ცერზედ უკბინე. ბერს იმ კბენაზედ გაეღვიმა, მე გა-მოკექე; ის გამომეკიდა და ვერ-მომეწივა, მერმე წყევლს დამიწყო, ღთან ასე დაგაუძლუროს, რომ ამ შენის საჭმლის ამარას შეიქნაო და უმისოდ საზოდო ვეღარსად იშოკო. ის ბერი თურმე იყო ღირსი და წმინდა, რომე მისმა წყევლამ მიწივა და რაც იმან თქვა, ისე მომიხდა. აწ მოკსულვარ ხელმწიფის სამსახურში, ამდენი წყა-

ლობს იყოს, რომ რითაც შეძლებს მქონდეს, ხელმწიფემ მიმსახუროს, საბრძოლო შემოხვეწილთ შეწყნარება დიდის ხელმწიფის მადლით და სახელი არის. მერმე ისმინა ხელმწიფემან აჯა და მოხსენება მისი და დაადგინა მსახურად თვისად; გამოვიდა ხანი რამე, ხელმწიფეს მოახსენა გველმან, ხელმწიფე ამოდ იყოს და სარჩო არა მაქვს. ხელმწიფე სარჩოს წყალობა მიყოს, რომ ხელმწიფის სამსახური შევძლო. ხელმწიფემ ბრძანა: მართალს ამბობს, ბუშა უსძელ-უჭმელი არ იქნება, დღეში ორი ხელივი გაუჩინა: ერთი დილას და ერთი საღამოს. გველი მისგან რჩებოდა და არც მათს სამსახურს თაკილობდა. ერთი შენი ხელი რომ მარგე იყოს, აკოცე და თავზე შეიდეგ და რაც საზიანის ის არის სათაკილო. ეს არაკი ამხუდ მოგახსენე, რომ ოდეს კაცს დაეჭიროს თავისს უმდაბლესს კაცს-მსახურს და არა ითაკილოს-რც და მოთმინება მქონდეს და ჭირსა შეგან გაძლოს. ამ გვარს კაცს ნება აღუსრულდება, როგორც მე გაგსძელ ცოტას ხანს, ჭირი და ნება აღვასრულე, მტერი ამოკვადე და მოყვარე გაკამხიარულე: მტრის ომსა და ხმალსა ამრიგი ჭკუით და რჩევით ამოკვდება სჯობს. თავი დამდაბლე და დამცირე, რომ მტერს მოერიგო. ცუცხლი პირველად მცირეს და წყნარად მოკვიდე-ბის და რა დრო მოუვა, ძალსა და სიცოცხლეს მოიცემს, მამინ ქვეყანას გარდასწავს, წყალი რომ წყნარია და მდაბალი არის, რაოდენ მდაბლი თვალ უნთობი ხე-იდგეს, სადაც მოხვდება, ექსვიან ამოაგდებს, კაცი უნდა ამ წერიტან და რიგით იქცეოდეს და მტერს არ ხურქარდეს. უმდაბლესს და მოცდადოს, რაგინდ მნელი საქმე იყოს, რომ მოუცდად და პირველად დაუგარდე, ბოლოს შენ აჯობებ და შენად საწადელად მოხდება საქმე. ნათქვამია: ყოვლის ფრისგან ფიქრი და რჩევა სჯობს. ამისთვის რომ კაცი რაგინდ მოკრევა და ჩამოაგდებს, თუ მოჭირვებით შეიბმის ათასი გინა მეტის მეტი გულგანნი და ძლიერი იყოს, ასი ჩამოაგდოს-მეტს კერას იქს, მაგრამ ერთი მცოდინარე და კარგი მრჩეველი კაცი ერთის ფიქრით ათასს კაცს ჩამოაგდებს. დიდს ხელმწიფესა და ქვეყნის მმყობელსა ამოაგდებს და ამისთანას მცირედის საქმით ერთს აშენებულს ქვეყანას დააქცევს. ერთის ფიქრით, რომ კაცი იქს, ურიცხი ლაშქარი გერ იქს. ერთის ხმით ერთს კაცს დაინარჩუნებს და რჩევით ქვეყანასა. მერმე ხელმწიფემ ბრძანა: უცხლად საგვირველი გამარჯვება მოგვივიდა ჩვენს მტერზედა. მერმე ქარშონამ მოახსენა: გამარჯვება და მტრის მოკრევა კუხირთა და მრჩეველთაგან არ არის. ბედნიერის ხელმწიფის სვე სვიანობამ დაუმარცხა მტერსა. ნათქვამია—ზოგნი ერთნი საქმისათვის მოიჭირვებენ და ზოგს თავის პატრონის ლოცვითა და ხვეწნით წარემართების. ამით რომ ყმა გაურთველდება და თავის ბატონის წინ წაყვანას ეცდება და რომელსაც მოყმეს აქვს ერთგულობა და გული წმინდა პატრონის თვისსა ხედა და სწამიდე და ნამეტნავად მოღვალება (?) მისი საქმე წინ არის და ყოველგნით გაემარჯვების და თუ ამხუდ რომელსამე მტერს გაემარჯვოს*), მას

*) Безъ ѣ въ рукописи.

უხესათესად სიწმიდე და თავის ბატონის ერთგულობა ჭქონის და თუ ერთმანერთზედ მეტნაკლებობა არ იყოს და იყვინ ორნივე სწორნი, ეს არის განკება ღვთისა, რომლისაჲც სვე სვიანობა შმეტობს მას განებრჯების. ნათქვამია, ბუდის განსკვლავი კაცზედ ამალეუბლი თუ იყოს, სადუთაჲ წავიდეს, მას წადილი აღუსრულდეს, ხელმწიფემ ბრძანა: არამც ჩვენ თვალში გეცოტაკებოდით. ქარშონამ მოასსენა: ოთხი რამარის, რომე მისი ცოტა—ბუერად უნდა მიიწინოს კაცმან: ერთი ცუცხლი რომ ცოტა კმარა, რასაჲც დასწავა; მეორე გალი, გინდა ცოტა იყოს, გინდაბუერი, მანც ვაღია; მესამე ავამთყურობა და სწეულობა, ცოტაც და ბუერიც კაცს დასწეულებს, მეოთხე მტერი, რაც უნდა მცირე და უღონო იყოს, დიდად უნდა დაიჭიროს და არ წაუთამამდეს. მე გამიგონია: ერთმან ჭიგჭავებან გეშაშივით გკელს უმტერს. ხელმწიფემ ჭგითხა, როგორ ყოფილან.

7. არაკი ქარშონამ თქვა.

რომელსამე ადგილს ორს ჭიგჭავს სახლის ჭერში ბუდე ჭქონდათ. ოდეს ბარტყნი ჭყარნეს, მათდა საზრდოს მოსატანად ხან დედალი წავიდის, ხან მამალი და ისე არჩენდენ ბარტყთა თვისთა. ერთს დღეს მამალი ჭიგჭავი საზრდოს მოსატანად წასულიყო. საღამოს მოვიდა, ნახა, რომ თავისი მეუღლე მწუნარედ ბუდეს გარს უკლიდა და იმანდა შეწუნებული დედალი ჭიგჭავი. მამალმან უთხრა: რა არის ღონეკ ანუ რამიგან გხედავ? მან უპასუხა: გულს ეკალ ჩამერჭო და მისთვის თვალ ცრემლ შეუშრობეღვარ. ამისთვის ვსტირი და ვიგლოვ: ცოტას ხანს სხვაგან ვიყავ, რა მოკლე, ვნახე ერთი გგალი ჩემს შვილებს სჭამდა, რამდენი ვიძახე, მატრონი გერ ვიშოკე, მერმე უთხარ: გგლო, რა გინდა მლიერება გქონდეს. მამინც უღონოს მტრისაგან გეშინოდეს, რომ სხვაც არა შეეძლოს-რა, წყევლით გაგათავებს. მან მითხრა: შენი წყევლა მე არას დამამარცხებსო, მე უთხარ: ამისგან გეშინოდეს, რომ მე და ჩემი მეუღლე ჩვენის ბარტყების გულისათვის შენზედ მტერობის სარტყელს შემოვირტყავთ და რაც ოდენ შეგვიძლიან ვიმტერებთ და დაგაკლებთ. გგლმა ვაიციან და თქვა: ერთს შენს მტერს რომ ღომისაგან არ ეშინოდეს, იმას შენგან როდის შეეშინდებანო. ვიძახე და ვიტირე, მაგრამ მშველელი გერავინ ვიშოკე. იმ უსამართლომ შვილები შემიჭამა და იქავ ბუდეში წეკს. მამალმა ჭიგჭავმა რა ეს გაიგონა, გულს ცუცხლი მოუდგა. მას დროს სახლის მატრონმა ფილთას ცუცხლი მოუვიდა, უნდოდა ცუცხლი მოუდგა. ჩამოფრინდა ჭიგჭავი და ის ანთებული მატრუქი აიტანა და თავისს ბუდეს შეუვიდა. რა ეს სახლის მატრონმა ნახა, აიღო წერაქვი და იმ ხანს ზევიდამ ქცევა დაუწყო. იმ ბუდის შირდაშირ განკრიტა და ცუცხლის სიფხოვლით გგლმან თავი იმ ხანში გაყო, სახლის მატრონმა დაჭრა წერაქვი და კვლარ განხწივა—მამინვე მოკვდა. აწე ამ არაკის სარგებელი ეს არის, რომე გგელს თავისი მტერი უღონოდ ეგონა შვილები შეუჭამა და იქავ დაწვა და არას ეშოებოდა, და იმ უღონო

მტკრმან თავი დაადებინა. მამ მტკერი რაგინდ უღონო გუგანდეს, ის უფრო ძალიანი გეგონოს და სიფრთხილე გქონდეს მისგან. მერმე ხელმწიფემ უბრძანა ქარშონს, რომ ეს ბედნიერი საქმე და მტრის ამოკარდნა შენის იმედით და რჩევით იყო, რაც საქმე შენის რჩევით დაგვიწიე უკვლახ კარგა მომიხდა. რომელმაც ხელმწიფემ შენისთანს ბრძენს გეზირს სადაგე დაანებოს, ის ზიანს არა იქნ და კიდევ გაუმარჯგების, როგორც შენგან, საითკენაც წავალ ან რასაც საქმეზედ გავსდგებო — გამუმარჯგების. ერთი შენი სიკეთე ეს არის, რომ ამდენი ხანი იმართანი იყავ, არც ესეთ რამ ვითქვამს, რომ განგეჯავრებინე. ქარშონამ მოახსენა: ისიც ისევე ბედნიერის ხელმწიფის სვე სვიანლობისგან იყო, რაც იმართანი ვსთქვი ჩემის ხელმწიფის და მისის განსაკუთრების სამჯობინარი იყო, მაგრამ თქვენისაგ გაზრდილობით მახსოვდა, რაც იქ ყოფიქცევა მქონდა, ბედნიერს ამალეუბულს ხელმწიფეს რომ არა გამოკებრებარა, იმისთანას ადვილს არქარება არგარგა, ანუ აკუულაობა, ანუ ნებეირობა, ანუ ურიგოს სიტყვის თქმა არგაქნეობა, კაცმან რასაც ფერზედ დღე ზვანაობა იცოდეს, ან რაგინდარას საქონლის ცნობა შექონდეს, ანუ მამულთა და სპათა თვისთა სიყვარული შექონდეს და გლეხთა უნაღვლეულად არ იყოს, ხელმწიფობის ნამუსი და გარბეობა არ გაუშვას. ამგვარი ზნე და საქციელი კარგია და ვინც იმისთანას ბატონს გარდგეიოდოს რომ ესენი არ იცოდეს, იმას ზგავს, რომ სიკვდილს ათასის საგდებლით თავისკენ მისწევდეს და სიცოცხლისაგან ათასის დღის სავალს განშორებულ იყოს. ხელმწიფემ ბრძანა: სანამდის შენ იქ იყავ, არც შირში გემო მქონდა, არც ძილი და მოსკენება, ახლა მადლობა ღთსა, რომ მოხვედო და ჩემის სვე სვიანობის მზე ზეფიდამ ვიხილე და ჩვენის მტრის დღენი ჩრდილი დადგა. ქარშონამ მოახსენა: როდესაც ვინმე მტრს გარდგეიოდოს, სანამდისინ იმას მოარჩეოდეს დღეს ღამისაგან და სინათლეს ბნელისაგან გერ განრჩევს, თავზედ მამია და ფეხზედ ქუდი ეკონება. მკურნალთ ბრძენთ უთქვამსთ: სანამდისინ ავბთმეოფი მართლად არ გამთელდეს სმისა და ჭამის გემო არ ექნება. მუშას სანამ მძიმე საშალნე ჰგოდია, გერ მოისკენებს, მიჯნურთ სანამ თავისს საყვარელს არ შეეყრება, მანამდის გერ მოისკენებს. მგზავრი სანამ სასტუმროს არ დადგება, გერ შეისკენებს. რომელმაც მტრისაგან მოისკენოს, სინარული მართებს. ხელმწიფემ ბრძანა: იმითი გარბეობა ან სალხინო, ან საომარი როგორ ნახე? მან მოახსენა: ამშარტარება, მედიდურობა და ზორცის მოყვარულობა ვნახე, ავსა და კარგს გერ განრჩევდენ და ზოგნი ჩემს სიკვდილსა ცდილობდენ. ხელმწიფემ ჰგოთხა: მისი ჭკუა და რჩევა როგორ იყო? მოახსენა: ის რომ ჩემს სიკვდილს ურჩევდა, ვაი ჭკუაც შექონდა და მისი რჩევა იმართვის საგუბელიც იყო და ის მისი ბატონი არას უჯერებდა. მაგრამ ზოგეიერთს კიდევ მუნასობით სიტყვას მოახსენებდა და თავაზიანად სწავლა რაგვარა იქნება? ქარშონამ მოახსენა. ასე რომ თავმდაბლობით ტკბილი სიტყვა გამართოს და ტკბილის ენით კარგი რამ ამბავი და მართებული სიტყვა მოახსენოს და იმ დროს მუნასობად რასმე ზედ სხვის ურიგობა და სირეგნე ან სხვა

რავინდა რა სირცხვლეული საქმე ახსენოს და ამაკუბდეს. ამისთანა-
ბით თვით ხელმწიფეც მიხვდება და დაიხწვლის, რომ ურიგო არ
ას-რა. ბუთ ხელმწიფის კუხირს ყველა სიკეთე და ცოდნა შქონდა
და ერთს წამს არ გაიყრიდა, რომ ამ გვარი სიტყვები არ მოესუნე-
ბინა. ერთხელ მე ჩემის ყურით გაგიგონე, რომ მეფეს ეუბნებოდა
ქვეყნის მოკლად და პატრონობა თავის მოჭირგებითაც არ იქნება.
თუ დიდებულობას სვე სვიანობა არა აქვს, თუ ყველა შენის გუნე-
სად მოხდეს, ის ბუდი და ღთის წყალობა, კასი პატივით უნდა შეი-
ნახოს. რისხვა მოწყალებით უნდა, შესანახავი—შესახედავი დახედუ-
ლობით უნდა გებრალბოდეს. ვის თავის ხელმწიფობის დამდაბლებს
არა უნდა, უბრალოდ კაცის გარჯას ერიდოს, წყრომითა და რის-
ხვით აღზრება სჯობს. ხელმწიფისაგან გულნაკლულად ხმის გაცემას
ფათურაკად მოსვლაც უნდა შეინახოს—არამც რავინდა რას საქმეს
ნაკლებით თვალთ შეხედოს. ხელმწიფის სვე სვიანობის და მტკი-
ფება ოთხს ნივთს არ შუქობიან, ასე რომე სვალის რავინდა რას
საქმის შირი, დღეს სწარად სარკეში დაინახოს საზიანო და სასარ-
გებლო. ხელმწიფის სვიანობის გზას იმოკნის, მაგრამ სიფრთხილე
არ უნდა გაუშვას ხელიდამ და მისის წლმით მის უამებელის სიკვდი-
ლის კალო გალენოს. ბაღში ნერვი არ იხარებს, თუ ტკბილის წყა-
როებით არ ირწყვის. ის ბუთ ხელმწიფის კუხირი ამ გვარს ქარ-
თულეს ამბობდა, მაგრამ არავინ უსმენდა. მისი ნახვავლები მისმა
რჩევამ არა არგოთ-რა. კარგმა მრჩეველმან რა ქნას, თუ არას დაუჯე-
რებენ. მცოდინარეთ უთქვამს, თუ კასი კუხირს რჩევა არ დაუჯე-
რონ, ავი ფათურაკია. ბოლო ეს არის: მტერი რავინდ უღონოდ იყო,
ძლიერად მიგანდეს. ნახეთ ყვავმან თავის უღონობით, ბუთ რა მო-
უკლან[ინა?]. იმათ ის თავიანთ ამოკარდნა ამხარტავებით და უშიშ-
რობით მოუვიდათ, თუ მათ საბრალოთ ჭკუა და რჩევა შქონდათ
ხელმწიფეს ის არა დაემართებოდა. ჭკვიანმან კაცმან ასე უნდა
ესეუბი თავის თვალთ დაინახოს და თავის ყურით გაგიგონოს, სარ-
გებლიანი არის. ამ არავის სარგებელი ერთი ეს არის, რომ ხელმ-
წიფემ ყმა ისე უნდა გაერთგულოს, რომ ქარშონამ ერთგულობით
ამისთანა საქმე გაბუდა და მტერი თავის ბატონისა გარდასმენა და
მით განუსკვნა.

9. კარი მეხუთე.

რავინდა რას მოკნისათვის და ბოლოს დაკარგვისათვის.

მეფემან მან ქვეყნისა მხერობელმან რავიმ ბრძანა: განათლებუ-
ლო კუხირო, ბაშრამან მტრის სიტყვის მიუდობელისა სიფრთხი-
ლისა ყველა მხუწყე და აწ ეს მითხარ: კაცი რომ შირველ ცდილ
იყოს რასმე მოკნისა რავინდა რას, ბოლოს თავის ჭკუით დაეკარგოს
და საქმე წახედინოს, ეს როგორ არის. კუხირმან მოახსენა: უმა ხელმ-
წიფეო, ზუჯას ვარსკვლავნი შენის სვიანობით ნათობენ. ასეთი ქება
რა კადრო, რომ უხესთავისი არ ბრძანდებოდე, ბუდნიერი ხელმწი-

ფეს რას გამოკმარვის, მაგრამ რაგინდა რას შოვნა უფრო ადვილია შენახვისაგან. ყველა უფრო ადვილად იშოკების, მაგრამ შენახვა კანის ჭკუით და კანის მოკლით უნდა, რომელსაც არა აქვს სიღრმე გული-სა და საბოლოო, ჭკუა მარს კერას გასინჯავს, მისი საქმე მალე წახდების და უიმედო შეიქნების და ბოლოს სინანულს მიხვდება. როგორც კუ ადვილად მიაბუნს გაუმუსაბდა და ბოლოს სირეკვნით დაჰგარგა, მასუკან ბევრი ინანა, მაგრამ კვლარას მოეწივა. ხელმწიფემ ჰკითხა, როგორ ყოფილხა.

10. არაკი გეზირმან თქვა.

ახსარის ზღვის კუნძულსა მრავალნი მიაბუნნი იყვნენ. ერთი ხელმწიფე ჰყვანდათ სახელად ქარიდან ერქვა. დიდად შატოლსნუ-ბით სახელ კანთქმული და მორჭობულმოკლენილი და ერი მის ქე-ყანისა ყოველნივე შმონებდენ და იყვნენ მადრიელნი მისნი და მლოცავნი და იგი მართლმსაჯულობით განჩვენებული იყო. მაგრამ სიბერით დიდად მოტეხილ იყო და უღონოდ იყო. მისის სიჭაბუკის გაზაფხული სიბერის შემოდგომას დაძვავსებოდა. ძლიერების ხე-ნილი სიგლახაკის ქარით დაძვავნარი და მისი სალხინო სანთელი საჭიროდ დაზნელებულ იყო. სიგაჟაკის ღონესა და სიტკბობას სიბერის დროს ნულარ ელი. თავდაღმა ჩავლილი წყალი შირაღმა აღარ ამობრუნდება. ამ სოფლის წესია, რომ სიგაჟაკის დარის კარდესა სიბერის ავდრის ეკალსა ანაცვალებს, სიმდიდრის ალვის-ხესა სიგლახაკის კაჭაჭთან ზურგეს, ლურჯს კარავ ქვეშ მიწას შირს ზევით ასეთი ვინ ნახეთ, რომ მისი ყაყაჩოთ მსგავსი შირი სისხლის ცრემლმან ზაფრანად არ შესცვალა. საწუთრო მსგავსი არის ბერის დიაცისა, რომ შემოსს საბეულსა და იცნებს ფერს მოსატყუებლად გაჟაკათა, ეგრეთვე ეს მიუნდობელი სოფელი არის მოსილი ცრუ სამკაულითა და ატყუებს კაცთა მრავალთა და ჩაგდება ჭირსა და სნეულობასა და შეამთხვევს სინანულსა, რომელიც მოიძაგებს და ალებს ხელს ამ უხაროს სოფლის ფულასი ჭამისაგან საუკუნოს შაქარსა სჭამს და არც სინანულს შეემთხვევის, სიბრძნით ახსნი-ლი სირეკვნის ბადეში არ უნდა დაებას, ამ სოფლის ბედი და სვესვიანობა ლბილი და ფეროკანია ხილი მაგრამ შიგნით შხამით და საწამლაკით სავსეა, რეკვენნი სჭამენ და დასნეულდებიან და ნიადაგ ნაღვლიანი და სევდიანნი განდებიან(ნ). მაგრამ ჭკვიანი სჭამს საწუთროს, ხმელსა და მწარეს, რომ შიგნით გული ტკბილი აქვს, ნიადაგ მთლად და უჭირველად ჰყოფს და სიმხიარულის სამკვიდ-როს მიიყვანს, ასე უნდა კაცმან ამ მიუნდობლის საწუთროს უსარ-კებლო საქონელი არ ინდომოს. უხაროს სიმდიდრეს გული არ მისცეს და მისი სიმოკლის ბოლო გასინჯოს და საუკუნოს სიმდიდ-რეს ეცადის. ასეთი ნერგი დასთესე, რომ საუკუნოდ ალყავდეს, თვარს საწუთროს გაზაფხილის ყავილს შემოდგომის ქარი ჩა-მოჰყრის. ბოლო იმ მიაბუნის ხელმწიფის ქარიდანის სიბე-რეს და უძლურებამ ზომისაგან ნამეტნავი მის სიმდიდრის და ჭაბუ-

კობის გზა იშვიათად. ნათქვამი სვე სვიანობა რავინდ ჭეშმარიტისებრი იყო, თუთარი ბენჯი უიმედობის ნიშანი არის. ერთი რომელიმე ქარიდანის ხელმწიფის ნათესავი იყო ახალ განზრახვებზე და მლიერი და ღონიერი, ხნე სანქციული სამართალ საკაცობამდე სრული, უხვი, მალა და ბედნიერს ეტლზედ დაზადებული, მართლმისაჯული, გლახკთ მოწყალე და მრავლის კანს ზნეობის პატრონი იყო. რა მისგან ესეთი სანქცი იხილეს, მისმა გეზირ-მოხელენი და დიდებულნი შემოხერხებენ ერთად მრავალნი კარგ მრჩეველნი კაცნი, არჩიკეს, რომ იმის სანესა და პირსა ნათელი ადგას და ხელმწიფობაც ამას შვენი და ამისი უპრობანი, მისი მომრჩილებს თანგანთს გუნებში დასწესეს და ერთმანერთს ეუბნებოდნენ, დილის ნახვი რომ კარდოვანს მოხბერვიდეს სიბერით წიხვლი ხეც გაიმართების და ამ ყმის სიყმის ნერგი სანქციულის რუს პირზედ ფარგარდ აღმოცენებულა, ეს ღირსია ჩვენსა ხელმწიფობას, რომ სანქციულის კარდოვანი მისმან სვე სვიანობამ განუდლო და განხლო და ის ყმაც ჯარსა და დარბანსელს მის ალანს ხალთსა და საბომკარს უბომკადის და ზოგნი კანს სიტყვით გაიერ(თ)გულა და დიდმა და პატარამან ერთ პირობს ქნეს და ის ბერი მამიური რომ იმითი ხელმწიფე იყო, განკდეს და ხელმწიფობის სადავე ამ ახალგაზრდა ჭაბუკს მისცეს. მისი სვე სვიანობის გვირგვინი ზეცას ამალდა და საბრალე ქარიდან რომ სანქციულის სამოსლისაგან დაცლიერდა და მის გულში ჯვარი და ნდველი აღარ ეტეოდა, გარდაგარდა ერთს უცხლს ალანს ზღვის პირად, საც მრავალი ხილი და სანჭული, ხმელი თუ ნედი, ახალი თუ ძველი იყო. დადგა იმ ალანსა და ის ხილი იყო მისი სარჩო და სამლომი. იტყოდან გულშიგან: რადგან ღთნ ამისთანა საზოდო მომცა და ადგილი, კმადლო მას და კიდევ გვერგარ ამ ნაწყალო-ბეკსა და ამას იქით ჩემი სანქცი ეს უნდა იყოს: გარჯილობით სამსხურს ღთისას უნდა გეცოდო და დღე და ღამე გავტეხო ღოცვით და გოდებით გაგათენო, და რაც ხანს ხელმწიფობის სიტკობება მინახეს, იმდენი ხანი სიღარიბე და ჭირი ვნახო, და საიქიო საგძალი ეგების გიშვინო. ამ საბრალობით და გარჯილობით ეგების სული მოვიგო. ბერის ღამე ბნელის საზიანოს გულის სარკით გუნდავ, და ქარიდან დილა გათენებამდის ფხიზლა იყო, და დილით სანდამომდის დილის ძილი არ გარგა მღვიმარესა სჯობსო. მერმე ერთს დღეს ქარიდან ლეღვის ხეზედ ავიდა, ლეღვსა სჭამდა და ერთი ლეღვი კელიდამ გავარდა. თურმე ხის ძირს წყალი იყო და ჭყაპური გაუხდა და ქარდანამ გაიგონა ის ხმა იამა და ხანდის ხან თითონ ჩანავდებდა. თურმე ერთი გუ სხვანგინდამ მოსულა წყალში იმ ხის ძირს იჯდა და სამიოდ სამი დღე იქ უნდოდან მოესვენებინა, და მის უგან თავის ქვეყანას ცოლშვილთან უნდა წასულიყო. მაგრამ ხიდამ რომ მამიური ლეღვს ჩანავდებდა, ის გუ იმ ლეღვს შეეგდა, და ასეც ეგონა კუს მამიური ლეღვს ჩემთვისა ჭყრისო. ჯერ მართლა თვალით არ უნახავარ ასე მწყალობელია, თუ იმან მე მისწავლა და გაუმუსაფდი უხესთავსათ მწყალობელი იქნება. ამხუდ გუ თავის სამკვიდრო და ცოლშვილი დაივიწყა, და ამას იტყოდან გულსა შინა: ამისთინას

კანს ვისმე მოყვრობა—მუსაბობა, გულის ჯავრისა და ნაღველის აღმოცენება, და მისის გულის ნათელი ჩემის გულის სარკის ბნელს გაითენებს. და მერმე მამბუნს გულის წმინდით სამუსაბოთ დაუმასა, კანს თავსითა და გაზდილობით რაც გულით უნდოდა მოასუნენა, მამბუნმაც კარგი მისი საბუქაფო სიტყვა მიუგო და უმანკოს გულით კაი სიტყვები თქვა, კაცის მოყვრობა და შეკობრობა, ალებ და ღებ და ერთმანეთის შექცევა დაიან კარგი ზნეობა არის, ვისაც მართალი მოკეთე და სულიერი შვილი და ან მამა ზყავს, ორსავე სოფელს განარბული იქნების, კაცის გულის მისანდობელი მოკეთე სჯულისა და სარწმუნოების სიმბგრეა, და საიქილს ღვინი. თუ კაცს მოყვარე და კანს მდომი არა ზყავს, სწუთროს საქნელს რა ხელი კურება, ამ ხანაგრძელ კარგსა *) და მისანდოს არა შეუდარების-რა. კუმ უთხრა: მე შენი მოკეთობა და მუსაბობა მწადაინ, მაგრამ არ ვიცი ხელიდან გამომიგა თუ არა. მამბუნმა თქვა: ბრძენთა და მეცნიერთ მოკეთებობაზე რამე უთქვამსთ-უმოკეთო და უმოყვრო კაცო არ კარგაო, მაგრამ რომ რიგს კაცს უნდა გაუმუსაბოდე კაცო, შირგული სამღვთოს სამეცნიეროს მკითხავს და მლოცავს რომ მისი ღოცვა კურთხევა ორსავე სოფელს შეეწევა. მეორეს ასეთსა, რომ მოკეთისა და მუსაბობის დანაშაული დამაღოს, და კანს საქმეს არიგებდეს და ასწავლდეს და სწორეს გზაზე დააყენოს. მესამე ნდომი არასი შქონდეს და კანს მდომი და ერთგული იყავს, იმგვარს კაცს უნდა გაუმუსაბოდე, მაგრამ სამი რიგი კაცო არის, მისთანას მუსაბობა არ კარგა: შირგული ეს ერთ რომ უანგარიშობა და უზომობა სჭირდება და ბოროტის მყოფელი იყოს, მისთანასაგან წყალობის მონაწილე სულისათვის ზიანი არის. მისთანას კაცისაგან რეგაბ არც საიქილს არგებს და არც სასქალს. მეორე ტყუილის მთქმელთა და უნდობელთაგან რომე სხვისას შენ გეტყვოდეს და შენის სხვას წაუღებდეს ამ გვარის კაცის მუსაბობა საზიანოა, რომ იტყვის ყოველთვის ტყუილსა, ზანტხულში ბუკი ვნახე და ზამთარში სიციხე, და ზღვაში მტკერიო. მესამე რეგენთა და ჭკუა ნაკლებთა, რომ არც სარგებელი იცოდეს და არც საზიანო, იქნება რომ ვისთანმე შენს საზიანოს საქმეს უნობდეს და თვითან სასარგებლო ეგონოს, ამ სამის გვარის კაცის მუსაბობა არ კარგა, ნათქვამია ჭკვიანი მტერი რეგენს მოყვარესა სჯობსო, ჭკვიანი მტერი დროს ეძებს უდროოდ კერას განყენს, სანამ კაცს დრო გარდუბრუნდეს ხანი გამოვა, ეგების დრო კერცკი იშოვოს და კაცი კიდევ გაუფრთხილდება, მაგრამ რეგენს მოყვარეს კაცი კერ გაუფრთხილდება, და თუ რომ დასამაოს, კვლავს უშველის, სჯობს რომ იმ გვარის კაცის ცუდი რჩევა არ გაიგონოს, რეგენი ფათერაკს შეასწრობს—მოყვრობით ეგონება, როგორც ქიშმირის ხელმწიფისა მამბუნს მოკეთე იყოს, და ქურდი მტერი მამბუნმა ხელმწიფე კინაღამ მოკლას თავის სირეგენით, და ქურდმან სიჭკვიანით სიკვდილს მოარჩინა: კუმ ზგითხა, როგორ ყოფილანო.

*) იკითხება: «კარგსა»; სხვაგან — «ბძენი» = (ბრძენი).

11. სტაგო ქარდანამა თქვა.

იტყვიან, რომ ქიშინის ქვეყანას ერთი ხელმწიფე იყო, დიდათ პატრიარხი და სახელ განთქმული და ურიცხვად მორწმულ—მოკლე-ნილი. იმ ხელმწიფეს ეს ერთი მუშაობა ჰყავდა: დაიღ უყვარდა, და-მითაც არ გაიყრიდა თავის საწოლში ქეშიკად ინახავდა. მერმე ერთ რომელიმე სოფლიდან ერთი ჭკვიანი ქურდი ქალაქისაკენ საქურდალად წამოსულიყო, რა იმ ქალაქში შევიდა, ორიოდეს დღეს მოხვედრა და კარგა სინჯა. ერთს ღამეს გავიდა და საქურდალად იარებოდა, მას ერთი რეგენი ქურდი შემოეყარა და ჰკითხა: მამო ვინა ხარ და ან სად მიხვალა? იმ რეგენმა უთხრა: გავიტყუები და საქურდალად მივა-ლო. ჭკვიანმა ქურდმა უთხრა: მე და შენ ერთმანეთს ხომ გერ გიც-ნობთ, მაგრამ რადგან ორიგენი ერთის ხელობის პატრონი ვართ, ამხანაგათ შევიყირნეთ, და რაც ღმერთმან მოგცეს, სანახევროთ იყოსო, აწ ეს მითხარ, რომელ უბანში წავიდეთ და ვისი სახლი გავ-ტეხლოთ, რეგენმა ქურდმა უთხრა: ამ ქალაქის მამასახლისს ერთი მსუქანი დიდ ყურა შირუტყვი ჰყავს, ჯანჯვით და ბორკილით უბია, იმას ორი კაცი ქეშიკათ უდგა, ჯერ ის შირუტყვი მოვიპაროთ, და მასუკან ერთის მინის მსყიდველის ქულებქი ვიცი მინით სავსე, ლა-რი არის ის გავტეხლოთ და რაც იმ დიდ ყურა შირუტყვს აკვიდებ, აკვიდოთ და წავიდოთ ის ტვირთი, სოფლებში გავყიდოთ. მერმე იმ ჭკვიანს ქურდს მისი სიტყვა და ქურდობის გზა არ ეწამიკა და მიზეზს რასმე იგონებდა, რომ მისის ამხანაგობიდან გამყროდა, ამ-სობში ქალაქის მცველი შემოეყარნენ. ის ჭკვიანი ქურდი გაიგცა, და ის რეგენი შეიპყრეს და ჰკითხეს: სად მიხვალა, მან უთხრა მა-მასახლისის მხედარი მინდა მოვიპარო. ის მინის ლარი მინდა აკვიდო და წავიდო. მცველთ გაიციინეს და უთხრეს: ბარქალა კარ-გი მხარავი შეოფილოხარო—მხარავობა მაგასა ჭკვიან, ვირს რომ ათი თორმეტი მცველი ჰყავს, და მინას რომ ასს ერთ ფულათ მისცემენ. იმის გულისთვის ამ ფათურავში ვარდებო. თუ არ დაგიშლია ბარქემ ხელმწიფის სახლობაში შესულიყავ. თუ კაცს ჭკუა აქვს, კარჯილო-ბის ფასი მანც უნდა წაიღოს, ეს სიტყვა რომ გაათავეს, ხელეში შეუკრეს და წაიყვანეს. მერმე ის ჭკვიანი ქურდი იქ სიასლოკეს იჯ და სადმე. და იმათი ლამარავი ესმოდა, და იმ მცველთ ნაუბრით ეს ჭკვიანი ქურდი უფრო ჭკუასა და ხერხში ჩავარდა. და თქვა ეს მცველი რომ ჩემი მტერია, მაგრამ კაის ჭკუაში ჩამავდო. ეს თქვა გულშიგან და წყნარად ხელმწიფის სალაროსკენ წავიდა და ერთს კადელს ძირი შეუთხარა და ხელმწიფის საწოლში შევიდა, შეიგნო, რომ ხელმწიფეს მრავალი თვალ მარგალიტი ეყარა, ნახა, რომ ერთი მამიური ხელმწიფის სიასლოკეს ზის და ფრთხილობს, ქურდი მისის ნახვით ფიქრიანად შეიქნა და იგონებდა რასმე და ნახა, რომ რაზო მიმე ჯინჯველი ბანიდან ჩამოცვივდნენ და ხელმწიფეს გულზე დაეცნენ, მამიურმა ნახა და ეწყინა, ასე თქვა: ამ ჩემი ხელმწიფის სამსახურისათვის დღე და ღამე მილი არა მამქეს ამის ერთგულობი-სათვის. ესენი ამას როდის ღირსან, მე ამათ სიკვდილის ფათას

წუკითხავ! გაიკრახ სმალს სელი, რომ სელმწიფის მაგგერდზედ ჭინ-ჭკელანნი არხელს, ანაზდათ იმ ჭკვიანმა ქურდმან დაუძახა: შენ თავ-ლაფიანო მიაბუნო, რას ირჯუბი, მივარდა და მიაბუნს სელი დაუჭირა, რომლითაც სმალი ეჭირა. ამასობაში სელმწიფეს გამოკლევიძა, ქურდს ჭკითხა, შენ ვინა ხარო, მან მოახსენა: ბუდნიერი სელმწიფე, ამოდ იყოლ მე მტერი ვარ, ამად რომე სელმწიფის ლარის პარვა მეწადა და თუ რომ გამეტანა, არც არას მაგდენს დააკლდებოდა სელმწიფეს, მაგრამ ამდენი ჭკუა მაქვს, რომ სელმწიფე მღვთის მოკლენილია, და არას კაცისაგან არ ეკადრება გნებად, მე მტერი ვარ, მაგრამ ჭკვიანი ვარ. ეგ მიაბუნე მოკეთა და გიყო, ფათურაკს ცოტა უკლდა. რა ეს სელმწიფემ გაიგონა იმ ქურდისაგან და იმ მიაბუნის ანაზავი შეიტყო, ღთს თავიანის სცა და თქვა თუ ღთს სწადიან მტერი მოკეთა შეექნება და მოკეთა მტერი. რა გათენდა ქურდს დიდი წყალობა უყო და თავისს დარბანისელთში დასვა, და მიაბუნე ბოტკილით სტამბოლს გაგზავნა. რომელსაც ქურდ მტერობის სართყელი შემოერტყა, სვიანობის გვირგინი დახურეს ამისთვის, რომ მტერობის სართყელთან ჭკუის კახაც ეცვა, და მიაბუნე რამე და მოკეთლობის სამელსით მოკაზმული იყო მაგრამ სირქეგინს ეკალი კალთს ეკიდა, მისთვის პატივის მოკაზმულობა განადეს. ჭკვიანი რაგინდ მტერი იყოლ რეგვენს მოკეთესა სჯობს. რეგვენი მოკეთა რაგინდ შენს შემატებას ცდილობდეს, და კლებასა შყოფს და შემატება შექონია. ამ არავის სარგებლიანობა ეს არის, რომ კაცი ჭკვიანს და მეცნიერს უნდა გაუმუსაფედეს, და რეგვენის მოკეთებას მოკრიდოს და შორს იგლტოდეს, ჭკვიანს კაცს საწყობობილეშიაც ნუ ერიდები, რეგვენს ლხინშიაც უნდა გაექცე. ჭკვიანი მტერი გერჩივროს რეგვენის მშობა — მოყვრობასა. რა ეს არავი გუმ გაიგონა, უთხრა: ჭკუისა და მეცნიერების ზღვაო, ჩემი ყური მურასად მომარტვლიტულის საყურით აღავსე, ან ეს მიბრძანე — მოკეთა რამდენი რიგია, ან როგორ არიან? მიაბუნმა ქარდანამ უძახუსა: ფილელსოფელსთ დაუწერიან, რომ ამ უხანო სოფელის ადამის ტომნი მოკეთებას სჩემობენ. სამი რიგია ზოგი სნეულის ჭამადსავით ასე უნდა, რა გინდა რა მნელი სსქმე უიმართოთ არ გარვიდეს, და ზოგია მის შირი სახეს შენს უჭვრეტლად ნადიმობას სანთლათ გინათებს, გულს დარბანის სანთლათ, კანს მოყვრის შირის სახე, სანთლათ კმარა, და გონებაც ერთ გულობის მოჭირვებისათვის ექნება კაცს. იმ გვარი შირ ნათლისათვის. მეორე იმ სნეულის წამალსავით, რომ არიან თუ შეიტყონ, რომ იმათი თავი შენ დაგჭირვებია ფეხს უკან სდებენ, და შენ აღარას გარგებენ. ამას ორ შირობა შექვიან, დაჭირვებას არ მოკუკება, შენი სხვისას არ ურჩევნია და შენთან შირობასა და ერთ გულობასა ჩემულობს, შირად და შეურახზედ მზისაგან უფრო ნათელნი არიან, და უკან ჩრდილისაგან უფრო ჩრდილი, მამ ჭკვიანი კაცი ამ გვარს მოკეთეს უნდა ერიდებოდეს, რომ შენთან შენია და სხვასთან სხვა, ან შენთან შირად მოკეთეს, და გულად მტერი, რომელიც გულის წმინდით მოკეთეს და მანვი არა აქვს — იმისკენ მიიწიე. მეორე გუმ ჭკითხა: კაცმან რა უნდა შექნას, რომ მოკეთობის წესი და

რიგი იცოდეს, მამბუნმა უმასუნს: რომელსაც ექვსი ზნეობა სჭირს, მას მოკეთების რიგი უკვლავ ეცოდინება. ერთი ესე, რომე შენს უკან კაცი გზრანვიდეს, მან გაიგონოს და უშენოდ მასსუნი მისცეს. მეორე, რომელიც შენგან კეთილი ნახოს ერთი, ათათა თქვას. მესამე, რომ შენზედ ვითმე გარჯილიყოს. ენით არანახსენებდეს ვისთანმე. ან შენ აღარ წამოგაყვადრის, მეოთხე შენგან რამ რგება ნახოს, არ დაივიწყოს, მეხუთე, შენგან რომ დანახული ნახოს და პირს არ შემოგვდგას. მეექვსე, რომ შენგან რამ რგებდეს და შეგინგვინოს. ვისაც ესეები არა სჭირს, მას მოკეთების წესი და რიგი არ ეცოდინება. თუ ამ გგარს კაცს მოკეთეთ შექნები, ბოლოს სინანული მოსდევს. უფროსნი ერთნი ამ სოფლის კაცნი ამ გგარნი არიან პირად ქიმიანსაგით სპილენძის ოქროდ დამტურველნი და უკან არჯანსისაგით შეშის გამშავებელნი. ერთს კაცთან თუ მოკეთებ, სახელი მისი იხსენება მოყვრების პირის სახეც უნდა გნახეთ. თვარს სარკეს რა ხელი თუ პირს არ უჩვენებს. ეს ქართული რომ განათავს, კუმ უთხრას: მე კუჭობ რომ მოკეთებოც რიგი რამ ხელიდამ გამოვივიდეს, რომ წამსაც ჩემის მოყვრის სამსახურს არ მოგშორდე. და არცარს მის იქით ვიცოდე რამე. თუ შენს მოყვრებას და მუსახიბობას მადირსებ, შენი სამსახური კისერზედ დამსჭადიე. და ჩემი შებრალება შენის კეთილის გულისაგან არა საკვირველ არს. მამბუნი ხიდგან ჩამოვიდა. კუ წყლიდამ გამოვიდა, ერთმანერთ შემოყვარნეს და ერთმანერთი მოკითხეს, რომელიც კარგი საქციელი და რიგი იყო მოკეთების პირობა დადევს და მუსახიბობის სიმგრე დანამტკიცეს. მამბუნს მისის შეყრით უცხოს ქვეყანას სიღარიბე დანავიწყდა. და კუსაც მისგან იმედი დაეკლავა. დღითი დღე მათის მოყვრების ნერვი უფრო და უფრო იხარებდა და მოკეთების ყვავილი უხესთავს აღმოცენდებოდა. იმ კუს სიყვარულით მამბუნს თავის სახელმწიფო დანავიწყდა. და იმ კუსაც თავის ქვეყანას და ცოლშვილი აღარ მოგონდა, მოკეთებ რომ ჩემთან არის, სხვას რაღას ვინაღვი, კვერვარ კანის მუსახიბის ღზინსა. მერმე ხანი და ჟამი რომ გამოვიდა, კუს თავის ცოლშვილთან წასვლას დაუგვიანდა. მისი მეუღლე დიდა არქარდა და ნაღვიანად შეიქნა, სულის დამადრებულს გულგრილობამ, მის გულს ნატირს და მომლოდნეს ცუცხლი მოედო. მოყვრის მოშორება ასეთი სენია, რომ თუ მათს მოეგლინა, ქვას გულში ცემას დაიწყებს, და მანხილით მოკა. ბოლოს მისგან მოშორების საჩივარი და მისის შეკნიერის პირის უნახლობა ერთს თავის ამხანაგს უამბო. მოყვარე წავიდა და მისი შეკნიერების სურვილი გულში დამარხა და მისის ნახვისგან უიმედო შევიქენ. მეგონა მოყვრის-შეყრით გულს ჭირი უკუ კვარე, მარცამ მის სახის სანთელი თურმე სიზმარში ვნახე ჩემი ჭირით და დაღონებით. არვიცი მისი გულის ფეხი რომელს ტალახში უდგა, მისის ნახვისაგან უიმედო შევიქენ და გავხდ ღზინ მოულოდნელი. განვშორდი ნათელსა, მიკვანლე ბნელსა, აღარ ანათებს პირი მოყვრისა სახლსა ჩემსა, კრულმცა არის გული ჩემი მიჯნურობისათვის დამწვარი. რა იქნება, ხაკუდი ვარდი კიდევ ბოსტანში მოვიდეს. ეკუბის აღმოსული სული კვალად ჩამობრუნდეს. კუს მეუღლე მოვიდა,

ამ გგარს გულის დასადაგავს მოსთქმოდან, და სისხლის ცრემლი უა-
 ყაროს შიანდა, და რა ეს მისგან მისმან დობილმან ნახა, რომ სურ-
 ვილის ცუცხლის მოდუბას აჩქარებინა. უთხრა: დაო, თუ უგაცრანგად
 არ ვიქნები მის აზვავს მოგანსენებ, კუს მეუღლემ უპასუნა: ვიცი დაო,
 რომ ჩემი ერთგული და კარგის მდობი ბძანდები და საიდუმლოს
 სიტყვის მოსანდო, და შენი ურიგოც არ მინახავს, რომ კიდევ ური-
 გო მიბრძანო რამე. შენც იცი მე შენ ურიგოდ და ავად არას ჩამო-
 გართმეგ. დიდი ხინია შენის სიკეთის და სიმართლის ნერგი ჩემს
 გულში ამოსულა, და კარგად უხარია, თუ რასმე მიბრძანემ, მარ-
 თალიც იქნება და კიდევ გჯერვარ. მერმე დობილმან უთხრა: გა-
 მიგონია შენი ქმარი ერთს მამუნს გამუსაიბები. უჭირველად და
 მშვიდობით არის მისგან გაუყრელობის ასე, რომ სული და სიცოცხ-
 ლე მისთვის შეუწინავს. მასთან ყოფნას არ ურჩევნია, და მას-
 თან ჯდობისგან უფრო არ ეტკობა. კუს მეუღლემ რა ეს თავის
 დობილისგან გაიგონა, უფრო და უფრო ცუცხლი მოედგა, და მოს-
 თქმოდან: ვაი შენ ცხრკულა ცრუვ და მტყუნო! ჩემის გულის განუ-
 ყოფელი დაფანტე და ასე დაზნანგე ჩემის გულის ნაშრომი და იმედი
 ის მოსავალი სამურის ქარით წახანდინე. ჩემი შეერთებული მოყვარე
 სხვას განართე, საყვარლის სანთელი დაზნთე, სიცოცხლე და ღონე
 ჩემი გამყარე და ასე გული გაუცივე და განუცხოვე, რომ აღარ მოვა-
 გონდები! დიდა გულის მწართ შეიქნა, და დობილმან უთხრა: ახლა
 ერთი საქმე მომხდარა, ნაღველით რას მოქნევი, ერთი რამ სხვა
 ფიქრი ვნახოთ, რომ ჩვენთვის სარგებელი იყოს და კიდევ მისი
 ნახვა გვეღირსოს. მოიტანა დობილმან სამეცნიერო წიგნი, გაშალა
 და იკითხავდა, საქმესა და რჩევას ეძებდენ; ბევრი რამ იგონეს, მაგ-
 რამ მამუნის საიკვდილის მეტი ვერ მოსახარეს-რა, იმ კუს მეუღ-
 ლემ ავად მყოფობა მოიგონა თავის დობილის გამოჩრევიით, და
 ერთი შთაირი კუსთან გაგზავნეს და მიუწერეს, თუ ჩემს რასმე იკით-
 ხავ, შენის უნახლობით ავად ვარ, სიცოცხლის ღონე აღარ მანქს
 და ცოტათ კიდევ სული მიდგა. რა კუმ წიგნი წაიკითხა, თავის მეუღ-
 ლეს სწეულება შეიტყო, მამუნს დაეთხოვა — ჩემი მეუღლე საიკვდილს
 მიწურვილს, წავალ ვნახავ და თუ შენი თავი მინდა, მალე გაიხლები.
 მამუნმა უპასუნა: ჩემის ნაღველიანის გულის ღზინო და სიმწიარუ-
 ლეგ! ვიცი ჩემსა არ ვირჩევნია-რა და რაგინდ მალე მობრძანება
 გქნდოს, მაშინც ჩემგან ადრე მოსვლის ხვეწნა და ვედრება სჯობს.
 ასრე შექნ, რომ იმისთანას უცხოლს და სიღარიბის აღავს მარტო არ
 გამოვივა. მე რომ მარტოდ არ დავრჩები, შენი ნაღველი შემამხანა-
 გებს, და არც გამეყრება, მაგრამ გეხვეწები შენის დახატულის პირის
 ნახვისგან უიმედოდ ნუ გამხდი, გაყრილას მუსახის შეყრილს ჭირ-
 სს მოყვრის შეყრის მეტი ვერ მოარჩენსრა. ვაი მის ყოფა-სიცოცხ-
 ლეს ვინც ჭირისათვის ღზინს მოელის, და თვალი გზისკენ ეჭი-
 როს! მერმე კუმ უთხრა: ჩემო ერთგულო მუსაიბო, და ჩემის სულს
 განმასვენებულა, ჩემი უნებური მგზავრობა მომიარა, მაგრამ იმ გვა-
 რი საქმე არის, რომ წახუსვლელობა არ იქნება, თვარს თქვენც მო-
 გესენებთ, დაუჭირებლად მე თქვენს სამსახურს არ გავეყრები, და

თქვენის დიდებულების წყალობას არ მოვშორდებოდი. მოყვარეობას დაწვინებ მთქვეს; და მიჯერე მისთვის გუერები, თვარს სულიერ სულის ამოსვლას ვის უნდა. მერმე ამ გვარის ტკბილის და სიყვარულის სიტყვით დაეთხოვს. ძალა იყო თუ ნება, ბრძანება აიღო, და თავის ქვეყნისკენ გაემართა, დიდის ტირილით და გლოვით გამოესალმა, და წავიდა. და რაზომს მე დღეს უკან კუმ თავის წუთის სოფლის სამკვიდრო მამულის მიწა თავის ბედნიერის ფეხით დალანა, და რა შეიტყეს მისმა მოყვარე მეზობლებმა კუს მობრძანება, მოკებნენ წინ და ყველანი შემოეყარნენ, აგოცეს და ერთმანერთი ტკბილის სიტყვით მოიკითხეს. მასუკან კუ თავის ახლად ნათესავითა და თავის კანის მდომითა თავის დაბრახს შევიდა, და თავის მეუღლე ნახა, რომ ძნელად სწეულად იყო, და მის შირის სახის წაღვრის არღანის ფერი გარდის კონის მავიერი ზანფრანის ყვავილი გაშლილი იყო, ჭირსა და სევდას ტანი ბეწვის უწლო გახანდა, და კუ რამდენსაც ეცადა, შმა კერ ამოაღებინა, და არც ვარდის ბაგე გაშალა, კუს შეყრით არც არა ფერი დაედა, და კუს დია დაუბძიმდა, ძმანო წავიღოთ აქედან ჩვენის სახვეწრის სავაჭრო, ფას დაუდებელის თვალ მარგალიტს აქ ფასი არ აქვს. მერმე მის სწეულის დობილი, რომელი მას უვლიდა, კუმ ჰკითხა: ეს ჩემი ღონე და სიცოცხლე რასათვის ხმას არა მცემს, და ჭირის ამბავს არ მეუბნება. მისძან დობილი ამოიხვეწა და თქვა: აქიმი ნუღარ ირგება, ახლად ცუდათღა შერებისო, ამისის სენის წამალი შენს მეტი არა არის რა, თუ შენ არას უღონებ წამალი არას არგებს, ასეთს სენს შეუხუთავს, მანამდის მის წამალი არ მიხვდეს, კერც ხმას გაგცემს და არც მორჩენის იმედა. კუმ ჯავრიანათ და აღფშოთებით უთხრა: თუგი იცით რამე, რასათვის არ მეტყვი, ასეთი რა წამალია, რომ ქვეყანაზედ კერ ვიშოვნო. დიდის მოჭირვებით და ფიქრით როგორ იქნება, რომ ხელში კერ ჩავიგდო. რა არის წამალი ამ მეუღლისა ჩემისა მწინაფელ შემატყობინე! ზღვასა და ხმელეთზედ როგორ გაბიძგვრდება, რომ კერ ვიშოვო. ვინცა ვინ მოყვარე და კანის მდომი მყავს, კვითხავ. თუ ზღვის ძირს არის თევზათ ვიქცევი და ჩავსცურდები, და თუ მთვარესავით ხეცს ასულა, ამ ჩემის ჭკუის საგდებელს ხეცას შევსტყოფნი ერთს ბურჯზედ მოვანამ და დიდის საქმით გეცდები სულსა და ხორცს გავსწირავ და იმ წამალს ვიშოვნი. სული არ არის, რომ შენ განაცვალო, გული არ არის, რომ შენს ჭირს ვათავყვანო! მერმე იმ ბავთ მყოფის დობილი თქვა: ეს ერთი ამ რიგი სენი არის, რომ ენასა და შიგნით გულში გასწინდება. ძნელი და საშინელია. ამას არაფრის თანა არა უშველის-რა მამუნის გულის მეტი. თუ იმას იშოვნით, თუ არა სხვას ნურავ ირგებით. კუმ უთხრა: სად იშოვება ან ხელში როგორ ჩავიგდო? დობილი ამ ფიქრის მრჩეველი და ოსტატი თვითან იყო. და სწეულს დობილსაც თვითან სწამლობდა. იმან უმასუნა: ჩვენ ვიცით, რომ მავ გვარის წამლის შოვნა ძნელი არ არის და უიმიოდ არ მოჩება. შენც მისთვის დაგიბარეთ, რომ ეგების ამ საბრალეს გამოესალმო, და გაყრის ალერსი უაღერსო და დაბტირო. ამის ალსაც ქრმისა ენაღვლება, აღარც არა სხვა გათავა-

ბუღის და აღარც არა იმედი მქვს. სისხლის მეტს სასმელს შარბათს გერა ვხედავ. ნაღვლის მეტი მოსკენება ჩემს ტანში არა მგონია. ბოლოს კუმ ბევრი იფიქრა, მაგრამ თავის მუსაიბის მამბუნის სიკვდილის მეტი გერა მოისახრარა, და თავის დაჭირებისათვის თავის მოყვარულად ხელი აიყო, გულში კვლავ კიდევ რჩება და ფიქრი იწყო, და ნათლის გზის ჭკუამ სასწორად დააყენა. სიტყვა აღმისთქვა და თავი დაიქნია. ემა მუხანათო და მტყუნო გულო ჩემო, შირველ ის მოყვრობა და მუსაიბობა და სიყვარული შენსა და მამბუნს შუა, და ახლან ეს ადვილად გამოძეება და სასიკვდილოდ შედგომს, ეს მამბაცის საკადრისი არ არის და არაც ვაჟვაცობის ნიშანია. ბოროტ არს დასცო გულისათვის ტანზედ საყულოს დასევა. მაგრამ ის შირმაგი დობილი არ ეხსნებოდა და ეტყოდა დასცო სახლისი მამბუნებელია, კაცის საზრდოს სალარო და სხვათერ მრავალ რიგად მამბებელი არის, ამას გაუშვებ და სხვას უცხოს მოკეთეს დაიჭერ, რომ შენის გარის მგზავსი არ არის და არც შენი. უფრო სიცოცხლის ნაღველი და მოკლა იცის. ამ გვარის სიტყვებით კუ მოიქცა, და ბოლოს ცოლი ამჯობინა. და ამბზედ დადგა, რომ მოყვრის ერთგულობის ბაზმის მინა მოუნდობლობის ქვით გასტყნა. საზრდომ არ იცოდა, რომ დაუნდობლობა ავი საქმეს და ბოლო სინანულსა აქვს. რაც სხვისათვის უნდა, თვით იმასვე გარდასდებ. შატოლსობით გაუშატოურდება, სწორ ამხანაგში შერცხვება და არას ოდეს კაი არ ეღირსება: მეღვინესაც უთქვამს, და მემარნეს, რომ დაენდოს ნუ ემოყვრები მიუნდოსაგან მოყვრობა სატათერაკოა. ბოლოს მამბუნი კუმ სასიკვდილოდ გამოძეება. და გულში არჩევდა, რომ ჩემს ალაგს მოკიყვანო, მამბინ ეკება შეკმლო მისი სიკვდილი. თვარამ უაღაგოს ალაგს და უცხო ქვეყანას არ იქნება. წამოვიდა მამბუნისაკენ დასაშატოებულად და მოსატყუებულად. და რა მამბუნმა ნახა, დაიღ იამბ მისი ნახვა და აგოცეს და უსაღამეს ერთმანერთს და იტყოდა: კურთხულარს შემოქმედი ჩემი, რომ შენებრ საყვარლისა და ტკბილის მოყვრის შირა კიდევ მიჩვენა. მოიგიოთხა და უთხრა: გვიბრძანეთ თქვენის სიკეთისა და კარგათ ყოფნის ამბავი, რომ ღმერთი მოწყალობდეს და არა გემიზუბოდესთ-რა. თქვენის ნახვის მონატრე ვიყავ და ღთინ წყალობა მიყო ჩემი უღირსი თავი შეიბრალა და ისმინა ცოდვილისა ენისა ჩემისა კედრება—მიჩვენა თქვენის დიდებულების შეგნიერის შირის ნახვა. მერმე კუმ თავისის ჯალანის ამბავი ჰგითხა, როგორად ბედნიერად ბრძანდებო. კუმ მადლი გარდინდა. ვიცო, რომ ჩემი მწყალობელი ბრძანდები და ჩემი ნახვა გიამება. ღთსამც მადლი თქვენც კარგად და ბედნიერად ბრძანდებით. ნეტავი ამ ჩემს თვალსა, რომ თქვენის უჭირველობის ნიშანი იხილა. ნეტავი ამ ჩემის ყურის სმენასა, რომ ჩემის საყვარლის ბრძანებას ისმენს, და მისის დიდებულების სალაროთაგან გამოღებულს თვალ მარგალიტს მოჰკრებს. და თვალის მისგან სინათლეს აღიღებს. მამბუნმა უთხრა, როგორ რას შეექცით გზაზედ, თუ არას განსარჯა თქვენი მტერი ან თქვენის დიდებულების და სვიანობის შალატას ბრძანებზედ როგორ შეექცა? კუმ მოახსენა: გზის ჭირი და გარჯა ბევრი

არის, მაგრამ კაცს კერას უხამს და კერც არას დააკლებს, მანამ მოკეთის მოშორების ჭირი და ნაღველი მოჰკლავს, თქვენის გაყრის ნაღველმან არც შინ მომალხინა და არც გარეთ, უშენოდ არც ფერი მიაშობს და ამას ვფიქრობდი მან ჩემის გულისათვის ტანტ — გვირგვინი დასთმო, და მე უმისოდ ტანტზედ კჯდე უმართებულა არის მეთქი. ნათქვამია — შენი ამხანაგი რომ გაჭირებაში იყოს, შენ ღვინზედ ნუ დასჯერდები. წაკვლევი, მაგრამ შენის ნაღველისა და ჭირის მეტს კერას შეკვიფ. გული და გონება სევდა ნაღველმან წამართო, რომ შენს სამსახურს ვაკლავი და აღარც რა ჭკუა მეტყუბოდა. ვმადლობ წყალობასა ღთისასა კიდევ თქვენს სამსახურში სული მომწევი. თქვენმა ხლებამ ჭკუის და აგებულების სასწორზედ დამაყენა. და რადგან თქვენი სამსახური მეღირსა, ჩემგან გარდასრულის ჭირს ხსოვნა აღარა ხამს. და თუ ჩემი შექცევა გინდა, წყალობა მიყავ და ჩემს სახლში მესტუმრე. თქვენის ბედნიერის ფეხის შედგომით ჩემის სახლის ბნელი განანათლეთ. და შენის იქ მობრძანებით დიდთანც შეკვიფვი და კიდევ მეღვინება და ჩემი მოყვრებიც გამსახურა. ჩემის მოწყალებისათვის მზეო, რა გენების? ჩემმდე მობრძანდით, რომ ჩემის სახლის ჩრდილი განანათლოთ. თქვენის დიდის წყალობის მაგიერი, მცირე ეს სამსახური მითხოვანა. პატივი დამდეკ — ეგების თქვენის დიდებულებით ცოტადენი დახდომა შევიძლო და თქვენი სიკეთე რამ ეგების გარდავიხადო. მამბუნმა უთხრა: ეს თავაზი გაუშვი. გული გულს რომ შეერთდება — სიმ და ჭამა გინდა ნუ იყო, უფრონი არა ვართ და ახალი შესწავლილი. დიდი ხნის მუსაბობის ნერგი ჩვენს გულში დაგვირგია. ეს შენის კარგათ ყოფნის მეტი არა მინდარა. ჩემის ხელმწიფის ჩამოკარდნა, შენმა შეყრამ აღადგინა, და საჭირო გული საღვინოდ შემეცვალა, ამისთანს უფროს აღავს შენი ჭკრეტა მახინებებს. ჩემი ყოფა და სიცოცხლე შენის წყალობითვე არის. ამისგან უფრო რაღა ჩემი დახმარება და მოკება გინდა — სული შენგან მიდგია. კუმ უთხრა განა სიმისა და ჭამისათვის მოგახსენებ, მინდა ჩემი სამკვიდრო და ქვეყანა გარკენო. მამბუნმა უთხრა: თქვენის დიდებულების ტანტ — გვირგვინი და ციხე — ქალაქი მეც მინდა, რომ ვნახო. მაგრამ ეს ზღვა ამ კუნძულსა და იმ კუნძულს შუა არის. ნავი და კატარღა თან არ მახლავს, მეცურება არ გიცო და მით არ იქნება ჩემი წამოსვლა. კუმ უთხრა: ეგეც ადგილია: ზურგით ავიკიდებ, ისე მივიყვან, რომ ფეხიც არ დაგისკელო. მამბუნი დააჯერა და ზურგით ავიკიდა, შეცურდა ზღვაში, პატარა აღავი რომ გაიარა, კუ გონებასა და ფიქრში ჩაგარდა რანმე და იტყოდა ამას გულშიგან: ეს რა საქნელი საქმე იყო, რომ მე გქენი. მამბუნი ზურგით ავიკიდა, ჩემს გვარის შვილობას როდის ეკადრება, უსაფილოდ დიდის სახელის გატენა არის ჩემთვის, რათ ასრე გავიჭირე საქმე. ამას ჭმუნეგდა გულშიგან და ფეხს უწყნარება: ნუ ვიქ ასეთისა, რომ სამრანავი იყო! აბასობაში მამბუნმაც იაზრა რამე და გულში ჩაუგარდა, და ჰგოთხა კუს: ძმაო, რას ფიქრობ, განა მამბე ვარ რომ ჩემი გაყვანა გავიჭირდეს, და მისთვის ფეხს უწყნარება? კუმ უთხრა: არა სიმამბე არ არის, მაგრამ ამას ვფიქრობ, ეს შირველი მობრძან-

ნებს არის თქვენი ჩემს სანჯღში და ჩემი ჯალანბი აგათ არის, ვაითუ სხვამ თქვენად საკადრისად გერა შეამზადოს-რა და ვარგად გერ დაგინკდეთ და თქვენი სამსახური რომ უნდა, ისე გერ ვითალოთ, და სირცხვილი ვსწამო. მამბუნმა უთხრა: მე და შენ ერთნი ვართ, არას თვის უცხოურულე მისწერ, ცუდათ ნურას ირცხვი. ძმობას და ამხანაგობაში გამოჩვენებს არ უნდა. თქვენ რომ ბრძანებთ, ეგ მასმინ-ძლობა უცხოედ უნდა ჰქნათ. კუმ ცოტა წაირა და კიდევ დადგა და უწინდელსაებრ ფიქრში ჩავარდა. მამბუნს უფრო შიში მოემატა, და იტყუდა გულშიგან: ვინც მოკეთისაგან აგულობის აზრი აიღოს, თავისს საქმეს უნდა გაუფრთხილდეს, თუ საზიანოს რასმე ატყუოდეს, სიფრთხილითა და ჭკუით ეცადოს, თუ არა სიფრთხილე მანც აუცი არ არის, თუ მოყვარეა გლხინებს და თუ მტერია — დაგაჭმუნებს. მერმე კუს უთხრა: რა არის, რომ ამდენს ფიქრობ. კუმ უთხრა: შენდობილი ვიყუეთ, ცოლშვილის ნაღველი მომავლდა, დიან სნეულად არის. მამბუნმა უთხრა: მართლს ამბობ ავამყოფის ნაღველი გავლდებ, ნათქვამის სნეულის ნახვას — სნეულობა სჯობსო. აწ ეს მითხარ, რომ ასეთი რა ჭირია, რომ წამალი არ ექნება. ყველს ჭირს თვითო წამალი ექმნება, თუ მტყუი: ეგება მეც ვიცოდე რამე, კუმ თავის უჭკუობით უთხრა: ის წამალი ძვირად საშოვარი არისო. გამიგონია — მამბუნის გულის მეტი არა უშველის-რა, იმისთვის ასე ფიქრინათ ვარო. რა მამბუნმა ეს გაიგონა, გულს ცუცხლი მოედგა, თვალს დაუბნელდა, მარამ ზღვაში რას განწყობდა. კიდევ ჭკუით თავი შეინახა, გულში ამას იტყუდა: ვაი შენ ჩემო თავო, რა მნელს ჭირში აზიანარ და მოტყუებით შენისავე ფხით სსიკგდილოდ მიხვალ! ახლა რაღას უშველის, კის ჭკუით და გონებით მოკლას უნდა უება ამას გადაურჩე, თვარა კუთ ქვეყნას თუ ჩავარდი, ილაჯი აღარ შექნება, თუ გაკურები სიკგდილია, თუ გაგაქცე — მანც სიკგდილია, ჩემის ჭკუისაგანა მჭირს, ჩემის უშიშარის ალაგიდამ რატომ დავიძარ და ამ მტყუანის კუს ქართული დაგიჯერე, მამბუნმა გულში არჩია რამე და კუს უთხრა: მე იმ დიანცის წამლის მიზეზი შეგიტყე, ის ჩემის ხელიდამ ადგილია, ნურას ფერს ნუ ინაღვლი, ჩვენთან გულის ამოღება ადგილი არის, ასე რიგად ამოვიღებთ, რომ ჩვენ არა გვეგონის-რა და არც არა დაგვაკლდეს, ჩვენ უგულოდ ვიცოცხლებთ. ოთხი რამ არის რომ ოთხს რიგს კაცს არა დაეჭირვისრა. ერთი ბატონმა რომ ყმას რაგინდარა ამბავი ჰგითხოს, და მან იცოდეს, მართალი უნდა მოახსენოს; მეორე, გლახაკთა და მლოცავთა კაცთა საბოძარი სთხოვოს — არ დაეჭირვის; მესამე, შეგირდი რომ ოსტატს ვარგათ მსახურებდეს და შეუხვეწის მასწავლე რამეო, მან უნდა მართალი გზა აჩვენოს; მეოთხე, მოკეთეს მოსახმარი რამ შელდეს, რა გინდ ძვირფასი იყოს, არ უნდა დაუშუროს. საყვარელო ამხანაგო ჩემო, რადგან მოყვარეს ძვირფასისა და თავის დასაკლისიც არა დაეჭირვის-რა, გული რომ ჩემი დაუსაკლისი საქმეა, და მცირედის ფარის შენებრ საყვარელს და კის მდომს მოყვარეს რას-თვის დაუჭირო, გული რა არის, რომ მოყვრისათვის არ დაგსთმო, ლარი რა არის, რომ მოკეთეს არ განაცვალა? კუს უთხრა: რადგან

ჩვენი გვარი ჩვენს გვამში გულის ბმას და არა ბმას არას მივიმჩნევთ, ამისთვის მეც ჩემი გული ამას წინათ ამოვიღე და შინ შევიტანე, და თუ სადგომს გავბრუნდებით, იმ ჩემს გულს თან წამოვიღებ, რომ იმ ჩემს რძალს უწამლოთ. მაგის უკეთესი რა დამემართება, რომ ჩემის დაუკლებლის გულით ჩემს მოყვარეს ვარგო რამე. შირკვლათ ეს არის, რომ მადლი და სიამოვნება, მეორედ სასულია ჩემი და სიკეთე და მისის მოჩვენით ამდენს ჩემის მოკეთის მეზობლებში და მოყვრებაში განჩვენებული ვიქნები. მესამე ეს რომ თქვენის დიდებულების დაწახსნის წლებს, მის ჭირის განკურნებით დიდი და ჰატარს ყველა გამხიარულდება და ჩვენ უკეთესს ღზინს ვინახავთ და უკეთ შევქვეყნებთ. ავი რომ ერთს ჭამაში ყელმოღვრებით ვქადა, და ყველანი მე მასწავლებენ! მერმე კუს მამბუნისაგან გულის შინ დაჩვენა მართალი ეკონა, გამობრუნდა და მამბუნი იქავ თავის ალანს მიიყვანა, მამბუნმა ღთს მადლი მისცა და მალაღს სეზუდ ავიდა. იმ სერხით იმისთანას თავის სასიკვდილეს სენს ვადარჩა. კუ მას უღლოდინებდა და დიდა რომ დაუგვიანდა, კუმ დაუძახა: საყვარელო მოკეთე ჩემო, დრო ვარდავიდა, რათ არ მოხვალ ჩემკენ, შენის მოლოდინით თვალთ მანდეთ დამჩვენია. მამბუნს ვაყვინა და ასე უთხრა: რა შენი მოსატყუარი ვიყავი, სუთასი წელიწადი ხელმწიფობა მიქნია და მრავალი ტუბილი და მწარე მინახავს. ჩემს უფრო რეგკენი ვერა ჰხოვე-რა, რომ იმას სერხში შესდგომიყავ. აწ წადი შენის მოკეთობისაგან ხელი დავიბანე. შენ მოკეთობის ნიშანი არა ვაქვს; ვაყვი რომ ვაყვის ერთგულობას და ვაის მდომას სჩემობდეს, უნდა სცადოს და სიმტყუენე და სიმართლე შეიტყოს, მე რომ შენი სიმართლე შევიტყუე, ახლოს ვლარ მოვიდგები და შენ შენს გზას წადი. კუმ რა ეს ვაიგონა, შეშვრთა და უთხრა: ბატონო, ჩემის გულის მღხენელო. ეგ რა ბრძანებაა, რომ თქვენგან მესმის. ამოვრეს, მეთქვენი ორგული არ ვიყავი, არც არა შენის სიკეთისა და დღეგრძელობის მეტი მე ჩემს გუნებაში ვამეგლოდეს. შენ რომ თავ-პირიც დამამტკრიო, მე შენს ურიგოს როგორ ვიტყვი! თვარემ და მე შენი სიკეთის და მატვი დების მეტი რომ არა მინახავს-რა, თავიც რომ გამხგდებინო მე შენის მოყვრობიდამ ხელს ვერ ავიღებ. არც თქვენს კარს მოვშორდები. მომკლავ თუ დამარჩენ—ნება შენია. ჩემს მოკეთეს ვერ დავთმობ, რა ვინდ ავად მომეპყრა. მამბუნმა უთხრა: შენ რეგკენ და უცხვირ-პიროვ, მე ისე ნუ გგონივარ, რომ მელას ეთქვა, ერთს ვირს გული და ყური არა შექონდა. კუმ ჰკითხა: როგორ ყოფილანო.

12. არაკი მამბუნმა სთქვა.

ერთი ლომი თურმე გამუნანებულყო, და მუნისაგან და სიბერისაგან ღონე აღრა შექონდა და აღარც ნადირობა შეეძლო. მას ერთი მელა ბოქალხუცესათ ჰყვანდა, და ლომს მინამ შეეძლო, მელა იმის წყალობით და მოჩრილებით რჩებოდა. ლომი რომ ნადირობისაგან დავარდა, მელას საქმე ვაუჭირდა და შიმშილმა ძალი უყო. ლომს მოახსენა: ბედნიერო ხელმწიფეო, შენის დაუძლურებით

ეს ტყე და წაღკოტი გულ გიწროდ და მოწყენით შეიქნა. და შენი ჯარი და დარბაისელნი დაღრეჯით არიან. შენის ძლიერებით მრავალნი შიშით თრთიედენ, და შენის უძლეურობისათვისინაც მრავალნი თრთიან. რასათვის ამ სენს ანას უწამლებო და არ მოიმჯობინებო და მან სუგდიანის გულით ამოიღონ და თქვა: გულსა ესეთი კვლი დაძერწო, ნემსით ანამოიღების, მელო, რასანია მე ამ ჭირ-შიგან ვაბივარ, დღე ყოველ ქაგიღმან მომიმატა და უღონობით ტან-ზედ ბეწვი აღარ შემრჩა. არ ვიცი რა კენა, ამისი წამალი რა არის ან რა მომარჩენს. ერთს ჩემს გულის მისანდოს აქიმს გვითხე და იმან ასე მითხრა: მაგას ვირის გულისა და ყურის მეტი კერა მოგიარჩენს-რალ, ამას ვფიქრობ, სად ვიშოვნო. მეღამ მოახსენა: თუ ხელმწიფის ბრძანება ჩემზედ იქნება, მე რომ ერთი საბრალე შენი მონა ვარ, თქვენს სამსახურისათვის დღე და ღამ წელ შერტემული ვარ, თქვენის ბედნიერებით გეცდები მე ვიშოვნო. ლომმან ბრძანა: კერა, კეჭობ შენ ის იშოვნო, სად ჩაივადებ ხელში ან რის ხერხათ იშოვნი? მეღამ მოახსენა: ჩემს ჭკუაში ასე გარჩეგ, რომ თქვენ იმ ტყედამ ნუ გამო-ბრძანდებით, არც მართებულის მისთვის, რომ ტანზედ ბეწვი აღარ გასხანთ. თქვენს ტანადობას და შვენიერებას ცოტა ზიანი სცემია, გამოჩენა არ ვარგა და თქვენს დიდებულებს არ უჯობს. მე ეს მიჯობ-ბინებია, რომ მე ვირი ვიშოვნო და აქ ტყეში მოვიყვანო და როგორც გემოინებათ, ისე იამოთ. ლომმან ბრძანა: საიდამ მოიყვან? მოახსენა: ამ ტყის სახალეკეს ერთი წყაროა, სიდიდით ზღვასა ჭგავს, სიტკბოე-ბით შაქარსა, და დღე ყოველ ერთი დიაცია იმ წყალზედ ტანის-სამოსსა რეცხს. იმას ერთი ტანისამოსის მტკირთველი ჭყავს და იმ წყაროს შირს სამოკარზედ გაუშვებს. [გეცდები], რომე ეგება ერთის ხერხით ამ ტყემდის შემოვიყვანო. მაგრამ ამ შირობით, რომ ხელმწიფემ იმის გული და ყური იამის. სხვა რაც დარჩეს, მე წყალ-ლობა მიყოს. ლომმან ბრძანა: ჩემის თავის მზემან შენ გიბოძებო. მელი იმედიანად ვირისაკენ წამოვიდა, წყაროს თავზედ რომ შორი-დამ ვირი დაინახა, მივიდა და უსაღამა და კანის თავზით მოვიტახა, და ვირმან მადლი გარდაინახა. მერმე მეღამ ჭვითხა: რასათვის აგრე უძლეურად და მჭლეად ხარო? ვირმა უპასუხა: ეს უღმერთო მესარეც-ხე ნიანდაგ მამუშაგებს და მართლად ანას მანჭმეგს, თუ რასმე ასრე ჩემის შირით ვსჭამ, თვარამ სხვა არა არის—რა მისგან ჩემი საზოდო და არც არა სხვა გვარად მივლის, მივანლევებული ვარ სიკვდილის კალოზედ ქარისგან განიკებას, ჩემს დღეში საყრავი არ მინახავს და ყოველს დღეს საშაღნის მტკირთველი ვარ და ღამე მიწის მლოკ-ველი. მეღამ უთხრა: ზოგზედ დიდი წყალობა სჭირსთ თავის შატ-რონისგან, ამისთვის ვერ ელევის. შენ თუ წყალობას ვერც ხედავ, ხელი გაქვს და ფეხი—სხვაგნით წადი. ვირმან უთხრა: სად წავიდე, ამ საშაღნის ტვირთვა გვარად მოკვდებამს, სადაც წავალთ ჩვენ ეს ჭირი არ დაგვაკლდებ, ყოველი კაცი თავთავის ჩარეპით ერთს ჭირ-ში ანია, სითარხნის ბრათი ანავისთვის მიუცემიათ. მე ეს ფიქრი მიქნია, რომ ამას იქით ერთის კაცის კარზედ დასდგები, ან საზოდოს მომიმატებს, ან ჩემს უღონობას გასინჯავს და მსუბუქათ ამგიდებს.

მელამ უთხრა: ავი ფიქრი გიქნია, ღთს უბრძანებია — ხმელეთი დიდი და განიერი გამიჩინია, აქ თუ გერ დარჩე, წადი სხვაგან — დარჩიო. გირმს თქვა: საცა წახვალ, ნათქვამია, იმ შენის ბუდის მეტი არა მიგყვება — რაო. აქა-იქ სიარულიც ჭკვა არ არის, ყველგან გარჯა უნდა. გამჩინი ყველას თავის განჩინებს თავის სარჩოს მისცემს, სადაც იყოს. მელამ უთხრა: ეს ქართულები ყმანგილური სიტყვა არის. ღთს კაცის სარჩოსათვის სხვასა და სხვას საბაბს და მიზეზს აუჩენს და ერთის გზით კაცს სარჩოს მისცემს, თუ შენც გინდა მე შენი საბაბი შევიქნები. ერთ კაცს ბალახიანს ალახს წაგიყვან, კაცის სამოკარზედ დაგყენებ, რომ ამბრეშუმივით ბალახის მოკნით გასძლე და განხარო, ერთხელ ამას წინათ კიდევ ერთს ვირს ვაწახვლე და იმ სამოკარის მგზავსს ტყეში შევიყვანე, დღესაც უნაღვლელოდ განსკუნებული არის, უჭირველობის სუფრახუდა სძივს. ბოლოს მელამ ამდენი ეშმაკური სიტყვები უთხრა, რომ ვირი მოატყუა. გირმს თქვა: კაცი მოყვრობით და კაცი მდომობით მეუბნები, სადაც წახვალ, მეც წამოვალ. მელა გაუძღვა და ვირი თან გაჰყვა. მელამ ლომთან მიიყვანა, ლომს უნდოდა სულ შესაჭმელად, მაგრამ უღონობით გერ მოერიგა. წადგა და მელამ უთხრა: საკვირველი სულიერი ხარ ღთს მოცემულს სარჩოს რაღა უღონო — უნდა, კაცმან ასეთი საქმე უნდა ქნას, რომ სინანული არ მოსდევდეს, რაზან იქს, სინანული რაღას უშველის. ეს ქართულები ლომს ეწყინა და გულში თქვა: თუ უთხრა არ მიანდა, არ იქნება — უღონაბაში ჩამომართმევს, სჯობს, რომ ამისი მასუნი მივსცე. მერმე ბრძანა: რაც ხელმწიფემ ინებოს, მსახურთ არ მართებს იმისი კითხვა, ურიგობა არის. და ლომი გუნებაში ფიქრობდა და არჩევდა იმ ვირის დაჭერასა, მაგრამ ხერხი ვერა მოიგონა — რა, შირდა — შირ მოტყუანის ღონე არ შიქონდა. მას უკან კიდევ მელს დაუბანა და უთხრა: რადგან ამდენი სამსახური შეიძელ, რომ ვირი ამ ჩვენს ტყეში მოიყვანე, ბარემ ერთი ასეთი ხერხი მოიგონე, რომ ხელში ჩავიგდო, დაგცე და ყური და გული შევსწამო, თუ ამას ეცდები იცოდე შენი დიდი ნამსახურობა ჩემზედ დარჩება და წყალობის მოიმედეც იყავი. მელამ მოახსენა დიდის ფიცით: თუ რომელიც ჩემის ხელიდან გამოვა თქვენს სამსახურზედ თავს არ დაგზოვავ, ხელმწიფეს სამსახურის მეტი არა გაეწყობარა. მელამ ჩაიფიქრა და გულში რამ არჩივა, მოახსენა: მე ასე ვარჩივა — თქვენ თავი მოიმძინარეთ და ნუ შეიძვრით, მე ვირს ამ შენს სიანლოკეს მოვიყვან, ამ კაცის ბალახს რომ შეაძლებ, დაწკება და მოისვენებს. მას უკან შენ თავს წახვე და გულარ დაგემკრის, ლომმან ბრძანა: კვ კარგად არჩიო. ლომმან თავი მოიმძინარა. მელა ვირთან წავიდა. მელამ უსაღამა თავ მდებლათ და ვირმს უთხრა: შე მაცდურო და მტყუანო, შენ მოკეთებით მომიტყუე და ამისთანს სანინელს ლომთან მომიყვანე და წახდენას ბეწვი მოწყდა. მელამ ფიცი უთხრა: ჩემს გულში მზაკი არა იყოს, მოყვრობისა და ერთ გულადის მეტი შენგან რა მტერობა მომგონდება, რომ შენს ცოდვებში ჩავარდე. შენ რომ ის ლომის სახედ გერგანა, მართლად ლომი არ არის — ტილისმან. ამისთვის; გაუკეთებიათ, რომ თუ ის არ იყოს, მრავალი სულიერი და შირუტყვი მოვა და ფეხი გამრავლდება.

და წახდებდა ეს შვენიერი ალაგი და წაღვოტი, ვინც არ იცის და არ გაუგონია, რომ ის ლომი ტილისმას, ამის შიშით გერ დადგებიან, და მისთვის ეს ადგილი შემკობილია ყოვლის ფრითა, არც არა ვინ იმ ადგილის გემო იცის. შენ ერთს წამს მოხრძანდი და წამოხველ, იქაური გემო ვერა ნახე, იმის ქება ერთი არ ითქმის, სახამ არა ნახე და მართლად არ შეეჭე. თუ კიდევ მოხრძანდებით, იქაურს სიტყვებებს გაჩვენებ და იმ ტილისმასაც გაჩვენებ. ჩემის გამართლებებისთვის, კარგად გასინჯე, რომ ის უსულა და მკვდარი იყო, მას უკან რაღას მეტყვი. მე უწინვე მიხდოდა იმ ტილისმის ამბავი თქვენთვის მამეს-სენებთან, მაგრამ თქვენმა ახალმა მუსახობის სიყვარულმა დაამაგიყვა. ამდღანი შენ მეღამ, საბრალე ვირი იქვე წაიყვინა, ლომი დარეგობული იყო, რომ თავი მოიკვდარუნა, მეღამ ვირი თავს წახყენა. შამბა, ნახე თუ ეს უსულა არ იყო! ვირი მივიდა, დასუნა და ნახა, რომ უსულს ლომ შგანდა. გული დააჯერა და იმ ადგილს განსვენებს დაენდო. მეღს უთხრა: მართლად მეუბნებოდით, მეღამ უთხრა: ჩვენს გარს არ მოსდგამს ტყუილის თქმა და ახლა შენც ნახე ჩემი სიმართლეა, როგორც გპირიანება ამ უკვდავების ყვავილს და ბალახს, ისრე შეეჭე. ვირმა მადლი გარდინდა და მოვინა დაუწყო, და როცა კარგად გაძღა, იქვე გაგორდა, ანაზდით ლომი ზედ შეახლტა და მუცელი გაუნა. მეღამ მოვიდა, გამარჯვება მიულადა. ლომთან უთხრა: ერთს წამ შენ ამხუდ თვალი დანიჭირე, მე წავალ წყაროზედ ხელმირს დავიბან, მერმე მოვალ და იმ აქიმინ რომ გული და ყური მასწავლან, იმას შევსწამ. ლომი წყაროსკენ წავიდა, მეღამ ვირის ყური და გული შეწამა, ლომთან რომ ვირი დაიბანდა და გამოხრუნდა ვირთან მოვიდა, ემია და გული და ყური გულარ იმოვინა, მეღს შგითხა: ამის გული და ყური რა იქნა. მეღამ მოახსენა: ბედნიერი ხელმწიფე ამოდ იყო, ამ ვირს არც გული შექონდა და არც ყური. პირველ რომ შენთან მოვიყვანე და შენგან შეშინდა და გამერიდა, იმას დანახსოვრებდა და თავს გაუფთხილდებოდა, მეორედ აღარ მოტყუვდებოდა, ეს აჩენს, რომ ორჯელ მოტყუვდა—ახლანთ გული და ყური არა შექონდა, თვარა თქვენ უკეთ მოგესწენებთ, გული წკუისა და სიფრთხილის სალაროა, თავის ფეხით სამარის გარს არ მოვიდოდა. ეს არავი ამისთვის მოვიყვანე, რომ იცოდე მე ის ვირი არა ვარ, რომ გული და ყური არა მქონდეს და შენის ქართულით მოვსტუვდე. მრავალი ძნელი საქმე შემითხვევია, რომ ადგილ გამირიგებია და არ მოვსტყუებულვარ. მე და შენი მუსახობა გარდასწყდა. შენ რომ მთვარე შეიქნა, მე ზეცას აღარ უყურებ და თუ ალაგის ხე შეიქნა, მე ბაღს აღარ შევიდე, თუ სულის სათავნო შეიქნა, მე ის იოტის ფასათ აღარ მიღირდეს, და არც ჩემს დღეში მოვიგონო. კუმ უთხრა: მართლად ამბობ, მე ასეთი სიტყვა ვსთქვი, შენი საწყენი იყო, ჩემის ერთი შენი გული ასე დაიგოდა, რომ ვერა მალამო ვერ განმთელებს, დიდის წმუნვით და მწუხარეს გულით შეიყარნენ. სიკვდილი სჯობს სიცოცხლით მოყვრის მოშორებას. მისთვის ამიგო გული სეგად ნაღველმა. კუ გამოხრუნდა და თქვა: ვა ჩემის ბედის წერას, ამისთანა კამ მოყვარე დაგვკარგე! მაგრამ სი-

ნანული აღარას უშეკელიდა. ამ არაგის სარგებელი ეს არის, რომ კაც-მან მოიხედავს საქონელი ანუ მოყვარე მოიგოს, პატრონი თვისი კარგად გაუფთხილდეს და არ დაჰგარგოს, თვარს თუ დაჰგარგა, სინანულით კვლარას მოეწება. მინამდი სიფრთხილეს ეცადე, მანამ საქმე დაშავდებოდეს:

13. კარი მეექვსე.

სისწრაფისა და არქარებისათვის, და ბოლოს სინანულისათვის.

რამი ქვეყანისა მწყობრებთან იხმო კუხირი თვის ბაჰრამან და უბრძანა: ეშა კუხირა, გულ ნათელ ყოველთა ღთისა განაჩინთა გამოცხადებულა, აწ ეს მასწავლე, სიჩქარით და მოუცდელობით რომ ჩავარდეს კაცი ჭირსა და ფათურაკს და გაუძნელდეს საქმე, მან რა უნდა ქნას, რომე წახდენილი საქმე განაკეთოს და განიგოს, ანუ უდროდ და არქარებით სათესლის ნათესავით რა ამოვს მიწათაგან? მეტე კუხირმან აღაღო შირი და ადიდებდა მეფესა თვისსა: მეფეა ქვეყნისა მწყობრებელა, შენ მოგვლინა უფლებან ქვეყნისა ასაშენებლად, უშენოდ ყველს ცუდია, და შენგნით იხარებენ ყოველივე. რომელმაც ააშენოს სახლი და არ უყოს საძირკველი მგარბი, ის მსწრაფლ დაიქცევის, რომელმაც შირველად საქმე მაგარად არ დაიჭიროს, ბოლოს წაუხდეს. ღთნ ადამის ტომნი შესთხოვნა, კეთილითა ნიკთითა შეამგო და უმეტესის ჰყო განილითა ზედა. სიღრმე გულისა და კაცთაგან მარგის ზნე საქციელისა შემოსა. ეს არის, რომ სჭირდეს მოცდა, მოთმენა, სიმშვიდე და სიბრძნე, სიმძიმე. კაცის სიკეთე და გონიერება ბრძენთა და ფილოსოფოსთ მიუშვავსება ჭკუა და გონიერება. მარლი თუ შეჭამდს არურთ, მას გემოვნება არაქს და რომელსაც კაცსა აქვს გუნებაშინგან წადილი, ეს რომ ისწავლავს მცოდინარება და ჭკუა აჯობებს. ამხანაგთა კაცის მოჭირკებით მიხვდებინს კაცი ამ სანადელსა, და რომელიც იყოს აკვული და შეუდგეს აგუნე საქციელობასა, ეს უმარლია შეჭამდსა ჭკავს, რომ არავის იამების საჭმელად. ღთნ უბრძანა მოციქულთა, რადგან თქვენ იყვენით მრავლის კეთილით ზნე სრულნი, მისთვის შემოკვრიბნე თქვენ ზედა ერნი მრავლნი და დაგიმორჩილენ. როგორადაც უბრძანა აბრახამს უფლებან ჩვენმან, რომელიც იყოს გულით კეთილი და წმიდა უყვარს გულისა ყოველთასა. კაცთაგან არ ვარკა რაგინდარაზედ მალე არქარება და აღფრთობა, ეშმაკის სახმო საქმეა. სინყნარით და მოცდით საქმე ღთიურია. სინყნარითა სჯობს საქმე ყოველი (არქარებას), უფალსა ღთსა ჩვენსა შეეძლო წამს აღშენება ქვეყანისა, მაგრამ დაარსა დღესა ექვსსა, ამისთვის სჯობს საქმე სინყნარით, მოცდა ჭკუა, მოუცდელობა კაცის სიკიცა, შირველ მკვანე და მეტე დაძნეების. რომელმაც მიანებოს სადავე არქარებულს გულსა და მაგარად არ შეინახოს—დააშავებს და სინანულს შეემთხვევის და ოხრისა და ვაების მეტს კვლარას მოეწება. ვინცა ვინ არქარებული და მოუთმენელია, არ იქნება, რომ საქმე არ წახანდინოს. ამ კარში

მრავალი ზრავი ზრის. იმათგან ერთ ეს ზრავი მეუდაზნო-
ვისა ზრის. რამე ჰგოთხა, როგორ ყოფილან.

14. ზრავი გეზირმან მოახსენა.

ერთი მეუდაზნოვე მლოცავი და კარგა მოღვაწე იყო და ბოლოს ცოლის შერთვა მოინდომა. წავიდა სხვის მეუდაზნოვესთან და ჰგოთ-
ხა, რას მეტყვი, მინდა ცოლი შევიერთო. მან უპასუხა: კარგსა იქ, თუ ცოლს შეირთავო. რომელიც ცოლს შეირთავს, უკეთ განწმიდების ცოდვისაგან და უკეთ შეინახავს სჯულსა და უკეთ მოიწმინდოს და მიეცეპის შე საყვარელი. მანამდის კაცს შირზედ დოკლათის ნათელი არ მიადგების, სინამდის მისსა ხელში დიაცა არ იყოს და სანთელი არ აუნთოს. შენის სიმხარულის სამიროკველის ჩაგდება იფიქრე. მაგ-
რამ ეტადე, რომ ერთი კარგი მეუღლე ხელში ჩაიგდო და განუწყობელს მუსაბის განერიდო. მან ჰგოთხა: რა რიგის დიაცის შერთვა ხამს? მან უთხრა: ასეთი დიაცა შეირთე, რომ ბევრი შვილი ეყო-
ლოს და ქმარი კარგად შეიყვაროს, ცოდვისა და ზრახვისა ერთდებოდეს. რომელიც სძალი წმინდა შევიდეს სახლსა კაცისასა, სხვა ისი დღე და ღამე იმატებს ნათელსა. კანს გულკეთილის დიაცის ყოლა კაცს საწახუკეს შმატებს. ნეტავი მან, რომელსაც კარგი მეუღ-
ლე ჰყავს! კანს მეუღლისაგან გული წყლული გამთელდების. უთხრა: რომელის დიაცის მეგობრობას გაგვიდო? მან უთხრა: სამის რი-
გის დიაცისაგან. შირველი რომ შენს წინათ ქმარი შეყოლოდეს და მან გაწყროდეს ან სიკვდილით და ან გაშვებით, მუდამ შირველის ქრმის საგონებელში იქნება. მეორე რომ საქონელი ბევრი შეიღდეს, ის მრავალჯერ ქმარს წახუკვდრებს. მერმე რომ ქმარი კარგად შე-
მოკა და ის განკებ კვნი ან დაიწყებს და სწულეებს მოიგონებს. ამ გვარის დიაცის თვითო ნახვა თვითო სიკვდილია ქრმისათვის. კანს ქრმის სახლში ავის დიაცის ნახვა ქრმისთვის ჯოჯოხეთია, ჰგოთხა: დიაცა რამდენის წლისა უნდა შეირთოს? მან კაცმან უთხრა: ყმწვილი უნდა იყოს, ტურფა, რომ ქმარმან მასთან შექცევით.... *).

15. ზრავი კაკანბმან თქვა.

ერთს კაცს მოსამართლობას აძლეუდნენ, და ის კაცი ტიროდა. ერთმან კაცმან ნახა და თქვა: სინარულის დროს რა ტირილი მართებსო, ახლა უნდა გაიხაროსო. იმან უთხრა: ჩემის წაწყმენდის ჟამს შეკუსწარ, რა გამახარებსო. რა მორივარი რომ მოვიდეს, ეგებს ტყუი-
ლად მომახსენოს, რა ვიცი მართალი რომელი ზრის და ბრუდი რომელი. უსამართლოს მაქნენივინებენ, ან ქრთამით მომბატუებენ, ან როგორ მოხდეს, რომ ერთმან ღრჯერ — სამჯერ ირივლოს და იმისი სამართალი სხვაზედ მივაგდო, იმ სხვამ უსამართლო უყოს, ამაებს ჩემის სულის საზიანოს ვხედავ. მოსამართლეებ თუ ქრთამი ადღო,

*) «აქადედანს აკლდა» (მინაწერი გვერდზედ).

ბრალდანი და უბრალო ერთმანეთში კერ გამოაჩინა, იმისგან უფრო ავი და ბოროტი არა იქნება-რს და არც სიაქიოს მას კარგი დაუმართებისო. აწ მადლობა ღთსა თქვენ მოქრთამე და უსამართლო არა ხართ და ვიცი შენ სწორეთ განრიგებ, და ამ ჩვენს საჩივარში რამელიც შენს ბრძანებას კარდავიდეს, შერისზე მას და კარდახდევინე. მერმე კატამ თქვა: თქვენც მტერობით ერთმანეთის გასამტყუნებლათ ტყუილს ნუ მოიგონებთ, მართალი მომხსენეთ, სიმართლეს გულიდამ ნუ დანაგდებთ, რომ კარგისთვის კარგი მოგზავდებთ. დიდი თუ პატარა თქვენს თავს უხუესთაეს მიგანჩნდესთ და რომელიც თქვენ არ იკადრებთ და არ მოგწყინდესთ, ამას ნურც სხვას ჰგადრებთ, ის კატა ამისთანას მსცდურსა და ეშმაკურს ქართულს უბნობდა და რა მიენდვენ და მინალოკდენ, ერთის ხელს მისმით ორიგ დაიჭირა, და რაგვარათაც მათის ხოცვის ჭამის ნდობა შექონდა, ისე ზედ შეამლა. თურმე ის იმის სულის მდეგობა და მარხვა მოღვაწებ აკაცობის და აკგულობისათვის ყოფილად და ახლად გამოჩნდა. ეს მასწავლი ამისთვის მოგახსენეთ, რომ არას დროს მორხუბრისა და ავის კაცის მინდობა არ ვარგა. ამგვარის რომლისაგანმე მუდამ სიფრთხილე მართებს კაცსა. მიდღეში ბუს სსქმე აკაცობა არის. და აკაცობის თქმა ეს არის, რომ არამც მისი ხელმწიფობა და განბატონება ინადობით იყო. იცოდეთ, რასაც ხელმწიფეს უსამართლობით ტანზედ ფეხი ედგას, მისის უსამართლობით იმ ალაგს ცუცხლი მოუკიდება. თქვენი ჭირნახული და კარიგება წავისდებთ. ამას იტყვი იმანთ ფრინველთ ბუს განბატონება მოშალეს, მერმე უკუნთილბუღმან ბუმ ყვავს უთხრა: შე პირმაო, რაზედ გაუშვი ნამუსი და ასე გამაუპატიურე. ასეთი ცუცხლი მომიდეგ, რა განამე, რომ მიკარგაცე, და ახლად რა განწყინე, რომ ესე მიმტერე, ხეს რომ მოსჭრიან მისის ფესვიდამ სხვას შტოს ამოიხეთქს, ასე იხარებს და გაიზდება, რომ როგორც თავიდამ ხილს ისხამდა, ისე მას უკან მოისხამს, მოყვრობის და კარკაცობის მუსაბის გაჟაკაცობის ხერხით რომ მისჭრას, ის არას ღნით არ გამოთელდების, ისრის პირი რომ გულს დაესვას კაცსა, მისი ამოღება იქნება, და ენის ნაკრავის ისრის პირის ამოღება არ იქნება; წამლით მოწამლულს თრიაქი მიარჩენს და აკაცობით მოწამლულს არეშეკელების-რს. ბუმ ამისთანა სიტყვებით შეინანა, ფიქრს და სიფრთხილეში ჩავარდა, თქვა: ავი სსქმე კქენ, ჩემის ნათქვამისათვის ასეთი მტერი გავიჩინე და ჩემი თავი ჭირში ჩავგდე. ამისთანა ქადაგება და სწავლება მფრინველებთან რა მრჯიდაო. მერმე პირდაპირ ამისთანა ქართულეები ვილაპარაკე, უსაცილოდ ინადათ და მტრად შეგვექნა. ახლად რა გინდა კარგი ქართული შეუთავალო, არ დამიჯერებს და უფრო გაჯავრდება. ნათქვამია, რა გინდა ძალი და შეძლება გქონდეს და შენ სჯობდე იმას, უნდა ეცადო, რომ კაცი არ დაიმტერო. რაგინდ რომ ფიქრი და კაი წამლები გეჭიროს, არამც სანამლაჰი შეაჭამო ან უცოდინარობით და მიუხდომლობით. მე რომ ეს ქართულეები გაგბედე, და მცოდინარეს არ შეგეგითხე და ამისთანას მტრის ხელში გაგები. რა

საკვირველია იმისგან, რომ ბუერი ავი დამემართოს ვის დავაზრდალ. ჩემის ენის ბრალი არის. ნათქვამია ბუერს ღაპარაკს უთქმელა სჯობს. ბუერს მოღაპარაკეს მოღაყბე შიქიან. ბრძენთ უთქვამსთ: ცოტას კარგის მთქმელი ბუერის მთქმელს აჯობებს. ყვამან ამ რიგი ქართულები ბუერი იღაპარაკ და გაფრინდა, ბუს და ჩემს შუა მტერობის ფერი სხვა რიგათ გამოეფვა. მერმე ხელმწიფემ ბრძანა, რომ შენი ქართულები გავიგონე, საქმის მრჩეველის კაცისთვის ბუერი სარგებელი ჭკვიანის კაცის მუსაბობა და იმათი ნათქვამი სიტყვები კაცთათვის ბუერი გამოსაყენებელია და წინამძღვარი კაცთა ბუდისა და ჭკუისა და სწავლების ნიშანი. ამ გვარის ბრძნის სიტყვით განანთლა ბნელი გულისა ჩემისა, როგორც სანათმა ღამე. და თქვა ჩვენი ჯარის ამბავი ფრკანასათ უსამართლობის ცუცხლში არის დამწვარი და ერთი შენი რჩევა ათსს შეკრულის გამხსნელი. მრჩეველმან ვით იადონის ენით დალოცა ხელმწიფე და მოახსენა: ხელმწიფეო, ჩვენი ცისა და ქვეყნის შემოქმედი შენი მშველელი იყო და საითკენც წაბრძანდე, გამარჯვება ორის მარქათით შენი წინამძღვარი იყო, რაც ვუზირს მოუხსენებიათ შუბმის ამბავი მალისა და ხარჯის მიცემა, ამას არც ერთს არა ვსჯერვართ, ბოლო სინანულისა მოაქვს. როგორც არქანელთ ქურდებთა, ერთ მლოცავს მეუდაზნოვეს მოტყუებით ხელიდან ცხვარი გამოართვეს და სინანულს ჩავარდა. მეფემ ჰკითხა: როგორ ყოფილხარ.

16. არაკი მოახსენა მეფესა.

ერთს რომელსამე მეუდაზნოვეს ერთი კარგი მსუქანი ცხვარი უყიდნა. ყელზედ საბული მოება და სამღვთოთ მიშყანდა, გზაზედ ქურდები შემოკყარნენ და იმის ცდაში შევიდნენ, რომ რათაც ღონით იყო ის ცხვარი გამოართონ, არჩივეს ერთმანეთში ეს სულის მიმდეგი მეუდაზნოვე კაცი და ეშმაკობა არა ეცოდიანებარა, ეგების მოკატყუთ და ეს ცხვარი გამოკართვით და ერთი მათგანი დაუხვდა წინ და უთხრა: მეუდაზნოვე, ეგ ძალი რათ მოკყავსო? მეორემ გვერდ გაუარა და უთხრა: მეუდაზნოვე, ეგ ძალი სად მოვიპარავსო? მესამე წინ შემოკყარა, და უთხრა: მეუდაზნოვე სანადიროთ მიბრძანდებით, რომ ეგ ძალი დაგიტოვავსო? მეოთხე უკან მოეწივა და უთხრა: მეუდაზნოვე, ეგ ძალი როგორ იყიდეო? ამგვარის თითო კუთხიდან გამოვიდნენ და ერთმანეთის მიმგავსებული სიტყვათ თქვეს. ერთი ამბობდა: ეს ძალი მეცხვარისააო, მეორე ამბობდა: ბუქიშისა არისო, მესამემ თქვა: ეს კაცი მღთის მოსავი კაცი არის და ძალი ხელში რისთვის უჭირავსო, მეოთხე ზრახვიდა — მეუდაზნოვე და ძალის ხელთ ჭერნ ამის მეტათ არ გამოვიდნარო. მეხუთემ თქვა: რას ემართლებით — ეგების წიგნი ასწავლესო თავის მადლისთვის, და მათის ამ გვარის ღაპარაკითა მეუდაზნოვე ორ გუნებად შეიქნა და ფიქრში ჩავარდა და თქვა გუნებაშიგან: ამ სულიერის გამსყიდველი ეგების მეტილისმე და მაცდური იყო გინმე და თვალთ-

მანქანებით ძალად ცხვრად მომარჩვენ. ახლან ასე სჯობს ეს ძალად გაუშვან და წავიდეთ ჩემი თეთრი გამოკანთო. თავისი ახლად მართლობით ცხვარი გაუშვან და მის გამსყიდველს გამოუდგან. ქურდებმა ეს ცხვარი დაიჭირეს და დაკლეს. საბრალოდ მუდარბოვეს თეთრიც დაკანრგან და ცხვარიც. ეს მასალი ამხუედ მოგახსენე, რომ ამისთანას ხერხობით და მოქმედებით გეცადნეთ და მტერს მოკერიოთ. მელიქ ფირუზმან ბრძანან: მოიტანეთ თუ არა გქონდეთო და ქარშონანს უბოძეთო. ქარშონანს მოახსენან: მე თვითონ ამ საქმის სანდვად კარგან გამოგონან, რომ ერთის კაცის სიკვდილათ ათი ათასი მოეჩება, მაშინ ერთის სიკვდილი არა კანონან თუ ათასი მოეჩება. ჩემი რჩევან ეს არის, რომ მე ხელმწიფე საჯაროდ გამოჩყრეს, მხრები და ბოლო დამაგლიჯოს, სისხლში შემსვაროს დაჭრილი და სისხლში განბარული ხის ძირში დამაგდოს, უფროსი ერთი ჩვენი ბუდეები იმ ხის შტოხუედ არის. ხელმწიფე თავის ჯარით ამადან ამ ახლანს წაბრძანდეს და იქ მელოდოს, სანამ გვარგობისა მაცდურების ბადე იმათს გზახუედ გავშალდ, მოვიდე და მას უკან რომელიც სჯობდეს ისი კანათ. მერმე ხელმწიფე გაჯავრებული ხალკათ ხანდაზმ გამოვიდა და ყველანი ფეროკანათ შეიქნენ და დაღონებით თავები დაღმან დაჭვიდეს. ხელმწიფემან ბრძანან: ქარშონანს მხარი და ბოლო დაგლიჯონ, თავი და ფეხი სისხლით შეუსვარონ, რა ერთს ხეს ქვეშ განგდონ, თვითონ თავის ჯარით სადაც შირობან იყო, იქ წავიდეს. საქმეები რომ განიგდან, დღისად და ღამის გაყრის დრო იყო და ვასკვლანკები ცისკარხუედ თამაშანდნენ. ღამის მექეშიკე თავის გეზირებით ბუს ხელმწიფეს დღე ყოველ ამის ფიქრში და ცდაში იყვნენ, რომ ჩვენ ყვანთ ქვეყანან მიყვიდეთ, უფროსი ერთი ისინი ჩვენგან დაჭრილნი და დაკოდილნი არიან, თუ ამას ღამე თავს დაგესხანთ იმათის სიცოცხლის დღე სიკვდილის ღამე შეიცვალეების. მათი სამხარულად კანს სამგლოვიაროდ შეიღების. ჩვენს დღეში ჩვენთვის მოსვენებით და სიმოკნით ვიქნებით. გარდავიდებულის მტრის სიკვდილი ჩვენთვის სასიმოკნოდ იქნება. ღამემ რომ ნათელი დღისან არახულისტინთ საცმელთან (?) შურად გარდასქცია და ხანგებრანს ხელმწიფემ ძალი და ღონე მოიმბატ და ქვეყანან დაიჭირან. ბუთ ხელმწიფემ თავის დიდებულნი გვერდს იახლან. და დიდის ლაშქრით იმ ღამეს თავს დასხმანს ახირებდან, და მათ კრებულთ ყოველთაგე იმ საქმეხუედან შირობან ერთი ექნათ ომის საქმეს არჩევდნენ, და რა ომის საქმე დაასკვნეს, ყვანთ ქვეყნისა და მათის მამულისაკენ იარეს. აკვანცობის სამუქანთოდ საომრად მხანი იყვნენ, ყვანთ სისხლის სასმელად წელ შერტყმულნი წავიდნენ, და რა ბუთ ხელმწიფის ლაშქარი ყვანთ ქვეყანას მიეჯარნენ, მათი გვერდინ შმოკეს და გვერც არა მათი ამბავი შეიტყვეს, და დაღონებით ყველგან ებებდნენ. ქარშონან ერთის ხის ძირს წყნარად ტიროდა, და ერთმა ბუმ მისი ხმა გაიგონან. ბუთ ხელმწიფეს მოახსენან. უბრძანან კელმწიფემ თავისს ერთგულს, რომელსან ერქვან შახანგ და ოთხი სხვანი მოყმენი წავიდნენ, ნახეს და შვითხეს, კინან ხარ ანუ რას ჭირში ახიხარ, ქარშონანს თავისი სახელი და თავისი მამანამისა ყველან უამბო, გეზირობისან და

თავისი საქმე ყველა მოახსენა. ბუთ ხელმწიფემ თქვა: ყველა შევიტყუე შენი ამბავი, კვლავც განიგონიან, ახლა მითხარ, ყვავები სად არიან? მან მოახსენა: ჩემს საქმეს სვე ბედნიერი ხელმწიფე შედაგს—ესე კვდივარ მათის სამალავის ამბავი რამეცოდინება! მერმე შანანგ უთხრა: შენ ყვავთ ხელმწიფის ერთგული ვეზირი იყავ, ახლა რა მოგვეკლინა მავისთანა, რომ ამისთანას ფათურაგში ჩავარდი, რას დანაშაულისათვის დაგმართათ ეს საქმე? ქარმონამ თქვა: ჩემი პატრონი ჩემზედ გულნაკლული იყო და ჩემთან ნამსახურმან სულ ცუდათ ჩაიარა, ღონ ნურა ჩემი მტერი თავისს პატრონს ნუ შეაბულღოს! შანანგ შკითხა: მიზეზი რა იყო? მან მოახსენა: თქვენ რომ თავს დაგვეკისით, მას უკან ვეზირებს თვითო სიტყვა შკითხა ხელმწიფემ, მერმე რიგი ჩემზედ მოკარდა, მობრძანა ამ საქმეზედ ფიქრი ნახეო. ერთი ხერხი და გერგობა მოიგონეო. მერმე მე მოვახსენე: ჩვენ ბუსთან იმას ვერ შეგძლებთ და არც მათი წინა აღდგომი იქნების ისინი უფრო გამოცდილნი და კარგი მეომარნი არიან, იმათი ძალი ჩვენზედ ნამეტნავ არის. სახელმწიფო ტახტი იმათ უჭირავსთ. პატრონის წაგდება ჩვენგან მართებული არ არის და არც სხვისგან: რომელიც ბატონის ურჩი იქნების, შესავით თავი მოეჭრება. სჯობს, რომ მოციქული გაგზავნათ, თუ რომს ავირებენ ჩვენთან, ჩვენი ჯარი ცაცხლმოვიდებული კვამლსავით ქვეყანაზედ დაგიფანტებით, და თუ შერიგება მოხდეს შევეხვეწეთ მალი და ხარჯი დაგვავთ, თუ თავი გიყვარსთ მალი და ხარჯის მიცემა დაგზარდებთ, თუ არა და თავიც და საქონელიც წაგივანთ. ამისთანა რჩევისათვის ხელმწიფე გამიწყრა და მითხრა: შენ როგორ მხედაო? დიად თვალში გამცირე, რომ იმათგან მამინებო! მე თუ ნავარდს, ვიქ ჩემს მტერს მიწასთან გავასწორებ. მტერს რომ ხელმწიფის იმედი შექონდეს, მე იმის იმედი მაქვს, რადგან მტერს ჩვენი დაჰყრობა უნდა. მართებს ტკბილის ენით და სატყვიით დაგვიმოჩრილოს, რომე მხეცთა და ნადირთა ხერხით ინარებენ. ნათქვამია: ორის ხელმწიფის მოსკენება მისთვის იქმნების, მოყვრისადაც და მტრისადაც მწყალაბული იქმნებიან, ზოგს შეს მრავალნი შტონი ესზმის, ხელიც ზედ დარჩება და სიმძიმით წაიქცევანო. ამისთანა ქართულები არ იამათ, მითხრა: შენ ბუთ ერთგული ხარო, და ჩვენ რომ შენი გვარი ვართ ჩვენთვის ავს ლანჯარგობო. ხელმწიფემ მტრის ქართულათ ჩემთვის ეს წყრომა მოიღო. რომელსა ახლა თქვენ მხედავთ, ან ჩემი ეს დაიქვართ გეფერებიან მერმე აღარ დაგინდობენ და კიდეც გიმტრობენ. ბუთ ხელმწიფემ ამ გვარი ქართულები ქარმონასგან გაიგონა, ერთს თავისს ვეზირს შკითხა: თუ როგორ შედავ შენ მავის საქმესაო, მან მოახსენა: იმის საქმეს ბევრი რჩევა აღარ უნდა, რაც ამის სიკვდილს დანაგვიანებთ, ამისი სიამოვნე იქნება, მაგრამ ჩვენთვის არა სჯობს ამისგან უკეთესს დროს გელარ ვიმოგონით, ნათქვამია: რა შენს მტერს დრო წაუდარკეს, ნუღარ დანაცლი, თვარა ბოლო სინანულისა აქვს. ხელმწიფე აღბნათ რომ იმის იმედენ ქართულებს ნუ გაიგონებს, თვარა ამ ჟამს მოყვარესადაც ესტიბარი არა აქვს, და მტერს რა ესტიბარი ექნება. ქარმონამ ეს ამბები რომ გაიგონა, იტირა და მოახსენა: მე

ჩემი დამბრთვობა, და აწ ჭირზედ ჭირს მიერთავთ, რა კაცობა იქნების? ეს ქართულები ბუთ ხელმწიფემ მოისმინა და შეიბრლა. ახლა სხვა კეზირს ჰგითხა: ამისას შენ რას იტყვი. მან მოახსენა: მე იმისი სისხლი უნდა დავლიო, მაგრამ კაცობის ნიშანი ეს არ არის რომ მტერი დაჩაგრული ნახო, სიბრალული ქონდეს, შემოხვეწილის კაცის დანაშაულის ჩუქება მართებულია. ყველას სჯულშია ნათქვამი არის: ჭკვიანის კაცისაგან დაცემულს ხელი არ აეკვრის. დაგრდომილთ ხელის მომართვა უნდა, რომე ღთი უფრო ხელს მოგიმართავს. ზოგი საქმეები არის, რომ მტერი მოკეთე შეექნეს კაცსა, როგორც კაჭრის ცოლმან ქურდის შიშით კაჭარი შეიყვარა, ხელმწიფემ ჰგითხა: როგორ ყოფილან?

არაკი კეზირმან მოახსენა. ერთი დიდი კაჭირი იყო დიდათ მდიდარი და ერთი ცოლი ჰყვანდა... უბრწყინვალესი.....

Рукопись заключаетъ: 1) დაკრიშინი (კოსტანტინოპოლის ხელმწიფის ამბავი უშვილობისათვის თუ როგორ შეჩუხებულიყო).

2) სარკე თქმულთა (დღისა და ღამის განახლება თქმული მეფის ირაკლის ძის მეფის თეიმურაზისაგან, რომელი იქმნა ცხებულ შემდგომად ქელიწადისა ცხრისა თქმისა ამისისა).

3) ომანიანი შროზად, უთავბელოდ; შუაშია ადგილია გამოტოებული, უთუოთ ჩასართავი ლექსებისთვის.

4) არაკები.

Приведенный текстъ, обрывающійся на сказкѣ визиря объ «одномъ богатомъ купцѣ, имѣющемъ прекрасную жену», является интереснымъ и со стороны языка. Въ виду того, что найденная рукопись представляетъ позднюю копию съ древняго перевода, какъ объ этомъ сказано выше, въ предисловіи, настоящей памятникъ заключаетъ въ себѣ слѣды древней конструкціи и архаическія формы наряду съ особенностями позднѣйшаго періода въ жизни грузинскаго языка и характерныя черты вульгарной, простонародной рѣчи. Эта двойственность стиля отразилась и въ правописаніи. Употребленіе нынѣ изъятыхъ звуковъ *კ*, *ჯ* и *ძ*, (*წამკლმწიფუ კერსი სამგვიდრა, თვის*) и замѣна ихъ соотвѣтствующими по новой орѳографіи звуками *ხ* и *ო* (*ხელმწიფე, თვის*) служитъ однимъ изъ признаковъ смѣси древняго и новаго правописанія. Точно также употребленіе окончанія въ глаголахъ 3 л. ед. ч. наст. прош., несов. и буд. вр. *ის* вм. *ს* не всегда выдержано и чаще замѣняется окончаніемъ *ს* (*იქნების, გამობრუნდების, გაკეთების*). Придыханіе *ხ* и *ჴ* не всегда на мѣстѣ: *თქვა, სთქვა*. Нерѣдко нарушается правило древней конструкціи, по которой прилагательное имя слѣдуетъ за существительнымъ *წაღბ მშკენიერი*, но *ღამბაი ცოლი*. Нерѣдко встрѣчаются примѣры полной безграмотности переписчика (*გაკეთ*). Помимо уцѣлѣвшихъ архаичныхъ формъ часто встрѣчаются архаическія слова: *მუსაობი* вмѣсто *მემუსაობე*, какъ *თარგმანი* вм. *მეთარგმანე*. *დაცო*, вм. *დედაცაცო*. Неожиданными являются наряду съ архаизмами—провинціализмы современной грузинской рѣчи: *გულშიგან*, *მიდღეში*, *თვარე*, *თვარამ*. Переводъ «Калилы и Димны» и поздніе его списки, очевидно, всего болѣе стали приближаться къ обыденному языку, переполняясь грузинскими поговорками и христіанскими воззрѣніями. Встрѣчается изложеніе евангельскихъ словъ Спасителя, обращенныхъ къ апостоламъ.

Нѣкоторыя особенности языка и фигуральныя выраженія мы отмѣтили въ самомъ текстѣ, напечатавъ ихъ въ разбивку. Слова же, которыя въ рукописи были воспроизведены съ древняго оригинала невѣрно или бессмысленно, мы сопровождаемъ вопросительными знаками.

СИРІЙСКІЯ ПЕРГАМЕННЫЯ ЕВАНГЕЛІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Дѣйствительнаго члена М. В. Никольскаго.

Въ 1897 году въ Общество были принесены въ даръ княземъ А. А. Гагаринымъ пергаменные листы сирійской рукописи. Листы эти находились въ самомъ жалкомъ видѣ. Это былъ буквально смятый комъ пергаменныхъ отрывковъ, которые безо всякаго порядка были скомканы вмѣстѣ, отъ сырости прилипли одинъ къ другому, по бокамъ и отчасти въ срединѣ истлѣли настолько, что при одномъ прикосновеніи эта масса осыпалась и превращалась въ порошокъ. Въ такомъ видѣ эта рукопись была приобрѣтена самимъ владѣльцемъ, княземъ А. А. Гагаринымъ. Потребовалась большая осторожность и не мало труда, чтобы отдѣлить одинъ отъ другого склеившіеся листы и разобрать эту безформенную массу пергамена. Въ результатѣ получились болѣе или менѣе истлѣвшіе отдѣльные листы или части листовъ; только нѣсколько листовъ оказались въ болѣе цѣльномъ видѣ, сложенными вдвое и сшитыми въ тетради. При ближайшемъ разсмотрѣніи мнѣ удалось установить, что эти листы представляютъ разрозненные отрывки 3-хъ различныхъ рукописей Евангелія, изъ коихъ одной, которую мы будемъ называть № 1-й, принадлежатъ 34 листа (и полныхъ и неполныхъ), другой (№ 2) — 10 листовъ и 3-й (№ 3) — 6 листовъ. А всего оказалось 50 листовъ. Кромѣ того, цѣльные листы были переложены въ тетрадяхъ на сгибахъ бумажными лоскутками, содержащими текстъ большею частію на сирійскомъ, нѣкоторые же на арабскомъ языкѣ. Лоскутки эти сильно пострадали; по отдѣленіи отъ пергамена я пытался ихъ разобрать, но они относились къ различнымъ рукописямъ и по отрывочности сохранившагося на нихъ текста нельзя было въ точности опредѣлить тѣ литературныя цѣлыя, къ которымъ принадлежали эти отрывки. Всѣхъ лоскутковъ числомъ 15. Судя по палеографическимъ даннымъ пергаменные отрывки Евангелій принадлежатъ къ VII—VIII в. по Р. Х., бумажные же — не ранѣе XI—XII вѣка.

Въ виду древности рукописей даръ князя А. А. Гагарина представляется намъ довольно цѣннымъ, тѣмъ болѣе, что въ рукописныхъ книгохранилищахъ Москвы не имѣется ни одной сирійской рукописи. А потому помѣщаемые въ этомъ выпускѣ Трудовъ Коммисіи снимки съ рукопи-

сей и нижеслѣдующее краткое описаніе рукописей Евангелія, какъ мнѣ кажется, не будутъ сочтены за излишнія нашими спеціалистами по древнимъ литературамъ Востока.

РУКОПИСЬ № 1.

34 листа. Пергамень, 15×12 дюймовъ размѣромъ. Письмо эстрангело, крупное, красивое, по характеру VII в., 2 столбца, 22—23 строки на страницѣ. Чернила красноватаго оттѣнка; такъ какъ листы до письма на нихъ сильно натерты были талькомъ, то чернила въ значительной степени осыпались вмѣстѣ съ талькомъ и фигуры буквъ поблѣднѣли. Во всякомъ случаѣ по матеріалу и по письму рукопись принадлежала къ числу роскошныхъ; по формату она также изъ числа рѣдкихъ: изъ 1036 сирийскихъ рукописей Британскаго Музея только 5 рукописей въ этомъ отношеніи ее превосходятъ (№№ 320, 321, 322, 960, 963), такъ какъ вообще сирийскія рукописи незначительны по формату.

Рукопись обращаетъ на себя вниманіе по евангельскому тексту. Она содержитъ не древнѣйшій и общепринятый въ сирийской церкви текстъ *Пешито* (появившійся въ концѣ II в. по Р. Х.), а текстъ *Фомы Гераклеяскаго*, иначе называемый *филоксеновскимъ*. Начало этого перевода восходитъ къ началу VI вѣка, когда по порученію монофизитскаго епископа *Ксенея* (Ξεναῖος) *Мабугскаго* (485—518), иначе называемаго *Филоксеномъ*, хорепископъ Поликарпъ предпринялъ новый переводъ Новаго Завѣта, который былъ оконченъ имъ въ 508 году. Появленіе этого перевода было вызвано потребностію имѣть болѣе точный и буквальный переводъ, чѣмъ Пешито, для употребленія въ богословскихъ спорахъ монофизитовъ съ ортодоксами. Въ 616 году этотъ переводъ былъ исправленъ Фомою Гераклеяскимъ и въ этомъ исправленномъ видѣ онъ вошелъ въ употребленіе у монофизитовъ. Однакоже, онъ не только не могъ вытѣснить Пешито, но повидимому его употребленіе было ограничено; по крайней мѣрѣ рукописей Евангелія филоксеновской редакціи дошло сравнительно небольшое число: такъ изъ 57 рукописей Евангелія Британскаго Музея, описанныхъ Wright'омъ, только двѣ содержатъ филоксеновскій переводъ (№№ 65, 120); первая рукопись 1234 года, вторая 936 года. По каталогу Forshall'я насчитывается 4 подобныхъ рукописи (XV—XVI в., XIII в., XI—XII в. IX—X в.); всего 6 рукописей большею частию позднѣе X вѣка. Разбираемая нами рукопись несомнѣнно есть древнѣйшая изъ всѣхъ, содержащихъ филоксеновскій переводъ: по способу письма она смѣло можетъ быть отнесена къ концу VII вѣка или къ самому началу VIII-го. Первоначально рукопись содержала все четвероевангеліе въ послѣдовательномъ порядкѣ евангелистовъ (тетръ) и по своему внѣшнему виду представляла большого размѣра рукописный томъ съ текстомъ, написаннымъ крупно, четко и красиво, на плотномъ, но хорошо выдѣланномъ пергаменѣ.

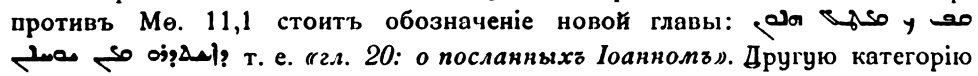
Оставшіеся 33 листа (болѣе или менѣе попорченныя) и 1 отрывокъ (уголъ) листа расположены мною и перенумерованы въ ихъ первоначаль-

ному порядкѣ по евангелистамъ, причѣмъ оказалось, что Евангелію отъ Матѳея принадлежатъ 12 листовъ, отъ Марка—11, отъ Луки—7 и отрывокъ (уголъ листа), и отъ Іоанна—3. На этихъ листахъ содержатся слѣдующія части изъ Евангелій:

МАТФЕЯ:			ЛУКИ:	
Листъ 1:	глава 10,25—11, 1.		Листъ 24:	глава 1,43—68.
» 2:	» 11,19—12, 4.	} Связный текст.	» 25:	» 3,38— 4,17.
» 3:	» 12, 4—23.		» 26:	» 4,17—31.
» 4:	» 12,24—38.	} Связный текст.	» 27:	» 6,33—46.
» 5:	» 19,27—20,10.		» 28:	» 7, 9—24.
» 6:	» 20,10—23.	} Связный текст.	» 29:	» 22,39—41. 44—45 (уголъ листа).
» 7:	» 20,24—21, 5.		» 30:	» 23,35—51.
» 8:	» 21,19—29.	} Связный текст.	» 31:	» 23,51—24,13.
» 9:	» 21,30—42.			
» 10:	» 22,46—23,14.			
» 11:	» 24, 3—19.	} Связный текст.		
» 12:	» 24,20—33.			
МАРКА:			ІОАННА:	
Листъ 13:	глава 5, 7—24.		Листъ 32:	глава 1,45— 2,10.
» 14:	» 6,11—25.	} Связный текст.	» 33:	» 6,19—33.
» 15:	» 6,25—40.		» 34:	» 6,34—50.
» 16:	» 7, 1—15.	} Связный текст.		
» 17:	» 7,15—31.			
» 18:	» 7,32— 8,11.			
» 19:	» 8,27— 9, 2.			
» 20:	» 9,30—43.			
» 21:	» 10,12—25.			
» 22:	» 13,35—14,13.			
» 23:	» 14,48—64.			

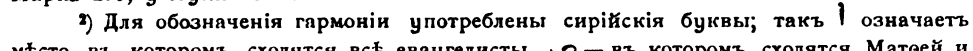
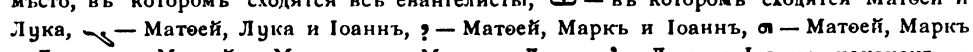
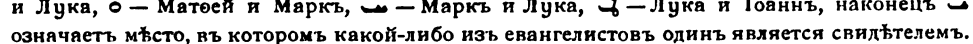

Начальныхъ листовъ Евангелій не сохранилось, но въ 6 мѣстахъ имѣется на заголовкѣ листовъ обозначеніе евангелиста, написанное крупными буквами, такъ на листѣ 7 (оборотъ), содержащемъ текстъ изъ 20 и 21 главъ Ев. Матѳея, изображено наверху кинворью: *اولیٰ لکته صومبا* т. е. *Святое Евангеліе Матѳея*; на листѣ 14, содержащемъ текстъ изъ 6 главъ Ев. Марка, имѣется подобная же надпись: *اولیٰ لکته صومبا* т. е. *Святое Евангеліе Марка*; то же на л. 17 (гл. 7 Марка) и 21 (гл. 10 Марка). На листахъ 25 обор. (гл. 3 Луки) и 27 (гл. 6 Луки) находится подобное обозначеніе Евангелія отъ Луки.

На поляхъ листовъ имѣются приписки, болышею частію современныя написанію евангельскаго текста и принадлежащія одной и той же рукѣ, но нѣкоторыя относятся къ болѣе позднему времени. Къ первой категоріи

относится немалое число греческихъ словъ и выраженій, взятыхъ изъ того греческаго оригинала, который послужилъ основаніемъ филоксеновскаго перевода, равно также нѣкоторое число вариантовъ изъ сирійскаго перевода Пешито. На поляхъ также имѣется обозначеніе Аммоніевыхъ отдѣленій¹⁾ и дополнительные указанія Евсевіевой гармоніи евангелистовъ (киноварью)²⁾, самая же гармонія помѣщена внизу подъ текстомъ (также кинноварью). Кроме того на поляхъ же помѣщены другія раздѣленія на главы (обозначенныя также кинноварью), исключительно принадлежащія этой рукописи, съ обозначеніемъ содержанія этихъ главъ; они короче нынѣ принятыхъ главъ и по числу ихъ гораздо больше. Такъ напр. противъ Мѡ. 11,1 стоитъ обозначеніе новой главы: т. е. «гл. 20: о посланнѣхъ Іоанномъ». Другую категорію приписокъ представляютъ тѣ, которыя написаны другими руками, болѣе поздняго времени. Сюда прежде всего относятся приписки, обозначающія церковныя чтенія; болѣею частію строки этихъ приписокъ имѣютъ вертикальное направленіе, цвѣтъ чернилъ и форма буквъ болѣе поздня, не ранѣе XI—XII вѣка. Къ еще болѣе позднему времени (не ранѣе XIII вѣка) принадлежитъ помѣта листовъ внизу между столбцами; очевидно, эта помѣта относится къ тому времени, когда рукопись уже вышла изъ употребленія и состояла изъ разрозненныхъ листовъ, такъ наши листы Евангелія Матѡея, расположенныя нами въ послѣдовательномъ порядкѣ, имѣютъ такую помѣту: 56 (нашъ 1), 58 (нашъ 2), 23 (нашъ 3), 21 (нашъ 4), 22 (нашъ 5), 11 (нашъ 6), 80 (нашъ 7) и т. д. Къ позднему времени также относится яковитская вокализация, находящаяся на нѣкоторыхъ словахъ.— Что касается приписки на верху листа 7-го, написанной мелкимъ Эстрангело той же рукою, какой принадлежитъ евангельскій текстъ, то, очевидно, она относится къ толкованію текста, но по стертости приписки трудно понять самое ея содержаніе.

Изъ разсмотрѣнія этихъ приписокъ можно заключить, что рукопись первоначально была предназначена не для богослужебныхъ цѣлей, а скорѣе для цѣлей учено-богословскихъ, и только впоследствии она была приспособлена къ богослужебнымъ цѣлямъ яковитскаго (монофизитскаго) общества. Замѣтки на поляхъ, указывающія на соответствующія слова греческаго оригинала, и варианты изъ Пешито представляютъ въ своемъ родѣ ученый аппаратъ, который въ то время придавалъ научную цѣнность еще сравнительно новому переводу. Такъ какъ эти замѣтки могутъ послужить къ разъясненію вопроса о томъ, къ какой редакціи принад-

¹⁾ Всѣхъ отдѣленій Аммонія (1-й половины III в.) имѣется у Матѡея 355, у Марка 235, у Луки 343 и Іоанна 232.

²⁾ Для обозначенія гармоніи употреблены сирійскія буквы; такъ означаетъ мѣсто, въ которомъ сходятся всѣ евангелисты, — въ которомъ сходятся Матѡей и Лука, — Матѡей, Лука и Іоаннъ, — Матѡей, Маркъ и Іоаннъ, — Матѡей, Маркъ и Лука, — Маркъ и Лука, — Лука и Іоаннъ, наконецъ означаетъ мѣсто, въ которомъ какой-либо изъ евангелистовъ одинъ является свидѣтелемъ.

лежалъ греческій оригиналь, съ котораго былъ сдѣланъ филоксеновскій переводъ, а также вопроса объ отношеніи этого перевода къ Пешито, то мы считаемъ не излишнимъ привести здѣсь эти замѣтки на поляхъ. Приэтомъ слѣдуетъ замѣтить, что переписчикъ (а можетъ быть и авторъ) не соблюдалъ орфографической точности въ передачѣ греческихъ словъ и допускалъ въ этомъ отношеніи грубыя ошибки; для характеристики какъ этой рукописи, такъ и остальныхъ двухъ, которыя раздѣляютъ съ нею этотъ недостатокъ, мы оставили всѣ ошибки въ орфографіи греческихъ словъ неисправленными, ограничиваясь указаніемъ на неправильную передачу.

ИЗЪ МАТѢЕЯ:

Л. 1, гл. 10,29 ασσαριου къ сирійскому ܐܫܪܝܘܐ.—Л. 1 обор., гл. 10,36 οικιακοι αυτου къ сирійскому ܡܢܗܘܢ? ܘܡܢܗܘܢ.—Л. 3, гл. 12,13 ܐܘܪܘܟܘܢ (руку его) къ ܘܪܘܟܘܢ (руку твою).—Л. 3 обор., гл. 12,15 ηκολουθησαν къ сир. ܘܘܠܘܘܢ?.—Л. 4, гл. 12,30 послѣ слова ܘܚܘܫܘܢܐ (расточающій) прибавлено ܚܘܫܘܢܐ (миръ).—Л. 5 обор. 20,4 къ слову ܡܝܢܝ? (мой) имѣется вариантъ въ три строки на сирійскомъ, но къ сожалѣнію текстъ почти весь истлѣлъ.—Л. 7, гл. 20,28 ψυχην αυτου къ сир. ܠܥܡܐ? ܡܢܗܘܢ.—Л. 7, 20,29 въ текстѣ: ܘܠܗܘܢ ܘܠܗܘܢ, на полѣ: ܘܠܗܘܢ ܘܠܗܘܢ.—Л. 7, гл. 20,34 въ текстѣ: ܘܠܗܘܢ (женск. р.), на полѣ: ܘܠܗܘܢ (муж. р.).—Л. 7, гл. 21,1 въ текстѣ ܘܠܗܘܢ ܘܠܗܘܢ, на полѣ: ܘܠܗܘܢ ܘܠܗܘܢ... (истлѣло).—Л. 8, гл. 21,19 παραρημα къ сир. ܘܠܗܘܢ.—Л. 8 обор., гл. 21,28 δοκει къ сир. ܘܠܗܘܢ?.—Л. 10, гл. 23,5 въ текстѣ ܘܠܗܘܢ?, на полѣ: ܘܠܗܘܢ; φυλακτηρια (sic) къ сир. ܘܠܗܘܢ; κρηδεα (sic) къ сир. ܘܠܗܘܢ.—Л. 10 обор., гл. 23,10 послѣ слова ܘܠܗܘܢ? (вашъ) прибавлено на полѣ: ܘܠܗܘܢ (Христосъ).—Л. 11 обор., 24,14 въ текстѣ: ܘܠܗܘܢ ܘܠܗܘܢ, на полѣ: ܘܠܗܘܢ ܘܠܗܘܢ.—Л. 12, гл. 24,22 εκολοβωθησαν къ сир. ܘܠܗܘܢ.—гл. 24,22 обор., ܘܠܗܘܢ къ сир. ܘܠܗܘܢ; 24,31 въ текстѣ ܘܠܗܘܢ (труба), на полѣ: ܘܠܗܘܢ (голосъ); ܘܠܗܘܢ ܘܠܗܘܢ къ сир. ܘܠܗܘܢ ܘܠܗܘܢ.

МАРКА:

Л. 13, гл. 5,9 λεγεων къ сир. ܘܠܗܘܢ; гл. 5,18 въ текстѣ ܘܠܗܘܢ? (бѣсновавшійся), на полѣ ܘܠܗܘܢ? (исцѣленный); гл. 5,23 εσχατως къ сир. ܘܠܗܘܢ, затѣмъ прибавлено объясненіе: ܘܠܗܘܢ ܘܠܗܘܢ. —Л. 14, гл. 6,12 въ текстѣܘܠܗܘܢ (утрачено), на полѣ ܘܠܗܘܢ; гл. 6,15 къ слову ܘܠܗܘܢ (Илія) на полѣ ܘܠܗܘܢ; 6,16 [Ηρωδης] къ сир. ܘܠܗܘܢ; листъ 14 обор., гл. 6,19 ενει[χεν] къ сир. ܘܠܗܘܢ; 6,21 въ текстѣ ܘܠܗܘܢ (Галилеи), на полѣ [ܘܠܗܘܢ].—Л. 15, гл. 6,27 спекулятора къ сирійск. ܘܠܗܘܢ; 6,29 ܘܠܗܘܢ къ сир. ܘܠܗܘܢ; листъ 15 обор., гл. 6,39 συμποσια къ сир. ܘܠܗܘܢ.—Л. 16, гл. 7,3 ܘܠܗܘܢ ܘܠܗܘܢ къ сир. ܘܠܗܘܢ ܘܠܗܘܢ; л. 16 обор., гл. 7,11 κορβαν къ сир. ܘܠܗܘܢ; 7,13 послѣ слова ܘܠܗܘܢ? (вашего) прибавлено на полѣ: ܘܠܗܘܢ (вѣроятно на основаніи τη μωρα греч. оригинала); 7,14 послѣ ܘܠܗܘܢ (призвалъ) прибавлено ܘܠܗܘܢ (еще).—Л. 17, гл. 7,15 къ ܘܠܗܘܢ ܘܠܗܘܢ прибав-

лено на полѣ: ܡܫܡܝܢ ; 7,18 послѣ ܘܢܝܢ прибавлено на полѣ: ܘܡܝܢ ; 7,24 послѣ ܡܫܡܝܢ прибавлено: ܡܫܡܝܢ ; л. 17 обор., гл. 7,26 ܘܢܝܢ кѣ сирійскому: ܡܫܡܝܢ ; 7,28 ܡܫܡܝܢ кѣ сир. ܡܫܡܝܢ .—Л. 18, гл. 7,32 ܡܫܡܝܢ кѣ сир. ܡܫܡܝܢ ; 7,34 ܡܫܡܝܢ кѣ сир. ܡܫܡܝܢ ; гл. 8,10 ܡܫܡܝܢ кѣ сирійскому ܡܫܡܝܢ .—Л. 20, гл. 9,31 въ текстѣ: ܡܫܡܝܢ , на полѣ: ܡܫܡܝܢ ; 9,34 въ текстѣ ܡܫܡܝܢ , на полѣ ܡܫܡܝܢ ; 9,40 въ текстѣ ܡܫܡܝܢ , на полѣ ܡܫܡܝܢ ; 9,41 кѣ слову ܡܫܡܝܢ прибавлено на полѣ ܡܫܡܝܢ (мое).—Л. 21, гл. 10,14 кѣ слову ܡܫܡܝܢ (вознегодоваль, греч. $\eta\underline{\nu}$ ανακτησεν) прибавлено на полѣ: ܡܫܡܝܢ (на основаніи греческаго καὶ ἐπιτιμησας); Л. 21 обор., гл. 10,20 послѣ слова ܡܫܡܝܢ въ концѣ стиха прибавлено: ܡܫܡܝܢ ; 10,23 ܡܫܡܝܢ кѣ сир. ܡܫܡܝܢ ; 10,25 въ текстѣ ܡܫܡܝܢ , на полѣ ܡܫܡܝܢ .—Л. 22, гл. 13,35 передъ словомъ ܡܫܡܝܢ на полѣ ܡܫܡܝܢ (или); 14,2 въ текстѣ ܡܫܡܝܢ , на полѣ ܡܫܡܝܢ ; 14,3 на полѣ: ܡܫܡܝܢ ($\alpha\lambda\beta\alpha\epsilon\tau\rho\nu$ (sic), въ текстѣ утрачено; 14,4 ܡܫܡܝܢ кѣ сир. ܡܫܡܝܢ .—Л. 23, гл. 14,49 въ текстѣ: ܡܫܡܝܢ , на полѣ ܡܫܡܝܢ ; л. 23 обор., гл. 14,62 ܡܫܡܝܢ кѣ сир. ܡܫܡܝܢ ; 14,63 послѣ слова ܡܫܡܝܢ (хула) вставлено на полѣ: ܡܫܡܝܢ (устъ его).

Лукки:

Л. 24, гл. 1,46 на полѣ ܡܫܡܝܢ (хвала Богоматери), единственная отмѣтка евангельскаго мѣста по важности содержанія; л. 24 обор., 1,66 кѣ слову ܡܫܡܝܢ прибавлено на полѣ ܡܫܡܝܢ .—Л. 25, гл. 4,5 ܡܫܡܝܢ кѣ сир. ܡܫܡܝܢ ; л. 25 обор., гл. 4,9 послѣ ܡܫܡܝܢ прибавлено на полѣ: ܡܫܡܝܢ ; 4,11 въ текстѣ ܡܫܡܝܢ , на полѣ ܡܫܡܝܢ .—Л. 26, гл. 14,18 ܡܫܡܝܢ кѣ сир. ܡܫܡܝܢ ; 4,22 въ текстѣ ܡܫܡܝܢ , на полѣ ܡܫܡܝܢ ; л. 26 обор., гл. 4,29 послѣ слова ܡܫܡܝܢ прибавлено на полѣ ܡܫܡܝܢ ; 4,31 въ текстѣ: ܡܫܡܝܢ , на полѣ: ܡܫܡܝܢ .—Л. 28 обор., 7,24 въ текстѣ ܡܫܡܝܢ , на полѣ ܡܫܡܝܢ .—Л. 29 обор., гл. 22,44 ܡܫܡܝܢ кѣ сир. ܡܫܡܝܢ .—Л. 30, гл. 23,39 послѣ ܡܫܡܝܢ прибавлено на полѣ ܡܫܡܝܢ ; л. 30 обор., гл. 23,45 въ текстѣ ܡܫܡܝܢ , на полѣ: ܡܫܡܝܢ ; 23,48 ܡܫܡܝܢ кѣ сир. ܡܫܡܝܢ ; 23,48 въ текстѣ ܡܫܡܝܢ , на полѣ ܡܫܡܝܢ ; 23,50 ܡܫܡܝܢ кѣ сир. ܡܫܡܝܢ .—Л. 31, гл. 23,55 въ текстѣ ܡܫܡܝܢ , на полѣ ܡܫܡܝܢ ; 23,56 ܡܫܡܝܢ [καὶ] ܡܫܡܝܢ кѣ сир. ܡܫܡܝܢ .

Іоанна:

Л. 32, гл. 1,51 въ текстѣ ܡܫܡܝܢ , на полѣ ܡܫܡܝܢ ; л. 32 обор., гл. 2,6 ܡܫܡܝܢ кѣ сир. ܡܫܡܝܢ ; 2,6 ܡܫܡܝܢ кѣ сир. ܡܫܡܝܢ .—Л. 33, гл. 6,19 въ текстѣ: ܡܫܡܝܢ , на полѣ ܡܫܡܝܢ ; 6,23 въ текстѣ ܡܫܡܝܢ , на полѣ ܡܫܡܝܢ ; 6,24 въ текстѣ ܡܫܡܝܢ , на полѣ ܡܫܡܝܢ ; 6,26 послѣ слова ܡܫܡܝܢ на полѣ ܡܫܡܝܢ .

РУКОПИСЬ № 2.

10 разрозненныхъ листовъ служебнаго Евангелія (апракосъ), содержащаго евангельскія церковныя чтенія. Пергамень, $16\frac{1}{2}\times 12\frac{1}{2}$ дюйм. раз-

мѣромъ, въ 2 столбца, 22 и 23 строки на страницѣ. Письмо эстрангело VIII в., крупное, болѣе каллиграфическое, чѣмъ въ рукописи № 1, чернила имѣютъ черный цвѣтъ, но на многихъ мѣстахъ выцвѣли и приняли сѣровато-грязный оттѣнокъ. Всѣ листы въ значительной степени пострадали, и только 2 (7 и 9) сохранились въ сравнительно полномъ видѣ, отъ нѣкоторыхъ же листовъ (напр. 4 и 6) остались только обрывки съ текстомъ менѣе половины. При началѣ чтеній имѣются разноколерныя заставки, на которыхъ золотомъ обозначены самыя чтенія съ указаніемъ дневной службы и евангелиста, изъ котораго заимствовано чтеніе.

Листы содержатъ слѣдующія отрывки изъ Евангелій:

- Листъ 1: Лук. 12,36—48. Мѡ. 24,42.
 » 2: Лук. 4, 3—13. Мѡ. 18,18—22.
 » 3: Матѡ. 5,44—48. 6,1—6.
 » 4: Лук. 13,26—30. Иоан. 7,37—43. 6,35—38.
 » 5: Матѡ. 13,54—58. 4,12—20. Иоан. 6,1.
 » 6: Лук. 5, 8—11. Марк. 6,1—5. Лук. 2,22.
 » 7: Марк. 1,34—45. Матѡ. 7,28—8,4
 » 8: Иоан. 4,14—29.
 » 9: Матѡ. 6, 7—22.
 » 10: Матѡ. 7,17—27. Лук. 13,22—25.

Рукопись изобилуетъ, какъ и № 1, приписками на поляхъ, частію содержащими разночтенія и ссылки на греческій оригиналь, частію богослужебнаго характера; однѣ изъ этихъ приписокъ принадлежатъ той же рукѣ, которая написала евангельскій текстъ, другія, несомнѣнно, позднѣйшаго происхожденія. Для насъ имѣютъ интересъ опять только разночтенія и ссылки на греческій оригиналь, которыя мы и приведемъ.

Приписки, сдѣланныя переписчикомъ евангельскаго текста:

Л. 2, Лук. 4,11 въ текстѣ اموما , на полѣ فوكا ; л. 2 обор., Матѡ. 18,18 послѣ احكم вставлено на полѣ: فوكا .—Л. 3 обор., Матѡ. 6,5 въ текстѣ: فوكا فوكا فوكا , на полѣ فوكا فوكا .—Л. 4, Иоан. 7,38 въ текстѣ утрачено, на полѣ: فوكا ; л. 4 обор., Иоан. 6,35 въ текстѣ утрачено слово, къ которому присоединено فوكا .—Л. 6, Лук. 6,1 въ текстѣ: فوكا , на полѣ فوكا .—Л. 7, Марк. 1,38 κωπολεις къ сир. فوكا ; въ текстѣ: فوكا , на полѣ: فوكا ; 1,44 въ текстѣ فوكا , на полѣ: فوكا .—Л. 8 обор. Иоан. 4,25 въ текстѣ: فوكا , на полѣ فوكا .—Л. 9 обор., Матѡ. 6,16 αφανησιν (sic) къ сир. فوكا ; 6,20 въ текстѣ فوكا , на полѣ فوكا ; 6,21 въ текстѣ два раза فوكا , на полѣ два раза فوكا .—Л. 10, Матѡ. 7,18 въ текстѣ слово утрачено, на полѣ ара فوكا ; 7,24 въ текстѣ فوكا , на полѣ فوكا ; 7,25 послѣ فوكا прибавлено на полѣ فوكا ; въ текстѣ: فوكا , на полѣ: فوكا и далѣе: فوكا , فوكا , فوكا ; л. 10 обор., Матѡ. 7,27 въ текстѣ فوكا , на полѣ فوكا ; л. 10 обор., Лук. 13,25 въ текстѣ утрачено, на полѣ: فوكا .

Приниски болѣе поздняго происхожденія:

Л. 1, Лук. 12,42 ара къ сир. ܘܢܝܘܢ; σιτομετριον, въ сир. утратилось.—Л. 3 Матѣ. 5,47 въ текстѣ ܘܟܠܘܢܐ, на полѣ ܘܟܠܘܢܐ ܘܟܠܘܢܐ; Матѣ. 6,1 ελιμοσυνiv (sic) къ сир. ܘܟܠܘܢܐ.—Л. 6, Марк. 5,8 εξελθε, въ текстѣ утрачено; далѣе адартолов къ сир. ܘܟܠܘܢܐ.—Л. 8 обор., Иоан. 4,25 εκεινος вѣроятно къ сир. ܘܟܠܘܢܐ (?).—Л. 9, Матѣ. 6,7 ܡܝ (sic) ܒܘܬܘܠܘܟܝܘܬܝܗܘܐ (sic) къ сирійскому ܘܟܠܘܢܐ ܘܟܠܘܢܐ ܘܟܠܘܢܐ.

РУКОПИСЬ № 3.

6 разрозненныхъ листовъ служебнаго Евангелія. Пергамень, 16×10¹/₂ дюйм. размѣромъ, въ 2 столбца, 25 и 26 строкъ на страницѣ, письмо эстрангело VIII в., крупное, но мельче и убѣриствѣ сравнительно съ рукописью № 2; чернила также имѣють черный оттѣнокъ. Листы все порчены; сравнительно лучше сохранились (въ отношеніи къ тексту) листы 2-й и 3-й, но пергамень отъ сырости съежился и чернила поблѣднѣли, отъ 1-го листа осталось не болѣе половины, 5 и 6 въ срединѣ и по бокамъ во многихъ мѣстахъ продырявились. При началѣ чтеній заголовки написаны киноварью, а въ одномъ мѣстѣ, именно на л. 5 (на праздникъ Рождества Христова), золотомъ.

Листы содержать слѣдующія отрывки изъ Евангелій:

Листъ 1: Иоан. 9,16—37 (многое утратилось).

» 2: Иоан. 4,13—30. 3,22—23. 5,2.

» 3: Лук. 3,17—20. 7,18—34.

» 4: Иоан. 6,45—58. Матѣ. 13,53—58. Марк. 6,1—2.

» 5: Лук. 2,20. Матѣ. 2,1—12. Лук. 2,1—5.

» 6: Лук. 2, 6—7. Матѣ. 2,1—12. Лук. 2,21. Матѣ. 1,18—19.

И въ этой рукописи находятсѣ ссылки на греческій оригиналъ и разночтенія, хотя, повидимому, ихъ было меньше, чѣмъ въ вышеперезсмотрѣнныхъ рукописяхъ. На оставшихся листахъ уцѣлѣли слѣдующія приписки:

Л. 1 обор., Иоан. 9,37 εκεινος, въ текстѣ слово утрачено.—Л. 2 обор., Лук. 5,2 πρωτικη къ сир. ܘܟܠܘܢܐ.—Л. 5 обор., Лук. 2,1 αυγουστου къ сир. ܘܟܠܘܢܐ; Лук. 2,2 κυριαιος (sic) къ сир. ܘܟܠܘܢܐ.—Л. 6 обор., Лук. 2,21 въ текстѣ ܘܟܠܘܢܐ, на полѣ ܘܟܠܘܢܐ.

Повидимому все эти приписки современны написанію самаго текста рукописи.

ДРЕВНІЙ ГОРОДЪ АСТУНІНІ (АСТАХАНА).

О. архимандрита Арсенія Клитчяна.

Въ моемъ настоящемъ сообщеніи я скажу нѣсколько словъ объ одномъ географическомъ названіи клинообразной надписи Сарыкамышской (*М. В. Никольскій, Клинообр. надписи Закавказья, № XXI.*) и о названіи одного селенія, имѣющаго несомнѣнное сходство съ названіемъ города сказанной надписи. Имѣя въ виду тотъ интересъ, который представляетъ собою тождественность географическихъ именъ клинообразныхъ надписей съ сохранившимися до нынѣ именами мѣстъ, и описаніе послѣднихъ, позволю себѣ сдѣлать краткое описаніе занимающаго насъ селенія, и, указать на возможную связь между этимъ селеніемъ и мѣстностями клинообразныхъ надписей, находящихся въ Гулиджанѣ и Ганлыджа.

Изъ труда М. В. Никольскаго намъ уже извѣстно, что одинъ изъ могущественныхъ царей Урарту, именно Аргишти, проникнувъ изъ долины Аракса въ долину рѣки Ахурианъ, завоевалъ въ странѣ Етуіні два города, Ahuriani и Astuhini, и воздвигъ въ послѣднемъ крѣпость. Вотъ объ этомъ то Astuhini я и буду говорить.

Имя рѣки Ahuriani, что тождественно съ именемъ города Ahuriani Сарыкамышской надписи, ¹⁾ намъ указываетъ, что городъ Astuhini находился въ области этой рѣки, а потому и остатковъ этого города мы должны искать тамъ, т. е. въ долинѣ Ахуряна или же теперешняго Карсъ-чая.

При чтеніи въ трудѣ М. В. Никольскаго перевода текста Сарыкамышской надписи (№ XXI), меня поразило сходство названія города сказанной надписи Astuhini съ названіемъ мнѣ извѣстнаго селенія Карской, области Шорагяльскаго участка, находящагося почти что при впаденіи Арпачая въ Карсъ-чай. Это названіе жалкаго татарскаго селенія Астахана или Astahana, называвшагося въ старину, когда было населено Армянами, Astehani = Астехани ²⁾.

Теперь я перейду къ описанію Астахана и его окрестностей.

Астахана, какъ уже выше сказано находится близко къ мѣсту соединенія названныхъ рѣкъ, поближе къ Арпачаю, чѣмъ къ Карсъ-чаю.

¹⁾ М. В. Никольскій.—«Клинообразныя надписи Закавказья» стр. 92.

²⁾ Ширакъ Алишана. стр. 2, гдѣ говорится что въ одной надписи монастыря Хоромоса теперешня Астахана называется Астехани.

Вся эта мѣстность довольно возвышенная и представляет собою, собственно говоря, рядъ холмовъ, простирающихся къ сѣверу до долины рѣчки Караханъ-чай. Въ самомъ селеніи находятся слѣдующіе памятники: армянское кладбище, развалины одной церкви, и кой какія развалины другихъ зданій. По поводу этого селенія у Алишана мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія: «тамъ гдѣ соединяется рѣка (Арпачай) съ Ахуріяномъ, находится Астаханъ съ маленькой крѣпостью, которая по расположенію, кажется, не была изъ малозначительныхъ въ старину....»³⁾ Я въ этомъ селеніи былъ лѣтъ 10 тому назадъ, а потому и много подробностей не помню. Кромѣ вышесказанныхъ памятниковъ въ Астаханѣ находится еще одно хорошее зданіе, видимо очень древнее. Оно служитъ для жителей селенія мечетью; но и архитектура его и другіе признаки показываютъ, что это зданіе — ни что иное какъ христіанскій храмъ, превращенный въ магометанскую мечеть.

Мѣстоположеніе Астахана очень живописное. На востокѣ за узкой равниной Арпачая возвышается величественный Арагацъ = Алагязъ. На западѣ долина Ахуряна со своими, какъ пропасть, ущеліями; а на горизонтѣ гора Аладжа. Астахана является предверіемъ въ Александропольскую равнину. Находясь въ такомъ мѣстѣ, онъ представляет собою самый удобный пунктъ для перехода изъ долины Карсъ-чая въ Александропольскую равнину съ юга, и для обороны страны Етіуни отъ непріятельскаго нападенія съ востока.

Выше уже сказано, что Александропольская равнина или долина Арпачая начинается у Астахана, и что, чтобы проникнуть съ юга изъ области Карсъ-чая въ названную равнину, слѣдуетъ только перейти черезъ Арпачай у Астахана. Съ другой стороны намъ извѣстно, что вся эта равнина была завоевана, о чемъ свидѣлствуютъ клинообразныя надписи Ганлыджа и Гулинджанъ, находящихся первый въ 25 и второй въ 13-ти верстахъ отъ Astuhini. Завоеватель Александропольской равнины, чтобы обезпечить за собою завоеванную область, какъ видно, въ нѣкоторыхъ, царящихъ надъ всей равниной, мѣстностяхъ воздвигъ укрѣпленія. Такими пунктами являлись, изъ нихъ пока намъ извѣстные, на сѣверѣ Ганлыджа, и юго-востокѣ Гулинджанъ, а выше Гулинджана Кипчахъ. Дорога изъ Астахана сначала по большой равнинѣ а потомъ верхъ по теченію рѣчки Каркачан-каран-гу, по горному ущелію въ Гулинджанъ, а оттуда въ Кипчахъ, хотя, чѣмъ больше, становится труднѣе, но непродолжительна. Путь въ Ганлыджа еще удобнѣе: Арпачай самъ служитъ дорогою въ названное селеніе.

Ни Ганлыджа, ни Гулинджанъ я не буду описывать: это прекрасно сдѣлано М. В. Никольскимъ, потому и перейду къ Кипчаху. Это маленькое армянское селеніе которое находится на склонѣ Арагаца. Въ этомъ селеніи кромѣ древняго монастыря (XII в.) есть и одна древняя разва-

³⁾ Ширакъ. Стр 13.

ленная крѣпость, выложенная большими камнями. Она находится между двумя ущеліями, которыя въ нѣсколькихъ десяткахъ саженихъ ниже крѣпости соединяются въ одно общее ущеліе противъ сказаннаго монастыря.

Описанные М. В. Никольскимъ, остатки древнихъ крѣпостей, находящихся на мѣстностяхъ, близко лежащихъ къ клинообразнымъ надписямъ, и Кипчакская крѣпость, одной и той же конструкціи,—обстоятельство, допускающее сдѣлать предположеніе о возможности ихъ общаго происхожденія. Эта крѣпость въ старину могла бы имѣть то значеніе и играть ту роль на противоположной сторонѣ Арагаца, какую имѣлъ Амбердская крѣпость на южномъ склонѣ той же горы для внизу лежащей равнины ¹⁾).

Приведа здѣсь, въ этомъ краткомъ очеркѣ, нѣсколько словъ объ этихъ, вышеназванныхъ селеніяхъ, я хотѣлъ лишь указать на возможную связь между ними и Астехани = Астахана. Мнѣ кажется, что послѣ вавоеванія долины Ахуряна т. е. страны Етіопі, переходнымъ мѣстомъ въ сосѣднюю Александропольскую равнину царя Аргишти служилъ имъ уже завоеванный городъ Astuhini. Во всякомъ случаѣ, Astuhini, или же нынѣшній Астахана, по своему мѣстоположенію и своей крѣпостью, не сомненно, игралъ значительную роль въ завоеваніяхъ Аргишти, а потому и подробнѣйшее изслѣдованіе этой мѣстности и вмѣстѣ съ тѣмъ всей долины Карсъ-чая, въ особенности его средняго и нижняго теченія, отъ Карса до впаденія его въ Араксъ, является необходимостью.

Заканчивая мое настоящее сообщеніе, ввиду такого интереса мѣстностей, выражаю надежду, что наша Восточная Комиссія сдѣлаетъ все отъ нея зависящее относительно изслѣдованія области Карсъ-чая.

¹⁾ М. В. Никольскій. Клинообразныя надписи Закавказья. Стр. 78.

„ВОСТОЧНЫЯ ЗАМѢТКИ“,

сборникъ статей и изслѣдованій профессоровъ и преподавателей факультета восточныхъ языковъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета. Санктпетербургъ 1895.

Дѣйствительнаго члена О. Е. Корша¹⁾.

Этотъ великолѣпно изданный сборникъ, содержащій въ себѣ 404 страницы въ большую четвертку и украшенный превосходными снимками, посвященъ парижской *École des langues orientales vivantes* по поводу исполнившагося въ 1895 г. столѣтія со дня ея основанія. Онъ состоитъ изъ 14 статей по разнообразнымъ отдѣламъ востоковѣдѣнія. Для того, чтобы по достоинству оцѣнить это монументальное изданіе, понадобилась бы цѣлая комиссія ученыхъ ориенталистовъ, изъ которыхъ каждый былъ бы въ состояніи взять на себя разборъ, можетъ быть, двухъ статей, — едва-ли болѣе; а единоличная рецензія должна удовольствоваться возможно точной и ясной передачей содержанія. Правда, и такая скромная задача доступна лишь при нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ по части Востока, а они въ той или другой области восточной филологіи могутъ быть у рецензента достаточны для самостоятельнаго сужденія объ отдѣльныхъ частностяхъ излагаемаго; но, если онъ дастъ себѣ полную волю по отношенію къ тому, что ему болѣе или менѣе извѣстно, равномерность въ обзорѣ, которую и безъ того трудно соблюсти, будетъ нарушена такъ рѣзко, что отдѣлы, почти закрытые для такого случайнаго цѣнителя, окажутся, какъ говорятъ нѣмцы, *stiefmütterlich behandelt*.

Сборникъ состоитъ изъ 14 статей, содержаніе которыхъ мы и постараемся передать въ общихъ чертахъ, дополняя свое изложеніе послѣ-

¹⁾ Эта замѣтка была написана еще въ 1896 г., но не попала въ печать своевременно по обстоятельствамъ, не зависившимъ отъ автора. Нѣсколько позже, въ августѣ того-же года, о «Восточныхъ замѣткахъ» появилась довольно обширная статья въ *Göttingische gelehrte Anzeigen* (Nr. VIII S. 638 — 653). Авторъ ея, Францъ Николай Финкъ (Finck), нынѣ профессоръ языковѣдѣнія въ Марбургѣ, долженъ былъ также ограничиться передачей содержанія вошедшихъ въ сборникъ статей, что впрочемъ не помѣшало ему воздать должное учености и остроумію участниковъ. Такъ какъ многое изложено у Финка обстоятельнѣе, чѣмъ здѣсь, его обзоръ служитъ полезнымъ дополненіемъ къ помѣщенному здѣсь докладу, какъ и въ свою очередь можетъ быть пополненъ изъ послѣдняго.

ными объясненіями въ примѣчаніяхъ, рассчитанными по большей части на не-спеціалистовъ.

1) В. П. Васильевъ, Буддизмъ въ полномъ развитіи по винаямъ²⁾ (стр. 1—7).

Винаи всѣхъ школъ, извѣстныя въ китайскомъ переводѣ, сходны между собою по содержанію, потому что ихъ окончательная редакція относится къ тому времени, когда б'икшу³⁾ жили уже не въ лѣсахъ, а въ монастыряхъ, предъявлявшихъ болѣе или менѣе одинаковыя требованія своимъ обитателямъ. Впрочемъ въ основѣ своей всѣ винаи восходятъ, можетъ быть, къ школѣ Махасангиковъ,⁴⁾ такъ какъ во всѣхъ упоминаются б'икшу въ горахъ и лѣсахъ, безъ общежитія. Судя по припискѣ къ китайскому переводу винаи этой школы, исполненному въ началѣ V в. по Р. Х., писанныя винаи въ то время были еще рѣдки. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы ихъ не было вовсе раньше V в. Сложилась виная, по той-же припискѣ, черезъ 28 преемствъ послѣ Будды, по виная Шаньцзянь-пи-по-ша — черезъ 24, а 19-ый преемникъ Будды, Гаята, какъ свидѣлствуютъ китайскіе источники, жилъ во 147 г. по Р. Х.; слѣдовательно возникновеніе винаи относится ко времени лѣтъ черезъ 500 послѣ Будды. Такимъ образомъ дѣйствительный буддизмъ, какимъ онъ намъ извѣстенъ по излагающимъ его книгамъ, не можетъ быть возведенъ къ эпохѣ болѣе ранней, чѣмъ III или IV в. по Р. Х.

2) Н. Я. Марръ, сказаніе о католикосѣ Петрѣ и ученомъ Іоаннѣ Козернѣ (стр. 8—34).

Матѳей Эдесскій, который жилъ послѣ 1136 г., такъ какъ этотъ годъ у него записанъ, считается единственнымъ армянскимъ историкомъ, не пользовавшимся письменными источниками и не компилировавшимъ. Но это мнѣніе держится лишь тѣмъ, что изслѣдователи не подвергали критикѣ внесенныя въ его сочиненіе анокрифы—откровенія, видѣнія, легенды и т. п., къ числу которыхъ относится и «Видѣніе Іоанна Козерна,» жившаго въ X или XI в. Оно распадается на три части, которыя у Матѳея помѣщены врознь, по годамъ упоминаемыхъ въ нихъ событій: 1) водосвященіе, совершенное католикосомъ Петромъ при императорѣ Василіѣ, 2) знаменіе 1023 г. и 3) таковое-же 1037 г. съ толкованіемъ Іоанна. Сказаніе о немъ встрѣчается и помимо исторіи Матѳея, но и эти отдѣльные списки не извлечены изъ нея: наоборотъ — оно вставлено въ нее изъ самостоятельнаго источника. Это видно уже изъ разницы въ языкѣ между исторіей Матѳея и сказаніемъ; такъ Матѳей употребляетъ глаголѣ *մծարել* (мецарел), какъ большинство писателей, въ смыслѣ «почитать,» а въ сказаніи это слово имѣетъ свойственное просторѣчію значеніе «пригла-

²⁾ Виная (санскр. *vinaya*) — руководство, отсюда въ спеціальному значеніи у буддистовъ: уложеніе о духовныхъ обязанностяхъ и обрядахъ, монашескій уставъ.

³⁾ Б'икшу (санскр. *bhikṣu*)—отшельникъ, буддистскій монахъ.

⁴⁾ Магасангика (санскр. *Mahāsāṅghika*) дословно: «великообщинникъ» — буддистская секта.

шать,» что въ языкѣ Матѳея *Συναγραφη* (хравирел). Самая полная рукопись «Видѣнія» — Эчміадзинская 1688 г.; съ нея списана въ 1814 г. та, которая хранится въ Румянцевскомъ Музеѣ, а съ этой въ 1841 г. снята копія, принадлежащая Азіятскому Музею. У Матѳея и его продолжатели была редакція болѣе полная, чѣмъ дошедшая до насъ въ эчміадзинской рукописи, но древнѣйшую представляетъ рукопись, купленная Н. Я. Марромъ для Академіи Наукъ лѣтомъ 1893 г. въ селѣ Гаджи-Халиль на сѣверѣ отъ Алагѣза и находящаяся теперь въ Азіятскомъ Музеѣ (Mss. Arm. Magg № 5). Эта рукопись (первая страница которой приложена въ снимкѣ къ стр. 14) написана въ 1320 г. и содержитъ въ себѣ также другіе памятки.

Въ «Видѣніи» замѣтны слѣды пользованія исторіей Аристакеса Ластивертскаго; слѣдовательно оно позже второй половины XI в. Вѣроятно, оно было составлено въ XII в., во дни переписки Нерсеса Благодатнаго съ Греками, и притомъ—въ одномъ изъ армянскихъ монастырей на Черной Горѣ, послѣ крестоваго похода 1147 г. И такъ Матѳеи писалъ свою исторію послѣ этого года. Впрочемъ возможно, что «Видѣніе,» первая часть котораго встрѣчается не во всѣхъ спискахъ Матѳеевой исторіи, внесено въ нее позже; однако онъ, по всей вѣроятности, зналъ этотъ апокрифъ. Это изслѣдованіе Н. Я. Марра служитъ предисловіемъ къ помѣщеннымъ тутъ-же тексту «Видѣнія» по древнѣйшей рукописи и переводу.

3) В. Д. Смирновъ, Грамота султана Османа II-го семейству іудейки Кире (стр. 35 — 78).

Старыя турецкія грамоты лицамъ, извѣстнымъ изъ исторіи, вообще рѣдки. Два такихъ документа—грамота Махмуда I (1730—1754), дарующая Касбулатъ-ханъ-ибнъ-Шамхалъ-Адилъ-Герай-хану званіе шамхала, и грамота Богдану Хмельницкому 1651 г. — изданы проф. Смирновымъ въ его «Образцовыхъ произведеніяхъ Османской литературы» (С.-Петербургъ 1891). Такова-же грамота, издаваемая имъ теперь. Подлинникъ ея находится въ музеѣ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, а туда онъ попалъ отъ караимскаго хахама Симы Бобовича, который прибрѣлъ его въ Константинополь. Султанъ Османъ II царствовалъ отъ 1618 до 1622 г. То обстоятельство, что грамота вывезена изъ Турціи караимомъ, могло-бы заставить подозрѣвать, что упоминаемая въ ней «Іудейка, по имени Кира» (کیره نام یهودیه), была караимка, по нѣкоторымъ даннымъ свидѣтельствуя въ пользу ея принадлежности къ талмудистамъ. По всей вѣроятности, она была изъ такъ называемыхъ «испаньйоль» (испанскихъ или португальскихъ Евреевъ), которые въ XVI в. были приняты Сулейманомъ I въ Турцію, обогатились тамъ и достигли такого могущества, что напр. португальскій Еврей донъ-Іосифъ Наси прибрѣлъ санъ герцога Наксосскаго. Впрочемъ отъ времени до времени они подвергались въ Турціи преслѣдованіямъ и погромамъ, и, хотя жили во многихъ мѣстахъ имперіи, между прочимъ на островахъ, какъ на Родосѣ, однако напр. въ Трапезунтѣ ихъ не было. Эта Кира, по всѣмъ признакамъ, та самая, которая

пользуется большим почетом у Евреевъ и сверхъ того извѣстна изъ итальянскихъ источниковъ подъ названіемъ *la Chigazza Hebrea*. Евреи считаютъ названіе «Кира» турецкимъ именемъ, а сами зовутъ ее Эсирью⁵⁾. Кира состояла агентомъ султанши валидэ⁶⁾ Сафіе (венетянки Баффа) въ ея политическихъ сношеніяхъ при Мухаммедѣ III. Она была убита во дворцѣ каймакама Халиль-паши, а ея имѣніе поступило въ казну. Въ разбираемой здѣсь грамотѣ, которая была дана ея правнукамъ, упоминается объ ея переходѣ въ исламъ, причемъ она называется «Фатимахатунъ» съ прибавкой употребительныхъ только для мусульманъ арабскихъ выраженій *مرحومه* «покойница» и *رحمة الله عليها* «милосердіе Божіе надъ ней.» Относительно исторической Киры нѣтъ свѣдѣній о томъ, чтобы она приняла мусульманство. Впрочемъ дѣти Киры въ грамотѣ носятъ еврейскія имена, и понятіе «сынъ» выражено при нихъ посредствомъ слова *ولد* (велед), которое примѣняется къ иновѣрцамъ, а не *ابن* (ибн) употребляемомъ съ именами мусульманскими: *ولد موسى وباسف ولد* (sic) *موصى* (=Илія, сынъ Моисея, и Иоасафъ, сынъ Моисея). Въ европейскихъ источникахъ мужъ Киры называется *Elia Chandali*⁷⁾. Грамота, о которой идетъ рѣчь, представляетъ собою тарханный ярлыкъ, освобождающій потомковъ Киры ото «всѣхъ» (*كافة, عامة*) повинностей, которыя и перечисляются. Изслѣдованіе заключается объясненіемъ этого перечня. Затѣмъ слѣдуетъ турецкій текстъ и переводъ, а въ приложеніи къ сборнику — полное facsimile грамоты.

4) В. А. Жуковскій, пѣсни Гератскаго старца (стр. 79 — 114).

«Гератскій старецъ» *بيهرات*, также *بيزنصار*, *بيزنصاري* или просто *انصاري* есть Абдулла Энсари (*عبد الله انصاري*), поэтъ и богословъ, прозванный *شيخ الاسلام* (шейху-ль-исламъ), собиратель и критикъ хадисовъ (священныхъ преданій), жившій въ XI в. По имени извѣстно до 12 его сочиненій, повидимому, богословскаго содержания, особенно о суфизмѣ. Приводимые здѣсь образчики его творчества, 20 газалей и касыдъ (замѣтилъ отъ себя: по большей части превосходныхъ) и прозаическое разсужденіе о тщетѣ міра сего, заимствованы изъ сочиненія, названнаго въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, хотя едва-ли вѣрно, *منازل السائرین* (менāзилу-с-сāирин=стойнки шествующихъ, т. е. къ истинѣ), по тремъ рукописямъ, изъ которыхъ двѣ проф. Жуковскій въ 1890 г. купилъ въ Бухарѣ, третья хранится въ Императорской Публичной Библиотекѣ. Послѣдняя — 1275 г. гиджры⁸⁾; но и первыя двѣ

⁵⁾ На самомъ дѣлѣ «Кира» — совсѣмъ не имя, а ново-греческое нарицательное *kirá* (вмѣсто *kiría*) «госпожа». Отсюда уменьшительное *kirátza*, передаваемое итальянцами черезъ *Chigazza*. «Госпожа» значитъ и турецкое *Хатун* (см. въ текстѣ ниже).

⁶⁾ Валидэ «родительница» — титулъ матери султана.

⁷⁾ Непонятно, какимъ образомъ изъ сообщенныхъ здѣсь данныхъ Финкъ (стр. 643) вывелъ заключеніе, что грамота передаетъ имя мужа Киры согласно съ европейскими извѣстіями. Но нельзя не согласиться съ нимъ въ томъ, что проф. Смирнову вполне удалось одожествить упоминаемую въ грамотѣ Киру съ извѣстнымъ лицомъ того-же имени, какова бы ни была причина отмѣченныхъ противорѣчій.

⁸⁾ Т. е. 1869 по Р. Х.

новы. Кромѣ того онъ пользовался индѣйскимъ изданіемъ 1286 г. гиджры. На Западѣ эти произведенія Энсари въ рукописяхъ не извѣстны. Къ тексту каждаго изъ нихъ, тщательно провѣренному по указаннымъ четыремъ источникамъ, проф. Жуковскій присоединилъ переводъ, очень близкій⁹⁾. Изученіе Энсари важно для критики текста Абу-Саида и Омара Хайяма. Изслѣдованію сочиненій Гератскаго старца проф. Жуковскій посвятилъ особый трудъ, который готовится къ печати.

5) Д. А. Хвольсонъ, Сирійско-тюркскія несторіанскія надгробныя надписи XIII и XIV столѣтій, найденныя въ Семирѣччѣ (стр. 115—129).

Надписи этого рода были изданы и объяснены авторомъ три раза, отчасти при содѣйствіи академика В. В. Радлова для тюркскихъ элементовъ и проф. Ю. Эйтинга въ Страсбургѣ со стороны палеографической. Послѣ этого въ 1894 г. онъ получилъ бумажные снимки съ еще неизданныхъ надписей, числомъ около 330. Изъ нихъ онъ сообщаетъ здѣсь 12 въ фототипическомъ воспроизведеніи и въ транскрипціи обыкновенными сирскими и (для тюркскихъ словъ) арабскими буквами, съ переводомъ и примѣчаніями. Тексту предпослана замѣтка о формѣ такихъ надписей и

⁹⁾ Сомнительна передача послѣдняго стиха второго стихотворенія (стр. 86):

یقین کہ مستی انصاری از رخ ساقیت * که شعرتو سبب مستی حریفان است

«Подлинно, ты упоенъ, Ансари; благодаря ланитомъ Кравчаго стихи твои — причина упоенія пріятелей.» Размѣръ (مجت) показываетъ, что это двустопное слѣдуетъ понижать такъ: несомнѣнно, что упоеніе Энсари происходитъ изъ ланитъ Кравчаго, такъ какъ стихи твои и т. д. — та-же мысль, что у Ахмеда Бурванъ-эд-дина во второмъ стихѣ третьяго туюга (стр. 142): يَارِدَا أَوْزْكََا بَوَّ حَمَارَمَ آيَهَ يَوْخَ И такъ въ обоихъ полустопныхъ существительное مستی «упоеніе» въ формѣ опредѣляемаго.

Едва-ли вѣрно раздѣлены слова въ девятомъ стихѣ того-же стихотворенія:

كفن ببین که به از جامه گشت در پر من * هر او منزل من در ریاض رضوان است

что проф. Жуковскій переводитъ такъ: «посмотри на саванъ, — онъ пришелся мнѣ лучше (всякаго) платья: онъ для меня пребываніе въ райскихъ садахъ Ризвана.» Для того, чтобы устранить недопускаемую размѣромъ долготу на третьемъ мѣстѣ, слѣдуетъ читать هر او منزل و رضوان, и тогда смыслъ второго полустопія будетъ таковъ: «домъ и жилище мое—въ садахъ Ризвана.»

قاف قرب во второмъ стихѣ, вѣроятно, намекаетъ на знаменитый قاف قوسین въ Коранѣ; такъ какъ и это выраженіе обозначаетъ близость и въ то-же время оба содержащіяся въ немъ слова начинаются съ буквы قاف. Если такъ, можно ожидать, что гдѣ-нибудь найдется قافا القرب (قافا القرب) قافین قرب.

Третій стихъ второго стихотворенія даетъ примѣръ рѣдкой формы повелительнаго نگری вм. نگری, которая за то и замѣнена въ двухъ рукописяхъ неумѣстнымъ نگری. Любопытно было бы и لكنъ съ краткимъ первымъ слогомъ въ послѣднемъ стихѣ шестого стихотворенія, если бы не возбуждало подозрѣній по разнымъ причинамъ. Еще невѣроятнѣе краткость послѣдняго слога صوفі тамъ-же въ стихѣ 18-мъ.

Въ шестомъ стихѣ пятаго стихотворенія (стр. 89) вмѣсто تب الله слѣдуетъ чигать (и переводить) تبع لله, такъ какъ здѣсь رمل состоитъ изъ неизмѣняемыхъ فاعلاتن (безъ сокращенія въ فعلاتن).

Въ началѣ второй половины третьяго стиха третьяго стихотворенія (روزی), вѣроятно, испорчено: связь мыслей заставляетъ ожидать чего-нибудь въ родѣ در خور.

Въ прозаическомъ текстѣ очень остроумно исправленіе неумѣстнаго شورویتم въ حود و نعیم (стр. 111).

ломъ въ видѣ **بِنَوْنٍ** «я есмь»¹³⁾. Лондонская рукопись (оконченная въ 796 г. гиджры = 1393 по Р. X.) дастъ почти полную вокализацию. Здѣсь изъ нея извлечено и переведено 20 **رباعي** и 12 **تويوغ**, почти всѣ эротическаго содержанія.

7) Баронъ В. Р. Розень, Къ вопросу объ арабскихъ переводахъ Худай-Наме (стр. 153—191).

Въ антологіи ал-Джâхиза **كتاب المحاسن والاضداد** (Книга похвальныхъ примѣровъ и противоположныхъ имъ), въ главѣ **محاسن وفاء النساء** (похвальные примѣры женской вѣрности) есть рассказъ, переданный словами ал-Кисравія. Текстъ этого рассказа напечатанъ здѣсь по Лейденской рукописи (cod. 1012) съ вариантами изъ рукописей Вѣнской (№ 356 по каталогу Флюгеля) и Азіатскаго Музея (№ 755) и сопровождается переводомъ. Суть рассказа заключается въ соперничествѣ двухъ женъ Балаша (**بالش**), сына Фирузова, изъ которыхъ одна — взятая имъ съ боя индійская царица, а другая — дочь его конюха; каждая изъ нихъ для того, чтобы уничтожить соперницу во мнѣніи Балаша, рассказываетъ по баснѣ: дочь конюха — о лисицѣ и царѣ птицъ, царица — о воронѣ и голубѣ. Къ этимъ баснямъ С. Ф. Ольденбургъ прискалъ индійскія параллели, а именно къ первой—семь, ко второй—четыре. Ал-Джâхизъ жилъ въ IX в., къ которому слѣдуетъ отнести и ал-Кисравія, если онъ, какъ предполагаетъ и Нельдеке, тождественъ съ Муса-ибн-Йса, котораго упоминаетъ Хамза Исерачанскій. Нельдеке замѣтилъ, что намекъ на этотъ рассказъ есть и въ персидской компіляціи XII в. **مجملة التاريخ** (краткій сводъ историческихъ событій), причемъ авторъ говоритъ, что онъ прочелъ его въ **سير الملوك** (жизнеописаніи царей). Хамза называетъ нѣсколько арабскихъ передѣлокъ Худай-наме (книги государей) но не ал-Кисравія, котораго упоминаетъ лишь по поводу хронологіи персидскихъ царей. Однако не слѣдуетъ упускать изъ-виду то, что, говоря о восьми сочиненіяхъ, онъ называетъ только семь. Вѣроятно, имя ал-Кисравія опущено въ этомъ спискѣ источниковъ переписчикомъ. Это предположеніе подтверждается тѣмъ, что въ «краткомъ сводѣ» авторъ котораго широко пользовался

¹³⁾ Изъ сопоставленныхъ въ текстѣ признаковъ **خ** вмѣсто **ق** не позволяемъ отождествлять это нарѣчіе съ османскимъ и приближаетъ его къ азербайджанскому, а не связываетъ его съ османскимъ и отдѣляетъ отъ азербайджанскаго, въ которомъ это мѣстоименіе звучитъ **من** (ман). И такъ языкъ Бурванъ-эд-Дина принадлежитъ къ группѣ промежуточныхъ нарѣчій, которыми говорятъ мало-азійскіе Турки, называемые Османами «Караманлы.» Но какъ словарь, такъ и дѣпричастія на **— بیان**, до сихъ поръ очень употребительныя въ письменности азербайджанскихъ Турокъ, заставляютъ, кажется, предполагать въ этомъ нарѣчій нѣсколько большую близость къ азербайджанскому, чѣмъ къ османскому. Первое лице настоящаго (настояще-будущаго) Бурванъ-эд-динъ образуетъ также не по-османски, а по азербайджански: **سوارم** (т. е. саварам), **كودورم** (хотя его **سوارم** по значенію равно скорѣе османскому северим, чѣмъ нынѣшнему азербайджанскому саварам, которое относится только къ будущему). Область азербайджанскаго нарѣчія простиралась тогда, можетъ быть, далѣе на западъ, нежели теперь.

сочиненіемъ Хамзы, между источниками этого историка названъ нѣкто ...ک.عيسى بن موسى (Mûsa бну 'Йса ал-К...), а въ томъ отдѣлѣ Фигриста, гдѣ перечисляются писатели по персидской исторіи, тѣ-же, что у Хамзы, и на томъ-же мѣстѣ, гдѣ въ «Краткомъ сводѣ» сохранилась лишь приведенная выше часть имени, значится موسى بن عيسى الكردي (Mûsa бну 'Йса ал-Крдî), что Нельдеке считаетъ искаженіемъ имени ал-Кисравія. Если такъ, «жизнеописаніе царей» есть Худâй-намэ въ арабской передѣлкѣ ал-Кисравія. Слѣдовательно, въ сочиненіи ал-Кисравія находились извѣстія, не встрѣчающіяся въ другихъ арабскихъ книгахъ подобнаго содержанія, и притомъ эти извѣстія носили на себѣ слѣды индійскаго, именно буддійскаго вліянія. Таковъ у ал-Джâхиза разсказъ о Ширимѣ, женѣ Кисры Парвиза, одурачившей женоненавистника мобеда (старшину маговъ) при помощи красивой невольницы, которая проѣхалась на немъ верхомъ. Списокъ персидскихъ царей, дошедшій до насъ отъ ал-Кисравія, фантастиченъ вслѣдствіе усвоенной имъ себѣ теоріи, по которой онъ предполагалъ въ своемъ подлинникѣ пропуски царей, носившихъ имена, одинакія съ нѣкоторыми изъ названныхъ. И такъ онъ не просто переводилъ, а передѣлывалъ Худâй-намэ, отчасти пользуясь другими источниками. Хамза, указывая на свои источники, употребляетъ слѣдующія выраженія: 1) من نقل (по переводу) такого-то, 2) من نقل او جمع (по переводу или своду, т. е. по дополненному переводу) такого-то, 3) من اصلاح (по редакціи), что онъ примѣняетъ къ книгѣ мобеда Бехрама (بهرام ابن مردانشاه), содержащей въ себѣ текстъ по 20 слишкомъ спискамъ. Трудъ ал-Кисравія Хамза долженъ былъ отнести или ко второй, или къ третьей категоріи,—вѣроятно, къ послѣдней. Судя по замѣчаемымъ у ал-Кисравія индійскимъ элементамъ, можно думать, что именно онъ разумѣется подъ названіемъ Μοῦσοῦ ὁ Πέρσης, которому въ греческомъ переводѣ Синдбада приписанъ арабскій подлинникъ этой книги. Возможно, что и Шâhnâmэ Фирдоусія восходитъ къ арабскимъ передѣлкамъ Худâй-намэ или къ основанному на нихъ Шâhnâmэ Абу-'али-ал-балхія, упоминаемому у ал-Бирунія.

8) П. К. Коковцовъ, изъ «Книги бесѣды и упоминанія» (Китâбъ ал-Мухâдара ва 'л-Музâкара)¹⁴⁾ Моисея Ибнъ-Эзры (стр. 193-220).

¹⁴⁾ Смысль этого заглавія, кажется, таковъ: «книга внезапныхъ мыслей и извлекаемыхъ изъ памяти свѣдѣній». Ср. начало сочиненія (переписываемое здѣсь арабскими буквами): مقالة تنصن المحاضرة والذاكرة وفيها نكت من امور الشعر والشعراء ونبت من صنعة: «Бесѣда, заключающая въ себѣ внезапныя мысли и воспоминанія, въ составъ которыхъ входятъ главныя свѣдѣнія о стихотворствѣ и стихотворцахъ, отрывки о теоріи витійства и витіяхъ, отдѣльныя черты изъ достопримѣчательной науки и жизни достопримѣчательныхъ ученыхъ, свидѣтельства изъ словъ религіозныхъ и другихъ авторитетовъ» и т. д. Указанное здѣсь содержаніе «воспоминаній» ясно опредѣляетъ тотъ смыслъ, который придавался этому слову авторомъ. Если бы Моисей бенъ Эзра писалъ на одномъ изъ новыхъ европейскихъ языковъ, то мысль, которую онъ разумѣлъ въ своемъ заглавіи, была бы имъ выражена проще, и можетъ быть, онъ назвалъ бы свою книгу такъ-же, какъ князь Д. Цертелевъ свои статьи въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» за 1895 г., «Мысли и факты».

Моисей ибнъ-Эзра, родомъ Еврей изъ Гранады, жилъ въ XII в. и приобрѣлъ громадную славу своими стихотвореніями. «Книга бесѣды» известна до сихъ поръ лишь по отрывкамъ, изданнымъ Гиршфельдомъ, Штейншнейдеромъ, Гейгеромъ и др. Она представляетъ собою курсъ, хотя не систематическій, исторіи еврейской литературы X—XII в. и еврейской риторики и піитики (съ преобладаніемъ послѣдней), причемъ изложеніе пересыпано цитатами изъ еврейскихъ, арабскихъ и христіанскихъ писателей. Полная рукопись этого сочиненія хранится въ Оксфордской Bibliotheca Bodleiana, четыре неполныхъ изъ второго собранія Фирковича, содержащихъ въ себѣ вмѣстѣ около $\frac{3}{4}$ всего текста, находятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Предпринявъ полное изданіе этого важнаго сочиненія, П. К. Коковцовъ даетъ здѣсь его начало — введеніе и четыре первыя главы въ подлинникѣ, написанномъ по-арабски еврейскими буквами. Текстъ, изданный преимущественно по петербургскимъ рукописямъ, сопровождается критическимъ аппаратомъ, но не переводомъ, который замѣненъ пересказомъ содержанія во введеніи издателя. Общая мысль этихъ главъ состоитъ въ примѣненіи арабской науки къ еврейской поэзіи.

9) Н. Я. Марръ, Грузинскій изводъ сказки о трехъ остроумныхъ братьяхъ изъ «Русуданіани» (стр. 221—259).

Этотъ разсказъ изданъ здѣсь впервые, но мотивъ его былъ извѣстенъ раньше изъ литературы другихъ народовъ, между прочимъ изъ армянской.¹⁵⁾ Книга о Русуданѣ представляетъ собою сборникъ изъ двѣнадцати сказокъ, вставленныхъ въ романическое повѣствованіе: двѣнадцать братьевъ Русуданы, тоскующей въ разлукѣ съ мужемъ Манучаромъ и дѣтьми, Роадамой и Придономъ, развлекаютъ ее разсказами. Вездѣ проглядываетъ любовь автора къ вѣрѣ и народности и его склонность къ морали. Разсказы по происхожденію несамостоятельны, какъ впрочемъ вся грузинская литература, хотя въ ней встрѣчаются черты народныя. Эти отдѣльныя проявленія народности при господствующей подражательности тѣмъ менѣе удивительны, что у Грузинъ, какъ и у Армянъ (народовъ «братскихъ по крови, а первоначально и по языку, какъ мы надѣемся доказать въ недалекомъ будущемъ» стр. 227—228), нѣкогда былъ эпосъ, отраженіемъ котораго въ искусственной грузинской литературѣ представляется знаменитая поэма Шофы Руставели, хотя по содержанію и техникѣ она находится въ зависимости отъ персидскихъ образцовъ. Въ Русуданіани незамѣтно вліянія народнаго эпоса. Христіанскія и народническія тенденціи, какъ и мораль, чужды классическому періоду грузинской литературы, приходящемуся на XII в., но характеристичны для позднѣйшаго ея періода, совпадающаго съ утвержденіемъ Сефевидовъ на персидскомъ престолѣ въ XVI в. Принадлежность Русуданіани ко второму періоду доказывается и языкомъ, напыщеннымъ, но несвободнымъ отъ

¹⁵⁾ Нѣкоторые образчики проникательности и находчивости братьевъ напоминаютъ существующую въ нѣсколькихъ изводахъ средне-греческую поэму о мудромъ старцѣ.

вульгаризмовъ и содержащимъ въ себѣ такія персидскія слова, которыя въ памятникахъ старинной грузинской письменности не встрѣчаются. О томъ-же свидѣтельствуютъ и культурные признаки, каковы ружье и часы со звономъ. Совокупность всѣхъ этихъ данныхъ заставляетъ отнести Русуданіани къ XVII в. и даже къ концу этого столѣтія. Сказка о трехъ братьяхъ, одиннадцатая по мѣсту въ сборникѣ, издана здѣсь на основаніи двухъ рукописей, изъ которыхъ одна находится въ Императорской Публичной Библиотекѣ (Собраніе кн. Грузинскаго 72)¹⁶⁾, другая—въ Азіатскомъ Музеѣ (Georg. 62). Первая, писанная азбукой мхедрули («военной»), безъ года, относится, судя по бумагѣ и особенностямъ письма, къ концу XVII в. или къ началу XVIII, а вторая списана съ нея-же. Обѣ даютъ полный текстъ Русуданіани, который вообще рѣдокъ; гораздо больше списковъ отдѣльныхъ сказокъ этого сборника, но будущій издатель всего Русуданіани долженъ будетъ обратить вниманіе и на такія отрывочныя рукописи. Кромѣ текста съ критическимъ аппаратомъ здѣсь помѣщенъ полный переводъ сказки¹⁷⁾. Содержаніе ея состоитъ въ томъ, что трое диламскихъ царевичей въ дѣтствѣ изгнанные врагами изъ родного края, своей находчивостью и сообразительностью обращаютъ на себя вниманіе брата Русуданы, царевича Ростевана, который рассказываетъ ей ихъ походы, потомъ, будучи представленъ Ростеваномъ хазарскому царю Насру, поражаютъ и его своими дарованіями, женятся на его дочеряхъ и съ его помощью возвращаютъ себѣ свое царство.

10) А. О. Ивановскій, Тибетскій текстъ въ маньчжурской транскрипціи (стр. 261 — 268).

Такъ какъ тибетская азбука ведетъ свое происхожденіе изъ Индіи, западные ученые произносятъ тибетскія буквы по-санскритски; но русскіе держатся выговора пекинскихъ ламъ, сходнаго съ произношеніемъ ламъ монгольскихъ. Образчикъ чтенія пекинскихъ ламъ представляетъ небольшое китайское изданіе,¹⁸⁾ находящееся въ библиотекѣ С.-Петербургскаго университета (Хул. Q. 727). Оно заключаетъ въ себѣ тибетскій переводъ санскритскаго сочиненія Prajñāpāramitāhṛdaya (существенныя правила къ достиженію совершенной мудрости) съ маньчжурской транскрипціей и съ сокращеннымъ переводомъ на языки маньчжурской и китайской. Переводы здѣсь опущены, потому что это сочиненіе извѣстно, а тибетскій текстъ въ обѣихъ его передачахъ помѣщенъ на трехъ таблицахъ, приложенныхъ къ тексту изслѣдованія, и сверхъ того поясненъ русской транскрипціей. Въ маньчжурской транскрипціи ч и чж со смягченіемъ, какъ и передъ і, по мнѣнію проф. Ивановскаго, не слѣдуетъ читать согласно съ выговоромъ самихъ Маньчжуръ, какъ ц и дз. Къ рус-

¹⁶⁾ А не 27, какъ у Финка.

¹⁷⁾ По этому поводу Н. Я. Марръ объясняетъ начала, которыми онъ руководился при переводѣ. Эти начала въ большей или меньшей степени примѣнимы къ переводамъ съ любого языка, но особенно заслуживаютъ вниманіе переводчика съ языковъ восточныхъ, представляющихъ культуру и міровоззрѣніе, отличныя отъ европейскихъ.

¹⁸⁾ А не рукопись, за каковую принялъ это произведеніе Финкъ.

ской транскрипціи приложенъ обстоятельный обзоръ соотвѣтствія отдѣльныхъ буквъ и ихъ сочетаній въ тибетскомъ и въ манчжурскомъ выраженіи однихъ и тѣхъ-же звуковъ. Произношеніе, представляемое этимъ текстомъ, въ общемъ близко къ тому, которое принято у насъ. Нѣсколько странна передача *лј* посредствомъ *дзр* (тиб. смјас-па = манчж. дэраі-ба),¹⁹⁾ вмѣсто обычнаго *лр*, но она не безпримѣрна.

11) К. Г. Залеманъ, Шугнанскій словарь Д. Л. Иванова (269—320).

Для этимологическаго объясненія иранскихъ языковъ недостаточно сравненіе авестійскаго и древне-персидскаго съ новоперсидскимъ, въ которомъ письменное нарѣчіе подчинило своему вліянію прочія. И такъ между нелитературными нарѣчіями наиболѣе важны для лингвиста тѣ, которыя наименѣе подверглись этому вліянію. Изъ нихъ позже другихъ привлекли къ себѣ вниманіе изслѣдователей нарѣчія такъ называемыхъ Галча (غلچہ), самыхъ восточныхъ иранскихъ племенъ, живущихъ въ горахъ у верховьевъ Аму-Дарьи. Изученіе этихъ нарѣчій находится еще далеко не въ удовлетворительномъ состояніи, потому что въ экспедиціяхъ на Памиры обыкновенно не участвовали лингвисты. Первый далъ понятіе о нарѣчіяхъ Галча Англичанинъ Шау (Shaw), труды котораго о нарѣчіяхъ ваханскомъ, сарыкольскомъ, шугнанскомъ, сангличскомъ и минджанскомъ вышли въ 1876 и 1877 годахъ. Главнымъ образомъ на его данныхъ основано изслѣдованіе Томашка о памирскихъ нарѣчіяхъ, составляющее вторую часть его *Centralasiatische Studien* (1880). Наши путешественники, начиная съ 1870 г., собрали матеріалы по нарѣчіямъ ягнобскому (въ особенности), шугнанскому (одинъ Ивановъ), ваханскому и кунджутскому, котораго происхожденіе впрочемъ не выяснено. Словарь Д. Л. Иванова находится въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ. Слова расположены группами по значенію: человѣкъ, тѣло человѣка, пища и т. п., существительныя, прилагательныя, мѣстоименія и т. д. К. Г. Залеманъ привелъ этотъ матеріалъ въ азбучный порядокъ по соотвѣтствующимъ ново-персидскимъ словамъ: «آبъ вода хатць... آتشъ огонь іяць, іотць... آخه خانه конюшня ахта хона» и т. д., прибавивъ транскрипцію Шау и Геварда (Hayward, составившаго словаря нарѣчій дардистанскаго, ваханскаго, шугнанскаго и рошнанскаго), но первую по переводѣ на шагреновскую азбуку. За словаремъ слѣдуетъ опытъ грамматики²⁰⁾.

¹⁹⁾ Тибетскому языку свойственны сочетанія нѣсколькихъ согласныхъ въ началѣ слога, неудобныя для выговора, но при чтеніи упрощаемыя даже до одного звука, который часто не совпадаетъ ни съ одной изъ написанныхъ буквъ. Монгольскія грамматики даютъ особыя правила для произношенія этихъ сочетаній въ тибетскихъ именахъ и словахъ, употребляемыхъ Монголами.

²⁰⁾ Какъ извѣстно, академикъ Залеманъ отправился въ началѣ Мая 1897 г. въ Шугнанъ и Рошанъ, но на пути переломилъ себѣ ногу, вслѣдствіе чего онъ былъ вынужденъ ограничить свое путешествіе Маргеланомъ, гдѣ ему пришлось пролежать около мѣсяца, Ошнемъ, Самаркандомъ и Бухарой. «Но (по словамъ отчета Академіи Наукъ, читаннаго въ публичномъ засѣданіи 29 Декабря 1897 г.) тѣмъ не менѣе ему удалось исполнить главную задачу поѣздки—изученія шугнанскаго нарѣчія. Съ по-

12) Н. И. Веселовскій, Памятникъ Ходжи Ахрара въ Самаркандѣ (стр. 321 — 335).

Искусство въ Туркестанѣ, особенно въ Самаркандѣ, стояло высоко при Тимурѣ; но теперь, когда въ этихъ краяхъ царятъ невѣжество и безсодержательное ханжество, не только не возникаютъ новые памятники, но и старые не хранятся. За деньги тамъ можно добыть любое произведение старины, чему доказательствомъ служитъ покупка древняго корана изъ мечети Ходжи-Ахрара. Подлинное имя этого святого — Ходжа Насир-единъ Убей-даллахъ. Онъ былъ настоятелемъ дервишей Накшибендіевъ въ XV в. Преданія о немъ сохранились до нашихъ дней. Онъ погребенъ при медресе, построение котораго приписывается ему, но безо всякаго основанія, такъ какъ это зданіе относится къ болѣе позднему времени. Могила его находится на дахмѣ, облицованной мраморными плитами, и обозначена стоячей мраморной плитой и водруженнымъ при ней бунчукомъ. Кругомъ дахмы погребены родственники Ахрара, дальше — посторонніе (рисунокъ могилы въ текстѣ и на таблицѣ). Надгробная плита въ три слишкомъ аршина высоты и больше аршина въ ширину. По срединѣ ея панегирическая надпись на арабскомъ языкѣ въ прозѣ, затѣмъ на персидскомъ въ стихахъ, по бокамъ также прозаическая арабская, въ которой говорится, что Ходжа-Ахраръ родился въ мѣсяцѣ Рамазанѣ, когда былъ ниспосланъ Коранъ, и это совпаденіе знаменательно для Ахрара, такъ какъ къ нему примѣняется цифровое значеніе упоминаемой въ сурѣ *ليلة القدر* (ночи предопредѣленія, или сошествія Корана) = 805, что есть годъ его рожденія, и послѣднія ея слова *هي حتى مطلع الفجر* (она вплоть до разсвѣта), т. е. какъ число (безъ Т), 895 — годъ его смерти, изъ чего

мощью отысканныхъ въ г. Ошѣ горцевъ академикъ К. Г. Залеманъ сличилъ и провѣрилъ всѣ прежнія свѣдѣнія о шугнанскомъ языкѣ, опредѣлилъ звуковой составъ его, могъ собрать переводные и оригинальные тексты и достаточно матеріаловъ для составленія грамматики и разъясненія темныхъ пунктовъ ея» (стр. 16). Желательно было бы и опредѣленіе того тюркскаго нарѣчія, изъ котораго довольно много словъ вошло въ шугнанскій языкъ. Изъ нихъ въ матеріалахъ Д. Л. Иванова особенно любопытно *читтыкъ* «ситцевый» (при тюркскомъ-же *чапанъ* «халатъ»): изъ Тюрковъ на Памирахъ извѣстны Киргизы, но у Киргизовъ это слово звучитъ *читты* или *шитты*, а *читтыкъ* возможно было бы, кажется, только въ нарѣчіяхъ Шорцевъ (или Кондомцевъ) и Черневыхъ Татаръ (или Туба), живущихъ на Алтаѣ. Впрочемъ не слѣдуетъ преувеличивать значеніе *тт* вмѣсто *тл* для опредѣленія принадлежности даннаго нарѣчія къ той или другой группѣ, такъ какъ это уподобленіе встрѣчается, помимо указанныхъ нарѣчій и абаканскихъ, также въ одномъ изъ западныхъ, именно въ азербайджанскомъ *атты* конный, *атпанлахъ* ѣздитъ верхомъ *бад заттыу* дрянн, пустяки и т. п.). Соединеніе *читтыкъ чапанъ* «ситцевый халатъ» любопытно въ синтаксическомъ отношеніи: насколько извѣстно, всѣ тюрки замѣняютъ прилагательныя, выражающія матеріалъ, изъ котораго сдѣланъ опредѣляемый ими предметъ, соответствующими существительными: *чит чапанъ*. О распредѣленіи тюркскихъ языковъ и ихъ вліяніи другъ на друга смотри теперь W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge (1897). Не окажутся-ли на Памирахъ между такъ называемыми Киргизами какіе-нибудь остатки восточно-тюркскаго племени, хотя-бы уже подвергшіеся вліянію племени сѣверной группы?

слѣдуетъ, что вся его жизнь была подобна ночи предопредѣленія. Есть надпись и на медресе, въ персидскихъ стихахъ, съ хронограммой *محل فیض یردان* (мѣсто милости Божіей) = 1040 = 10 Августа 1630—23 Іюля 1631 г. Приложены снимки съ этихъ надписей.

13) С. О. Ольденбургъ, *Замѣтки о буддйскомъ искусствѣ* (стр. 337—365).

Эта статья состоитъ изъ двухъ отдѣловъ. I Изображенія 1) въ ступѣ *Bharhut*, 2) въ пещерахъ *Ajanta* и 3) въ храмѣ *Вого Voedoe*. Въ буддйскихъ религіозныхъ сооруженіяхъ предметы изображеній бывають часто заимствованы изъ джатакъ,²¹⁾ иногда даже съ упоминаніемъ источника, причѣмъ обнаруживается, что древнѣйшія джатаки были не палійскія, а санскритскія, и въ нихъ древнѣйшія части—стихотворныя. 1) *Bharhut* есть древнѣйшая буддйская стѣпа,²²⁾ такъ какъ построена въ III, если не во II в. до Р. Х. Барельефовъ съ относящимися къ нимъ джатаками въ ней 50. Проф. Ольденбургъ перечисляетъ эти джатаки и передаетъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, отчасти въ полномъ переводѣ. Эта стѣпа извѣстна по изданію Гюльча (*Hulzsch*) *Bharhut Inscriptions*. 2) Пещеры *Ajanta* описаны Бёрджессомъ, но полного изданія находящихся въ нихъ изображеній и надписей нѣтъ. Въ этихъ пещерахъ 12 барельефовъ изъ джатакъ, которыя здѣсь перечисляются. 3) Изображенія въ храмѣ *Вого Voedoe* изданы въ Лейденѣ по рисункамъ Вильсена; храмъ заключаетъ въ себѣ около 140 рисунковъ, относящихся, повидимому, къ 34 джатакамъ. II «Хотанскія бронзы изъ собранія Н. О. Петровскаго.» Памятники индйскаго искусства мало извѣстны въ Европѣ. Изъ описанныхъ здѣсь статуэтокъ три представляютъ Будду, двѣ — Авалокитешвару (судя по другимъ его изображеніямъ, а не Майтрею, какъ опредѣлили бы ее Грюнведель по сосуду съ *amṛta*²³⁾ въ лѣвой рукѣ, одна—Сиву. Снимки со статуэтокъ приложены на особой таблицѣ.

14) А. М. Позднѣвъ, *Новооткрытый памятникъ монгольской письменности временъ династіи Минъ* (стр. 367 — 387). Намъ лучше извѣстна древнѣйшая литература Монголовъ, чѣмъ позднѣйшая. По сказанію въ монгольской исторической рукописи «*Алтанъ-тобчи*,» Монголы, до принятія уйгурскихъ письменъ въ 1204 г., пользовались письмомъ китайскимъ.²⁴⁾

²¹⁾ Джатакамъ «рожденіе». Такъ называются преданія о 550 рожденіяхъ Будды, предшествовавшихъ тому, при которомъ онъ явился въ видѣ Будды.

²²⁾ Храмъ. — ²³⁾ Амбросія.

²⁴⁾ Такую рукопись показывалъ мнѣ самъ профессоръ Позднѣвъ. Чрезвычайно любопытно, что въ ней чуть-ли не послѣдовательно проведенъ звуковой законъ западно-монгольскаго (калмыцкаго) нарѣчія, охватившій теперь впрочемъ, повидимому, всю территорію монгольскаго языка: задне-небные (и, вѣроятно, передне-небные) придумные звуки между гласными въ ней опущены и образованшееся такимъ путемъ званіе устранено посредствомъ сліянія гласныхъ (какъ *xān* изъ *хазан*). Въ предисловіи къ «Сказанію о хожденіи въ Тибетскую страну Мало-добрѣтскаго Бѣза-бакши» (С.-П. 1897) стр. XVI проф. Позднѣвъ, вѣроятно, на основаніи древности такого стяженія, о формахъ съ этими звуками между гласными говорить «Извѣстно, что въ древне-калмыцкой письменности, какъ и въ монгольской, мы постоянно встрѣчаемъ слова, долгая гласная которыхъ выражается даже тѣрымъ придыханіемъ.» Ины-

Монгольская письменность процвѣтала въ XIII и въ XIV в., а въ XV падаетъ вмѣстѣ съ буддизмомъ. Впрочемъ въ Китаѣ изученіе монгольскаго языка продолжалось. Съ XVII в. письменность, какъ и буддизмъ, возрождается въ южной Монголіи. И такъ не Европейцы виноваты въ томъ, что за XV и XVI в., до воцаренія маньчжурской династіи, ничего не знаютъ о монгольской литературѣ. Понятно любопытство автора, когда въ 1893 г. во время своего пребыванія въ Пекинѣ онъ услышалъ, что у одного ламы есть грамота эпохи династіи Минъ. Онъ немедленно купилъ ее. Грамота оказалась письмомъ тѣмetskаго Алтанъ-хана къ китайскому императору при отсылкѣ дани въ 1580 г., написаннымъ на 8 листахъ тибетской бумаги съ соединительными полосами изъ различныхъ шелковыхъ тканей, въ 3 аршина 3 вершка длины и $\frac{1}{2}$ аршина ширины. Текстъ письма—китайскій съ монгольскимъ переводомъ. Первый написанъ безграмотно, второй, въ которомъ около $\frac{1}{4}$ словъ просто переписано монгольскими буквами, исполненъ механически, по первому значенію каждаго слова въ китайско-монгольскомъ словарѣ, безъ конструкціи и различенія частей рѣчи, въ тѣхъ самыхъ грамматическихъ формахъ, въ какихъ монгольскія слова приняты въ словарь правленія Хунъ-ву. Что переводчикъ пользовался именно имъ, видно также изъ замѣны перевода недостающихъ въ этомъ словарѣ словъ одною транскрипціей. Что переводчикъ былъ Китаецъ, можно заключить изъ написанія *олон* вмѣсто *орон* «мѣсто» (гдѣ впрочемъ слѣдовало употребить *жерген* «степень»). Дань состоитъ изъ 500 лошадей отъ «вана» Яньды, т. е. Алтанъ-хана (30 лошадей, золотыя съ насѣчкой сѣдло и узда, золотой садакъ, лукъ и 15 стрѣлъ въ Пекинъ, а 470 лошадей должны остаться на границѣ) и 200 отъ сыновей и внуковъ его старшаго брата въ Ордосѣ (20 въ Пекинъ, 180 на границу). Далѣе слѣдуютъ просьбы Алтанъ-хана о подаркахъ его подданнымъ, поздравляющимъ его съ ванствомъ, и о пожалованіи званіями служившихъ при оборонѣ границы людей. Къ письму приложена карта пути посольства съ рисунками мѣстъ и человѣческихъ фигуръ (она воспроизведена въ приложеніи). Миѣніе объ упадкѣ письменности у Монголовъ въ эту эпоху вполнѣ подтверждается новооткрытымъ памятникомъ: Алтанъ-ханъ не могъ найти грамотнаго Монгола.

Текстъ тома заключается указателемъ собственныхъ именъ, составленнымъ Александрой Алексѣвной Марръ и Марьей Алексѣвной Жу-

ми словами: онъ считаетъ написаніе *вос. + ү + вос.* графическимъ приѣмомъ для выраженія долготы гласной, какъ въ древнѣйшемъ латинскомъ письмѣ (по образцу другихъ италійцевъ) *Ahala, vehemens* вмѣсто *Ala, vemens*. Будемъ надѣяться, что намъ почтенный монголистъ не ограничится этимъ замѣчаніемъ, значеніе котораго не всякій, можетъ быть, и оцѣнить. Развитіе и обоснованіе его теоріи было бы тѣмъ болѣе желательнымъ, что слова такого звуковаго состава въ языкахъ тюркскихъ и маньчжурскомъ, общія съ монгольскимъ (большею частію вслѣдствіе заимствованія) являются, по крайней мѣрѣ, первоначально съ *вос. + ү + вос.* или (*у* Тюрковъ) съ *вос. + вос.*, хотя впослѣдствіи иногда также стягиваются (*qatān—qaan—qān*) или теряютъ вторую гласную, сохраняя однако спорную согласную (др.-монг. *kerēcün*, поздн. *kerēsün*—ногайское *kerēcün*).

ковской. Въ концѣ приложеніе изъ упомянутыхъ выше двухъ таблицъ. Уже изъ этого краткаго изложенія видно, что всякій оріенталистъ найдетъ для себя въ «Восточныхъ Замѣткахъ» немало поучительнаго. Само собою разумѣется, что специалистъ въ одной области востоковѣдѣнія вынесетъ изъ этого сборника больше, чѣмъ разрабатывающій другую отрасль этого огромнаго отдѣла филологіи: не у каждаго изъ участниковъ такого многоличнаго труда, всегда срочнаго, окажется къ назначенному времени готовое сочиненіе, равное по интересу вкладамъ тѣхъ изъ его товарищей, которые на сей разъ находились въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ; но съ другой стороны несомнѣнно, что всѣ статьи, вошедшія въ это роскошное изданіе, по важности-ли результатовъ изслѣдованія или по новости и достоинству данныхъ, займутъ подобающее имъ мѣсто въ наукѣ. Отрадное впечатлѣніе производитъ и самое чувство, внушившее мысль о составленіи такого сборника, эта pietas по отношенію къ старшему собрату, особенно когда свидѣтельствующій о ней даръ исходитъ отъ учрежденія, давно успѣвшаго завоевать себѣ общее уваженіе всѣхъ тѣхъ, кого такъ или иначе привлекаетъ къ себѣ неисчерпаемый Востокъ, который постепенно все болѣе раскрываетъ передъ нами свои вѣковыя тайны, но какъ будто лишь для того, чтобы одну разрѣшенную загадку замѣнить десяткомъ другихъ, ошеломляющихъ изслѣдователя своею неожиданностью.

О НѢКОТОРЫХЪ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ НАЗВАНІЯХЪ ДРЕВНЕЙ АРМЕНІИ
ВЪ СВЯЗИ СЪ ДАННЫМИ ВАНСКИХЪ НАДПИСЕЙ.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА Г. А. ХАЛАТЪЯНЦА.

Изученіе географическихъ названій Арменіи эпохи Урарту несомненно представляетъ огромный интересъ для археологій и исторіи Передней Азіи. Оно можетъ освѣтить многое изъ минувшихъ судебъ народа, оставившаго по себѣ любопытнѣйшую лѣтопись въ ляпидарныхъ памятникахъ отъ IX по VII вѣкъ до нашей эры. На какомъ языкѣ написаны эти надписи, какъ звучали онѣ фонетически, какое племя по происхожденію начертало ихъ и куда исчезъ внезапно, скажу даже — загадочно, этотъ храбрый народъ, отстаивавшій въ теченіи вѣковъ свою самостоятельность противъ грознаго напора ассирійцевъ? — это вопросы, на которые нужно ждать отвѣта отъ дальнѣйшаго хода изученія ванскихъ надписей.

Въ частности, изученіе географическихъ названій даетъ намъ возможность съ одной стороны точнѣе опредѣлить предѣлы владѣній Урарту, а съ другой — найти въ топографическихъ именахъ Арменіи слѣды прежнихъ названій или, б. м., даже отголоски лицъ и событій урартійской эпохи.

По части пріурочиванія топографическихъ названій надписей къ таковымъ же, извѣстнымъ намъ изъ классическихъ и армянскихъ писателей, сдѣлано не мало кунеологами, незадававшимися, впрочемъ, спеціальной задачей сдѣлать систематически подобныя сближенія. Такъ, на основаніи ассирійскихъ и ванскихъ надписей, повидимому, довольно прочно установлена тождественность слѣдующихъ названій: *Urartu* и Арарата Библии, соотвѣтствующаго А й р а р а т у — центральной области древне-армянскаго государства; далѣе, въ *Мусасиръ* ассирійскихъ надписей видятъ Му ш ъ, въ *Милидду* — Милитену, въ *Ензипъ* — *Anzitepe* классическихъ и Ханцигъ (*Հանճիգ*) армянскихъ писателей, въ *Khag-Khag'ъ* — армянскую обл. Хорхорунік; въ *Апидъ*, *Біайнъ*, *Туспъ* и *Кирины* — армянскія названія Амидъ, Ванъ, Госпъ и Каринъ.

Далѣе, рѣка *Arçania* ассирійскихъ надписей есть, очевидно, *Arçanias* классическихъ географовъ и *Արժանի* армянскихъ, встрѣчающаяся еще въ древне-армянскихъ переводахъ Евсевіевой хроніки и Псевдо-Каллисеновой исторіи Александра; *Ахуріани* ванскихъ надписей легко объяснить по армянскому названію одного изъ притоковъ Аракса — Ахуріана, нынѣ

Карса-чай. Ахурианъ встрѣчается въ самыхъ раннихъ армянскихъ памятникахъ.

Изъ отождествленій, сдѣланныхъ въ сравнительно недавнее время,— притомъ большею частью въ сферѣ дѣятельности нашей Восточной коммисіи,—нужно упомянуть слѣдующія: *Суинія* ванскихъ надписей сопоставляются съ Сюникъ, *Ришуани*—съ Рштуникъ, *Еріаини*—съ Эриванью, *Гуріаини*—съ Гарни, имя урартійскаго царя *Урса*—съ Урцъ (*Արժ*), названіемъ области въ Айраратѣ, *Атазіани* съ Артазомъ; кромѣ того, М. В. Никольскій въ названіи древняго армянскаго города Армавира видитъ имя урартійскаго царя *Арапа*, а въ греческомъ наименованіи сѣвернаго армянскаго озера Севанкъ,—*Λουχίτις*—названіе города *Лухіуни* Армавирской надписи ¹⁾ и проч.

Вообще, въ отождествленіяхъ придерживаются больше *внѣшняго сходства* въ названіяхъ; приурочивать же ихъ вполне точно къ той или другой мѣстности въ Арменіи пока довольно трудно. Уже а ргіогі можно допустить существованіе двухъ или болѣе различныхъ мѣстностей, носившихъ одинаковыя названія: напр., въ древней Арменіи было три области Варажнуникъ, два города Артимедь, два города Марметъ—на противоположныхъ концахъ страны и много другихъ. Тоже самое могло быть и въ урартійскій періодъ. Повтореніе названія города или иного географическаго пункта можетъ быть объяснено, кромѣ другихъ причинъ, еще переселеніемъ какого-либо племени съ одного мѣста на другое, причемъ привычныя или излюбленныя топографическія имена естественно повторяются на новыхъ мѣстахъ поселенія.—Въ этомъ отношеніи любопытно замѣтить упоминаніе въ ассирійскихъ надписяхъ названія страны *Наксуана*, лежавшей, повидимому, на югъ отъ Ванскаго озера, по сосѣдству съ Месопотаміей ²⁾. Съ этой Наксуана также связаны у ассирійцевъ легенды о потопѣ и ковчегѣ, какъ и съ одноименнымъ древнимъ армянскимъ городомъ на берегу Аракса, неподалеку отъ горы Арарата. Это—Нахчаванъ, *Ναχουάνα* Птолемея, извѣстный еще Іосифу Флавію въ греческомъ переводѣ имени—*Αποβατήριον* (Ant. Jud. I, 3), что значитъ «мѣсто выхода» т. е. съ ковчега, такъ какъ армянскому Нахчавану также приписывали подобную этимологию: «Нах»—первое и «иджеванъ»—сошествіе (съ ковчега).

На картѣ Арменіи можно найти и другіе примѣры такого перенесенія топографическаго названія съ юга на сѣверъ. Такъ, гора *Нифатъ*, *Νιφάτης* по Страбону, Птолемею и другихъ, находилась въ южной Арменіи, т. е. на югъ отъ Ванскаго озера: она составляла часть Тавра, подлѣ Гордіены; изъ нея вытекаетъ Тигръ. А между тѣмъ въ самыхъ раннихъ памятникахъ армянской письменности гора Нпатъ или Нпатаканъ упоминается, какъ возвышенность на сѣверъ отъ Ванскаго озера—у истоковъ восточнаго Евфрата, на западъ отъ горы Араратъ. Другой случай: гора

¹⁾ См. «Древности Восточныя», Т. III, вып. 3.

²⁾ К. Паткановъ, Ванскія надписи, стр. 100, 102, 108.

Масіосъ, по указанію тѣхъ же греческихъ географовъ, составляла часть Тавра и находилось въ сѣверной или Армянской Месопотаміи; но армянскій писатель V вѣка, Фавстъ Византійскій (III 20), помѣщаетъ «великую гору Масисъ» на сѣверъ отъ Ванскаго озера, между послѣднимъ и восточнымъ Евфратомъ, въ области Апахуникъ, Туруберанской провинціи, что, вѣроятно, соотвѣтствуетъ теперешнему Сипанъ-дагу. Послѣ Фавста гора Масисъ отождествляется съ Араратомъ — недалеко отъ Аракса. — Наконецъ, гора *Арарадъ* (д въ концѣ) — по Библии — находилась въ южной Арменіи: на ней, по преданію, остановился ковчегъ. Въ армянскихъ памятникахъ VII—VIII вѣковъ есть упоминаніе объ этомъ Арарадѣ, который у Фавста, повидимому, называется Сарарадомъ и находился въ области Кордукъ, въ южной Арменіи. И на Сарарадѣ, по преданію сирійцевъ, также остановился ковчегъ. Позднѣе, вѣроятно, когда южныя области отпали отъ армянъ, или, б. м., когда мѣстное армянское населеніе, будучи вытѣснено другими племенами, перебралось на сѣверъ къ бассейну рѣки Аракса, — Араратомъ названа высочайшая гора въ Передней Азіи.

Такъ или иначе, но эти и подобныя повторенія одного и того же географическаго названія на югѣ и сѣверѣ — при томъ въ различныя эпохи — не указываютъ ли вообще на переселенія народа и именно — передвиженіе его по направленію съ юга на сѣверъ?

Возвращаюсь къ сближеніямъ географическихъ названій Арменіи. Нужно при этомъ помнить что послѣ урартійской эпохи прошло болѣе 2500 лѣтъ, и за этотъ огромный промежутокъ времени карта Арменіи подверглась различнымъ измѣненіямъ. Весьма естественно поэтому, что вмѣсто прежнихъ окончаній въ названіяхъ постепенно являются другія, древній суффиксъ, потерявшій смыслъ для данной народности, замѣняется нерѣдко новымъ, имѣющимъ значеніе въ ея языкѣ; основы или корни собственныхъ именъ также видоизмѣняются болѣе или менѣе, сообразно съ требованіями языка и народной этимологіи. А черезъ сколько фазисовъ прошли географическія названія Арменіи, пока дошли до насъ? Я полагаю что до VII вѣка по Р. Х. можно отмѣтить не менѣе трехъ фазисовъ въ измѣненіи географическихъ названій Арменіи послѣ эпохи Урарту; они образовывались подъ вліяніемъ различныхъ народностей: армянъ, если считать, что они не аборигены, и пришли на смѣну урартійцамъ; иранцевъ, господствовавшихъ въ Арменіи съ продолжительными перерывами до самаго паденія Сассанидовъ; и, наконецъ, грековъ — издавшихъ сосѣдей армянъ, а потомъ и владѣтелей западной Арменіи. Сирійскаго вліянія здѣсь я не буду касаться. Очевидно, въ основу сравненій нужно положить названія надписей, какъ наиболѣе древнія, если только мы увѣрены каждый разъ въ точной передачѣ даннаго названія, какъ въ отношеніи графическомъ, такъ и фонетическомъ. Затѣмъ слѣдуетъ обратить вниманіе на суффиксы.

Въ изслѣдованіи М. В. Никольскаго ³⁾ мы уже находимъ перечень

³⁾ Клинообразныя надписи Ванскихъ царей, открытыя въ предѣлахъ Россіи. Т. I, вып. 3-й «Древностей восточныхъ» стр. 388—389.

нѣкоторыхъ суффиксовъ въ собственныхъ именахъ надписей ванскихъ, найденныхъ въ предѣлахъ Россіи. Такъ, суффиксъ *a* обозначаетъ *народность*: напр., Bia, Irdia, Haldia; суфф. *na* обозначаетъ *страну*, собственно землю: напр., Haldina, Mana, Hatina. Такое значеніе имѣло, кажется, и *ni*, (*ini*, *eni*, *uni*): напр., Abaeni, Nužani, Azani, Arđini; суфф. *li* означаетъ *лѣсто*, напр., Tuali, Argištihinili; *li* можетъ означать и *лице*: напр., Saralili, также какъ и суффиксъ *ri*, напр., Sarduri, Uđuri и др.

Но обратимся къ исторіи. Съ VII в. до Р. X. урартійцы куда-то исчезаютъ; во всякомъ случаѣ, на мѣстахъ, гдѣ сидѣли прежде эти племена, прочно сидитъ въ указанную эпоху народъ, который извѣстенъ грекамъ, начиная съ Гекатея (около 550 г.) т. е. съ VI вѣка, и персамъ (въ Даріевой надписи) подъ именемъ Ἀρμένιοι, Αρμίνα. Армяне упоминаются у греческихъ писателей, въ качествѣ союзниковъ Навуходоносора при завоеваніи имъ Ассиріи въ 625 г.; армяне же помогаютъ мидянамъ завладѣть Вавилономъ въ самомъ началѣ VI вѣка. Все это указываетъ на существованіе въ это время въ Арменіи самостоятельнаго и достаточно сильнаго государства. Что касается свидѣтельствъ собственно армянскихъ источниковъ то, къ сожалѣнію, они не заходятъ далѣе V вѣка христіанской эры, ибо только въ началѣ этого столѣтія были изобрѣтены употребляющіяся понинѣ армянскія письмена и зародилась армянская письменность. Не смотря на сравнительно позднее записываніе, армянскія названія выдерживаютъ однако во многихъ случаяхъ контроль древнихъ географовъ, изъ чего видно, что извѣстныя древнимъ топографическія названія Арменіи звучатъ въ устахъ армянъ отъ V — VIII вѣка по Р. X. довольно близко къ тому, что было и во времена Гекатея, Геродота, Ксенофонта, Полибія, Страбона, Плинія, Птолемея и другихъ, хотя въ большинствѣ случаевъ этимологія именъ не поддается объясненію на основаніи армянскаго языка. Такимъ образомъ, въ греческихъ названіяхъ древне-армянскихъ дѣластей Ὑσπρίτις, Καρηνίτις, Θεσπίτις, Σωφένη, Ἀστιανένη, Φασιάνοι Κόλοι, Τάοχοι, Κωταία и многихъ другихъ мы видимъ армянскіе ихъ эквиваленты, разумѣется, съ опущеніемъ спеціально-греческихъ суффиксовъ—(ι)τις, ενη и окончаній множ. числа οι и (αι)α. Ὑσπρίτις—Сперъ, (нынѣ Испиръ) Καρηνίτις—Каринъ (нынѣ Эрзерумъ), Θεσπίτις—Тоспъ, Σωφένη—Тцопк (конеч. къ знакъ множ. числа), Ἀστιανένη—Хаштіанк, Φασιάνοι—Басіанк, Κόλοι—Кох, Τάοχοι—Тайк, Κωταία—Котайк и др.

Такимъ образомъ, если мы убѣждаемся, что въ общемъ довольно вѣрно переданы намъ армянскими писателями древнѣйшія географическія названія ихъ родины, то едва ли будетъ смѣло видѣть въ послѣднихъ формы близкія къ урартійскимъ, конечно, съ опущеніемъ чисто-армянскихъ суффиксовъ, каковыхъ довольно много. Употребительнѣйшіе изъ нихъ — слѣдующіе: къ (*ϰ*) не только какъ признакъ множественнаго числа, но и въ значеніи народа и страны: напр., Хайкъ — народъ армянскій и Арменія, Тайкъ—Таохи и ихъ область, Джавахкъ, Моккъ, Кхарджкъ и др.; также икъ (*ϰ*)—Тморикъ, Кордрикъ, Дэгикъ и др.; суфф. *уни* - къ показываетъ совокупность рода или племени, какъ группы лицъ, такъ и занимаемаго имъ

владѣнія; отсюда—названіе многихъ армянскихъ областей, по имени владѣющихъ ими родовъ: Рштуникъ, Хорхорунникъ, Бѣззунникъ, Апахунникъ, Ериѣунникъ, и др. ⁴⁾; значеніе *рода* имѣютъ и суф. $\text{—}^{\text{ն}}$ и $\text{—}^{\text{ու}}$; суф. $\text{—}^{\text{ո}}$ показываетъ происхожденіе откуда-либо: напр., Андзавацникъ—Троглоитиды; суф. $\text{—}^{\text{ո}}$ показываетъ мѣсто: напр., Багаранъ; $\text{—}^{\text{ո}}$ —означаетъ подошву (собст. ногу): напр., Арагацотнъ—обл. у подошвы г. Арагаца; $\text{—}^{\text{ո}}$ и $\text{—}^{\text{ու}}$ а также $\text{—}^{\text{ո}}$ и $\text{—}^{\text{ու}}$ означаютъ долину, лошину: напр., Коговить—долина Кога, Кохпопоръ, лощина Кохпа. Такія же образованія въ собственныхъ именахъ мы находимъ съ $\text{—}^{\text{ո}}$ (крѣпость), $\text{—}^{\text{ո}}$ (построеніе, селеніе), $\text{—}^{\text{ո}}$ (рѣка) и проч.

Перейдемъ къ *иранскому* вліянію на карту Арменіи. Армяне, какъ извѣстно, пользовались самостоятельностью при мидійцахъ и при первыхъ Ахеменидахъ (536—522 г.), въ качествѣ ихъ союзниковъ; но Дарій Гистаспъ (522—486) задумалъ подчинить себѣ, въ числѣ другихъ государствъ Передней и Малой Азіи, также и Арменію. Какъ видно изъ Бегистанскихъ надписей, началась упорная борьба, (напоминающая намъ войны Ассиріи съ Урарту), въ которой армяне неразъ брали верхъ надъ персами, но, наконецъ, принуждены уступить превосходству силъ непріятеля: мѣстная династія упразднена и страна раздѣлена на двѣ сатрапіи—на восточную и западную. Такое положеніе вещей продолжается до Александра Македонскаго, по смерти котораго Арменія подпадаетъ подъ власть Селевкидовъ, хотя и не надолго; ибо уже при Антіохѣ Великомъ, т. е. въ 189 г., два полководца его, Заріадръ и Арташіасъ, управлявшіе одинъ Малой, другой Великой Арменіей, возстаютъ противъ Селевкидовъ и основываютъ два самостоятельныхъ царства, вскорѣ, впрочемъ, соединенныхъ въ одно послѣдниками Арташіаса. При Тигранѣ Великомъ († 55 до Р. Х.), одномъ изъ потомковъ Арташіаса, армяне достигаютъ наибольшей силы и политическаго могущества. Послѣ того Тиграниды держались на престолѣ съ небольшими перерывами до первой четверти I вѣка по Р. Х. Затѣмъ наступаетъ въ Арменіи смутный періодъ, когда за прекращеніемъ въ ней національной династіи, появляются на престолѣ то парянскіе, то римскіе ставленники, а иногда и оба одновременно—почти вплоть до паденія персидскихъ Аршакидовъ (въ 226 г.). При Сассанидахъ устанавливается въ Арменіи Аршакидская династія, которая, не смотря на родство свое съ персидскими Аршакидами, была христіанскою и вполне натурализовалась въ армянскую. Она продержалась два столѣтія, т. е. до первой четверти V вѣка, послѣ чего персы совершенно завладѣли большею частію Арменіи до паденія Сассанидовъ (652 г.), между тѣмъ какъ меньшая часть еще при послѣднихъ армянскихъ Аршакидахъ была присоединена къ Византійской имперіи.

Изъ сказаннаго ясно, какое сильное вліяніе должны были имѣть иранцы на армянъ; этотъ процессъ иранизаціи съ большей силой вы-

⁴⁾ Хотя возможно допустить, что суф. *уни* и не безъ отношенія къ урартійскому-же *ині*, часто встрѣчающемуся въ надписяхъ.

разился при парянахъ: многіе порядки въ странѣ, какъ-то—политическое устройство, родовая аристократія, администрація, судъ, календарь, синкретическая религія, офіціальный языкъ и канцелярія были парянскія. Въ извѣстной мѣрѣ вліяніе это должно было отражаться и на географическихъ названіяхъ Арменіи. И дѣйствительно, мы замѣчаемъ не мало иранскихъ словъ въ названіяхъ областей, городовъ, селеній, рѣкъ и проч., напр. Апаранк (перс. Apadana), Багаванъ, Гандзакъ, Дастакъ, Хразданъ, Ерасхъ, Останъ, Шаваршаканъ. Еще значительнѣе въ армянскихъ географическихъ названіяхъ число собственныхъ иранскихъ именъ лицъ, напр., Артаваніанъ, Арташезіанъ, Аршакаванъ, Смбатаванъ, Аршамуникъ, Варажнуникъ, Арташатъ, Ервандашатъ, Бакуракертъ, Ервандакертъ, Вахаршакертъ, Нересехапатъ, Вахаршапатъ, Васпураканъ, Мардастанъ, Вардашэнъ, Васакашэнъ и проч. и проч. Эти названія, какъ явно иранскія, очевидно, не могутъ быть применимы для сближеній съ урартійскими названіями. Въ перечисленныхъ названіяхъ, кромѣ армянскихъ суффиксовъ *уникъ*, *шэнъ* (—*նի*, *են*)—съ иранскими именами, мы видимъ рядъ и специально-персидскихъ суффиксовъ, весьма употребительныхъ, какъ-то: *кертъ*—сдѣланный, построенный, *шатъ*—радость, *аванъ*—селеніе, *апатъ*—населенный, *станъ*—мѣсто, *канъ*, *аканъ*—оконч. множ. числа. Но, кромѣ иранскихъ словъ, найдется въ географическихъ названіяхъ Арменіи не мало и такихъ, которыя, не смотря на свои чисто иранскіе суффиксы, могутъ относиться къ эпохѣ до-иранской: напр., названіе древняго города *Манавазакерта* (съ персид. суф.), въ которомъ кунеелоги видятъ имя царя Минуаса ванскихъ надписей.

Такимъ образомъ, выдѣляя отдѣльныя группы названій—однѣ по значенію словъ, если ихъ можно объяснить съ армянскаго, греческаго или персидскаго языка,—другія по окончаніямъ ихъ, по суффиксамъ, и распредѣляя ихъ по эпохамъ, мы приготовимъ надежный матеріалъ для сравненій.

Остановлюсь на нѣкоторыхъ новыхъ сближеніяхъ, основанныхъ отчасти на вышеуказанныхъ данныхъ, не настаивая, впрочемъ, на безусловной ихъ точности.

Городъ *Дарани*, въ странѣ Етіуни, и *Улуани*,—упоминаемые въ Эларской надписи, я сближаю съ знаменитой въ армянской исторіи древнею крѣпостью Даронк—(нынѣшній Баязиль) и съ названіемъ селенія Угэ или Угаэ, также не далеко отъ Аракса; *Šururia*, *Abaeni*, *Alzini* и *Hulun*—области въ странѣ Наири, перечисляемая въ надписи Тиглатъ-Пилесера,—я сравниваю съ Шаруромъ, областью, лежавшей по лѣвому берегу средняго теченія Аракса и упоминаемой у армянскихъ писателей ранѣе IX вѣка,—съ Апахуникъ—областью, лежавшею на сѣверъ отъ Ванскаго озера,—съ Ахцникъ на сѣверъ отъ Месопотаміи,—и съ Илункъ—названіемъ древняго селенія у южнаго берега Ванскаго озера. Далѣе, *Еридуа* Армавирской надписи я сопоставляю съ Еритуникъ—областью въ Васпураканской провинціи; въ названіи города *Тила* ассирійскихъ надписей, лежавшаго у истоковъ Тигра, я вижу тождественное названіе

древне-армянскаго селенія Тиль (въ Высокой Арменіи, въ бассейнѣ Евфрата), одного изъ религіозныхъ центровъ армянъ до принятія ими христіанства; въ *Арсуани* Ванскихъ надписей—Арцвикъ въ Туруберанѣ,— въ *Кирзань* или *Гузань* ассирійскихъ надписей — Hizan (*Հիզան*) армянскихъ писателей, нынѣ Хизанъ, находящійся на югъ отъ Ванскаго озера. *Диауни* ванск. надписей и *Даиаени* ассир. я сопоставляю съ названіемъ древне-арм. области Та й к (*Տափք* = Таоухи), что совпадаетъ и географически, принимая при этомъ во вниманіе, что *уни* и *ени* суффиксы, означающіе *мѣсто*, а арм. к (*ք*) — признакъ множественнаго числа и вмѣстѣ народности. *Мушки* ассир. надписей—страна по правой сторонѣ р. Арзанія или Евфрата— я сопоставляю съ названіемъ арм. города Мушъ съ областью, лежащею въ тѣхъ же мѣстностяхъ. Далѣе, въ *Сассу* ассир. надписей я усматриваю названіе области Са с у н ъ, что подтверждается и положеніемъ мѣстности. Основанный Тиклатъ-Пилесеромъ II въ одной изъ урартійскихъ областей, а именно въ Улубѣ, городъ Асуръ-База ⁵⁾ наводитъ меня на сближеніе съ названіемъ древне-армянской области Бзнуникъ, лежавшей у западнаго и сѣверо-западнаго побережья Ванскаго озера; въ той же мѣстности, у мыса вдающагося въ озеро, стоитъ понынѣ деревня Базъ. Наконецъ, въ древне-армянскомъ названіи одного изъ Атропатенскихъ городовъ, а именно недалеко отъ сѣверо-западнаго берега Урмійскаго озера — въ *Сагамас'ъ* (нынѣ Салмасъ) я предполагаю имя одного изъ *Салманассаровъ* (поармянски Сагманассаръ), воевавшихъ неразъ съ южными и восточными сосѣдями урартійцевъ и побѣдоносно проходившихъ черезъ ихъ страны. Еще одно смѣлое предположеніе. Нельзя-ли грузинское названіе Арменіи и армянъ, *Сомхети* (*ети* груз. суф.) и *Сомех*, неподдающееся до сихъ поръ удовлетворительному толкованію, объяснить изъ названія страны *Сухме* (*Suhme*), лежавшей, согласно ассирійскимъ надписямъ ⁶⁾, за р. Арзаніей или восточнымъ Евфратомъ, на сѣверъ, т. е. тамъ, гдѣ находилась исконная армянская область?

Теперь перейдемъ къ справкамъ о названіяхъ Ванскаго озера и нѣкоторыхъ его прибрежныхъ пунктовъ.

Собственно, отдѣльнаго названія Ванскаго озера у армянскихъ писателей не встрѣчается; оно называется по имени болѣе или менѣе важной береговой мѣстности—областей, городовъ, острововъ и др. Наиболѣе раннее свидѣтельство армянскихъ историковъ объ этомъ озерѣ относится, повидимому, къ V—VII вѣкамъ: Фавстъ Византійскій и географъ Ананія Ширакаци называютъ его *«моремъ Бзнуникимъ»*—по названію области Бзнуникъ, лежавшей по западному и сѣверо-западному побережью озера; тоже названіе было родовымъ именемъ княжества. Образование этого слова не такъ ясно, какъ кажется. Если придерживаться объясненія Моисея Хоренскаго, видящаго въ основѣ его имя *Баз'а*, сына Манаваза, сына родоначальника армянъ, Хайка, то мы бы ожидали здѣсь не Бзнуникъ, но Базуникъ

⁵⁾ К. Паткановъ I. с. стр. 146.

⁶⁾ Ibid. I. с. стр. 132.

(княжескій родъ), каковое названіе дѣйствительно существовало рядомъ съ *Базкертъ* (съ иранск. суф.)—крѣпостью въ сосѣдней съ Грузіей сѣверной армянской провинціи Гугарк. Это свидѣтельство относится ко времени, во всякомъ случаѣ, ранѣе X вѣка ⁷⁾. О *Базъ*, какъ названіи селенія на берегу Ванскаго озера, и *Базъ*—въ сложеніи съ Ассуръ, мы сказали выше. Въ корнѣ же слова *Бзнуник* мы бы ожидали нѣчто подобное *Бузн* или *Бзен*; послѣднее, на самомъ дѣлѣ, встрѣчается въ Сюникѣ, какъ названіе области у Стефана Орбеліана, XIII в.

Другое наименованіе озера—«*Море Рштуникское*»—по названію княжескаго рода и одноименной области, лежавшей по южному берегу озера. Рштуникъ также встрѣчается въ V вѣкѣ. Если въ немъ предположить рѣдко употребляющееся въ армянскомъ языкѣ слово *ռիշու*, что значить скупой, жадный, то грамматически будетъ вполне правильно; но, судя по начальному звуку «, слово это врядъ-ли армянскаго происхожденія.

Третье названіе озера—«*Море Васпураканское*»—по названію одноименной арм. провинціи, охватывавшей озеро почти съ трехъ сторонъ—съ юга, востока и сѣвера. Слово это встрѣчающееся еще въ V—VII вв., по образованію вполне иранскаго происхожденія и значить «магнаты»—отъ *vaspur*—магнатъ и суф. *akan*: Васпураканами назывался высшій классъ знати въ Сассанидскомъ царствѣ, преимущественно члены семьи знатнѣйшихъ фамилій. У Страбона провинція Васпураканъ называется *Васоропѣда*, что, собственно говоря, довольно разнится отъ армянской формы. Весьма возможно, что въ греческой передачѣ сохранилось (если тутъ нѣтъ ошибки) болѣе раннее названіе провинціи, передѣланное впоследствии въ иранскомъ духѣ.

Четвертое названіе озера—«*Море Ахтамарское*» (*Աղթամար, Ախթամար*)—по названію острова, находящагося недалеко отъ юговосточнаго берега озера. Ахтамаръ упоминается еще у Фавста, слѣдов. въ V вѣкѣ; значеніе же его едва-ли можно объяснить съ армянскаго языка. Нѣтъ-ли въ немъ чего-нб. семитскаго?

Пятое названіе озера—«*Море Арчзшское*»—*Արշիշ*—по названію одноименнаго города на сѣверо-восточномъ побережьи озера—*Ἀρσιῶσα* древнихъ географовъ. Неясна этимологія и этого слова. Подробнѣе о самомъ городѣ Арчзшъ, такъ-же какъ и объ Ахтамарѣ, скажу ниже.

Къ перечисленнымъ названіямъ слѣдуетъ прибавить еще два: «*Море Ванское*» и «*Тоспское*»—по названіямъ города Ванъ и области Тоспъ, точно сохранившимся отъ ассирійской и урартійской эпохи. (См. выше, стр. 120).

Самое озеро, по свидѣтельству армянскаго географа VII вѣка, имѣло въ его время 100 миль (греч. *μίλιον*=1000 геометрич. и 2000 обыкновеннымъ шагамъ) въ длину и 60 м. въ ширину. Въ настоящее время разстояніе съ западнаго берега, а именно съ пристани Датванъ, до противоположнаго, восточнаго берега, т. е. до пристани города Вана,—обыкновенное

⁷⁾ См. Всеобщ. Исторію Вардана Великаго.

парусное судно переплываетъ въ теченіи 24 часовъ, разстояніе же съ сѣвера на югъ — въ 8 часовъ. Это одно изъ самыхъ высокихъ озеръ Азіатскаго материка; по счисленію Реклю, абсолютная его высота 1625 метровъ. Площадь озера, исчисляемая въ 3690 кв. километровъ, не много меньше Азербейджанскаго озера, но за то имѣетъ болѣе значительную глубину. Что касается сѣверо-восточной бухты, которая вдается внутрь материка на 60 километровъ, то это не что иное, какъ водная площадь, происшедшая отъ наводненія, гдѣ ручьи образуютъ весной обширныя наносныя дельты. По мѣстному преданію, эта бухта нѣкогда была плодородной равниной, гдѣ извивались двѣ рѣчки, продолжавшіяся на юго-западъ къ Битлису; на бывшемъ мѣстѣ сліянія ихъ, говорятъ, видны остатки моста, покрытаго водами. Свѣдѣнія путешественниковъ, собранныя на мѣстѣ, не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно значительныхъ измѣненій, которымъ подвергался уровень Ванскаго озера: по словамъ Реклю, въ періодъ съ 1838 по 1840 годъ, онъ поднялся отъ 3 до 4 метровъ. Прибрежные жители рассказываютъ, что въ началѣ XVII столѣтія вода поднималась такимъ же образомъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, но затѣмъ опять понизилась. Годы исключительной засухи задерживаютъ прибыль и распространеніе водъ, но, послѣ временнаго отступленія, дѣло захвата возобновляется съ еще болѣе большою силою. Многіе острова были залиты водой; прежніе полуострова, теперь отдѣленные отъ материка, превращаются въ островки, постоянно уменьшающіеся въ размѣрахъ. Дорога, пролегающая вдоль сѣвернаго побережья, должна быть, изъ поколѣнія въ поколѣніе, переносима все далѣе внутрь материка. Точно также на восточномъ берегу окраина озера приближается къ городу Вану, который уже смѣнилъ прежнюю, болѣе древнюю береговую полосу резервуара; деревня Искелла частію покинута жителями; лодочники привязываютъ свои барки къ стволамъ деревъ, находящихся теперь недалеко отъ берега. Къ востоку лежитъ другой бассейнъ *Арчакъ*, любопытный по своему названію; въ этомъ озеркѣ также замѣчается постепенное повышеніе уровня. Арчакъ походитъ на Ванское озеро также и минеральнымъ содержаніемъ своихъ водъ, только онъ содержитъ весьма значительную пропорцію мышьяку ⁹⁾.

Вода въ Ванскомъ озерѣ очень солонa, настолько, что ее не могутъ пить ни люди, ни животныя: стада ходятъ на водопой къ устьямъ рѣкъ, а рыбаки возобновляютъ свой запасъ годной для питья воды, черпая изъ ключа, бьющаго со дна и kloкочущаго на поверхности. Изъ рыбъ, водящихся въ озерѣ, нужно упомянуть одну породу — *тарехъ* — уклейку — водящуюся въ огромномъ количествѣ въ устьяхъ, впадающихъ въ него рѣчекъ. Однако *тарехъ* не живетъ въ соляныхъ частяхъ бассейна и показывается въ верхнемъ слоѣ только съ марта до начала мая. Озеро Ванское обыкновенно не замерзаетъ; въ особенно суровую зиму покрывается

⁹⁾ Реклю, Всеобщ. Геогр. Т. IX стр. 283.

льдомъ лишь его сѣверо-восточная, менѣе глубокая часть. Впрочемъ, въ исторіи сохранилось извѣстіе о томъ, что въ 698 году замерзло все озеро ⁹⁾.

Четыре большихъ острова насчитывается въ Ванскомъ озерѣ, и всѣ они на восточной его сторонѣ, недалеко отъ берега. Выше было замѣчено о происхожденіи острововъ, а именно — что послѣдніе были прежде полуостровами, но, вслѣдствіе постоянной прибыли воды, отдѣлены были отъ твердой земли. Путешественники показываютъ, что во время сильной засухи, когда уровень озера понижается, можно пѣшкомъ пройти разстояніе до материка. Объ этихъ островахъ, кажется, не упоминается ни въ ассирійскихъ, ни въ ванскихъ надписяхъ; ихъ не знаютъ и древніе географы. Что касается армянскихъ источниковъ, то только объ одномъ изъ острововъ есть у нихъ свидѣтельство въ V в. по Р. X.: это — гористый *Ахтамаръ*, служившій въ то время крѣпостью могущественнаго княжескаго рода Рштуникъ. Въ послѣдствіи, во время господства въ Васпураканѣ Арцрунидскихъ царей, т. е. въ IX—X вѣкахъ, островъ этотъ, на которомъ былъ построенъ великолѣпный храмъ и монастырь, сталъ метрополіей Арцрунидскихъ епископовъ, претендовавшихъ на равное достоинство съ католикосами Эчмиадзина и потому величавшихъ себя тоже католикосами. Упоминаніе же о трехъ остальныхъ островахъ — *Артеръ*, *Ктуцъ* ¹⁰⁾ и, наконецъ, *Лилъ*, самый большой изъ нихъ и наиболѣе близко лежащій къ материку — повидимому, не восходитъ ранѣе X вѣка, что, б. м., указываетъ на сравнительно позднее ихъ появленіе. На всѣхъ островахъ есть древніе церкви и монастыри, существующіе по нынѣ, при чемъ о построеніи одной изъ церквей (послѣ X вѣка) извѣстно, что камни для построекъ привозились на баркахъ моремъ изъ города Хлата ¹¹⁾.

Остановимся на названіяхъ нѣкоторыхъ прибрежныхъ городовъ.

На сѣверо-восточномъ берегу озера съ давнихъ поръ стоитъ городъ *Артчэшъ* (*Արժէշ*) 'Αρσίσσα Птоломея и 'Αρτζες Константина Порфиророднаго (X в.). *Արժէշ* упоминается въ VII в., когда императоръ Иракль взялъ городъ и предалъ огню крѣпость, въ которой находились персидскія войска. (см. Себеосъ). Городъ съ крѣпостью, лежавшій прежде на берегу озера, очутился, какъ говорятъ, въ недавнее время въ озерѣ, въ видѣ островка, по причинѣ постепенной прибыли воды; на островкѣ, теперь уже необитаемомъ, сохранились развалины древней крѣпости и другихъ построекъ. Этимологія названія Артчэшъ не ясна; то же имя съ суф. *ак* — входитъ въ образованіе названія сосѣдней области *Артчишак-овитъ* — т. е. долина Артчишака.

Другой прибрежный городъ, тоже на сѣверномъ берегу озера, и на западъ отъ Артчэша — это *Артцкэ* (*Արժժէ*), извѣстный армянскимъ писателямъ еще въ V вѣкѣ; нынѣ онъ называется Адельджевазъ или Альд-

⁹⁾ Хронографія Самуила Анійскаго, изд. Эчмиадзинское, стр. 85.

¹⁰⁾ *Ктуцъ* по-армянски означаетъ *клювъ*, каковое названіе дано, вѣроятно, по формѣ острова.

¹¹⁾ *Оола Арцруни* (продолж. его исторіи), изд. С.П.Б.

жавазъ. Замѣчательна его крѣпость, высѣченная какъ-бы самой природой въ громадной гранитной скалѣ, спускающейся до самаго озера. По свидѣтельству армянскаго историка XI вѣка, Аристакаса Ластивертци, крѣпость Артцкэ лежала въ его время, подобно Арчэшской, въ озерѣ, образуя укрѣпленный островъ, куда скрывались жители во время непріятельскаго нашествія. Этимологія названія не поддается точному опредѣленію; у Константина Порфиророднаго оно передается черезъ 'Алтцикп. Артцкэ стянулась, повидимому, изъ формы Артцак (*Արծախ*),—какое имя, дѣйствительно, встрѣчается еще въ V вѣкѣ, въ качествѣ селенія въ Багревандской области. Есть кромѣ того и названіе города Артцнъ или Артцэ (*Արծն* или *Արծէ*) въ Высокой Арменіи, извѣстное и византійскимъ историкамъ.

Мнѣ думается, что Артцкэ и Артчэшъ, какъ весьма важные по своему мѣстоположенію пункты въ прибрежьи Ванскаго озера, не могли оставаться незамѣченными завоевателями всѣхъ временъ, а, слѣдовательно, и урартійцами, слѣды пребыванія которыхъ нужно искать, б. м., на прибрежныхъ скалахъ, по близости помянутыхъ городовъ, если только постепенно прибывающія воды озера не успѣли поглотить послѣдніе остатки памятниковъ изъ интересующей насъ эпохи.

На крайномъ сѣверо-западномъ углу озера стоитъ древній городъ Хлатъ (*Խլատ*) *Խլատ* у арм. историка Киракоса, XIII в.), Хлат и Хлеат у византійцевъ, передѣланный арабами въ Ikhlat или Akhlāt. Этимологія слова врядъ-ли можетъ быть объяснена съ армянскаго языка: въ немъ чувствуется нѣчто семитское. Вслѣдствіе прекраснаго своего мѣстоположенія, равнаго которому едва-ли найдется, какъ передаютъ путешественники, во всемъ прибрежьи Ванскаго озера,—городъ этотъ всегда служилъ яблокомъ раздора между сильными міра сего, переходя изъ рукъ въ руки. Старинная крѣпость, много разъ разрушенная и снова построенная, реставрирована турками и сохранилась довольно хорошо. Отъ арабской эпохи осталась здѣсь огромная масса гробницъ, склеповъ и могильныхъ камней съ надписями. При арабахъ Хлатъ былъ одно время важнымъ торговымъ городомъ и умственнымъ центромъ ¹²⁾.

Не лишне будетъ сказать нѣсколько словъ и о городѣ *Маназкерт'нъ*, лежащемъ на сѣверъ отъ Хлата, недалеко отъ озера Назикъ, у восточнаго Евфрата или Арацани. Городъ расположенъ на равнинѣ, изобилующей чернымъ камнемъ вулканическаго происхожденія. Вѣроятно, на эти каменоломни и указываетъ армянскій историкъ IX вѣка, Оома Арцруни, откуда перевозились огромные камни для построекъ церквей и дворцовъ Арцрунидскихъ царей — въ Ванѣ и на острова ¹³⁾. Будучи весьма важнымъ центромъ въ средніе вѣка, Маназкертъ особенно обстроился и разбогатѣлъ въ X—XI вв.; Кедренъ (XI в.) говоритъ о немъ, какъ о самомъ укрѣпленномъ и неприступномъ городѣ во всей Арменіи, имѣвшемъ въ его время три ряда крѣпостныхъ стѣнъ изъ чернаго камня. Нынѣ онъ представляетъ

¹²⁾ См. у *Ичичіана*, Нов. Арменія.

жалкое селеніе съ наполовину разрушенными стѣнами нѣкогда замѣчательной крѣпости. Полная форма названія города Манавазакертъ — (съ иран. суффиксомъ), упоминаемый Фавстомъ, впоследствии сокращенный въ Маназкертъ, Манзкертъ и Мантцкертъ; у Кедрена *Мантцикерт*, нынѣ *Melasgerd*. По объясненію М. Хоренскаго, городъ основанъ сыномъ Хайка—Манавазомъ, отцомъ База. Манавазъ напоминаетъ намъ соименнаго Адіабенскаго царя въ I в. по Р. Х. (*Μονόβαζος* у Иосифа Флавія), прозваннаго также *Βαζαῖος*. Слово *Βάζος* входитъ въ образованіе и другихъ иранскихъ именъ: *Αρτάβαζος*, *Μεγάβαζος*, *Τιρίβαζος*, *Φαρνάβαζος* и др. Ср. также армяно-иранскія имена: *Μαπак*, *Μαπασρ*, *Μαπῆρ*, *Μαπασιhr* (всѣ у Фавста).

Однако, не смотря на иранскую свою форму, городъ Маназкертъ можетъ быть, какъ я выше сказалъ, древнѣе иранской эпохи, и въ сближеніи его съ именемъ одного изъ урартійскихъ царей—Минуаса—я ничего невозможнаго не нахожу. — Обслѣдованіе окрестныхъ горныхъ вершинъ и скалъ и въ особенности раскопки въ этихъ мѣстностяхъ могли бы дать намъ цѣнныя свѣдѣнія по исторіи Урарту.

Съ Маназкертомъ не слѣдуетъ смѣшивать другой, похожій на него городъ, а именно *Манакертъ*, лежавшій на противоположномъ—южномъ берегу Ванскаго озера, на крутой скалѣ, вдающейся въ озеро, на виду острова Ахтамара. Неподалеку отъ Манакерта, у самаго берега, высится скалистая гора *Арносъ*, на вершинѣ которой, на довольно обширной площади, нынѣ находятся развалины древнихъ построекъ.

Упомяну кстатѣ и объ одномъ названіи древне-армянской области, лежавшей на югъ отъ Ванскаго озера, въ бассейнѣ восточнаго притока Тигра, Шатаха, нынѣ Бохтан-су: это—*Аргастовитъ*—съ арм. суф. *սի/խ*, что значить «долина *Аргаста*». Кто-то изъ кунеологовъ сближалъ послѣднее названіе съ именемъ знаменитаго урартійскаго царя Аргисти или Аргишти ¹³⁾.

На этомъ пока я остановлю свой обзоръ географическихъ названій древней Арменіи ¹⁴⁾.

¹³⁾ Любопытно замѣтить, что область Манавазакерта *Оома* вездѣ называется «Манавазіанъ», вм. обычнаго Манавазіанъ. См. С:Пб. изданіе, стр. 253, 257, 258, 264.

¹⁴⁾ См. Арм. Географію VII в., приписыв. М. Хоренскому, переводъ и объяснен. *К. Патканова*, С:Петербур. 1877.

¹⁵⁾ При составленіи настоящей статьи, я пользовался, между прочимъ, слѣдующими трудами на арм. языкѣ: *Ичичіана* (Описаніе древней и новой Арменіи, Венеція, 1806 и 1822 гг.), *Саргисіана* (Путеш. по Малой и Великой Арменіи, Венеція, 1864), *Мирахоріана* (Путевыя замѣтки изъ поѣздки въ армянск. област. восточной Турціи, Константинополь, 1884—1885) и др.

стерски. Такова вообще и вся орнаментировка рукописи, которую смѣло можно отнести къ памятникамъ XIV вѣка. Изъ записи на концѣ рукописи видно, что она писана гдѣ-то въ Албаніи, монахомъ Фомой, затѣмъ за 1000 золотыхъ продана какому-то священнику Петру. Дошатаый переплетъ обтянутъ кожей, сверхъ которой прибиты два металлическихъ креста съ двумя красными камнями.

6-ая рукопись—Четы-Минеи 1437 года, писана на бомбицинѣ, круглымъ почеркомъ, въ два столбца, монахомъ Акономъ трапизонскимъ, подъ покровительствомъ Христа Спасителя и Св. Иоанна. Последнимъ владѣтелемъ ея былъ трапизонскій архіепископъ Барсамъ, купившій рукопись въ 1039 году армянской эры (1590 г.).

7-ая Служебникъ—писанъ на толстой бумагѣ, круглымъ почеркомъ въ два столбца, неизвѣстно кѣмъ и когда. Рукопись украшена заставками и другими узорами, между которыми попадаются человѣческія фигуры, изображенія звѣрей, птицъ и проч. На всѣхъ этихъ украшеніяхъ видны несомнѣнные признаки XV вѣка, къ которому слѣдуетъ отнести и самую рукопись.

8-ая и *9-ая* рукописи—Евангеліе на пергаментѣ, писаны круглымъ почеркомъ, въ два столбца, относится къ XVI столѣтію. Первая изъ нихъ въ послѣдній разъ переплетена въ 1657 году; къ дошатаому переплету ея, обтянутому кожей, прибито металлическое распятіе, вокругъ котораго находятся металлическіе же кресты съ разноцвѣтными камнями.

10-ая рукопись календаря на пергаментѣ, писана священникомъ Григоріемъ въ 1082 году армянской эры (1633 г.) въ городѣ Колоши, называемомъ Кара-Хисаромъ, при церкви Св. Богородицы и первомученика Стефана.

Далѣе референтъ описалъ еще двѣ рукописи, найденныя имъ въ г. Григоріополѣ. Одна такъ называемая Кармиръ-Аветаранъ (Красное—Евангеліе) памятникъ XVI вѣка, другая—рукопись Шаракана XVII вѣка.

Затѣмъ референтомъ были прочитаны на турецкомъ языкѣ народныя пѣсни, записанныя имъ въ Григоріополѣ изъ устъ старожиловъ. Въ разборѣ означенныхъ пѣсенъ приняли участіе Ф. Е. Корнъ и С. Е. Саковъ.

Въ заключеніе референтъ демонстрировалъ сдѣланныя имъ эстампажи съ мусульманскихъ надписей, находящихся въ Феодосійскомъ музеѣ.

Постановлено: благодарить Х. И. Кучукъ-Иоаннесова за добытый имъ богатый археологическій матеріалъ, дешифрированіе же мусульманскихъ надписей поручено: тюркской—С. Е. Сакову, арабской—Г. А. Муркосу.

М. Н. Сперанскимъ сдѣлано слѣдующее сообщеніе: въ одной изъ армянскихъ рукописей, помѣченной 1616 г. и привезенной Х. И. Кучукъ-Иоаннесовымъ изъ Херсонской губ., нашелся текстъ: «посланіе Пилата къ Тиверію Кесарю о Господѣ нашемъ І. Х.». Этотъ текстъ, сообщенный въ дословномъ русскомъ переводѣ Х. И. референту, представляетъ, по мнѣнію послѣдняго, слѣдующія особенности по составу: 1) посланіе Пилата, переведенное съ 1 греческой редакціи этого памятника, въ довольно близкой передачѣ; 2) судъ и смерть Пилата, слитые въ одно цѣлое съ посла-

ніемъ—фактъ обычный и въ другихъ литературахъ; статья также восходитъ къ греческому источнику; 3) оба памятника по мѣстамъ интерполированы изъ т. н. легенды объ Авгарѣ о нерукотворенномъ Спасѣ.—Интерполяторъ пользовался не отдѣльной легендой, а тѣмъ текстомъ, который внесенъ въ хронику Моисея Хоренскаго (30-я глава русск. перев. Эмина 2 изд.): въ легендѣ Моисея и въ разсматриваемомъ текстѣ Авгарь—царь армянскій. Это также заставляеть въ интерполяторѣ видѣть армянина по національности. Такой видъ памятника, т. е. соединеніе посланія и смерти Пилата съ легендой объ Авгарѣ, до сихъ поръ не былъ извѣстенъ въ литературѣ: въ этомъ значеніе текста, найденнаго Х. И. Кучукъ-Иоаннесовымъ.

М. В. Никольскій сообщилъ о двухъ еврейскихъ надписяхъ Феодосійскаго музея, эстампажи съ которыхъ доставлены Обществу Х. И. Кучукъ-Иоаннесовымъ. Одна изъ нихъ оказалась уже изданной проф. Д. А. Хвольсономъ въ его сочиненіи «Сборникъ еврейскихъ надписей» (С.-Петербургъ 1884 г.) подъ № 174; хорошій эстампажъ, сдѣланный Х. И. Кучукъ-Иоаннесовымъ, далъ возможность сдѣлать нѣкоторыя исправленія въ текстѣ, изданномъ проф. Хвольсономъ. Другая надпись оказалась неизданною проф. Хвольсономъ, содержитъ эпитафію и дату 5291 г. т. е. 1531 г. отъ Р. Х. Разбирая надпись, референтъ коснулся вопроса о подлинности датъ крымскихъ надписей. Онъ напомнилъ Комиссіи, что еще въ 1875 году была обнаружена А. Я. Гаркави колоссальная поддѣлка датъ крымскихъ еврейскихъ надгробныхъ надписей, а также и рукописей; жертвой этого обмана сдѣлалась Императорская Публичная Библиотека, приобрѣтшая въ 1863 г., по рекомендаціи проф. Д. А. Хвольсона, собраніе рукописей Фирковича за весьма большую сумму. Не смотря на горячую защиту проф. Хвольсономъ подлинности датъ надписей и рукописей, вопросъ этотъ далеко нельзя считать рѣшеннымъ. Открытія въ настоящее время въ Феодосіи и Старомъ Крыму въ большомъ числѣ армянскія надписи, по мнѣнію референта, подтверждаютъ косвенно фактъ поздняго произхожденія крымскихъ еврейскихъ надписей, такъ какъ всѣ армянскія надписи ранѣе XIII вѣка, по мнѣнію арменологовъ, слѣдуетъ считать привезенными въ Крымъ изъ другихъ мѣстъ.

Другое сообщеніе М. В. Никольскаго было посвящено описанію и разбору клинообразной надписи, недавно открытой въ Эриванской губ. на правомъ берегу Аракса около селенія Каракала. Надпись въ 10 строкъ, прекрасно сохранилась и содержитъ извѣстіе о сооруженіи царемъ Аргишти I (VIII в. до Р. Х.) канала, проведеннаго изъ Аракса въ столицу этого царя *Аргиштихинили* (Армавирь). Эстампажъ присланъ архіеп. Месропомъ изъ Эчміадзина. Вмѣстѣ съ этимъ эстампажемъ архіеп. Месропъ прислалъ эстампажъ другой клинообразной надписи въ 7 строкъ, найденной, по его словамъ, въ селеніи Молла-баязетъ, недалеко отъ такъ называемаго армавирскаго холма. Надпись вырѣзана не на камнѣ вулканической породы, какъ всѣ до сего времени найденныя въ Закавказьѣ, а на кирпичѣ, подобно ассиро-вавилонскимъ надписямъ, и представляетъ не

цѣльный текстъ, а фрагментъ. По заключенію референта, эта надпись есть несомнѣнная поддѣлка; оригиналомъ для нея послужила надпись въ 13 строкъ № X по изданію референта въ «Трудахъ Вост. Ком.» т. I., вып. III, находящаяся въ настоящее время въ Эчміадзинѣ въ помѣщеніи армянской духовной академіи. Фальсификаторы рабски слѣдовали начальнымъ словомъ лѣвой стороны надписи, но частію по невѣжеству, частію намѣренно представляли знаки и искажали ихъ форму. Фактъ поддѣлки эчміадзинскихъ надписей, по мнѣнію референта, есть явленіе весьма печальное. Архіепископъ Месропъ уже издалъ эту надпись въ «Араратѣ» и грубо искаженные знаки отнесъ къ оригинальности надписи и тѣмъ придавъ ей особое значеніе. Археологическое Общество намѣрено выписать кирпичъ въ Москву для экспертизы.

№ 48. Протоколъ засѣданія Восточной Комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 21 Декабря 1895 года подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя В. О. Миллера, въ присутствіи г.г. членовъ: М. О. Аттаи, В. А. Грингмута, А. Е. Крымскаго, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, Л. З. Мсеріанца, С. С. Слуцкаго, М. С. Іцкина и секретаря М. В. Никольскаго.

Читанъ и подписанъ протоколъ предшествующаго засѣданія.

В. А. Грингмутъ сообщилъ, что 22 августа 1896 года исполнится 30 лѣтъ служебной и учено-педагогической дѣятельности предсѣдателя Комиссіи О. Е. Корша; кружокъ его учениковъ и почитателей беретъ на себя починъ устройства празднованія юбилея, и предполагаетъ, между прочимъ, чествовать его изданіемъ посвященнаго его имени сборника статей по классической и восточной филологіи, къ участию въ которомъ приглашаются не только ближайшіе ученики юбиляра, но и всѣ вообще почитатели его.

По обсужденіи сообщенія В. А. Грингмута постановлено: сообщить Обществу о предполагаемомъ празднованіи юбилея Предсѣдателя Восточной Комиссіи на предметъ поднесенія ему по этому случаю адреса отъ имени Общества и поставить въ извѣстность всѣхъ членовъ Комиссіи о предполагающемся юбилеѣ посредствомъ разсылки печатнаго приглашенія отъ кружка инициаторовъ этого дѣла.

Тов. предсѣд. В. О. Миллеръ сообщилъ, что предсѣдатель Общества, графъ П. С. Уварова, узнавъ изъ уфимскихъ и тургайскихъ газетъ о разныхъ мѣстныхъ памятникахъ восточнаго происхожденія, именно о находящихся около гор. Уфы старинныхъ мавзолеяхъ съ арабскими надписями X в., равно какъ о курганахъ и могильникахъ, обратилась къ директору уфимской гимназіи и къ начальнику Тургайской области съ просьбою сообщить болѣе подробныя объ нихъ свѣдѣнія. Изъ полученныхъ отвѣтовъ, въ немногомъ дополняющихъ газетныя свѣдѣнія, видно, что мѣстные Статистическіе Комитеты и администрація заинтересованы изслѣдованіемъ кургановъ, могильниковъ и старинныхъ построекъ этого края, но нуждаются въ содѣйствіи Московскаго Археологическаго Общества, какъ въ

дѣлѣ руководства, такъ и въ отношеніи матеріальныхъ средствъ. Сообщая обо всемъ этомъ, гр. П. С. Уварова, выражаетъ надежду, что Восточная Коммиссія отнесется съ сочувствіемъ къ мысли объ участіи Общества въ изслѣдованіи памятниковъ восточныхъ губерній.

Коммиссія постановила: 1, благодарить гр. П. С. Уварову за сдѣланное сообщеніе, 2, просить ее снестись съ Оренбургскимъ центральнымъ Архивомъ о присылкѣ въ Общество хранящихся въ немъ рисунковъ зданій, находящагося около Тураханскаго дворца близъ деревни Нижніе Термы, на р. Ислакѣ, и 3, выразить желаніе, чтобы, въ случаѣ, если Общество заблагоразсудитъ предпринять экспедиціи въ восточныя губерніи, въ составѣ ея находился кто-либо изъ членовъ Восточной Коммиссіи, знакомыхъ съ тюркскими языками и древностями.

Секретарь Ком. М. В. Никольскій сдѣлалъ сообщеніе о новыхъ трудахъ по ассириологій и библейской наукѣ. Среди обширной халдейской литературы, сдѣлавшейся достояніемъ науки въ послѣднее время, особенное вниманіе обращаетъ на себя довольно значительный по объему отдѣлъ заклинаній, халдейской магіи. Какое значеніе играла магія въ жизни древнихъ халдеевъ, это извѣстно было изъ древнихъ свидѣтельствъ, въ особенности изъ Библии, гдѣ, какъ напр. въ книгѣ Даниила, халдей и магъ, являются тождественными понятіями. Но въ чемъ собственно заключалась магія халдеевъ, этого мы не знали до тѣхъ поръ, пока не были открыты и разобраны подлинныя клинообразныя документы по этой таинственной области. Честь перваго опыта научной разработки и разъясненія этого матеріала принадлежатъ французскому ассириологу Фр. Ленормену, который написалъ обширный трудъ по этой области, извѣстный болѣе въ авторизованномъ нѣмцкомъ переводѣ: *Die Magie und Wahrsagekunst der Chaldäer*, Jena, 1878. Въ свое время этотъ трудъ обратилъ на себя вниманіе ученаго міра, но и по сіе время, не смотря на то, что дѣло изслѣдованія клинообразныхъ памятниковъ значительно ушло впередъ, не потерялъ еще своего значенія, тѣмъ болѣе, что другого подобнаго труда до послѣдняго времени не появлялось. Въ настоящее время референтъ съ удовольствіемъ отмѣчалъ появленіе новаго и капитальнаго труда по этой области, принадлежащаго молодому ученому К. *Тальквисту* доценту Гельсингфоргскаго Университета. Авторъ уже приобрѣлъ извѣстность своимъ весьма основательнымъ трудомъ: *Die Sprache der Contracte Nabana'ids*, Helsingfors 1890, но настоящій его трудъ, носящій заглавіе: *Die assyrische Beschwörungsserie Maqlu* Leipzig 1895, можетъ быть названъ однимъ изъ самыхъ выдающихся по ассириологій. Автору посчастливилось собрать въ Британскомъ Музеѣ изъ 54 фрагментовъ почти цѣлый текстъ, состоящій изъ серіи заклинаній, подъ названіемъ *maqlu*; онъ раздѣленъ на 8 отдѣловъ изъ которыхъ каждый помѣщается на особой таблицѣ. Авторъ въ своемъ изданіи представилъ текстъ въ оригинальномъ и реставрированномъ видѣ, транскрипціи, переводъ и комментарий. Все это исполнено съ рѣдкою основательностью и дѣлаетъ честь финляндскому ученому. Изъ обозрѣнія изданныхъ памятниковъ и изъ предварительныхъ краткихъ за-

мѣчаній автора можно судить о важности этого новаго матеріала, дающаго возможность съ гораздо большею ясностью и полностью, чѣмъ до сего времени, судить о халдейской магіи и о халдейской религіи, тѣсно съ ней связанной.

Изъ новостей по библейской наукѣ М. В. Никольскій указалъ, какъ на выдающееся явленіе, на предпринятое ассиріологомъ *Гауптономъ* въ сообществѣ съ лучшими ориенталистами Европы и Америки критическое изданіе В. Завѣта подъ заглавіемъ: *The sacred books of the Old Testament*. Задача изданія—представить такой текстъ Библии В. Завѣта, въ которомъ наглядно можно бы видѣть и легко изучить всѣ результаты, добытые новѣйшей критикою и литературной критикою В. Завѣта. Въ настоящее время вышло 3 книги: *The Book of Job*, *C. Siegfried'a*, *The Book of Leviticus*, *S. R. Driver'a* и *H. A. White*, и *The Book of Samuel*, *K. Budde*. Издатели прибѣгли къ оригинальному способу обозначать различные источники, изъ которыхъ составились библейскія книги, различными цвѣтами типографской краски, чѣмъ значительно облегчается усвоеніе приемовъ и выводовъ новѣйшей литературной критики. Особенное значеніе придаетъ изданію обширный критическій аппаратъ, представляющій результаты сличенія масоретскаго текста съ переводомъ LXX и другими древними переводами. Трудъ этотъ, не смотря на безпочвенность и недостаточность многихъ выводовъ, представляетъ первую попытку реконструкціи библейскаго текста и, благодаря основательному выполненію его въ цѣломъ, въ состояніи подвинуть впередъ научное изслѣдованіе Библии В. Завѣта, а также внести интересъ къ этому изслѣдованію въ болѣе обширный кругъ ученыхъ.

№ 49. Протоколъ засѣданія Восточной Коммисіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 15 февраля 1896 года подъ предсѣдательствомъ О. Е. Корша, въ присутствіи г.г. членовъ: М. О. Аттан, А. Е. Крымскаго, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, В. О. Миллера, Г. А. Муркоса, С. С. Слуцкаго и секретаря М. В. Никольскаго.

Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

А. Е. Крымскій прочелъ докладъ «Картины изъ исторіи суфитской жизни въ IV в. гижры», въ которомъ разсмотрѣлъ организацию исмаилитской секты, любившей для своихъ цѣлей прибѣгать къ суфитской внѣшности. Докладчикъ приписываетъ исмаилизму важную роль въ дѣлѣ превращенія суфизма правовѣрнаго въ суфизмъ еретическій. Кромѣ того докладчикъ остановился на исторіи пантеиста Халляджа, воплію отождествившаго себя съ Божествомъ, и указалъ, какое значеніе имѣетъ Халляджъ въ суфійствѣ.

№ 50. Протоколъ засѣданія Восточной Коммисіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 3-го Декабря 1896 г. подъ предсѣдательствомъ О. Е. Корша, присутствовали товарищъ предсѣдателя

В. Ф. Миллеръ, члены—М. О. Аттая, В. М. Истринъ, М. В. Никольскій, С. С. Слуцкій, С. Н. Теръ-Саргсянцъ, В. К. Трутовскій и секретарь Комиссiи Г. А. Халатьянцъ.

1. Открывая засѣданіе, предсѣдатель Комиссiи Ф. Е. Коршъ выразилъ живѣйшее сожалѣніе по случаю отказа М. В. Никольскаго отъ секретарства и предложилъ благодарить его за многолѣтнюю весьма полезную дѣятельность его по должности секретаря Восточной Комиссiи. Вслѣдъ затѣмъ предсѣдатель объявилъ о приглашеніи имъ новаго секретаря Комиссiи Г. А. Халатьянца.

2. М. В. Никольскій сообщилъ о письмѣ, полученномъ имъ изъ Бейрута отъ члена Восточной Комиссiи Агаангела Евфимовича Крымскаго, сообщающаго о мѣстномъ секретарѣ русскаго консульства кн. А. А. Гагаринѣ, любителѣ археологiи и собирателѣ цѣнныхъ древностей по Востоку. По предложенію г. Крымскаго, ознакомившаго князя Гагарина съ дѣятельностью и задачами нашего Общества, князь отправилъ въ даръ Обществу древнюю рукопись *сирскаго Евангелiя*, заслуживающую большаго вниманiя. За этотъ даръ, а также въ надеждѣ на дальнѣйшее содѣйствіе князя Гагарина нашему Обществу, М. В. Никольскій предложилъ избрать князя членомъ Восточной Комиссiи. Комиссiей постановлено: благодарить князя Гагарина за цѣнный даръ, избрать его членомъ Восточной Комиссiи и отправить ему изданiя ея.

3. Вс. Фед. Миллеръ сдѣлалъ сообщеніе о вышедшей въ III книжкѣ Вѣнскаго Восточнаго Журнала (WZKM) за текущій годъ статьѣ Г. А. Халатьянца—*Fragmente iranischer Sagen bei Grigor Magistro—XI вѣка*. Въ упоминаемомъ въ отрывкѣ о наложницѣ царя Хозроя божествѣ *Аждахакъ* Вс. Фед. предполагаетъ отголоски халдейско-иранскаго сказанiя о божествѣ—рыбѣ, особенно распространеннаго въ Месопотаміи, т. е. въ мѣстности, гдѣ провель много лѣтъ ученый армянскій князь Григорій Мансуръ. Нѣкоторыя подробности въ отрывкахъ объ иранскихъ богатыряхъ Ростомѣ и Спамдіарѣ, по мнѣнію Вс. Фед.—ча, разнятся отъ мотивовъ Шахнамэ, относящагося приблизительно ко времени, когда жилъ арм. писатель Григорій Мансуръ. Въ тѣхъ же отрывкахъ были отмѣчены референтомъ аналогіи съ мотивами русскаго богатырскаго эпоса, не чуждаго, какъ извѣстно, вліянію иранскихъ сказанiй. Замѣчанiя были сдѣланы Ф. Е. Коршемъ и М. В. Никольскимъ.

4. М. О. Аттая прочиталъ свой докладъ объ арабскомъ рукописномъ сборникѣ Абдуллаха Ибнъ-Фадла, содержащемъ переводъ Псалтири. Референтъ описавъ рукопись, относящуюся, по его мнѣнію, ко времени не ранѣе XV вѣка, подробно остановился на предисловіи арабскаго переводчика, который жилъ въ X вѣкѣ и переводилъ Псалтирь съ греческаго. Затѣмъ М. О. указалъ на нѣкоторые варианты рукописи сравнительно съ лондонскимъ изданіемъ Псалтири 1819 года, а по языку отмѣтилъ нѣсколько народныхъ оборотовъ. М. В. Никольскій сдѣлалъ нѣкоторыя дополненiя, относящiяся къ кодексамъ рукописей арабскихъ Псалтирей, изданнымъ де-Лагардомъ, указывая, что редакціа Псалтири Абдуллаха

Ибнъ-Фадла сходна съ IV группой, т. е. съ Алеппской по Дрезденской рукописи. Нѣкоторыя сравненія рукописи съ Лагардовымъ изданіемъ были сдѣланы М. В. Никольскимъ и В. К. Трутовскимъ совмѣстно съ референтомъ.— По поводу высказаннаго Михаиломъ Осиповичемъ въ своемъ рефератѣ предположенія о существованіи арабскаго перевода Псалтири до Магомета М. В. Никольскій выразилъ сомнѣніе, считая этотъ вопросъ во всякомъ случаѣ открытымъ.

5. Вл. К. Трутовскій сдѣлалъ сообщеніе по обычному праву арабовъ до Магомета на основаніи новаго изслѣдованія Лутфи-бея, напечатаннаго въ трудахъ Женевскаго Съѣзда Оріенталистовъ (1894 г.); референтъ указалъ на нѣкоторые обычаи арабовъ—на убіеніе родителями своихъ дѣтей, преимущественно дѣвочекъ, вслѣдствіе ихъ болѣзненности или негодности къ труду, на свободу въ бракѣ, доходившую до того, что женились на своихъ мачихахъ, на существованіе завѣщанія, на обычай наказывать преступниковъ лишеніемъ жизни и др.—По этому поводу происходилъ обмѣнъ мыслей, въ которомъ приняли участія О. Е. Коршъ, В. О. Миллеръ, М. В. Никольскій и Г. А. Халатьянцъ.

№ 51. Протоколъ засѣданія Восточной Комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 23 Декабря 1896 г. подъ предсѣдательствомъ О. Е. Корша, въ присутствіи гг. членовъ: М. О. Аттая, Х. И. Иоаннесова, Д. И. Иловайскаго, С. Е. Сакова, М. И. Соколова, В. К. Трутовскаго, М. С. Пецкина, секретаря Комиссіи Г. А. Халатьянца и гостей: К. Б. Кусикова и Мирзы Абдуллы Гафарова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествующаго засѣданія.

2. Г. А. Халатьянцъ сдѣлалъ сообщеніе по поводу появившихся за послѣдніе дни въ журналахъ и газетахъ (см. № 351 Русск. Вѣдомостей за 1896 г.) сенсаціонныхъ слуховъ о важномъ, будто, открытіи сдѣланномъ въ Парижской библіотекѣ, а именно о находкѣ рукописи *Армянской Хроники* сирійскаго лѣтописца Маръ-Абаса Катины, служившей, какъ принято считать по традиціи, главнымъ источникомъ по древнѣйшей исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго. О томъ же вопросѣ, со словъ венеціанскаго армянскаго журнала, «Polyhistor» (№ 12 за 1896 г.), не подкрѣпленныхъ однако никакими фактическими данными относительно содержанія самой рукописи, сообщилъ замѣтку на общемъ засѣданіи Московскаго Археологическаго Общества 20 Декабря 1896 г. Л. З. Мсеріанцъ. По мнѣнію Г. А. Халатьянца, значеніе ново-открытой Хроники, если-бы оправдались возлагавшіяся на ней защитниками Хоренскаго смѣлыя надежды, было бы весьма важно въ томъ отношеніи, что она явилась бы сильнѣйшимъ аргументомъ противъ новѣйшихъ критиковъ, не только усомнившихся въ достовѣрности древнѣйшей исторіи Арменіи по изложенію М. Хоренскаго, но и низводившихъ этого послѣдняго съ V вѣка, къ которому самъ онъ относитъ себя, къ VIII вѣку. (См. рефератъ Г. А. Халатьянца въ 42 *Протоколъ* засѣданія Восточн. Коммис. отъ 7 Апрѣля 1894 г. въ «Древност.

Восточ.» т. II, стр. 118—120). Однако, какъ и слѣдовало ожидать, надежды эти были напрасны. Референтъ прочиталъ письмо, полученное имъ за нѣсколько дней изъ Парижа отъ французскаго армениста и археолога Карриера, которому передана новооткрытая сирийская хроника для разбора и опубликованія. Оказывается, что, во первыхъ, хроника эта называется не *армянской*, но *халдейской*; далѣе, изъ содержанія ея видно, что авторъ ея жилъ не во II вѣкѣ до Р. Х., какъ о томъ свидѣтельствуеетъ Монсей Хоренскій, но, повидимому, лѣтъ на 800 позднѣе, т. е. въ VII вѣкѣ по Р. Х. Наконецъ, приводимое въ халдейской хроникѣ очень мало имѣетъ точекъ соприкосновенія съ тѣмъ, что передается у М. Хоренскаго. Болѣе подробно объ этомъ во всякомъ случаѣ любопытномъ открытіи проф. Карриеръ обѣщаетъ помѣстить статью въ ближайшемъ номерѣ вѣнскаго армянскаго журнала «Nantess». — Въ происшедшемъ за сямъ по этому вопросу живомъ обмѣнѣ мыслей приняли участіе Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ, О. Е. Коршъ и Д. И. Ивановскій, при чемъ первый изъ нихъ, не находилъ возможнымъ соглашаться съ мнѣніемъ новѣйшихъ изслѣдователей по Исторіи Арменіи Монсея Хоренскаго.

3. О. Е. Коршъ сдѣлалъ сообщеніе объ армянско-татарскихъ документахъ, списанныхъ Х. И. Кучукъ-Іоаннесовымъ лѣтомъ 1894 г. въ центральномъ архивѣ Кіевскаго Университета, въ которомъ хранятся перенесенные сюда изъ Каменецъ-Подольска 32 большихъ сборника судебныхъ рѣшеній и постановленій жившихъ въ Польшѣ армянъ въ XVI—XVII вв. Документы эти написаны на трехъ языкахъ—армянскомъ, татарскомъ и польскомъ—все армянскими буквами. (См. 44 *Протоколъ* зас. Вост. Комм. отъ 18 октября 1894 г. въ «Древн. Восточн.», т. II, стр. 124). Сообщеніе О. Е. Корша касались лишь татарскихъ документовъ. Референтъ сначала остановился на *фонетическихъ* особенностяхъ нарѣчія того татарскаго языка, на которомъ написаны эти судебные акты; за тѣмъ, отмѣтивъ *юридическія* ихъ особенности, онъ сдѣлалъ переводъ на русскій языкъ *восьми* изъ нихъ, транскрибированныхъ русскими буквами Х. И. Кучукъ-Іоаннесовымъ. При переводѣ, въ сравненіяхъ оригиналовъ этихъ актовъ съ транскрибированными приняли участіе С. Е. Саковъ, Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ, В. К. Трутовскій и Г. А. Халатянцъ. *Постановлено: напечатать* эти документы въ ближайшемъ выпускѣ *Древностей Восточныхъ* съ объясненіями О. Е. Корша; сверхъ того предложено ходатайствовать черезъ предсѣдателя Московскаго Археологическаго Общества о *выпускѣ* (хотябы по частямъ) изъ Кіевскаго архива означенныхъ актовъ въ Восточную Коммиссію для подробнаго ознакомленія съ обширнымъ матеріаломъ, представляющимъ интересъ не только въ отношеніи юридическомъ и бытовомъ, но и лингвистическомъ.

4. М. О. Аттая доложилъ о султанскихъ грамотахъ (числомъ до 26) турецкимъ чиновникамъ на Кавказѣ при турецкомъ владычествѣ. Грамоты эти, относящіяся ко времени отъ 1726 г. по 1821 годъ, сохранились въ домѣ жителя станицы Армавиръ Кубанской Области Касполета Дохполовича Улагая; онѣ доставлены референту съ Кавказа г. Кусиковымъ и

разобраны и переведены совмѣстно съ Мирзой Абдуллой Гафаровымъ. Изъ этихъ документовъ видна усиленная забота турецкаго правительства привлечь на свою сторону черкесовъ, принявшихъ незадолго до того Исламъ. Возбуждая въ нихъ фанатизмъ, оно внушало имъ ненависть и вражду къ русскимъ, чтобы тѣмъ прочнѣе сохранить за собою Черноморскіе области Кавказа. Нѣкоторыя изъ этихъ бумагъ чисто административнаго характера: онѣ даютъ довольно наглядное представленіе объ административномъ строѣ турецкаго режима въ Черноморскихъ областяхъ, въ особенности въ Анапѣ и Согуджукѣ. Въ заключеніе подробнаго отчета о содержаніи султанскихъ грамотъ, сдѣланнаго М. О. Аттаемъ, Мирза Абдулла Гафаровъ, по предложенію предсѣдателя Коммисіи, прочиталъ турецкій текстъ наиболѣе пространной изъ нихъ. *Постановлено: напечатать* эти грамоты (текстъ и переводъ) въ ближайшемъ выпускѣ «Древностей Восточныхъ въ виду важности ихъ для исторіи русско-турецкихъ отношеній въ особенности въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

№ 52. Протоколъ засѣданія Восточной Коммисіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 31 Января 1897 г. подъ предсѣдательствомъ О. Е. Корша, въ присутствіи гг. членовъ М. О. Аттая, В. М. Истрина, В. О. Миллера, С. Е. Сакова, барона Р. Р. Штакельберга, секретаря Коммисіи Г. А. Халатьянца и гостей К. Б. Кусикова и Мирзы Абдуллы Гафарова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2. *В. О. Миллеръ* сдѣлалъ сообщеніе о недавно вышедшей книгѣ Кретчмера—*Einleitung in die Geschichte der Griechischen Sprache* (Göttingen 1896). Референтъ подробно остановился на нѣкоторыхъ любопытныхъ главахъ этого изслѣдованія, а именно: о индо-европейскомъ праязыкѣ (*Ursprache*), о первобытной индоевропейской народности (*Urvolk*), о мало-изслѣдованныхъ мало-азійскихъ языкахъ—фракійскомъ, лидійскомъ, фригійскомъ и др. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, отмѣчаемое Кретчмеромъ, что въ вопросахъ объ опредѣленіи народности данныя антропологическія обыкновенно оказываются менѣе надежными, чѣмъ лингвистическія. Сообщеніе В. О. Миллера вызвало оживленный обмѣнъ мыслей между референтомъ, О. Е. Коршемъ и С. Е. Саковымъ.

3. *М. О. Аттая* сдѣлалъ сообщеніе о двухъ новыхъ арабскихъ книгахъ. Одна изъ нихъ *словарь* именъ собственныхъ и именъ животныхъ, имѣющихъ (именъ) въ началѣ *abi*—*Ibn Alaṭīr's Maḡd aldin al Mubarak, Kunja—Wörterbuch betitelt Kitabal Murassa, herausgegeben von Seybold, Weimar, 1896.* Другая—содержитъ трактатъ о *податяхъ*—*Kitab ul-Kharaj, Le livre de l'impôt foncier de Yahya ibn Adam, par Inaboll, Leide, 1896.*

4. Секретарь Коммисіи *Г. А. Халатьянцъ* предложилъ обмѣняться изданіями съ ученой Конгрегаціей Вѣнскихъ Мхитаристовъ, какъ это существуетъ нѣсколько уже лѣтъ съ Мхитаристами Венеціанскими. *Постановлено: предложить Обществу обмѣняться изданіями, если Вѣнская Конгрегація обратится съ такимъ предложеніемъ.*

5. По предложенію предсѣдателя и секретаря, постановлено: считать членомъ Восточной Коммиссіи г. Мирзу Абдуллу Гафарова, который уже оказалъ Коммиссіи услугу при разборѣ и переводѣ султанскихъ грамотъ, бывшихъ предметомъ реферата на предшествовавшемъ засѣданіи, и который впредь можетъ быть полезенъ Коммиссіи своими познаніями по мусульманскимъ языкамъ.

6. *С. Е. Саковъ* докладывалъ, по порученію Коммиссіи, рефератъ г. Шиленкова, состоящій изъ двухъ частей: 1) Хусейнъ-Бекъ, мусульманскій святой у Башкиръ во времена Болгарскаго царства въ X и XI вв. въ Приуральѣ, и 2) Зданіе при деревнѣ Термы — «дворецъ Тура-Хана» — Существенную часть первой статьи составляютъ: изложеніе топографіи мѣстности, гдѣ расположено магометанское кладбище, образовавшееся вокругъ могилы Хусейнъ-Бека; описаніе состоянія памятника въ моментъ его осмотра въ іюль 1896 г. и фотографическіе снимки съ него, равно какъ и съ дощечки съ надписью на калиткѣ ограды; детальное описаніе и размѣры мавзолея. За симъ авторъ передаетъ о собранныхъ имъ въ г. Уфѣ преданіяхъ о постройкѣ памятника Тамерланомъ, будто, въ 1326 г. (хотя извѣстно, что знаменитый завоеватель родился только около 1334 года) и приводитъ разныя редакціи русскаго перевода надписи на памятникѣ Хусейнъ-Бека. — Докладчикъ, по прочтеніи реферата, остановился подробно на надписяхъ, сохранившихся на надгробномъ памятникѣ, упомянувъ при этомъ, что, какъ надписи, такъ и описаніе мавзолея Хусейнъ-Бека были опубликованы еще въ 1859 году извѣстнымъ ориенталистомъ Вельяминовымъ-Зерновымъ въ Трудахъ Вост. Отдѣл. Импер. Русск. Археол. Общества (ч. I, С:Пб.). Фотографіи съ памятника, сдѣланныя г. Шиленковымъ дополняютъ и исправляютъ, по мнѣнію С. Е. Сакова, нѣкоторыя мѣста въ изданіи Вельяминова-Зернова. — Вторая часть реферата г. Шиленкова представляетъ детальное описаніе зданія, называемаго «дворцомъ Тура-Хана», и нѣсколькихъ неподалеку отъ него находящихся могилъ. Тутъ же приводятся нѣкоторыя преданія о Тура-Ханѣ. — По мнѣнію докладчика, т. наз. «дворецъ» представляетъ изъ себя, повидимому, сторожевую башню, какъ по характеру постройки, такъ и по сообщаемымъ авторомъ реферата даннымъ относительно мѣстоположенія.

По выслушаніи Коммиссіей доклада, постановлено благодарить С. Е. Сакова и вмѣстѣ съ тѣмъ просить его совмѣстно съ М. О. Аттая и г. Гафаровымъ разобрать всѣ надписи въ рефератѣ г. Шиленкова и представить ихъ на одномъ изъ засѣданій Коммиссіи

7. *Г. А. Халатьянцъ* сдѣлалъ сообщеніе о неизданныхъ армянскихъ апокрифахъ въ русскомъ переводѣ Н. О. Эмина. — Въ то время, когда з.-европейскіе и русскіе ученые занимались изученіемъ апокрифовъ и издавали многотомные сборники памятниковъ отреченной литературы, армянскіе апокрифы (оригинальные и переводные) почти не были имъ извѣстны. А между тѣмъ есть не мало между ними очень древнихъ, а также такихъ, греческіе или сирскіе оригиналы коихъ утеряны. Первый изъ ученыхъ обратилъ вниманіе на эту богатую литературу покойный

арменность Эминя, который съ начала 70-хъ годовъ печаталъ на страницахъ «Православнаго Обозрѣнія» рядъ весьма любопытныхъ армянскихъ апокрифовъ, снабдивъ ихъ обстоятельными предисловіями и весьма дѣльными примѣчаніями. За время отъ 1874—1880 г. появились въ свѣтъ переводы слѣдующихъ апокрифовъ: Сказаніе о преставленіи Богородицы и объ Ея образѣ, написанномъ евангелистомъ Іоанномъ;—Сказаніе объ успеніи св. евангелиста Іоанна Богослова;—О Кенопасѣ и зложитроствномъ чародѣйствѣ, которое совершилъ онъ передъ св. Іоанномъ;—Объ евангелии Іоанна;—О видѣніи Іоанна;—О Фаддеѣ и Варѳоломеѣ, апостолахъ Арменіи;—Объ образѣ Іисуса Христа.—Вопросъ объ изученіи арм. апокрифовъ всегда живо интересовалъ Эмина. Въ Подготов. Комитетѣ къ Тифлисскому Съѣзду 1881 г. онъ сдѣлалъ сообщеніе о важности такихъ памятниковъ арм. литературы, а затѣмъ представилъ обширный списокъ любопытныхъ апокрифовъ (болѣе 100), составленный по каталогу Эчмиадзинской бібліотеки. Но планъ его, чтобы за изданіе и переводъ этихъ апокрифовъ взялись молодые ученые изъ армянъ, остался, къ сожалѣнію, неосуществленнымъ. Однако обстоятельство это ни сколько не повліяло неблагоприятно на ходъ его занятій апокрифами. Мало того, въ завѣщаніи своемъ, имѣющемъ общественный интересъ, онъ не забылъ и излюбленныхъ имъ памятниковъ армянской отреченной литературы: сверхъ 10,000 рублей, оставленныхъ Лазаревскому Институту на изданіе сборниковъ по армянской этнографіи, онъ отказалъ въ пользу Венеціанскихъ Мхитаристовъ 10,000 франковъ для обнародованія новооткрываемыхъ памятниковъ арм. литературы, а также арм. апокрифовъ. Какъ осуществленіе этой мысли, появился осенью 1896 года въ Венеціи небольшой изящный томикъ, которымъ открывается изданіе серіи армянскихъ апокрифовъ. Первый томъ заключаетъ въ себѣ апокрифы *Ветхаго Заветъа*, а именно: Адамъ-книга, Заветы 12-ти патріарховъ, Повѣсть объ Іосифѣ и Асенеѣ, Кончина пророковъ, Повѣсть о Моисеѣ, О царѣ Соломонѣ, Вопросы царицы и отвѣты Соломона сына Давида, О книгахъ Соломоновыхъ, Молитва царя Манасіи, Видѣніе Даніила—седьмое, Третья книга Эздры, Распросы пророка Эздры у ангела о душахъ людей. Затѣмъ въ Приложеніи помѣщены: Повѣсть о сотвореніи Адама и согрѣшеніи его, Повѣсть сыновей Адамовыхъ Авеля и Канны, О Снѣ, Повѣсть о покаяніи Адама и Евы, Слова Адама обращенныя къ Снѣ, Краткая повѣсть объ Ильѣ Пророкѣ, Проповѣдь пророка Іоны въ городѣ Ниневіи, О пророкѣ Іереміи изъ книгъ Баруха, Повѣсть о святомъ пророкѣ Іереміи и ученикахъ его Барухѣ и Абимелехѣ, Изъ книгъ Паралипомена, найденныхъ въ книгахъ греческихъ (Объ Іереміи, Барухѣ и Абимелехѣ), Видѣніе блаженнаго Еноха—всѣхъ болѣе 50-ти апокрифовъ.—Относительно самого изданія было сдѣлано референтомъ общее замѣчаніе, состоявшее въ томъ, что редактировавшій этотъ Сборникъ не задался, вопреки ожиданія, непременною цѣлію напечатать апокрифы по сохранившимся *наиболѣе древнимъ* рукописнымъ спискамъ; но онъ ограничился лишь тѣми рукописями, которыя нашлись въ бібліотекѣ Мхитаристовъ на островѣ св. Лазаря и

перепечаталъ то, чего у нихъ не имѣлось. Во всякомъ случаѣ Сборникъ этотъ, по мнѣнію референта, заслуживаетъ полнаго вниманія специалистовъ. Нынѣ готовятся къ печатанію апокрифы Новаго Завѣта.

По словамъ референта, покойный Эминъ, сверхъ изданной имъ серіи переводовъ арм. апокрифовъ, оставилъ въ рукописи еще три апокрифа, а именно: Видѣніе Богородицы, въ которомъ она видѣла грѣшниковъ, О блаженномъ Зосимѣ и Повѣсть объ Іосифѣ и Асенеѣ. Судя по состоянію рукописи покойнаго ученаго, переводы этихъ апокрифовъ, повидимому, не вполне пересмотрѣны и закончены, такъ какъ нѣкоторые слова и выраженія армянскаго текста приведены въ нихъ въ двухъ формахъ—одна надъ другой—и не видно, которой изъ нихъ отдасть переводчикъ предпочтеніе. Кромѣ того, переводъ послѣдняго апокрифа—Объ Іосифѣ и Асенеѣ—къ сожалѣнію не доведенъ до конца: не достаетъ послѣднихъ 2-хъ страницъ вслѣдствіе того, что неособенно исправная рукопись, съ которой переводилъ Эминъ, имѣла въ этомъ мѣстѣ интерполяцію изъ другаго апокрифа, ничего общаго съ Повѣстью объ Асенеѣ неимѣющаго. На этой интерполяціи и остановился ученый переводчикъ.

За этимъ вступленіемъ Г. А. Халатьянцъ успѣлъ, за позднимъ временемъ, прочесть лишь апокрифическое видѣніе Богородицы, примыкающее къ греческому «Откровенію Богородицы» и извѣстное въ славянской письменности подъ названіемъ «Хожденія Богородицы по мукамъ».

В. М. Истринъ указалъ на важное значеніе древне-армянскихъ апокрифовъ при изученіи апокрифовъ славянскихъ и выразилъ желаніе, чтобы они возможно больше переводились и печатались въ «Древностяхъ» не только Восточныхъ, но и Славянскихъ. По этому поводу Г. А. Халатьянцъ сообщил о скоромъ выходѣ въ свѣтъ III выпуска трудовъ Эмина; въ этомъ сборникѣ, въ отдѣлѣ переводовъ по духовной армянской литературѣ, появятся сверхъ 7-ми уже извѣстныхъ апокрифовъ, вышеупомянутые *три* въ первый разъ, въ томъ числѣ любопытнѣйшей между ними Повѣсть объ Іосифѣ и Асенеѣ, греческій оригиналъ которой, какъ извѣстно дошелъ въ отрывкахъ.

№ 53. Протоколъ засѣданія Восточной Комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 2 апрѣля 1897 года, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Комиссіи В. Ф. Миллера, въ присутствіи гг. членовъ: М. О. Агтаи, А. А. Ивановскаго, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, Г. А. Муркоса, М. В. Никольскаго, В. К. Трутовскаго, А. С. Хаханова, барона Р. Р. Штакельберга и секретаря Комиссіи С. С. Слуцкаго.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2. По предложенію предсѣдателя обсуждался вопросъ объ участіи Комиссіи въ Международномъ Съѣздѣ Оріенталистовъ, 5—12 сентября с. г., въ Парижѣ. Изъявили намѣреніе поѣхать на Съѣздъ: А. С. Хахановъ, который готовитъ къ Съѣзду докладъ «Положеніе Армянъ въ Грузинскомъ царствѣ», и (условно) В. К. Трутовскій.

Постановлено: признать А. С. Хаханова и В. К. Трутовскаго представителями Коммисіи на Съѣздѣ и послать съ ними въ даръ Съѣзду: «Древности Восточныя» и V вып. «Матеріаловъ по археологiи Кавказа».

3. М. В. Никольскій сдѣлалъ сообщеніе о статьяхъ по восточной филологiи въ изданномъ въ честь Ѳ. Е. Корша сборникѣ Харистіриа (Москва 1896 г.). Такихъ статей четыре: Г. А. Муркоса: «Нѣкоторыя курьезы англійскаго перевода Путешествія антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ XVII в.»; Л. З. Мсеріанца: «Къ интерпретаціи ваннскихъ надписей»; самого М. В. Никольскаго: «Jākhīn и Bo'az (1 Царствъ, 7,21), и М. О. Аттая: «Этимологическій разборъ арабскихъ словъ, оканчивающихся на —аб (resp.—об, іб, уб).—Статья Г. А. Муркоса наводитъ докладчика на мысль, что вина «курьезовъ» въ переводѣ Бельфура падаетъ не на одного переводчика: вѣроятнымъ представляется, что уже арабская рукопись Бельфура была значительно испорчена, сравнительно съ рукописями Мин. Ин. Дѣлъ. Въ виду выдающагося интереса, который имѣетъ для русскаго историка описаніе путешествія Макарія, было бы въ высшей степени желательнымъ, кромѣ полнаго перевода памятника, кажимъ мы нынѣ обязаны Г. А. Муркосу, изданіе и самаго подлинника, со сличеніемъ различныхъ его рукописей.—Л. З. Мсеріанцъ въ статьѣ своей путемъ сравнительной филологіи выводитъ значеніе слова ваннскихъ надписей рііі = каналъ, возражая между прочимъ и противъ пониманія, какое прежде давалъ этому слову и М. В. Никольскій: при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ изученіе и параллельныхъ фразъ, и самой мѣстности, убѣдило М. В.—ча что рііі дѣйствительно значитъ *каналъ*.—Остановливаясь подробно на статьѣ М. О. Аттая, М. В. горячо возражалъ противъ построенія этимологическихъ выводовъ на данныхъ одного только изъ языковъ семьи, безъ вниманія къ тому, что уже добыто семитскимъ сравнительнымъ языковѣдѣніемъ, особенно благодаря успѣхамъ ассиріологiи, и вообще выразилъ несогласіе какъ съ методомъ, такъ и съ результатами изслѣдованія.

М. О. Аттая, возразивъ, что онъ считалъ себя вправѣ по избранному имъ методу представить тотъ матеріалъ, который имѣется для даннаго вопроса въ арабскомъ языкѣ, прочелъ письмо Ѳ. Е. Корша, который, самъ болѣя, проситъ его представить обсужденію Коммисіи двѣ замѣтки:

4. а) Ѳ. Е. Коршъ отмѣчаетъ въ арабскомъ языкѣ случаи пропуска конечнаго корневаго звука *б* при образованіи такихъ отъименныхъ, какъ *маѳ'алятун* (مَثَعَلَةٌ), *маѳ'аратун* (مَعْقَرَةٌ) отъ *ѳа'лябун*, *'акрабун*, или множественнаго, какъ *'анāдилю* (عَنَادِلٌ) отъ *'андалийбун*. Этими явленіями могутъ до нѣкоторой степени подтверждаться главные выводы М. О. Аттая, хотя требуется еще изслѣдованіе другихъ случаевъ урѣзокъ корня съ конца при образованіи множественнаго числа, уменьшительныхъ, прилагательныхъ на *ійюн*, особенно въ позднѣйшемъ языкѣ, гдѣ возможно *хадрамійюн* (حَضْرَمِيٌّ) отъ *хадраміутун*. Вопросъ требуетъ спеціальнаго изслѣдованія 5 и 4-буквенныхъ корней, и притомъ не въ одномъ араб-

скомъ языкѣ, ибо ведетъ вглубь прасемитскаго языка. Различая степень древности различныхъ урѣзокъ корня, Ф. Е. думаетъ, что исходнымъ пунктомъ для такой аналогіи, по которой, при извѣстныхъ словообразованіяхъ, слишкомъ длинные корни стали укорачиваться съ конца, должны были послужить именныя основы, осложненныя суффиксомъ или иною постороннею корню величиной, и что такими основами могли быть именно слова на—аб.

б) Въ объясненіе загадочнаго персидскаго 𐎧𐎠𐎡 —бадд=вино, Ф. Е. предполагаетъ, что оно искусственно произведено отъ 𐎧𐎠 —бад=вѣтеръ, въ аналогію съ арабской парой словъ رح —раѣх=вино и ريح —рѣх=вѣтеръ.

В. Ф. Миллеръ указалъ на удобство, которое представляется Восточною Коммиссіею для совмѣстнаго обсужденія вопросовъ, подобныхъ тому, который поднять въ статьѣ М. О. Аттая и высказалъ сожалѣніе, что въ данномъ случаѣ не пришлось ранѣ воспользоваться этимъ удобствомъ. Лично В. Ф., не будучи семитологомъ, разсматриваетъ данный спорный вопросъ лишь съ методологической стороны и присоединяется къ М. В. Никольскому, раздѣляя убѣжденіе, что этимологіи слова нельзя строить иначе, какъ на основаніи сравнительнаго изученія родственныхъ языковъ; въ примѣръ можно привести неудачную этимологію Шишкова, исходившаго, для объясненія нѣкоторыхъ явленій славянскаго словообразованія, исключительно изъ русскаго языка.

5. М. О. Аттая прочелъ докладъ: «Къ сказанію о Мудромъ Хакирѣ»

Арабское сказаніе о Мудромъ Хакирѣ (Акирѣ, Гейкерѣ, Ахикерѣ) извѣстно на Западѣ по Голландовому переводу «1001 ночи» (Paris, 1824). Его сближали съ тѣхъ поръ съ греческимъ сказаніемъ объ Эзопѣ, объясняли заимствованіемъ изъ индійской литературы. Нынѣ, особенно доводами Майснера и Лидцбарскаго, все болѣе утверждается мнѣніе, что и арабская, и греческая версія произошли изъ версій арамейской. Въ 1896 г. Лидцбарскій, въ книгѣ «Die neu-aramäischen Handschriften der Königl. Bibl. zu Berlin» прекрасно издалъ и перевелъ на нѣмецкій языкъ это сказаніе въ арабской и арамейской версіи. Представивъ эту книгу Коммиссіи, М. О. прочелъ свой переводъ другой редакціи арабскаго сказанія, — именно, по изданію Sâlhâni, Beirut, 1890 г., сдѣланному по двумъ рукописямъ: 1) Университета св. Іосифа въ Бейрутѣ, 1782 г. и 2) Парижской Націон. Библиотеки, 1772 г.

Выражена искренняя благодарность Коммиссіи М. О. Аттаѣ за переводъ памятника весьма интереснаго и въ исторіи древней русскои письменности.

Продолженіе того же доклада, которое долженъ былъ читать В. Ф. Миллеръ, отложено за позднимъ временемъ.

№ 54. Протоколъ засѣданія Восточной Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 29 Апрѣля 1897 года подъ предсѣдательствомъ В. Ф. Миллера, въ присутствіи предсѣдателя Общества

графини П. С. Уваровой, гг. членовъ: М. О. Аттая, Л. Э. Мсерянца, М. В. Никольскаго, Г. А. Халатьянца, бар. Р. Р. Штакельберга и секретаря С. С. Слуцкаго.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2. Секретарь Коммисіи обратилъ вниманіе на часть рецензіи «Русскаго Обзорѣнія» о переводѣ Г. А. Муркосомъ «Путешествія Макарія Антиохійскаго»: «...по описанію Россіи, говоритъ рецензентъ, мы имѣемъ мало «обслѣдованныхъ источниковъ, оставленныхъ восточными путешественниками, посѣщавшими Россію едва ли не чаще, чѣмъ европейцы, и имѣвшими большую возможность проникать въ нашъ древній бытъ, «благодаря его большому сходству съ восточнымъ и благодаря большимъ «симпатіямъ, съ которыми относились наши предки къ восточнымъ «гостямъ». Указавъ на хранящееся въ Румянцевскомъ Музеѣ драгоцѣнное Скачковское собраніе китайскихъ книгъ по исторіи, географіи и этнографіи разныхъ народовъ и особенно Россіи (въ одной изъ книгъ есть и современный портретъ Петра Великаго), рецензентъ отмѣчаетъ желательность собрать въ Румянцевскомъ Музеѣ *восточную Россію*, подобно тому какъ въ Петербургѣ въ Публичной библіотекѣ собрана Россіика западная, и не только собрать источники, но и сдѣлать переводы и комментировать ихъ, и привѣтствуетъ начинъ великаго дѣла въ мечтѣ Г. А. Муркоса — собрать все, что писано въ Сиріи и Аравіи о Россіи, какъ древней, такъ и XVI—XVIII в. Не останавливаясь на томъ, чѣмъ можно бы ограничить или расширить замѣчанія рецензента, С. С. Слуцкій полагалъ, что члены Коммисіи могли бы оказать содѣйствіе осуществленію въ будущемъ указанной мысли, несомнѣнно полезной и важной — могли бы содѣйствовать какъ выясненіемъ и указаніемъ источниковъ, такъ и переводами ихъ.

В. О. Миллеръ и Г. А. Халатьянецъ высказали сомнѣніе въ томъ, чтобы помно уже извѣстнаго и переведеннаго могли найтись сколько нибудь значительные восточные источники о Россіи. М. В. Никольскій, признавая серіозное значеніе за предложеніемъ и поддерживая его передъ Коммисіей, расширялъ его въ томъ смыслѣ, что желалъ собранія всего сдѣланнаго русскими по изученію Востока. Гр. Уварова, сочувственно относясь къ предложенію, сообщила какъ очевидецъ, о историческомъ рукописномъ матеріалѣ въ видѣ актовъ, записей, книгъ, гибнущемъ на Кавказѣ; Общество Грузинской Письменности слишкомъ бѣдно, чтобы спасать и издавать эти памятники. В. О. Миллеръ пожелалъ, чтобы выясненъ былъ восточный матеріалъ, хранящійся въ Моск. Главн. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ и въ Библіотекѣ Лазаревскаго Института и выразилъ надежду, что члены Коммисіи служащіе въ этихъ учрежденіяхъ по возможности примутъ на себя этотъ трудъ.

3. Г. А. Халатьянецъ продолжалъ свое чтеніе «О неизданныхъ армянскихъ апокрифахъ въ переводѣ Н. О. Эмина» (засѣд. 21 января) докладомъ: «Армянскій изводъ Повѣсти объ Іосифѣ и Асенеѣ въ переводѣ Н. О. Эмина». Армянская хронографія Мхитара Айриванскаго (XIII в.) приводитъ списокъ «священныхъ и тайныхъ» (т. е. каноническихъ и

апокрифических) книг Ветхаго Завѣта, составленный, по словамъ Мхитара, ученымъ армянскимъ вардапетомъ конца XI и начала XII в. Іоанномъ Дьякономъ. Въ этомъ спискѣ, послѣ Завѣтовъ 12 патріарховъ стоитъ «Молитва Іосифа», а въ древнѣйшей версіи «Молитва Асенеѣ». «Молитва Іосифа» извѣстна изъ Оригена, въ отрывкахъ (хотя въ отрывкахъ этихъ приподятся лишь слова Іакова). Современникъ Мхитара, ученый сиріецъ Эбедъ-Есу въ своемъ знаменитомъ каталогѣ называетъ между книгами В. З. «книгу Асенеѣ, жены Іосифа Праведнаго, сына Іакова». А съ XIV в., во множествѣ рукописей, Завѣты 12 патріарховъ сопровождаются Повѣстью Іосифа и Асенеѣ. Повѣсть Іосифа и Асенеѣ вѣроятно тождественна съ Молитвой Асенеѣ, которую знаетъ Іоаннъ Дьяконъ. Она помѣщена въ сокращенномъ латинскомъ текстѣ у Викентія Боверскаго въ *Speculum historiale* и у Фабриція въ *Codex Pseudepigraphus V. T.* (старинный французскій переводъ съ латинскаго текста, *Ystoire Asseneth*, изданъ въ 1558 г.). Начало греческаго текста (почти четверть) издано у Фабриція же, въ видѣ гораздо болѣе распространенномъ чѣмъ латинская версія. Къ сожалѣнію, продолженія повѣсти въ этой, повидимому древнѣйшей формѣ доселѣ не найдено. Армянскій переводъ, сдѣланный съ греческаго, даетъ *полный* текстъ (за исключеніемъ одного мѣста, гдѣ имѣется интерполяція, и незначительныхъ пропусковъ у переписчиковъ) и настолько точенъ, что мѣстами даетъ возможность исправлять текстъ сохранившагося греческаго отрывка. Армянскій текстъ изданъ венеціанскими мхитаристами въ ихъ научно-литературномъ журналѣ *Polyhistor* 1885—6 гг. и въ венеціанскомъ сборникѣ ветхозавѣтныхъ апокрифовъ 1896 г. стр. 152—199. Наконецъ Ландъ въ *Anecdota Syriaca*, 1870 г., издалъ, комбинируя отрывки двухъ рукописей Брит. Музея, сирскій переводъ, сдѣланный съ греческаго же текста въ VI в. Переводъ этотъ, дефектный во многихъ мѣстахъ, значительно сокращенъ въ сравненіи съ армянскимъ; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ они могутъ взаимно исправлять другъ друга. Г. А. прочелъ нѣсколько отрывковъ изъ этого интереснѣйшаго апокрифа по переводу съ армянскаго, сдѣланному Н. О. Эминимъ.

При обсужденіи доклада отмѣчались яркія талмудическія черты сказанія, причемъ В. О. Миллеръ привелъ разсказъ о красотѣ Іосифа по Сеферъ Хайяшеръ; М. О. Аттая указалъ на наличность отдѣльныхъ чертъ изъ повѣсти объ Іосифѣ у Аттабари; М. В. Никольскій указывалъ на необходимость сравненія рукописей при изданіи: отсутствіе относящихся сюда указаній въ изданіяхъ армянскихъ памятниковъ и въ данномъ случаѣ, и даже при такомъ важномъ памятникѣ какъ Моисей Хоренскій, въ отдѣльныхъ мѣстахъ сводитъ на нуль научное значеніе изданія.

4. В. О. Миллеръ по поводу прочитаннаго въ предъидущемъ засѣданіи перевода арабской сказкѣ о Хайкерѣ, сдѣланнаго М. О. Аттаей по изданію Сальхани (*Sâlhâni—Contes Arabes*) остановился на литературной исторіи названной восточной повѣсти, насколько ея судьба въ средневѣковой литературѣ уяснена современными ориенталистами. Пользуясь еще старыми, неудовлетворительными французскими переводами арабскихъ сказокъ 1001

ночи, прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, Карамзинъ высказалъ мнѣніе, что древне-русское сказаніе «Синагриппъ царь Адоровъ и Наливскія страны», содержащееся въ томъ рукописномъ сборникѣ въ который входило и Слово о Полку Игоревѣ, представляетъ передѣлку восточной сказки. Съ другой стороны еще знаменитый ориенталистъ XVIII в. Ассемани въ своей *Bibl. Orientalis* указалъ, что ту же восточную сказку въ греческой передѣлкѣ представляетъ т. наз. біографія Эзопа, приписываемая Максиму Планудѣ. Послѣдняя мысль была затѣмъ подробно развита изслѣдованіями Цюнделя, Вагенера, Келлера и др. Оказалось, что средняя часть біографіи Эзопа, въ которой онъ представляется совѣтникомъ вавилонскаго царя Ликероса, во всѣхъ деталяхъ, кромѣ собственныхъ именъ, совпадаетъ съ арабской сказкой о Хайкарѣ, какъ показало и сравненіе сдѣланное докладчикомъ. Далѣе В. Ф — чѣ изложилъ результаты изслѣдованія *Мейсснера*, напечатаннаго въ *Zeit. d. deutsch. Morgenl. Gesellschaft* въ 1894 г. статью: *Quellenuntersuchungen zur Haiḳârgeschichte*, и нѣкоторыя возраженія, сдѣланныя на нее *Лидцбарскимъ* въ томъ же журналѣ въ статьѣ «*Zum weisen Achikâr*» (1894). Оба ученые согласны въ томъ, что арабская версія сказки основана на сирійской (еще не изданной), извѣстной въ нѣсколькихъ рукописяхъ. Сирійская версія, въ которой разсказъ идетъ отъ лица самаго героя сказки, мудраго Ахикара, дѣйствительно, какъ показываетъ сравненіе, во многихъ чертахъ архаичнѣе арабской. Но оба ученые расходятся въ вопросѣ объ отношеніи сирійской версіи къ біографіи Эзопа. Глубокая древность сказанія о мудромъ Ахикарѣ засвидѣтельствована еще однимъ фактомъ, на который впервые указалъ Гофманнъ (*Auszüge aus syrischen Akten persischer Martyrer* p. 182), а именно упоминаніемъ Ахикара, съ намекомъ на его неблагодарнаго воспитанника, въ греческомъ текстѣ книги Товита (*Tischendorf-Nestle I, p. 645*; принятый русскій текстъ Библии — Тов. 14, 10; ср. Тов. 1, 21 и 22; 2, 10; 11, 17). Излагая мнѣнія Мейсснера и Лидцбарскаго, В. Ф. указывалъ, что исходя изъ этого литературнаго факта и приводя его въ связь со своимъ разборомъ біографіи Эзопа, сирской и арабской версій, Мейсснеръ представляетъ литературную исторію сказанія объ Ахикарѣ въ такомъ видѣ. Исторія эта около II-го в. до Р. Х. была изложена въ Сиріи, вѣроятно евреямъ; на греческомъ языкѣ, съ именами Ахикара и его воспитаника Надана. Впослѣдствіи другой авторъ передѣлалъ ее въ видѣ эпизода изъ біографіи Эзопа, а еще позже, около 700 г., какой нибудь сиріецъ эту часть біографіи Эзопа прикрѣпилъ снова къ именамъ Ахикара и Надана. Эта сирійская версія была затѣмъ передѣлана по арабски. Разсмотрѣвъ замѣчанія Лидцбарскаго въ его статьѣ, а также въ предисловіи къ недавно изданному имъ нѣмецкому переводу исторіи Хикара съ ново-арамейскаго текста, В. Ф — чѣ нашелъ болѣе вѣроятной литературную генеалогію, предполагаемую Лидцбарскимъ. По мнѣнію послѣдняго, оригиналъ повѣсти былъ написанъ, вѣроятно, на еврейскомъ или арамейскомъ языкѣ. Къ этому оригиналу восходитъ сирійская версія, которая впослѣдствіи передѣлана въ арабскую. Сирійская версія была съ одной стороны передѣлана

по гречески въ біографію Эзопа, съ другой-переведена на греческій языкъ безъ измѣненія именъ. Къ этой греческой, не найденной до сихъ поръ, версіи восходитъ южно-славянская, существующая на разныхъ ступеняхъ передѣлки; къ южно-славянской — русская повѣсть объ Акирѣ. Къ восточнымъ передѣлкамъ слѣдуетъ присоединить и армянскую, недавно (въ 1894 г.) напечатанную въ русскомъ переводѣ въ XIX вып. «Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа» Ф. Т. Бунитовымъ. Остановившись на разборѣ этой версіи и отмѣтивъ совпаденія ея въ *пятнадцати* наставленіяхъ Хикара Натану съ южнославянской В. Ф. Миллеръ пришелъ къ предположенію, что армянская, какъ и славянская, восходитъ, быть можетъ, къ утраченной греческой передѣлкѣ. При этомъ впрочемъ референтъ отмѣтилъ и нѣкоторыя черты, сближающія армянскій пересказъ съ сирско-арабскими и выразилъ надежду, что непосредственный источникъ армянской версіи будетъ уясненъ арменистами.

При обсужденіи доклада М. В. Никольскій, въ виду отсутствія въ повѣсти іуданстическихъ чертъ, подвергалъ сомнѣнію предполагаемое происхожденіе ея во II в. до Р. X. и предполагалъ, не были ли неясныя указанія книги Товита поводомъ къ возникновенію повѣсти въ эпоху значительно болѣе позднюю и не на еврейской почвѣ.

№ 55. Протоколъ засѣданія Восточной Коммисіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 31 октября 1897 г. подъ предѣтельствомъ В. Ф. Миллера, въ присутствіи товарища-предѣдателя Общества Д. Н. Анучина, гг. членовъ: М. О. Агтан, С. О. Долгова, Ф. Е. Корша, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, Л. З. Мсеріанца, М. В. Никольскаго, С. Н. Саргсянца, В. К. Трутовскаго, Г. А. Халатьянца, А. С. Хаханова, бар. Р. Р. Штакельберга и секретаря С. С. Слуцкаго.

1. Секретарь Коммисіи доложилъ «Обзоръ десятилѣтней дѣятельности Восточной Коммисіи», первое ученое засѣданіе которой было 31 октября 1887 года. (См. ниже).

Товарищъ предѣдателя Общества принесъ отъ имени Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества благодарность: М. В. Никольскому за сдѣланное имъ въ 1887 г. и оказавшееся столь плодотворнымъ предложеніе объ учрежденіи Восточной Коммисіи и предѣдателямъ Коммисіи: Ф. Е. Коршу и В. Ф. Миллеру за блестящее руководство Коммисіей, которой пожелалъ, отъ имени Общества, и впредь продолжать дѣло съ той же плодотворностью и талантливостью.

По предложенію М. В. Никольскаго, Восточная Коммисія, въ свою очередь, принесла благодарность Ф. Е. Коршу, и, по предложенію предѣдателя В. Ф. Миллера постановлено: выразить благодарность Коммисіи графинѣ П. С. Уваровой.

2. Представлены присланныя изъ Ферганскаго Областнаго Музея отъ 1 мая 1897 г. за № 10, по просьбѣ Общества отъ 10 апрѣля 1896 г. № 748, 2 фотографическія таблицы съ надгробныхъ камней съ кладбища

въ селеніяхъ: Узень Андиганскаго уѣзда и Янги-Наукать Ошскаго уѣзда, съ описаніемъ послѣдняго кладбища, составленнымъ К. А. Рудановскимъ и съ просьбою сообщить, имѣютъ ли эти надписи научный интересъ (въ каковомъ случаѣ будутъ сдѣланы снимки и съ другихъ камней обоихъ кладбищъ). Музей проситъ также сообщить переводъ надписей.

Снимки принялъ на разсмотрѣніе М. О. Аттая.

3. Баронъ Р. Р. Штакельбергъ прочелъ докладъ: «Объ иранскомъ вліяніи на религіозныя вѣрованія древнихъ армянъ» (см. выше, въ отдѣлѣ изслѣдованій, стр. 1—39).

При обсужденіи доклада, Г. А. Халатянцъ указалъ, что мнѣніе о близости армянскихъ брачныхъ обычаевъ съ персидскими основано на недоразумѣніи: тотъ бракъ между близкими родственниками, который былъ запрещенъ Нерсесомъ, былъ бракъ съ невѣсткою, и слѣдовательно тутъ нѣтъ ничего близкаго къ персидскому браку между сыномъ и матерью.

Л. З. Мсеріанцъ отмѣтилъ, что форма *Арамудзъ*, повидимому, свидѣтельствуетъ о до-парянскомъ заимствованіи: въ аршакидскомъ пехлеви среднее *a* уже исчезло. Баронъ Штакельбергъ, соглашаясь съ этимъ замѣчаніемъ, указалъ, что уже въ клинообразныхъ надписяхъ замѣчается разложеніе формы.

Ө. Е. Коршъ дополнилъ указанія автора предположеніемъ о персидскомъ происхожденіи имени божества *Аралезовъ* и слова *гунтзъ* въ армянскомъ языкѣ. Первое повидимому слѣдуетъ объяснить изъ арар+лезъ (огне-лизуцие,—древне-пер. *ātarъ*, позднѣе *ābar*—«огонь» при переходѣ въ армянскій языкъ—арар—причемъ второе *r* не могло сохраниться передъ *l* въ армянскомъ языкѣ). В. Ө. Миллеръ указалъ изъ на 4-глазыхъ адскихъ псовъ, сопровождающихъ смерть по Зенд-Авестѣ, а Г. А. Халатянцъ отмѣтилъ, что у древнихъ писателей Аралезы изображаются порой въ видѣ собакъ. Слово *гунтзъ*—«войско» Ө. Е. сблизалъ съ арабскимъ по употребленію, но несемитскимъ по происхожденію словомъ *джунтзъ*—«войско», «толпа», которое можно сопоставить у Фирдауси со словомъ «кундāверъ» (по произношенію нынѣшнихъ Персіанъ)—«богатырь», «военачальникъ»; въ словѣ *кундāверъ*, или *гундāверъ* вторую часть можно объяснить изъ *аваръ*, *аварданъ*—«приносить», а первую сопоставить съ санскритскимъ *vṛnda*—«стадо», «толпа», ибо санскритскому *v* по правилу соответствуетъ персидское *g* (г), а санскритскому слоговому *r* (р) персидское *y* (у).

В. Ө. Миллеръ, стараясь уяснить вопросъ о до-иранскихъ чертахъ армянской религіи, указывалъ на женское божество *Анāхйдъ*, дочь Арамазда, неизвѣстную, какъ дочь Ормузда, Персамъ (планета Венера).

М. В. Никольскій пояснилъ, что *Аунитзъ* клинообразныхъ надписей стоитъ въ неясныхъ отношеніяхъ къ мужскому божеству Ану. Повидимому это божество—планетное. А priori слѣдуетъ предположить вліяніе урартское на древнюю религію Армянъ и можетъ быть вліяніе вавилонское именно черезъ Урарту. Замѣчательно самое созвучіе именъ: Аралезы-Арарать-Урарту.

В. О. Миллеръ указывалъ, что культъ звѣздъ, во всякомъ случаѣ, не могъ быть чертой ранней религіи армянъ: у семитовъ этотъ культъ развился въ сравнительно позднюю эпоху, у индоевропейцевъ его не было совсѣмъ безъ постороннихъ вліяній: культъ звѣздъ—болѣе тонкая, болѣе культурная религія, а ранѣе является культъ солнца, луны.

4. В. О. Миллеръ прочелъ докладъ: «Матеріалы по эскимоскимъ нарѣчіямъ Анадырскаго округа, присланные Н. Л. Гондатти». Не смотря на незначительность общаго числа эскимосовъ (ихъ всѣхъ, американскихъ и азіатскихъ вмѣстѣ, не болѣе 30,000), нарѣчія ихъ представляютъ большое разнообразіе, вслѣдствіе раскинутости поселеній (такъ, въ Америкѣ отъ Гренландіи на востокъ до Аляски на западѣ). Сдѣлавъ обзоръ эскимосскихъ нарѣчій въ Америкѣ, В. О. представилъ составленный Н. Л. Гондатти параллельный словарь трехъ нарѣчій, которыми говорятъ жители поселковъ: Вутээнъ, Уныынъ и Нууканъ. Словарь заключаетъ въ себѣ, кромѣ числительныхъ, 360 словъ (названія родства, частей тѣла, животныхъ, бытовыхъ предметовъ, одежды и оружія, явленій природы, нѣкоторыхъ игръ, названія народностей и поселковъ). Разсмотрѣвъ подробно вокализмъ и консонантизмъ этихъ нарѣчій, В. О. пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1. Эскимоскія нарѣчія Анадырскаго округа представляютъ спеціальное родство съ эскимоскими нарѣчіями Зап. Америки (Аляски).

2. Говоры: Вутээнъ, Уныынъ и Нууканъ настолько различны другъ отъ друга въ фонетическомъ, морфологическомъ и лексическомъ отношеніяхъ, что могутъ быть названы нарѣчіями.

3. Изъ этихъ нарѣчій уныынское и нууканское болѣе близки между собою, чѣмъ каждое изъ нихъ съ нарѣчіемъ вутээнскимъ.

4. Въ лексическомъ отношеніи на всѣ три нарѣчія (особенно на вутээнское) оказалъ значительное вліяніе чукотскій языкъ¹⁾.

При обсужденіи доклада О. Е. Коршъ замѣтилъ, что обозначеніе *тль* врядъ ли выражаетъ собою дѣйствительно группу *t+l*: скорѣе здѣсь, какъ въ нѣкоторыхъ языкахъ другихъ семей, слѣдуетъ предположить боковую артикуляцію *l* (л), съ широко растилагоющимъ языкомъ. Слово *чуфлукъ*—«ружье» въ одномъ изъ нарѣчій любопытно близостью къ татарскому *чифтликъ*; возможно предположить здѣсь заимствованіе изъ якутскаго, но *k* въ данномъ положеніи, сохраняясь въ языкѣ черневыхъ татаръ, кажется не сохраняется у якутовъ. В. О. Миллеръ пояснилъ, что *k*—обычный суффиксъ въ данныхъ эскимоскихъ нарѣчіяхъ.

№ 56. Протоколъ засѣданія Восточной Коммисіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 18 ноября 1897 г. подъ предѣтельствомъ В. О. Миллера, въ присутствіи гг. членовъ: М. О. Аттая, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, Л. З. Мсеріанца, Н. В. Никитина, М. В. Никольскаго, С. Н. Теръ-Саргсянца, В. К. Трутовскаго, Г. А. Халатьянца, А. С. Хаханова, бар. Р. Р. Штакельберга, Д. И. Эварницкаго, гостя о. Арсена Клитчяна и секретаря С. С. Слуцкаго.

¹⁾ Докладъ В. О. Миллера напечатанъ въ «Живой Старинѣ» 1897 г., кн. II.

1. Читаны и подписаны протоколы засѣданій: 29 апр. и 31 октября. По поводу перваго изъ этихъ протоколовъ М. В. Никольскій сообщилъ, что въ Proceedings of Biblical Archaeological Society Гастеръ издалъ новооткрытый еврейскій текстъ книги Товита, которая доселѣ извѣстна была лишь черезъ греческій переводъ. Новооткрытая рукопись принадлежитъ Британскому Музею и представляетъ собою, по мнѣнію Гастера, редакцію оригинальную или наиболѣе близкую къ оригинальной. Упомянутой объ Ахиакарѣ въ ней нѣтъ.

2. В. Ф. Миллеръ познакомилъ съ содержаніемъ персидской рукописи изъ Бухары, изданной Вамбери-Бамбергеромъ въ послѣдней книжкѣ ZDMG. Это легендарная исторія Тимура, причемъ персидскій текстъ пестритъ восточно-тюркскими словами. В. Ф. изложилъ три отрывка изъ похода Тимура «на Россію»: взятіе Азова (въ дѣйствительности взятаго Тимуромъ у генуэзцевъ), взятіе «города Крыма» и взятіе Москвы, и отмѣтилъ въ этихъ разсказахъ черты старыя и новыя: къ первымъ можно отнести свѣдѣнія о крѣпости московскихъ стѣнъ и о прекрасной московской артиллеріи, которая, заведенная съ Василія Темнаго, была, дѣйствительно, одной изъ лучшихъ въ Европѣ; къ новымъ чертамъ надо отнести разсказъ о русской «дѣвѣ», взявшей Крымъ, о царицѣ, правившей въ Москвѣ: это, вѣроятно, воспоминанія о XVIII вѣкѣ, когда воображенія въ Средней Азій были поражены царствованіемъ у насъ женщинъ; къ такимъ сказаніямъ относится напр. записанное А. А. Ивановскимъ въ Семирѣченской области преданіе о борьбѣ киргизскаго богатыря Дари съ русской царицей великаншей Дарига.

3. О. архимандритъ Арсенъ Клитчянъ прочелъ: «О курганахъ и историческихъ памятникахъ Эриванской губерніи и Карской области». Докладчикъ сообщалъ по личной памяти и слухамъ свѣдѣнія о курганахъ, каменныхъ могилахъ, развалинахъ крѣпостей, монастыряхъ, церквахъ, пещерахъ, мѣстностяхъ замѣчательныхъ исторически, также о находкахъ старинныхъ монетъ и сердоликовъ. Въ 12—15 в. отъ Нахичевани и въ 1—2 верстахъ другъ отъ друга, по теченію Нахичевань-чая находятся три громадныя кургана: одинъ, разрытый рѣкою и людьми, при впаденіи Джагры-чая; другой на сѣв.-вост., у селенія Халканъ, и третій на востокъ, у дер. Кюль-тапа (= «холмъ изъ золы»). Въ первомъ курганѣ, подъ верхнимъ слоемъ земли лежитъ слой золы, имѣющій мѣстами до 2—3 саж. въ глубину; есть смутныя разсказы о находимыхъ здѣсь костяхъ, каменныхъ орудіяхъ, и опредѣленные — о громадныхъ кувшинахъ со стѣнками въ 2—3 вершка толщиною. Въ Карской области въ сел. Баш-шорагяль (Шорагяльскій участокъ) открыто въ 1891 г., при рытіи фундамента, нѣсколько 4-угольныхъ каменныхъ гробницъ, покрытыхъ громадными нетесаными плитами и сложенныхъ изъ громадныхъ же нетесаныхъ камней; въ нихъ, говорятъ, не нашли ничего кромѣ костей и разбитыхъ кувшиновъ. Въ той же области на берегу Карахан-чая въ 13 в. отъ Александрополя, близъ сел. Кизилчахчахъ (древній Джермункъ) случайно же открыта въ 1880 г. на глубинѣ 3—4 аршинъ четырехугольная каменная гробница,

подъ каменными плитами, искусно построенная изъ тесаного камня. Тутъ были кувшины, кости и бронзовые вещи; направление гробницы было помнится, съ запада на востокъ. — Древнихъ монеть особенно много находятъ крестьяне въ Даралагызѣ (Эриванской губ.), повидимому при случайныхъ вскрытіяхъ, распахкахъ и т. п. малыхъ кургановъ. Близъ упомянутого селенія Кизилчахчаха не разъ находимы были сердолики.

При обсужденіи доклада о. Клитчянъ пояснилъ: что высота большихъ кургановъ по Нахичевань-чаю доходитъ, можетъ быть, до 15 сажень, длина 30 сажень; что въ Кизилчахчахской каменной могилѣ высота тесаныхъ камней—аршина $1\frac{1}{2}$ —2; въ Баш-шорагялѣ каменныхъ могилъ было много: 15—16; въ могилахъ находили заразъ по многу кувшиновъ, большихъ и малыхъ, симметрично расположенныхъ: въ иной могилѣ 10—15 кувшиновъ.

М. В. Никольскій указалъ цѣнность сообщеній о. Клитчяна: они показываютъ, что полоса каменныхъ гробницъ съ громадными кувшинами, какія изслѣдовалъ въ Елисаветпольской губ. А. А. Ивановскій, относя ихъ предположительно къ ванскому періоду, идетъ до Карской области. Громадные курганы являются нопостью сравнительно съ изслѣдованіями М. В—ча и А. А. Иванова. В. О. Миллеръ высказалъ мнѣніе, что эти громадные курганы съ массой золы не могутъ быть погребальными, а представляютъ собой сожженный городъ. М. В. Никольскій, обращая вниманіе на безслѣдное исчезновеніе вещей, которыя, какъ показали раскопки А. А. Иванова и какъ подтверждаетъ о. Клитчянъ, во множествѣ находятся порой въ одной могилѣ, предлагалъ попытаться отыскать какія нибудь мѣры къ мѣстной охранѣ кургановъ и могильниковъ отъ раскопокъ; не можетъ ли принять на себя просвѣщенный починъ въ этомъ дѣлѣ, относительно мѣсть близкихъ къ нему, Эчміадзинскій монастырь?

Постановлено: передать записку о. Клитчяна въ Общество, какъ интересный матеріалъ по археологій Кавказа, а отца Арсенія Клитчяна признать членомъ Восточной Коммисіи.

4. Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ доложилъ содержаніе брошюры г. Басмаджіана, писанной по армянски и говорящей о маназкертской клинообразной надписи, изданной Шейлемъ (Scheil) въ журналѣ: *Recueil des travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes*, т. VIII (1896 г.).

При обсужденіи доклада, М. В. Никольскій пояснилъ, что какъ въ этой, такъ и въ англійской своей брошюрѣ, г. Басмаджіанъ, молодой и ревностный изслѣдователь, предлагаетъ рядъ новыхъ толкованій, идущихъ въ разрѣзъ съ традиціей, но не имѣющихъ подъ собой достаточной опоры. Надпись Шейля, дѣйствительно, важна тѣмъ, что даетъ звуковое значеніе слова «царь»—*cgilaš* (таже догадка была сдѣлана Шульцемъ, но по надписи очень неясной, что лишало возможности пользоваться этой догадкой).

5. А. С. Хахановъ прочелъ отчетъ объ «11-мъ Международномъ Съѣздѣ Оріенталистовъ», собиравшемся осенью этого года въ Парижѣ. Присутствовавшій на Съѣздѣ вмѣстѣ съ А. С—чемъ, Л. З. Мсеріанцъ сдѣлалъ нѣсколько дополненій.

№ 57. Протоколъ засѣданія Восточной Коммисіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 9 декабря 1897 г. въ присутствіи гг. членовъ: о. архимандрита Арсенія, М. О. Аттая, В. М. Истрина, Ф. Е. Корша, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, Мирзы-Абдуллы Гафарова, Г. А. Муркоса, С. Н. Теръ-Саргсянца, В. К. Трутовскаго, Г. А. Халатьянца, бар. Р. Р. Штакельберга и Д. П. Эварницкаго.

1. Въ виду отсутствія, по болѣзни, предсѣдателя и секретаря Коммисіи, приняли на себя, по общей просьбѣ, исполненіе обязанностей: предсѣдателя — Ф. Е. Коршъ, а секретаря — Г. А. Халатьянецъ.

2. Ф. Е. Коршъ доложилъ обзоръ сборника «Восточныя замѣтки», изданнаго восточнымъ факультетомъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета въ честь 100-лѣтняго юбилея Парижской Школы Живыхъ Восточныхъ Языковъ.

3. М. О. Аттая доложилъ объ арабскихъ надгробныхъ надписяхъ изъ Ферганской области, по снимкамъ съ семи камней, присланнымъ въ Общество изъ Ферганскаго Областнаго Музея. (Протоколъ 31 октяб. 1897 г.), прочитавъ и описаніе Наукатскаго кладбища, составленное г. Рудановскимъ и присланное вмѣстѣ со снимками. (См. статью М. О. Аттая въ настоящемъ выпускѣ).

Постановлено: согласно просьбѣ Ферганскаго Музея сообщить ему переводъ надписей, выразить глубокую благодарность за чрезвычайно-интересную присылку и просить болѣе детальныхъ снимковъ съ надгробія Баба-Хаджи (съ боковъ, дабы вышли ясно концы строкъ), ровно какъ и вообще присылки новыхъ снимковъ съ обоихъ кладбищъ, а также присылки свѣдѣній объ Узгенскомъ кладбищѣ.

№ 58. Протоколъ засѣданія Восточной Коммисіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 28 января 1898 года, подъ предсѣдательствомъ В. Ф. Миллера, въ присутствіи Предсѣдателя Общества Графини П. С. Уваровой, гг. членовъ: о. Арсена Клитчяна, М. О. Аттая, Мирзы Абдуллы Гафарова, М. В. Довнара-Запольскаго, Ф. Е. Корша, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, М. В. Никольскаго, М. И. Соколова, С. Н. Теръ-Саргсянца, В. К. Трутовскаго, Г. А. Халатьянца, бар. Р. Р. Штакельберга, Д. И. Эварницкаго и секретаря С. С. Слуцкаго.

1. Читаны и подписаны протоколы двухъ послѣднихъ засѣданій: 18 ноября 1897 г. и 9 декабря 1897 г.

2. Секретарь доложилъ, что за заслуги оказанныя въ Восточной Коммисіи избраны, по предложенію Предсѣдателя Общества, единодушно поддержанному, въ засѣданіи Общества 16 января, изъ членовъ-корреспондентовъ въ дѣйствительные члены: высокопреосвященный архіепископъ Месропъ, Г. А. Халатьянецъ, М. О. Аттая, Л. З. Мсеріанецъ, С. Е. Саковъ и бар. Р. Р. Штакельбергъ, и въ члены-корреспонденты Общества кн. А. А. Гагаринъ.

3. Доложены отвѣтныя письма русскихъ консуловъ на Востокъ на циркулярное письмо Предсѣдателя Общества отъ 18 іюля 1897 г. а) вице-консулъ въ Самсунѣ, г. фонъ Циммерманъ указываетъ, что обильная древностями разныхъ эпохъ территория бывшаго понтійскаго царства представляетъ почти непочатый уголь для археологій и что раскопки тамъ могли бы привести къ интереснымъ результатамъ. Въ Амасіи (въ 22 час. отъ Самсуна), по слухамъ, есть и клинообразныя надписи. — б) Консулъ Щелкуновъ въ Трапезондѣ указываетъ на работы по древностямъ трапезондскимъ Триандафиллиди, Тексье и мѣстнаго любителя Іоаннидеса. Остаются неописанными: нѣкоторыя византійскія церкви, какъ церковь св. Дмитрія; параклисы въ колокольніхъ св. Софіи; остатки дворцовъ императоровъ трапезондскихъ, генуэзскихъ крѣпостей и т. д.; при случайныхъ раскопкахъ открываются остатки храмовъ, мозаичныхъ половъ и т. п. Производить систематичныя раскопки здѣсь крайне трудно, при недовѣрчивомъ отношеніи къ этому дѣлу какъ мѣстныхъ властей, такъ и правительства: для производства раскопокъ необходимо ираде Е. II. Султана, полученіе котораго возможно лишь при энергическомъ предствительствѣ посольства. Музея городского нѣтъ; есть собранія рукописей въ гимназій и монастыряхъ: Сумела (Богородицкомъ), св. Георгія Перистера и св. Іоанна Вазелона; въ этихъ же обителяхъ имѣются отъ XVII—XVIII вв.: шитыя иконы, эмалевые оклады на евангеліяхъ, кресты и т. п.¹⁾ — в) Генеральный консулъ въ Эрзерумѣ, г. Максимовъ указываетъ на книгу о. Нерсеса Саркисіана: «Описаніе Малой и Великой Арменіи» (путешествіе въ 1843—53 гг.), на армянскомъ языкѣ, изданную въ Венеціи въ 1864 г. Въ самомъ Эрзерумѣ нѣсколько греческихъ церквей обращенныхъ въ мечети: такъ близъ древняго сельджукскаго минарета «Чифтэ Минарэ» греческая часовня обращенная въ мечеть; далѣе мечети: Узу Джаміи и Куршунли Джаміи. Глубокой древностью отличаются армянскіе монастыри въ окрестностяхъ Эрзерума: Кизил-ванкъ, Лусаворич-ванкъ и Хачка-ванкъ, причѣмъ послѣднему мѣстные жители считаютъ около 1200 лѣтъ. По дорогѣ въ Трапезондъ у дер. Варзаханъ видны на горѣ остатки крѣпости, у г. Байбурта — полуразрушенная армянская церковь. Изъ древностей Тортумскаго (8 час. ѣзды отъ Эрзерума) округа, указанныхъ въ книгѣ о. Саркисіана многія уже не существуютъ, хотя встрѣчаются еще остатки древнихъ стѣнъ. Смутность свѣдѣній объясняется затруднительностью и небезопасностью путешествія по Курдистану. Для успѣха, экспедиція должна быть и сама хорошо вооружена, и сопровождаться турецкими жандармами. Путь къ Эрзеруму черезъ Карсъ, Караурганъ и Хасанъ-Кала лучше и безопаснѣе чѣмъ черезъ Трапезондъ, Гюмюшханъ и Байбуртъ. Единственное удобное время для экспедиціи было бы съ мая по октябрь включительно. — г) Изъ Восточнаго Туркестана, кашгарскій генеральный консулъ Н. О. Петровскій сообщаетъ свѣдѣнія о своей кашгарской коллекціи, на-

¹⁾ См. «Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ», I, стр. 25 и слѣд.

ходящейся нынѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ и (рукописи) въ Академіи Наукъ (см. статьи самого Н. О. Петровскаго и Г. А. Кизерицкаго въ Зап. Вост. Отд. И. Р. А. О. IX, 1896 г.). Что касается рѣзныхъ камней (интересовавшихъ членовъ нашего Общества по сходству съ камнями Кавказа), то болѣе всего ихъ добыто въ Буразанѣ близъ Хотана. Г. Петровскій полагаетъ, что рѣзные камни пришли въ В. Туркестанъ вмѣстѣ съ буддизмомъ. Въ видѣ лишь очень проблематичной догадки г. П. высказываетъ предположеніе, что Анды, въ древности заселявшіе Фергану (г. Андижанъ), а нынѣ сохранившіеся въ г. Туркестанѣ и трехъ близкихъ селеніяхъ (Машадѣ, Кара-сараѣ, Манкендѣ), причемъ они стыдятся называть себя Андами,—тождественны съ кавказскими Андійцами (Андійскій округъ), т. е. что Анды выселились изъ Ферганы на Кавказъ.

4. Старшій драгоманъ въ Тегеранѣ, И. Григоровичъ, отвѣчая на письмо графини Уваровой отъ 26 августа, высказываетъ свои соображенія, что древніе Персы, исповѣдывая огнепоклонство и Зороастрову религію, не могли оставить могилъ. Могилы оставлены: евреями, у древнихъ городовъ: Хамадана (Экбатана), Техти-Джемшидъ (Персеполисъ), Казвина;—мусульманами (погребенія безъ украшеній) и монголами (погребенія съ богатыми украшеніями). Законами Персіи воспрещается раскопка могилъ, какъ новыхъ, такъ и древнихъ. Въ заключеніе г. Григоровичъ указываетъ на труды Dieulafoy и Dubeux, на монопольную концессию данную французамъ на изслѣдованіе въ Сузѣ и Персеполи, на раскопки Могдан, и на экспедицію отъ Имп. Географ. Общества въ 1894 г. орнитолога г. Глазунова, который производилъ и раскопку у подножія Демовенда; указываетъ также на полк. Касп. Ник. Блюмера, нынѣ живущаго въ Бѣлостокѣ, и посѣтившаго развалины Персеполя.

5. Представлены полученныя Обществомъ: брошюра Н. Н. Пантусова «Древности Средней Азіи: 1) Китайскій побѣднѣй памятникъ на г. Гедынь-Шань; 2) Кам. бурханъ въ Токмакс. уѣздѣ», и изданія Туркестанскаго Кружка Любителей Археологіи: протоколы засѣданій 17 февраля и 5 мая 1897 г. съ приложеніями, Исторія Бухары Мухаммеда Наршахи въ переводѣ (съ персидскаго) Н. С. Лыкошина, и брошюра «Тысячелѣтіе изъ жизни татаръ» Д. Д. Струнина, по Паркеру. Секретарь отмѣтилъ плодотворность дѣятельности молодаго Туркестанскаго Кружка по приведенію въ извѣстность, охранѣ и изслѣдованію древнихъ памятниковъ края. Выдающимся событіемъ въ истекшій второй годъ существованія Кружка является открытіе В. А. Каллауромъ древне-тюркскихъ надписей («руническихъ», «енисейскаго типа»), которыя, бывъ доставлены черезъ Имп. Русск. Археол. Общ. въ Академію Наукъ, были изслѣдованы В. В. Радловымъ. Эти надписи найдены въ Ауліеатинскомъ уѣздѣ который вообще былъ разносторонне изслѣдованъ членами Кружка. Кружкомъ изслѣдовались въ краѣ древніе торговые пути, развалины городовъ, древнія зданія, мазары, цѣпи кургановъ, пещеры, каменные бабы, рисунки на скалахъ, результаты раскопокъ, отдѣльныя находки и т. д., дѣятельно собирались свѣдѣнія о древностяхъ въ уѣздахъ и принимались мѣры къ ихъ охранѣ. Успѣхомъ

своей дѣятельности Кружокъ, несомнѣнно, болѣе всего обязанъ просвѣщенной поддержкѣ и руководству со стороны своего Почетнаго (и дѣятельнаго) Предсѣдателя, туркестанскаго генераль-губернатора бар. А. Б. Вревскаго. Благодаря барону Вревскому сочувственно отнесся къ дѣятельности и задачамъ Кружка и Е. В. Эмиръ Бухарскій, приславшій въ музей Кружка древнее мѣдное блюдо и коллекцію древнихъ монетъ найденныхъ въ разное время въ Бухарѣ: золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ, и издавшій распоряженіе объ охранѣ памятниковъ древности въ Бухарскихъ владѣніяхъ (Протоколы Кружка и Прав. Вѣстн. 1898 г. № 4).

6. Секретарь сообщилъ, на основаніи газетныхъ свѣдѣній (Berl. Tageblatt, St. Pet. Herold), что германскій Восточный Комитетъ, объ энергичной дѣятельности котораго въ Сириі докладывалъ въ 1894 г. Комиссія М. В. Никольскій (статья въ Древн. Вост. т. II, вып. I), нынѣ развивается въ Общество — Deutsche Orient-Gesellschaft, съ цѣлью: распространять въ болѣе широкихъ кругахъ интересъ къ древнимъ культурамъ Востока, особенно ассиро-вавилонской и отчасти египетской; съ помощью этихъ болѣе широкихъ круговъ осуществлять регулярныя раскопки на родинѣ этихъ культуръ и въ областяхъ ихъ распространенія; снабжать добычею этихъ раскопокъ Королевскій Берлинскій, а по возможности и другіе германскіе Музеи. Предполагаются филиальныя отдѣленія въ большихъ нѣмецкихъ городахъ, и учредители надѣются привлечь такимъ образомъ тысячи членовъ съ умѣреннымъ взносомъ на поддержку и развитіе дѣятельности, которая уже столь блестяще и столь лестно для національнаго чувства нѣмцевъ зарекомендовала себя, обогативъ Берлинскій Музей громадной коллекціей древностей ассиро-вавилонской и арамейской культуры.

Привѣтствуя новый широкій починъ дѣятелей, идущихъ на научныя завоеванія во всеоружіи энергіи и знанія, С. С. Слуцкій однако, въ виду этого почина, считалъ необходимой особую бдительность со стороны русскихъ археологовъ. Возможно, что въ связи съ проектомъ новаго Общества стоитъ предполагаемая экспедиція гг. Белька и Лемана въ наше Закавказье, въ Елисаветпольскую губернію, на три года, съ цѣлью изслѣдованія ванской культуры. Это предпріятіе противорѣчитъ правиламъ общепринятымъ среди археологовъ всѣхъ странъ и народовъ, ибо обращается на матеріалъ, надъ которымъ уже работаютъ экспедиціи Московскаго Археологическаго Общества, снаряжаемая на Высочайше дарованныя средства. Необходимо также имѣть въ виду, что запрещеніе вывоза древностей съ Кавказа за границу — призрачно, какъ призрачно и утвержденіе, что изслѣдователи не будутъ производить раскопокъ иначе, какъ для очищенія низа камней и т. п.: ни за тѣмъ, ни за другимъ нѣтъ возможности услѣдить. Секретарь указалъ также на желаніе выраженное нѣмецкими археологами въ Римѣ (Протоколъ засѣданія Турк. Кружка Люб. Археол. 5 мая 1897 г.) — изслѣдовать на мѣстѣ древности Туркестана, гдѣ работаютъ уже и Имп. Русск. Археолог. Общество, и Турк. Кружокъ Люб. Археол., и основаны мѣстные Музеи въ Ташкентѣ, Ферганѣ, Самаркандѣ.

Графиня П. С. Уварова подтвердила фактъ вывоза нашихъ древно-

стей за-границу, несмотря на запрещенія: есть виды кавказскихъ древностей (каменные молоты, мѣдные пояса), которыми бѣденъ Эрмитажъ и богаты заграничныя собранія; мѣдные пояса, добытыя Рёсслеромъ, несмотря на увѣренія, что послѣдній ничего не высылалъ за границу, графиня лично видѣла въ берлинскомъ собраніи. Относительно поѣздки Белька и Лемана, графиня сообщила, что дѣлаются шаги въ Петербургъ, съ цѣлью отклонить эту экспедицію, если есть еще возможность.

7. О. Е. Коршъ доложилъ свое чтеніе, переводъ и толкованіе къ пожертвованной Обществу О. О. Лашковымъ «Крымской жалованной грамоты конца XVII в.». Грамота эта дана въ 1104 г. гижры (1692—3 г.) Ханомъ Селимъ-Гиреємъ престарѣлому Мустафа-агъ въ подтвержденіе, предоставленнаго ему предками Селимъ-Гирея, ежегоднаго пожалованія бочки молдавскаго меда; она подтверждена для сына Мустафа-аги, Али-Джана тѣмъ же ханомъ въ 1115 г. и ханомъ Гази-Гиреємъ въ 1116 г. Формулы ея — точная копія съ формулъ, употреблявшихся въ жалованныхъ грамотахъ турецкихъ султановъ; языкъ также чистый османскій, кромѣ слова اغاجا — а'аѣа (о предкахъ), которое, кажется, — джагатайское.

8. М. В. Никольскій сдѣлалъ два сообщенія а) О докладѣ въ Берлинскомъ Антропологическомъ Обществѣ гг. Белька и Лемана, которые, вопреки ассиріологу Іенсену, доказываютъ, что древнѣйшій ванскій царь Сардури I, оставившій двѣ надписи на ассирійскомъ языкѣ, городомъ «Альниномъ» называетъ не нынѣшній Ванъ, а другой городъ, лежавшій въ близкомъ разстояніи отъ Вана, и именно Меласгердъ (или Манавазгердъ) на сѣверъ отъ Ванскаго озера. Доказательство они заимствуютъ изъ позднѣйшей исторіи, именно: что одинъ изъ позднѣйшихъ армянскихъ царей Гагикъ Арцруни доставалъ строительный матеріалъ для постройки одной ванской крѣпости изъ того же мѣста. М. В. Никольскій полагалъ, что вопросъ можетъ быть рѣшенъ только минералогическимъ изслѣдованіемъ камней надписей и сравненіемъ ихъ съ горными породами Вана и Меласгерда. б) Другое сообщеніе было посвящено вопросу «О древнемъ названіи Ванскаго озера». Ассирійцы называли его неопредѣленно «верхнимъ моремъ страны Наири» или просто «моремъ страны Наири». Классическіе географы: Страбонъ, Плиніи и Птоломей называютъ его Thoritis или полнѣе Thospitis — названіе, которое происходитъ отъ имени гор. Вана въ урартскій періодъ — Тушпа. Но у тѣхъ же писателей есть названіе озера въ Арменіи другое, именно Arsene, Areisa, Arsissa и др., — одни его отождествляютъ съ Ванскимъ озеромъ, другіе считаютъ за особое озеро. Докладчику нечаянно удалось найти въ сирской литературѣ соответствующее этому послѣднему, искаженному классическому названію, названіе, которое, по его мнѣнію, близко къ первоначальному. Именно въ Chronicon ecclesiasticum Баръ-Гебрея (Григорій Абульфараджъ) находится названіе Ванскаго озера Archestia, причѣмъ упоминается и городъ Argisch на берегу этого озера. Сопоставивъ эти формы съ тѣми, которыя имѣются у сирскихъ лексикографовъ, докладчикъ устанавливалъ ихъ родство между собою и объяснялъ ихъ отъ имени Argishti, принадлежащаго важнѣйшему

изъ ванскихъ царей (VII в. до Р. Х.). Отъ этого то названія, точно сохранившагося у сирійцевъ, и произошли искаженныя названія у классическихкихъ географовъ. Помимо сего докладчикъ сдѣлалъ предположеніе, что названіе озера Гокчи упоминаемое Птоломеемъ, Luchnitis, могло произойти отъ Luchiunini — названіе одного изъ важнѣйшихъ городовъ въ долинѣ Аракса, упоминаемаго въ надписи Менуа.

9. Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ доложилъ описаніе старинныхъ армянскихъ рукописей собранія г. Абгара Іоаннисіани. См. приложеніе къ протоколу.

При докладѣ представлены были фотографіи и двѣ рукописи изъ собранія г. Іоаннисіани.

При обсужденіи доклада Г. А. Халатьянцъ не признавалъ важности за разобранными рукописями, указывая, что онѣ б. ч. поздны, плохо писаны и со статьями изданными. Наиболѣе интересенъ большой исторической сборникъ 1624 г., но и въ немъ все статьи изданныя. Рукопись Исторіи Нерсеса писана плохо, полна ошибокъ, и не принадлежитъ ни къ числу интересныхъ по содержанію (это — популярное сочиненіе на основаніи Фавста и съ позднѣйшими приставками), ни къ числу рѣдкихъ (у Г. А. есть двѣ такихъ рукописи). Вмѣстѣ съ другими членами Коммисіи Г. А. полагалъ, что пергаменный листъ, вложенный въ одинъ изъ сборниковъ, есть не апокрифъ, а просто пересказъ Евангелія, какъ это встрѣчается, толкованіе Евангелія и т. п.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПРОТОКОЛУ № 58.

Въ засѣданіи Восточной Коммисіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 28 января 1898 г. дѣйств. членъ Хр. Ив. Кучукъ-Іоаннесовъ читалъ докладъ о старинныхъ армянскихъ рукописяхъ изъ коллекціи г. Абгара Іоаннисіани въ Кишиневѣ.

Всѣхъ рукописей одиннадцать:

1. Сборникъ 1624 г., въ которомъ заключаются сочиненія армянскихъ писателей отъ IV по XV в. частью цѣликомъ, частью отрывками, и въ томъ числѣ: Зенобъ-Глака IV в., Фавста Византійскаго IV в., Моисея Хоренскаго (V в.) — полная Исторія, Іоанна Мамиконьяна VII в., Месропа іерея X в., Матѳея Эдесскаго XII в., Киракоса Гандзакскаго XIII в., Михаила Сиряннина пис. конца XII и начала XIII в., Хронографія Самуила Анійскаго XII в., Оомы Метцопскаго XV в. и проч. (число листовъ 369).

2. Сборникъ проповѣдей, собранныхъ въ 1407 г. знаменитымъ поборникомъ Армянской церкви противъ униторовъ, Григоріемъ Татевскимъ (1340—1411 г.); переписанъ въ Каффѣ въ XVII вѣкѣ, во дни патріарха Якова IV-го (1655—1680 г.) нѣкимъ Хачатуромъ Хасбекомъ, на иждивеніе Ходжа — Аветика. Въ концѣ рукописи имѣется пергаментный листъ — съ текстомъ евангелія (апокрифъ), писаннымъ крупнымъ уставомъ древняго образца. Въ рукописи 407 листовъ и, на нѣкоторыхъ изъ нихъ попадаются миниатюры и другія мелкія украшенія.

3. Толкованіе Іоанна Златоуста на посланія ап. Павла—рукопись съ мініатюрами, переписана «старцемъ Григоріемъ» въ церкви Св. Богородицы въ городѣ Карахисарѣ (въ Малой Азіи) въ 1646 году; число листовъ 384.

4. Сборникъ разныхъ проповѣдей—рукопись XVII в. писана круглымъ почеркомъ на лощенной бумагѣ, во дни патріарха Моисея III-го (1629—1632) и при персидскомъ царѣ Шахъ-Сефи въ 1631 году; число листовъ 97.

5. Метафизика Аристотеля Стагирита—рук. XVIII вѣка, писана на тонкой бумагѣ великолѣпнымъ курсивомъ въ одинъ столбецъ. Рукопись украшена прекрасной заставкой и мініатюрами; число листовъ 303.

6. Канонникъ XVII ст., писанъ скорописью на лощенной бумагѣ, въ два столбца; писцемъ былъ Киракосъ (1639 г.); число листовъ 287. Рукопись съ мініатюрами.

7. Сборникъ XVIII вѣка, на тонкой бомбицинѣ, характеръ письма—курсивъ, число листовъ 317; въ рукописи между прочимъ, находятся слѣдующія сочиненія: а) Григорія Нарекскаго—Толкованіе на Пѣснь Пѣсней царя Соломона; б) Василия Великаго—Толкованіе первыхъ шести главъ книги Бытія; с) Толкованіе на Апокалипсисъ Св. Іоанна. Рукопись переписана свящ. Монсеемъ въ 1700 году, въ селѣ Норашень.

8. Исторія Арабовъ—Гевонда, (пис. VIII в.)—рукопись, приблизительно, XV вѣка, судя по характеру круглаго письма и особенностямъ заставки и другихъ украшеній, которыя только обрисованы, но недодѣланы; число листовъ 90.

9. Исторія Нерсеса Св., армянскаго патріарха изъ рода Григорія Просвѣтителя Арменіи—рукопись на лощенной бумагѣ, писана круглымъ и прекраснымъ почеркомъ, неизвѣстно кѣмъ и гдѣ. Единственная записка на послѣдней страницѣ датирована 1437 годомъ. Число листовъ 103. По сличеніи рукописи съ печатнымъ текстомъ Исторіи Нерсеса (изд. въ Венеціи 1853 г.), оказалось, что первая полнотой далеко превосходитъ послѣдній и заключаетъ въ себѣ весьма существенные и разнообразныя варианты, которыми нельзя пренебрегать при второмъ изданіи означеннаго сочиненія. Вопреки распространенному мнѣнію докладчикъ не находитъ возможнымъ отнести составленіе этого труда къ V вѣку и полагаетъ, что это—продуктъ X вѣка и переработанъ іереемъ Месропомъ въ 967 году, на основаніи 4-ой и 5-ой книги автора IV вѣка Фавста Византійскаго, причемъ Месропъ рабски придерживался подлинника Фавста, передавая многіе факты собственными выраженіями и оборотами названнаго писателя. (См. у Фавста гл. 3, 4, 5, 6, 7 IV-ой книги и, 4, 7, 23, 24, 30, 31, 34—V-ой книги).

10. Іосифа Флавія—Древняя Еврейская Исторія, переведена въ Константинополѣ въ 1761 году варданетомъ Аѳанасіемъ Таисимоньянъ, но не съ греческаго подлинника, а съ итальянскаго перевода; рукопись на тонкой бумагѣ; писана скорописью въ одинъ столбецъ и заключаетъ въ себѣ 769 страницъ.

11. Псалмы царя Давида—рукопись на пергаменѣ, писана мелкимъ и круглымъ почеркомъ, въ одинъ столбецъ; число листовъ 253. Изъ миниатюръ, коими она очень богата, слѣдуетъ отмѣтить слѣдующія: храмъ восточной архитектуры, у входа его сидитъ царь Давидъ въ порфирѣ со сперткомъ на колѣнахъ; красивая заставка въ византійскомъ стилѣ, направо, вдоль листа—длинное и узкое украшеніе изъ разнообразныхъ узоровъ; заглавную букву изображаетъ юноша, держащій въ рукахъ змѣю; пророкъ Моисей изображенъ разъ юношей и дважды—старцемъ; Анна, мать Самуила, стоитъ колѣнопреклонно, руки сложены молебно. Далѣе слѣдуютъ: Пророкъ Исаія—въ рукахъ свертокъ, Езекія съ короной на головѣ, Иона—въ пасти кита и проч. На поляхъ нарисованы шатровыя башни, птицы и другія мелкія украшенія. Судя по характеру письма и орнаментовкѣ рукописи, послѣднюю можно отнести къ памятникамъ XVI ст.

№ 59. Протоколъ засѣданія Восточной Коммисіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 5 марта 1898 года, подъ предѣтельствомъ товарища-предѣдателя М. В. Никольскаго, въ присутствіи гг. членовъ: архим. Арсена Клитчяна, М. О. Аттая, Ф. Е. Корша, Л. З. Мсерянца, Г. А. Муркоса, Н. В. Никитина, Г. А. Халатьянца, бар. Р. Р. Штакельберга и секретаря С. С. Слуцкаго.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2. Представленъ присланный въ даръ Калужской Ученой Архивной Коммисіей, при отношеніи отъ 22 февраля за № 62, первый выпускъ ея «Извѣстій», заключающій въ себѣ перепечатанную изъ «С.-Пб. Вѣдомостей» статью г. Л. М. о 10-лѣтней дѣятельности нашей Коммисіи. *Постановлено:* искренно благодарить Коммисію и сдать книгу въ бібліотеку Общества.

3. Представлены поступившія за послѣднее время въ бібліотеку Общества книги по востоковѣднію, причемъ М. О. Аттая изложилъ вкратцѣ содержаніе «Каталога» Библиотеки Французской Школы Живыхъ Вост. Языковъ, вып. I (Лингвистика, Арабскій языкъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ представлены на разсмотрѣніе Коммисіи два первые тома новаго труда Menant: *Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique*, 1895—97.

4. Г. А. Халатьянецъ прочелъ докладъ: «О нѣкоторыхъ географическихъ названіяхъ древней Арменіи въ связи съ данными ванскихъ надписей». (См. статью въ наст. выпускѣ).

Послѣдовалъ оживленный обмѣнъ мнѣній; причемъ М. В. Никольскій, выражая сочувствіе попыткѣ докладчика поставить вопросъ о сближеніи именъ на методическую почву, указывалъ со своей стороны на отчетливо выступающія въ клинописныхъ текстахъ, сплошныя географическія полосы именъ: на югѣ идутъ имена семитскія, на сѣверѣ—совершенно иная полоса, особо—полоса иранская. М. В.—чемъ уже начата работа классификаціи по мѣстностямъ и нарѣчіямъ собственныхъ именъ лицъ и мѣстъ въ анналахъ ассирійскихъ царей; онъ особенно радъ теперь продолжать свой

трудъ, въ виду интереса, проявившагося къ этому вопросу въ Восточной Коммиссіи,—ибо успѣшная разработка подобнаго матеріала доступна лишь совокупнымъ силамъ лингвистовъ, входящихъ въ составъ Коммиссіи. Въ ряду отдѣльныхъ сближеній, приводимыхъ докладчикомъ, М. В. возражалъ противъ отнесенія къ клинописи названія Наксуаны-Нахчавана и указалъ, что имя «Араратъ» въ примѣненіи къ горѣ есть признакъ христіанскаго времени: древность, и самая Библия, знали подъ этимъ именемъ страну.

По поводу замѣченнаго М. В.—чемъ вышшняго созвучія между армянскимъ суффиксомъ *k* и ванскимъ суффиксомъ принадлежности *hi* (*Argišti-hi*), О. Е. Корншъ указалъ, что въ армянскомъ языкѣ, несомнѣнно индо-европейскомъ, есть элементы не-индоевропейскіе, и нѣтъ невозможности имъ относиться именно къ языку клинописныхъ надписей. Сопоставляя греческую передачу *Καρίνιτις* (съ *ē*) съ армянской, извѣстной намъ, Каринъ, О. Е. предполагалъ для послѣдней первоначальную иную, болѣе долгую форму. Въмѣстѣ съ Л. З. Мсеріанцемъ, О. Е. отмѣтилъ въ именахъ: Айраратъ и Сараратъ примѣръ осмысливанія со стороны народной этимологіи, древнихъ, ставшихъ непонятными, названій (*саръ*—гора, *айръ*—отецъ).

На вопросъ бар. Штакельберга (по поводу отмѣчавшейся при обсужденіи доклада близости именъ: Арчешъ и Аргишти) Г. А. Халатьянцъ и Л. З. Мсеріанцъ сообщили, что *теоретически* ч въ армянскомъ языкѣ образуется изъ г.

М. В. Никольскій выразилъ сожалѣніе, что въ Университетѣ на классическомъ отдѣленіи не читаются географы, значеніе которыхъ такъ велико и для науки вообще, и для русской науки въ частности: самый текстъ Птолемея плохъ и невыясненъ и нуждается доселѣ въ академической обработкѣ. Указывая затѣмъ на живой интересъ, возбужденный докладомъ Г. А. Халатьянца, М. В. выразилъ ему отъ лица Коммиссіи искреннюю благодарность.

5. О. Арсенъ Кличянъ доложилъ о «Древнемъ городѣ Astuhini (Астахана)». Изъ Саракамышской надписи видно, что урартскій царь Аргишти, проникнувъ изъ долины Аракса въ долину рѣки Ахуріани, завоевалъ въ странѣ Этіуни два города: Ахуріани и Астухини и воздвигъ въ послѣднемъ крѣпость. Докладчикъ отождествляетъ городъ Астухини съ нынѣшней татарской деревней Астаханэ, лежащей почти при впаденіи Арпачая въ Карсъ-чай (древній Ахуріани), близъ переправы черезъ Арпачай если идти изъ долины Карсъ-чая въ Александропольскую равнину. Въ Астаханѣ сохранились остатки древней крѣпости; въ 25 верстахъ на сѣверъ—клинообразная надпись въ Ганлиджѣ, въ 13 верстахъ на юго-востокъ другая, въ Гулиджанѣ; выше Гулиджана въ слияніи двухъ ущелій—селеніе Кипчахъ съ остатками крѣпости, сложенной изъ большихъ камней и подобной тѣмъ, какія встрѣчались близъ мѣстъ находженія клинообразныхъ надписей. Въ заключеніе о. Кличянъ указывалъ на необходимость точнаго археологическаго изслѣдованія всей долины Карсъ-чая.

М. В. Никольскій напомнилъ, что пожеланіе о. Кличяна отчасти исполнено экспедиціей А. А. Ивановскаго въ 1894 г., описаніе коей нынѣ печатается: А. А.—чѣ изслѣдовалъ долину Карсъ-чая, и между прочимъ открылъ до 10 древнихъ крѣпостей и пришелъ къ убѣжденію, что нѣкоторыя изъ нихъ несомнѣнно урартскія. Г. А. Халатьянцъ указалъ, что у Птоломея упоминается городъ Астахана (который Шпрунеръ отождествляетъ съ Вастаномъ на южномъ берегу Ванскаго озера). Вмѣстѣ съ О. Е. Коршемъ, Г. А. Халатьянцъ отмѣтилъ и здѣсь народное осмысленіе имени: татарское *Астаханэ* значитъ — «Тихій домъ», армянское (предшествовавшее татарскому имени) имя того же селенія, *Астехани* значитъ — «звѣзды».

№ 60. Протоколъ засѣданія Восточной Коммисіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 23 апрѣля 1898 года, подъ предсѣдательствомъ В. О. Миллера, въ присутствіи предсѣдателя Общества, графини П. С. Уваровой и гг. членовъ: о. Арсена Клитчана, М. О. Аттая, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, М. В. Никольскаго, В. К. Трутовскаго, Г. А. Халатьянца, Н. Н. Харузина, А. С. Хаханова, бар. Р. Р. Штакельберга, Д. И. Эварницкаго и секретаря С. С. Слуцкаго.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2. Секретарь представилъ полученныя за послѣднее время въ библіотекѣ Общества книги по востоковѣднію, причемъ указалъ особенно на цѣнный и потребовавшій большаго и внимательнаго труда указатель къ I—X томамъ Зап. Вост. Отд. Императорскаго Русск. Археол. Общ. и сообщилъ свѣдѣнія о составленіи его (по предисловію къ X т. Зап.). Предсѣдатель обратилъ вниманіе Коммисіи на 2-й выпускъ «Очерковъ по исторіи грузинской литературы» А. С. Хаханова (изъ чтеній Общ. Ист. и Др. Росс.), представляющихъ первый и весьма цѣнный обзоръ 12-вѣковой литературы Грузіи. М. О. Аттая, представляя «Протоколы Туркест. Кружка Люб. Археологій», годъ 3-й, гдѣ, на стр. 14, напечатано чтеніе четырехъ арабскихъ надписей Ягни-Наукатскаго кладбища, подробно разобралъ мѣста, представляющія разницу съ его чтеніемъ (протоколъ засѣданія Вост. Комм. 9 декабря 1897 г.); одно изъ новыхъ чтеній онъ принимаетъ, какъ болѣе вѣрное (имя *نجو الدين* — Ноджу-д-динъ вм. неправильнаго *اکمل الدين* — Акмелу-д-динъ); въ двухъ случаяхъ фотографія не даетъ возможности рѣшить сомнѣніе (въ датахъ: 700 у М. О. Аттая или 600 въ «Прот. Турк. Кр.»; въ другой надписи 60 у г. Аттая, 70 въ «Прот. Т. К.»); въ остальныхъ случаяхъ разногласія М. О. свое чтеніе признаетъ за правильное (*با محمد* — ба-Мухаммедъ, при чтеніи въ «Прот. Т. К.» *فار محمد* — Норъ-Мухаммедъ; далѣе *البارح فجر*, между тѣмъ какъ въ «Прот. Т. К.» — *البارح فجر*; наконецъ *مجد* вм. *مهجد*, стоящаго въ «Прот. Турк. Кр.»).

3. Г. А. Халатьянцъ сдѣлалъ сообщеніе о двухъ статьяхъ прив.-доц. СПБ-скаго Университета Н. Я. Марра о Критикѣ Исторіи Моисея Хоренскаго, вышедшихъ въ первыхъ двухъ выпускахъ «Визант. Врем.» за 1898 г.

Статьи посвящены разбору изслѣдованія Г. А. Халатьянца «Объ армянскомъ эпосѣ въ исторіи Арменіи М. Хоренскаго. М. 1896 г.». Изъ этихъ статей «Виз. Вр.» видно, что авторъ ихъ, г. Марръ, считавшійся доселѣ сторонникомъ традиціонныхъ взглядовъ въ вопросѣ о Хоренскомъ и весьма осторожно относившійся къ выводамъ послѣднихъ критическихъ работъ объ армянскомъ историкѣ, нынѣ, по выходѣ въ свѣтъ разбираемаго имъ сочиненія, сталъ признавать, что историческій трудъ Хоренскаго въ настоящемъ его видѣ не могъ быть составленъ ранѣе VII вѣка,—«но возможно и позднѣе», прибавляетъ онъ. Въ другомъ важномъ вопросѣ о Хоренскомъ, именно: насколько многочисленны и подлинны приводимые этимъ историкомъ отрывки изъ *армянскаго народнаго эпоса*,—г. Марръ, также согласно съ авторомъ разбираемаго имъ изслѣдованія, находитъ, повидимому, хотя и не безъ нѣкоторыхъ оговорокъ, что у Хоренскаго въ дѣйствительности весьма мало народнаго эпоса и что только новѣйшимъ филологамъ принадлежитъ мысль приписать армянскому историку обширные циклы армянскаго эпоса,—теорія, которая, мнѣнію г. Марра, оказывается однако несостоятельною. Такимъ образомъ оба главнѣйшихъ положенія въ изслѣдованіи Г. А. Х—ца, касающіяся опредѣленія *времени* составленія Исторіи Хоренскаго, и *подлинности* приводимыхъ въ ней якобы народныхъ эпическихъ отрывковъ, г. Марръ принимаетъ, хотя связанные съ ними отдѣльные вопросы объясняетъ по своему, а въ нѣкоторыхъ подробностяхъ и не соглашается съ Г. А. Халатьянцемъ.

Х. II. Кучукъ-Іоаннесовъ выразилъ убѣжденіе, что основная мысль Н. Я. Марра есть—необходимость, предварительно рѣшенія вопросовъ по содержанію М. Хоренскаго, выяснить его рукописи и разобрать критически текстъ ихъ.—М. В. Никольскій со своей стороны повторилъ, высказываемое имъ и прежде, сожалѣніе о томъ, что арменологи, столь энергично занимаясь литературной критикой Хоренскаго, игнорируютъ критику его текста. Этимъ ослабляется между прочимъ и убѣдительность доводовъ Г. А-ча въ его книгѣ: нельзя быть увѣреннымъ, принадлежитъ ли данное мѣсто Хоренскому или нѣтъ.—Г. А. Халатьянецъ, присоединяясь ко мнѣнію о важности критики текста М. Хоренскаго, не признавалъ ее существенно необходимой для рѣшенія основныхъ поставленныхъ имъ вопросовъ: о времени написанія книги и объ искусственномъ преимущественно происхожденіи цитуемаго или отысканнаго въ нихъ «народнаго эпоса».

4. А. С. Хахановъ прочелъ докладъ: «Къ вопросу о происхожденіи грузинскаго алфавита», пользуясь, главнымъ образомъ, матеріаломъ на стр. 14—25 второго выпуска своихъ «Очерковъ по исторіи грузинской литературы», развивая и отчасти (въ вопросѣ о старшинствѣ между двумя алфавитами) измѣняя сказанное тамъ. Признавая хуцури болѣе древнимъ алфавитомъ и вмѣстѣ съ И. Л. Окрочделовымъ-Серебряковымъ отвергая рассказъ о Месропѣ какъ о творцѣ грузинской азбуки (Месропъ могъ лишь видоизмѣнить нѣкоторыя черты ея), А. С. склоняется къ мнѣнію Окрочделова-Серебрякова, что грузинскій алфавитъ могъ произойти изъ зендскаго въ просвѣщенную эпоху Фарноваза (конецъ IV и начало III в.

до Р. X.),—хотя отмѣчаетъ отсутствіе до-христіанскихъ памятниковъ грузинской письменности. Остальная часть доклада была посвящена новой статьѣ Фридриха Мюллера: *Ueber den Ursprung der Grusinischen Schrift* (въ *Извѣстіяхъ Вѣнскаго Академіи* 1897 г.).—См. приложение къ этому протоколу.

При обсужденіи доклада Г. А. Халатянцъ относилъ время изобрѣтенія грузинской азбуки къ V в. по Р. X. и указывалъ, что родство грузинскаго алфавита съ армянскимъ подтверждается и новѣйшими выводами, свидѣтельствующими о переводѣ грузинской Библии съ армянской (въ Эчмиадзинской грузинской Библии стоятъ прямо армянскія слова).—В. Ф. Миллеръ указалъ, что сохранилось 5—6 зендскихъ алфавитовъ, изданныхъ Лепсіусомъ; рукописи зендскія не восходятъ дальше XI—XII вѣка; на зендскія начертанія мхедрули сталъ похожъ лишь тогда, когда уже закруглился, и лишь этотъ современный мхедрули Окрочелеловъ-Серебряковъ сравниваетъ съ зендскимъ письмомъ. Что касается Месропа, то онъ могъ упорядочить грузинскій алфавитъ, но не могъ изобрѣсти для чужаго народа алфавитъ и притомъ съ такой точностью; алфавиты вообще складываются исторически.—М. В. Никольскій: неясна ни сравнительная древность двухъ грузинскихъ алфавитовъ, ни происхожденіе грузинскаго алфавита, ни отношеніе къ армянскому, несомнѣнно родственному.

5. М. О. Аттая познакомилъ съ содержаніемъ археологическихъ статей въ первыхъ шести выпускахъ новаго арабскаго журнала «Аль-Машрикъ» (Востокъ), издаваемаго католической миссіей въ Бейрутѣ. (См. приложение).

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПРОТОКОЛУ № 60.

I. Ueber den Ursprung der Grusinischen Schrift. *Von Dr Friedrich Müller, Wirkl. Mitglieder der Kais. Akademie der Wissenschaften. Wien 1897.* (Оттискъ изъ *Sitzungsberichte d. Kais. Akad. der Wissenschaften in Wien philosophisch-historische Classe, Band CXXXVII*)¹⁾.

Вопросъ о происхожденіи грузинскаго алфавита, какъ всякаго алфавита, донинѣ остается не вполне разрѣшеннымъ. Грузинскій алфавитъ попеременно ставили въ связь съ греческимъ, армянскимъ, индійскимъ и зендскимъ. Теперь профессоръ Вѣнскаго университета, извѣстный лингвистъ, Фр. Мюллеръ, отчасти знатокъ и грузинскаго языка, выставилъ новую теорію, по которой грузинская азбука приводится въ родство съ арамейскимъ алфавитомъ. Съ цѣлью выяснитъ, насколько новое мнѣніе о грузинской азбукѣ представляется основательнымъ, намъ придется вспомнить предшественниковъ проф. Фр. Мюллера, высказавшихъ свои взгляды на этотъ предметъ. Вполнѣ соглашаемся съ почтеннымъ вѣнскимъ ученымъ, что мнѣніе акад. Броссе о родствѣ грузинскихъ письменъ съ индійскими

¹⁾ Эта вторая часть доклада А. С. Хаханова, была напечатана въ «Археол. Изв. и Зам.», издаваемыхъ Моск. Археол. Общ., 1898 г., стр. 207.

носить всѣ признаки чистѣйшей фантазіи, лишенной реальной основы. Также неубѣдительна теорія объ изобрѣтеніи грузинскихъ буквъ армяниномъ Месропомъ, пополнившимъ въ V вѣкѣ армянскую такъ называемую даниельскую азбуку новыми, вѣроятно, гласными знаками. Противъ возможности изобрѣтенія грузинскаго алфавита Месропомъ были собраны весьма основательные историческіе факты и соображенія проф. И. Л. Серебряковымъ-Окромчеловымъ, но работа покойнаго грузинолога, по видимому, неизвѣстна профес. Фр. Мюллеру. Послѣдній отвергаетъ мысль объ изобрѣтеніи грузинской азбуки Месропомъ на томъ основаніи, что грузинскій и армянскій алфавиты представляютъ совершенно различные знаки для выраженія звуковъ даже однородныхъ, если не считать начертанія звука *k*, который является въ обоихъ алфавитахъ общимъ. «Остается совершенно непонятнымъ,—говоритъ Ф. Мюллеръ,—если Месропъ изобрѣтатель грузинскихъ буквъ, то почему онъ прямо не сообщилъ грузинамъ изобрѣтенныхъ имъ для армянъ письменъ, тѣмъ болѣе, что система звуковъ обоихъ языковъ вполне совпадаетъ»; при этомъ онъ приводитъ параллельно грузинскій и армянскій алфавиты, подкрѣпляющіе мнѣніе почтеннаго ученаго о порядкѣ звуковъ въ армянскомъ и грузинскомъ языкахъ. «Если же,—продолжаетъ онъ,—вопреки бросающемуся въ глаза равенству звуковой системы обоихъ языковъ, армянскій алфавитъ не былъ примененъ къ грузинскому языку, то отсюда слѣдуетъ предположить, что въ послѣднемъ, (какъ у армянъ такъ назыв. даниельскія письмена) могъ существовать болѣе древній алфавитъ», и такимъ древнимъ письмомъ грузинъ служилъ, по мнѣнію проф. Мюллера, отпрыскъ семитическаго, спеціально арамейскаго алфавита. Связь грузинскаго алфавита съ письменами семитовъ можно прослѣдить по двумъ пунктамъ: 1, изъ начертанія отдѣльныхъ ихъ письменныхъ знаковъ и 2, изъ порядка грузинскаго алфавита.

Что касается перваго пункта — о родствѣ грузинскихъ письменныхъ знаковъ съ арамейскими, то мы находимся въ неопредѣленномъ положеніи, такъ какъ, по словамъ Фр. Мюллера, ни древнія начертанія грузинскихъ буквъ, ни арамейскія письмена, употреблявшіяся въ южной части Кавказа, намъ неизвѣстны, поэтому онъ останавливаетъ вниманіе на переходныхъ формахъ отъ арамейскихъ письменъ къ грузинскимъ. Нужно здѣсь замѣтить, что проф. Фр. Мюллеръ напрасно относитъ древнѣйшій грузинскій письменный памятникъ къ IX в., въ то время, какъ мы имѣемъ нумизматическіе и эпиграфическіе факты V—VI вв., а книжные (пергаментные памятники) VI—VIII вв. Сравнивая между собою грузинскій церковный алфавитъ съ арамейскимъ IV столѣтія до Р. Хр., онъ палеографически объясняетъ переходъ арамейскихъ буквъ въ грузинскій алфавитъ. Но это сопоставленіе страдаетъ чрезвычайно большою натяжкой, и едва ли кого убѣдитъ въ связи арамейскихъ письменъ съ грузинскимъ алфавитомъ. «Месропъ, по его мнѣнію, вотъ эту-то усвоенную грузинами семитическую азбуку реформировалъ, вводя въ нее вокализацию». Намъ кажется, что проф. Фр. Мюллеръ не прибѣгъ бы къ новой теоріи о происхожденіи

грузинской азбуки, если бы ему была известна статья проф. Окрочиделова-Серебрякова о связи грузинского алфавита съ Zendскими письменами. О происхождении же такъ назыв. «гражданскаго» грузинскаго алфавита «мхедрули» изъ церковнаго «хуцури» свидѣтельствуя палеографическія изысканія покойныхъ грузинологовъ Дм. Бакрадзе и Дм. Пурцеладзе, такъ что приоритетъ и въ этомъ вопросѣ принадлежитъ такимъ ученымъ, труды которыхъ, повидимому, остались неизвѣстны почтенному проф. Фр. Мюллеру. Одно соображеніе можетъ только говорить въ пользу новой теоріи о грузинскомъ алфавитѣ, соображеніе общаго характера, сводящееся къ тому, что всѣ алфавиты восходятъ къ финикійскому или, иными словами, къ вѣтви семитическихъ алфавитовъ. А. Хахановъ.

II. Аль-Машрикъ (=Востокъ).— *Al-Machriq, revue catholique orientale bimensuelle. Sciences, lettres, arts.*— Бейрутъ, 1898, №№ 1—6²⁾.

Этотъ арабскій журналъ, издаваемый съ начала 1898 г. подъ редакціей о. Людовика Шейхо, іезуита, содержитъ въ первыхъ шести выпускахъ слѣдующія статьи по археологій и исторіи:

1. Д-ра Рувье (въ № 1) о найденномъ имъ близъ Бейрута свинцовомъ квадратномъ вѣсѣ (41 × 41 × 4 миллим., въ 55,8 граммъ). Сравненіе съ другими образцами коллекціи показываетъ, что не хватаетъ лишь кольца у какого-нибудь изъ угловъ. Надпись въ четыре строки:

ΛΔΠΡ | Μ | ΝΙΚΩΝΟΣ | ΑΓΟΡΑΝΟ.

Въ ней первую букву, Λ, д-ръ Рувье оставляетъ безъ перевода и безъ объясненія³⁾, остальное переводитъ: «(годъ) 184, вѣсъ (мѣтров) Никона агораномъ». Среди надписи проходитъ трезубецъ, знакъ города Бейрута (и тождественной съ нимъ, по мнѣнію Рувье,⁴⁾ древней Лаодикіи), являющійся то одинъ, то съ дельфиномъ. Дата 184 александрійской эры⁴⁾=128 до Р. Хр. важна какъ доказательство, что городъ, разрушенный Трифономъ въ 140 г., не только не лежалъ въ развалинахъ до времени Августа, но уже въ 128 г. шла въ немъ торговля (другой бейрутскій вѣсъ, хранящійся въ Парижѣ⁵⁾, помѣченъ годомъ 161=151 до Р. Хр.).

2. Его же (въ № 2) объ открытомъ имъ финикійскомъ кладбищѣ среди ранѣ открытыхъ имъ же развалинъ гор. Ladhquié Капа'ан (т.-е. Лаодикіи), подъ Бейрутомъ (финикійскій Бейрутъ).

Бейрутскій вѣсъ 128 г. до Р. Хр.

²⁾ Археолог. Изв. и Зам. 1898, стр. 209.

³⁾ Вѣроятно «Лаодикія»?

⁴⁾ Журналъ Аль-Ваширь, 1897, № 1269.

⁴⁾ Если считать несомнѣннымъ, что эра здѣсь—александрійская. *Ред.*

⁵⁾ Babelon et Blanchet—Catalogue des bronzes antiques de la Bibliothèque Nationale, 1895, p. 685, № 2250, относится къ 197 г. до Р. Х.

3. Дневникъ о. Грифона, францисканскаго миссіонера въ Ливанѣ въ серединѣ XV в. (№№ 1—4), съ предисловіемъ издателя (о. Г. Ламменсъ) объ о. Грифонѣ и о политическомъ состояніи Ливана въ XV в. Описываются города, посѣщенные миссіонеромъ, заботы францисканцевъ о паломникахъ, затронуты политическія событія; особенно интересенъ дневникъ для исторіи маронитской церкви и ея сношеній съ папами.

4. О. Люмоффенъ (№ 3)—о каменномъ вѣкѣ въ Финикіи, неолитическаго и палеолитическаго періодовъ. Изъ эпохи палеолитической указано семь стоянокъ (Адлунъ, 'Укбіятъ, Нахръ-Ибрагимъ, Нахръ-уль-Джозъ, Антиласъ—одна изъ важнѣйшихъ по присутствію костей человѣка и животныхъ, а также издѣлій изъ кости), Нахръ-Бейрутъ (на лѣвомъ берегу, у моста), Триполи. Шесть первыхъ лично посѣщены о. Л—ъ.

5. Въ изданіи о. Шейхо, по парижской рукописи, «Исторія Бейрута и извѣстія о Бухтарійскихъ князьяхъ» Сѣлихи, сына Яхъи (XV в.). Сочиненіе интересно и исторически, и лингвистически; приводимыя въ немъ народныя сказанія и повѣрья освѣщаются примѣчаніями издателя.

6. Д-ръ Гаффнеръ, по рукописи хедивской бібліотеки въ Каирѣ, издаетъ (№ 1) сочиненіе Абу-Са'ида 'Абд-уль-Малика бен-Кулейбъ, Аль-Исма'и (740—831 по Р. Хр.)—«Ад-дәррәтъ» (=мѣста, окруженныя горами, —въ объясненіе упоминаній у до-мусульманскихъ поэтовъ. Сочиненіе записано со словъ также извѣстнаго знатока лексикона Абу-Хәтимъ Сахль, сына Мухаммеда. Аль-Исма'и перечисляетъ двадцать Ад-дәррәтъ, къ коимъ редакція прибавляетъ еще свыше сорока (со ссылками на Лисану-ль-арабъ, Тәджу-ль-Арусъ и Аль-Бакри).

7. Свящ. Рашидъ Шартуни (№ 1) даетъ хронологію маронитскихъ патріарховъ на основаніи списка патріарха Стефана Дувойхи († 1704 г.); списокъ начинается съ 685 г. и порой приводитъ параллельно имена православныхъ антиохійскихъ патріарховъ. Редакціей сдѣланы очень цѣнныя поправки и объясненія. *М. О. Аттая.*

№ 61. Протоколъ засѣданія Восточной Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 8 октября 1898 г. подъ предсѣдательствомъ В. О. Миллера, въ присутствіи г.г. членовъ: о. Арсена Клитчана, Ф. Е. Корша, А. Е. Крымскаго, Х. И. Кучука-Іоаннесова, Л. З. Мсеріанца, Г. А. Муркоса, Н. Н. Харузина, бар. Р. Р. Штакельберга и секретаря С. С. Слуцкаго.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія, 23 апрѣля.

2. Л. З. Мсеріанецъ прочелъ замѣтку о трудахъ недавно скончавшагося Фридриха Мюллера (см. Приложение), и, по предложенію предсѣдателя, собраніе почтило память усопшаго вставаніемъ.

3. А. С. Хахановъ сообщил о новомъ, найденномъ имъ, отрывкѣ грузинскаго перевода Калилы и Димны (см. статью въ этомъ выпускѣ)

4. В. О. Миллеръ представилъ разборъ книги Jensen'a—Hittiter und Armenier (Strassburg, 1898), причемъ высказывая сомнѣніе въ основательности доводовъ Іенсена объ армянствѣ хиттитовъ, указывалъ цѣнность его труда въ открытіи чтенія ихъ надписей, подтверждаемаго на рядѣ собственныхъ именъ.

5. Въ дополненіе къ сему докладу, Л. З. Мсеріанцъ сообщилъ объ отзывахъ, которыми была встрѣчена теорія Іенсена въ кругу арменистовъ, и о дальнѣйшихъ трудахъ, на основаніи работъ Іенсена (въ вѣнскомъ университетѣ отзывы профф.: Томашека, Краля, о. Гавріила Меневишіана, въ Proceedings of Biblical Archeology — г. Басмаджана À propos de deux sceaux Kétéens; А. Н. Гренъ — Хиттійскій вопросъ въ современной литературѣ (въ сборникѣ «Братская помощь»); въ Revue critique—рецензія Meillet. Къ «армянской» теоріи Іенсена большая часть названныхъ ученыхъ (за исключеніемъ А. Н. Грена) относятся или отрицательно, или осторожно.

6. О. Е. Коршъ дополнилъ и развилъ сдѣланное имъ при обсужденіи доклада бар. Штакельберга (засѣданіе 10 декабря 1897 года) замѣчаніе о персидскомъ словѣ gund (см. Приложение).

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПРОТОКОЛУ № 69.

I. Памяти профессора Фридриха Мюллера. 25 мая (нов. стили) Вѣнскій университетъ, а вмѣстѣ съ нимъ и весь ученый міръ, понесъ тяжелую утрату въ лицѣ скончавшагося маститаго академика-профессора — *Фридриха Мюллера* (Friedrich Müller), въ продолженіе многихъ лѣтъ съ честью занимавшаго кафедру сравнительнаго языковѣдѣнія и санскритскаго языка ¹⁾.

Биографія профессора Фридриха Мюллера — какъ и всякаго другого жреца науки и кабинетнаго ученаго ²⁾ — можетъ быть изложена въ двухъ-трехъ строкахъ самаго стереотипнаго характера. Фридрихъ Мюллеръ родился въ г. Емникѣ (Богемія) 5 марта (нов. ст.) 1834 года. Пройдя

¹⁾ Подробности научно-биографическаго содержанія относительно Фридриха Мюллера, равно какъ подробно библиографію его трудовъ, можно найти: у *Vapereau — Dictionnaire contemporain* (s. v. Frédéric Muller) и въ другихъ *Энциклопедіяхъ*; въ статьяхъ; «*Фридрихъ Мюллеръ*» въ армянскомъ журналѣ венеціанскихъ Мхитаристовъ «*Barxtaver*» (Полигисторъ), 1898, № 7; «*Вѣнокъ на могилу Фридриха Мюллера*», *ibid.*, 1898 № 10 и, наконецъ, въ трудѣ вен. мхитариста о. *Гар. Зарбаналянъ* — «*Армянскіе этюды на Западъ въ XIV—XIX вв.*» (на арм. яз.), Венеція, 1895, стр. 295—305. (Этотъ трудъ представляетъ армянскую переработку, съ многочисленными дополненіями, работы профессора *Gustave Adolphe Schrumpf* — «*Les Études arméniennes en Europe*», печатавшаяся въ газетѣ *L'Arménie*).

²⁾ Фридрихъ Мюллеръ съ полнымъ правомъ можетъ быть названъ кабинетнымъ ученымъ. Для него вѣи міра науки не существовало никакого другого. Сознвая высокую цѣну внутренняго, душевнаго спокойствія, столь необходимаго для научныхъ занятій, Фр. Мюллеръ постоянно держалъ себя вдали отъ всякаго активнаго участія въ политической жизни своего отечества.

курсъ средней школы въ г. Знаймѣ, онъ закончилъ свое высшее образование въ Вѣнѣ и Гёттингенѣ. По окончаніи университетскаго курса (въ 1857 г.), молодой Мюллеръ получилъ должность при библіотекѣ Вѣнскаго университета. Затѣмъ, въ 1860 г. будучи утвержденъ доцентомъ, Фридрихъ Мюллеръ открылъ курсъ лекцій въ Вѣнскомъ университетѣ, а въ 1869 году, въ качествѣ ординарнаго профессора, онъ уже окончательно утвердился на кафедрѣ сравнительнаго языковѣдѣнія и санскритскаго языка, представителемъ которой и оставался до самой смерти ³⁾.

Обширныя свѣдѣнія покойнаго въ области многочисленныхъ языковъ и при томъ различныхъ семей, невольно поражали всякаго, кто, хотя бы поверхностно, былъ знакомъ съ его трудами. Несмотря на то, что Фридрихъ Мюллеръ по своему направленію, и не исповѣдалъ «ново-грамматическаго» катехизиса современнаго языковѣдѣнія ⁴⁾, и, въ извѣстномъ отношеніи, его лингвистическіе труды носятъ даже отпечатокъ стараго метода, времени Шлейхера и Курціуса, тѣмъ не менѣе ни одинъ лингвистъ—будетъ ли онъ индіанецъ, иранецъ или армянецъ—не можетъ игнорировать ихъ, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, громадную эрудицію, разносторонность и остроуміе ихъ автора.

Въ качествѣ лингвиста профессоръ Фридрихъ Мюллеръ явился авторомъ какъ общихъ трудовъ по языковѣдѣнію (таковъ, на примѣръ, его огромный *Grundriss der Sprachwissenschaft*, 4 тома, Вѣна, 1876—1888), такъ и специальныхъ, монографическаго характера, изслѣдованій по отдѣльнымъ языкамъ, какъ-то: *авестійскому (зенду)*, *древне-, средне- и новоперсидскому*, *курдскому*, *осетинскому*, *афганскому*, *палійскому (пали)*, *армянскому*, *грузинскому* и многимъ другимъ.

Свои изслѣдованія Фридрихъ Мюллеръ помѣщалъ по преимуществу на страницахъ «Извѣстій по историко-философскому классу Императорскаго Вѣнской Академіи Наукъ» (*Sitzungsberichte d. phil.-hist. Classe d. K. K. Akademie d. Wissenschaften*), а за послѣдніе годы также и въ специальномъ органѣ австрійскихъ ориенталистовъ — *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*, однимъ изъ редакторовъ котораго онъ состоялъ съ перваго года изданія ⁵⁾

Неутомимая дѣятельность покойнаго профессора неослабно продолжалась до самой смерти. Хотя за послѣднее время зрѣніе уже начало

³⁾ Кроме того, профессоръ Фр. Мюллеръ до самой смерти оставался однимъ изъ руководителей въ *Oriental Institut*, находящемся при вѣнскомъ университетѣ.

⁴⁾ Положеніе «ново-грамматической» школы (*Junggrammatische Schule*), возникшей въ половинѣ семидесятихъ годовъ, главнѣйшими представителями которой являются Лескинъ, Бругманъ, Острофъ и др., въ сущности сводятся къ слѣдующимъ: 1) *звуковыя законы непреложны* и не терпятъ, поэтому, исключеній; 2) въ качествѣ могучаго фактора въ образованіи формъ языка является *аналогія* (или законъ формальной ассоціаціи).

⁵⁾ Кроме того, Фридрихъ Мюллеръ помѣщалъ свои изслѣдованія и статьи также на страницахъ «*Orient und Occident*» — извѣстнаго журнала Бенфея, въ *Geograph. Jahrbuch—Behm'a* и въ *Mittheilungen d. Anthropolog. Gesellschaft zu Wien* (соредакторомъ которыхъ онъ состоялъ).

измѣнять ему, такъ что процессъ писанія для него становился все труднѣе и труднѣе ⁶⁾, однако каждая свѣжая книжка «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes» и каждый новый томъ «Sitzungsberichte» Вѣнской Академіи приносили не только небольшія—всегда полныя интереса и жизни—изслѣдованія (преимущественно въ области армянскаго и иранскихъ языковъ), но также и библиографическія замѣтки (между прочимъ и о трудахъ русской филологической литературы).

Профессоръ Фридрихъ Мюллеръ былъ особенно извѣстенъ какъ одинъ изъ первыхъ арменистовъ и иранистовъ Европы. Хотя его взглядъ на армянскій языкъ ⁷⁾ теперь и является устарѣлымъ (Фридрихъ Мюллеръ, какъ извѣстно, считалъ армянскій языкъ языкомъ иранской вѣтви, тогда какъ въ настоящее время—благодаря трудамъ профессора Генриха Гюбшмана ⁸⁾—онъ уже всѣми считается представителемъ *самостоятельной вѣтви* въ индо-европейской семьѣ языковъ), — тѣмъ не менѣе услуги, оказанныя имъ армянской филологіи громадны: его разносторонняя дѣятельность не остановилась на изслѣдованіи одной формальной стороны древне-армянскаго языка (сюда относятся статьи по различнымъ отдѣламъ армянской фонетики, морфологіи и этимологіи), но затронула и другія дисциплины молодой армянской филологіи; такъ, на примѣръ, въ области армянской палеографіи слѣдуетъ назвать его работы по вопросу о происхожденіи древне-армянскаго алфавита, въ области критики текста — исправленіе нѣкоторыхъ мѣстъ извѣстныхъ авторовъ и т. д.

Въ лицѣ Фридриха Мюллера — члена многочисленныхъ ученыхъ обществъ и университетовъ — наука теряетъ не только *лингвиста* (и при томъ лингвиста-полиглотта), занимавшагося неустанно въ продолженіе сорока лѣтъ научнымъ языковѣдѣніемъ, но также *этнографа* ⁹⁾ (ср. его труды: *Allgemeine Ethnographie*, 2-е изд. Вѣна, 1879; лингвистическій и этнографическій отдѣлы въ извѣстномъ сочиненіи *Reise der oesterreich. Fregate Novara*, Вѣна, 1867 и 1868; *Ethnologischer Atlas*, Вѣна, 1884) и *археолога* (ср., на примѣръ, его изслѣдованія по клинообразнымъ надписямъ, такъ наз. «ванской» системы и по истолкованію древне-персидскихъ клинописей).

При современной спеціализаціи науки, вызванной ея необыкновеннымъ, все болѣе и болѣе прогрессирующимъ ростомъ, типы такихъ ученыхъ, какъ покойный профессоръ Фридрихъ Мюллеръ, къ сожалѣнію, встрѣчаются

⁶⁾ На это обстоятельство онъ горько сѣтуетъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ намъ, отъ 9 ноября 1897 года.

⁷⁾ См. относящіяся сюда подробности въ «*Армянскихъ Этюдахъ*» проф. Э. Диллона (Харьковъ, 1884), ч. I, стр. 28 и слѣд.; у меня—въ статьѣ «*Армянская Дialectология*» (М. 1898 г. *Этнографич. Обзоръ*, кн. XXXVI), стр. 1 и слѣд.

⁸⁾ См. его статью «*Ueber die Stellung des Armenischen im Kreise d. Indogerman. Sprachen*» (*Kuhn's Zeitschrift*, XXIII, pp. 5—49) и изслѣдованіе *Armenische Studien. I. Leipzig*, 1883.

⁹⁾ Фридрихъ Мюллеръ былъ именно главнымъ представителемъ *лингвистической этнографіи*.

все рѣже и рѣже. Смѣемъ думать, что мы едва ли преувеличимъ, если скажемъ, что со смертью вѣнскаго профессора-языковѣда стало однимъ колоссомъ филологической науки менѣе. *Леонъ Мсеріанцъ.*

II. О персидскомъ словѣ «gund». Слово gund отнесено къ персидскому языку и сближено съ санскр. *vṛnda*—(м. и ср. р.=стадо, толпа) у Горна (Horn) въ *Grundriss der neupersischen Etymologie* (1893), гдѣ на стр. 179 подъ № 805 сказано слѣдующее (за исключеніемъ цитатъ):

«*γund*, *γunda* 'Schaar, Menge; versammelt'phlv. *gund* 'Heer'; arm.... *gund* 'Heer', arab.*jund* 'Heer'; kurd.... *günd*, *jund* 'Dorf.... skr. *vṛnda*—'Schaar, Truppe, Heer' (Nöldeke, mündliche Mittheilung)».

О *kundāvar* (*gundāvar*)? упомянуто тамъ-же стр. 193 подъ № 168 въ слѣдующей связи:

«*Kund* 'stumpf; tapfer', skr. (bezw. *prākṛ.*) *kuṇṭha*—'stumpf.... пр. *kundāver* hat nach Nöldeke (mündliche Mittheilung) im *Šāhnāme* immer die Bedeutung 'stolz'».

Гюбшманъ въ *Persische Studien* (1895), исправляя и дополняя словарь Горна, на стр. 83 говоритъ о *kund* «тупой» безо всякаго отношенія къ *kundāvar*, а о *γund* и *γunda* не упоминаетъ. Тутъ-же онъ отвергаетъ сближеніе съ *vṛnda*-на томъ основаніи, что *gund* встрѣчается уже въ древнѣйшихъ памятникахъ армянской письменности, въ которыхъ пеглевійскія слова еще не обнаруживаютъ перехода *v* въ *g*. Въ первой части его-же *Armenische Grammatik* (также 1895) стр. 130—131 находимъ слѣдующее: *gund* (gen. *gndi*....). *gndapet* (zwischen *sparapet* 'Heerführer' und *haṣarapet* 'Chiliarch' genannt bei Erzkn. Gramm.)¹⁰⁾, arab. *jund* 'Heer' (aus dem Persischen), syr. *guddā* 'Schar', mand. *gundā*... phl. *gund*...., пр. *γund*, *γunda*....».

Въ словарѣ Эседа, племянника Фирдоуси, изданномъ Горномъ въ 1897 г., ни *γund* «войско», ни *kundāvar* нѣтъ, но есть *γund* въ смыслѣ *gird ātaḍa* т. е. собравшійся, съ цитатами изъ Унсури и Муваффик-эд-дина Тагира (*Tāhir*).

Начальный звукъ въ пехлевійскомъ *gund* выясняется формами этого слова въ семитскихъ языкахъ, указывающими именно на взрывное *g*, а не на придумное *γ*; потому ново-персидское *γund* или *γunda*, вѣроятно, заимствовано въ немъ изъ другого иранскаго нарѣчія, въ которомъ, какъ въ языкахъ афганскомъ, осетинскомъ и нѣкоторыхъ другихъ памирскихъ нарѣчіяхъ (ваханскомъ, сарыкольскомъ, минджанскомъ), обще-иранское *g* въ началѣ слова измѣняется въ *γ*. Впрочемъ и эти языки представляютъ примѣры такого перехода чуть-ли не только въ случаяхъ обще-иранскаго *g*, а не того, которое образовалось изъ *v* въ новоперсидскомъ и отчасти въ средне-персидскомъ.

¹⁰⁾ т. е. въ грамматикѣ Erzknaci (XIII—XIV в.).

Поэтому, если *gund* въ самомъ дѣлѣ родственно санскритскому *vṛnda-*, *γund* и *γunda* должны быть отдѣлены отъ него и, можетъ быть, сближены съ средне-перс. *gundak*, ново-перс. *gunda* «комъ тѣста (для приготовленія изъ него хлѣба)», арм. *gund* = «шаръ», при которыхъ невольно вспоминается санскр. *guḍa-s* = «комъ, шаръ»¹¹⁾ (ср. *guṭikā* = «шарикъ, мячъ»; есть и въ зендѣ слово *gunda-*, которому Гельднеръ придаетъ значеніе тѣста). Нѣтъ ничего невозможнаго въ предположеніи, что въ обще-иранскомъ языкѣ были и *vṛnda-* (**vunda-*, какъ основа наст. вр. *kup-* при *kṛp-* отъ *kaḡ-* «дѣлать») «толпа, войско», и *gunda-* «комъ». По измѣненіи *vṛnda-* въ *gund* (а оно могло совершиться не въ одномъ ново-персидскомъ языкѣ, но и въ другихъ, ему близко родственныхъ) оно не только по звуку, но и по смыслу легко могло смѣшиваться съ *gund* «комъ», откуда діалект. *γund* въ смыслѣ войска. Впрочемъ переходъ *v* въ *γ* далеко не безпримѣренъ въ иранскихъ языкахъ (кромѣ персидскаго; см. Horn. *ib. s. v. gāšten* и *gerd*), почему, можетъ быть, и ново-перс. *γunda* (? см. *Asadī Fol. 20* и *20ⁿ*, гдѣ однако гласная не выяснена) «паукъ» слѣдуетъ сблизить съ санскр. *vṛnta-s* «родъ червя» (ср. тюрк. *qara qurt* = «черный червь» = родъ ядовитаго паука), и самая форма *γund* не нуждается ни въ какомъ неорганическомъ посредствующемъ звенѣ для возведенія къ *vṛnda-*, если мы допустимъ здѣсь. участіе другого языка иранской вѣтви, что само по себѣ правдоподобно въ виду напр. не персидскаго *l* въ другомъ словѣ изъ сферы понятія *gund*, именно *sālār* (ср. *sar-dār*). Что касается возраженія Гюбшмана противъ сближенія *gund* съ *vṛnda*, то отсутствіе формъ съ *g* вмѣсто *v* въ древнѣйшихъ армянскихъ источникахъ едва-ли такъ важно, какъ онъ предполагаетъ: этотъ переходъ засвидѣтельствованъ уже въ средне-персидскомъ формами *gartaṅ* = «шея» (изъ **vartana-*), *gursak* = «голодный» (гилянск. *vašne*, кашанск. *veše*, курдское *vursī*), *gurg* «волкъ» (каш. *varg*, мазанд. *vūrg*, зенд. *vehṛka-* и т. п., ср. *gurgasag* = «волкоголовый», прозвище царя Вахтанга у Вардана), *gušan* = «самецъ» (зенд. *varšni* = о баранѣ, осет. *urg* = «жеребецъ»), *gumān* «подозрѣніе» (изъ **vimāna-*), *dukas* (откуда арм. *vkaṅ* — изъ **vikāsa-*) и др., въ томъ числѣ, вѣроятно, и *gumār* (изъ **vimāga-*?) «сборище», извѣстное изъ армянск. языка, начиная съ перевода Св. Писанія. Упомянутое выше *kundāvar* можетъ—*dōnes probetur contrarium*—читаться и *gundāvar*, такъ какъ *k* и *g* въ персидскихъ рукописяхъ обыкновенно не различаются; а *gundāvar* такое-же производное отъ *gund*, какъ *dilāvar* или «мужественный, смѣлый» — отъ *dil* «сердце», и въ такомъ случаѣ значить «воинственный», откуда потомъ, пожалуй, и «гордый».

О. Коршъ.

№ 62. Протоколъ засѣданія Восточной Комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 14 января 1899 г. подъ предсѣдательствомъ В. О. Миллера, въ присутствіи г.г. членовъ: М. О. Аттаи,

¹¹⁾ Впрочемъ, если *ḡ* здѣсь изъ *ld*, сюда можетъ принадлежать ново-перс. *gulūla* = «шарикъ, пуля».

О. Е. Корша, X. И. Кучукъ-Іоаннессова, Г. А. Муркоса, М. И. Соколова, Н. Н. Харузина, бар. Р. Р. Штакельберга, секретаря С. С. Слуцкаго и гостей А. Д. Григорьева и Н. Н. Дурново.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія 8 октября 1898 года.

2. Секретарь сообщилъ о предстоящемъ второмъ изданіи Правилъ и программъ Кіевскаго Археологическаго Съѣзда и прочелъ списокъ докладовъ и запросовъ въ отдѣлѣ древностей восточныхъ по 1-му изданію. По поводу запроса М. В. Никольскаго (не сохранилось ли на Кавказѣ преданія о народѣ халди — халдеяхъ въ нынѣшнемъ Курдистанѣ) В. О. Миллеръ сообщилъ недавно ставшее ему извѣстнымъ выраженіе «хатьягау» — «по хиттійски», у осетинъ; В. О. поручилъ знакомымъ ему осетинамъ собрать свѣдѣнія у мѣстныхъ стариковъ о значеніи, какое они придаютъ этому выраженію ¹⁾.

3. Представлены вновь поступившія въ Общество книги по востоковѣдѣнію, причемъ М. О. Аттая обратилъ вниманіе Комиссіи на изданіе Derembourg'a (Ecole des langues orientales vivantes) — Oumara du Yémen, tome I, Paris 1897.

4. Прочтена замѣтка Л. З. Мсеріанца о книгѣ Б. Тураева — «Богъ Тотъ. Опытъ изслѣдованія въ области исторіи древне-египетской культуры. Лейпцигъ, 1898» (182 стр.). Изложивъ содержаніе книги по главамъ, Л. З. обращаетъ вниманіе на интересъ представляемый этимъ богатымъ, тщательно собраннымъ изъ изданій и музеевъ и критически освѣщеннымъ матеріаломъ не только спеціально для египтологіи, но и для сравнительной міѳологіи, исторіи религій и исторіи искусствъ.

5. X. И. Кучукъ-Іоаннессовъ доложилъ о новооткрытыхъ армянскихъ надписяхъ VII и XIII в. въ храмѣ св. Рипсиміи въ Вагаршапатѣ. Какъ сообщаетъ о. Гарегинъ въ октябрьскомъ № «Арабата», одна изъ нихъ высѣчена на особомъ камнѣ, вдѣланномъ въ восточную стѣну, надъ окномъ, и гласить: «Христе Боже, помини Комитаса, армянскаго католика, строителя св. Рипсиміи». Другая, ранѣе извѣстная, но нынѣ точнѣе прочтенная надпись, на западной стѣнѣ: «Я Комитасъ, хранитель св. Рипсиміи, призванъ на престолъ св. Григорія, построилъ храмъ свв. мученицъ Христовыхъ». Комитасъ избранъ въ патріархи въ 617 году, построилъ храмъ св. Рипсиміи въ 618 г., и обѣ надписи являются такимъ образомъ древнѣйшими послѣ дикорской, относимой къ V вѣку (по имени упоминаемаго въ ней патріарха Іоанна Мантакуні). На лѣвой сторонѣ главнаго престола также открыта надпись, представляющаяся неясной по смыслу о. Гарегину, но которую X. И., комментируя, переводитъ такъ: «Въ 745 г. армянской эры (1296 года по Р. X.), во время патронства князя князей, великаго шах-ин-шаха и Ахбуха (Ахабаха-хана?), я Ширинъ-хабунъ и

¹⁾ При чтеніи этого протокола въ засѣданіи 4 февраля 1899 г. А. Е. Крымскій сообщилъ, что, по словамъ М. П. Сабинина, у осетинъ «халдей!» употребительно какъ брань.

Паялунъ-хатунъ, и Тохтэ, и Талэ Ходже, и Хаиръ освободили Рипсимію отъ шаріата Бабака и отъ налога (X. И. читаетъ *ṣarḥ* — наркъ, вмѣсто *ṣarḥ* — наркъ, туюк у о. Гарегина) Шаһна Бабака. И такъ, кто изъ нашихъ (родственниковъ) или чужихъ, изъ старшихъ или младшихъ нарушитъ (сіе постановленіе) тотъ да будетъ проклятъ 318 отцами, раздѣлитъ участь Каина и Іуды, будетъ отринутъ вѣрой, проклятъ всѣмъ народомъ, и освященная земля да не покроетъ его; исполнителей да благословитъ Богъ. Рѣзчикъ Бахрамъ». Въ надписяхъ Комитаса (какъ въ новооткрытой, такъ и въ новомъ чтеніи прежде извѣстной) X. И. отмѣтилъ архаическія черты (*h*-ей вм. *h*-эй въ извѣстныхъ формахъ; сокращенное начертаніе словъ Христосъ и Богъ безъ титла; дифтонгъ *sh* вмѣсто *o*, явившагося въ XII в.). Надпись 1296 г. совершенно входитъ въ категорію анійскихъ надписей, изданныхъ въ русскомъ переводѣ Эминимъ въ 1881 г. въ Москвѣ и въ томъ же году, въ армянскихъ подлинникахъ о. Алишаномъ въ сочиненіи его «Ширакъ»; позднѣйшая дата въ этихъ надписяхъ относится къ 1291 году.

б. А. Д. Григорьевъ прочелъ докладъ: «Восточные источники сказанія объ Акирѣ Премудромъ». Указавъ, на какихъ языкахъ существуетъ сюжетъ этой повѣсти, докладчикъ раздѣлилъ извѣстные ему въ переводѣ три арабскіе текста на двѣ редакціи, отмѣчая отношеніе къ послѣднимъ славянской редакціи. Затѣмъ, обозрѣвъ въ кратцѣ исторію изученія вопроса о происхожденіи этой повѣсти, перешелъ къ изложенію своего взгляда на этотъ предметъ. Выводы докладчика таковы: 1) повѣсть объ Ахикарѣ (Хикарѣ, Акирѣ) ведетъ свое начало отъ индійскаго цикла рассказовъ о мудромъ совѣтникѣ, отражающагося въ индійскихъ рассказахъ о Нандѣ и южно-сибирскихъ о Шюнѣ и входящаго въ смѣшанный циклъ рассказовъ о мудромъ совѣтникѣ и мудрой совѣтницѣ; 2) циклъ этотъ перешолъ около VII в. до Р. X. въ Западную Азію; 3) повѣсть объ Ахикарѣ явилась изъ рассказа о мудромъ совѣтникѣ путемъ расширенія, въ Ассири-Вавилоніи, до II — I в. до Р. X., когда расширенная форма отразилась въ книгѣ Товита; 4) часть матеріала, послужившаго для расширенія, — странствующая; 5) біографія Эзопа есть передѣлка сюжета повѣсти объ Ахикарѣ.

При обсужденіи доклада, Н. Н. Дурново, основываясь на двухъ наиболѣе архаическихъ текстахъ повѣсти (Sach. 336 по отрывкамъ у Мейсснера въ ZDMG, 1894, 2 и Sach. 339 по изд. Лидцбарскаго), перечислялъ черты ассири-вавилонскаго культа въ повѣсти, отрицалъ въ ней монотеистическую тенденцію (какую видятъ Гофманъ, Мейснеръ и Лидцбарскій), указывалъ ассири-вавилонскія формы именъ и отмѣтилъ имена: *Ašfehni*, какъ признакъ нѣкотораго иранскаго вліянія, и Акиръ, какъ свидѣтельство, что греческій переводъ былъ сдѣланъ съ арабскаго.

В. О. Миллеръ отрицалъ, выставленное Бенфеемъ, индійское происхожденіе повѣсти; индійская сказка — и поздняя, и слишкомъ далека по содержанію: въ ней нѣтъ даже дяди и племянника, нѣтъ самой фабулы повѣсти о Хикарѣ, и общей чертой являются лишь загадки — элементъ

странствующий; сношенія съ Офиромъ ничего не доказываютъ: нынѣ Офиръ ищутъ не въ Индіи, а въ Аравіи; Бегистанская надпись не упоминаетъ объ Индіи, вопреки словарю Брокгауза и Ефрона, который и въ другихъ мѣстахъ далъ ошибочныя или ненадежныя свѣдѣнія докладчику по исторіи Ассиріи. В. Ф.—ча интересуется вопросъ: ассирійскаго или вавилонскаго происхожденія повѣсть объ Ахикарѣ, заимствовали ее евреи въ первое выселеніе, при Саргонѣ, въ Ассиріи, или въ плѣну Вавилонскомъ при Навуходоносорѣ? Ассирійскія черты культа (имя Бея было общераспространеннымъ), отсутствіе упоминанія о Навуходоносорѣ, приуроченіе къ Сеннахерибу—рѣшаютъ вопросъ въ пользу ассирійскаго происхожденія повѣсти. И такъ мы имѣемъ здѣсь ассирійскую сказку, приуроченную въ извѣстное время къ Сеннахерибу и заимствованную затѣмъ евреями.

Ф. Е. Коршъ сдѣлалъ замѣчанія и поправки на лингвистическія соображенія А. Д. Григорьева и Н. Н. Дурново и въ вопросѣ о происхожденіи повѣсти высказалъ полное согласіе съ В. Ф. Миллеромъ, предполагая, что отъ евреевъ повѣсть распространилась дальше черезъ христіанъ сирійцевъ.

№ 63. Протоколъ засѣданія Восточной Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 4 февраля 1899 г. подъ предѣтельствомъ В. Ф. Миллера, въ присутствіи г.г. членовъ: М. О. Аттаи, Ф. Е. Корша, А. Е. Крымскаго, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, М. В. Никольскаго, Г. А. Халатьянца и секретаря С. С. Слуцкаго.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшего засѣданія 14 января 1899 г.

2. Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ сдѣлалъ два сообщенія: а) дополняя свой докладъ (стр. 171) о древнихъ армянскихъ надписяхъ въ храмѣ св. Рипсиміи, Х. И. представилъ фотографіи съ надписей католикоса Комитаса, полученныя имъ изъ Эчміадзина. Сличая ихъ съ образцами крупнаго устава XV, XIV, XIII, XII, XI и IX в. (по трудамъ о. Алишана «Айраратъ» и «Ширакъ», статьямъ о. Дашьяна и Евангелію IX в. въ Лазаревскомъ Институтѣ), докладчикъ заключаетъ, что, по типу и характеру буквъ, надписи ближе всего къ уставу IX в., съ нѣкоторыми различіями, естественными на пространствѣ двухъ вѣковъ. Поэтому докладчикъ видитъ въ нихъ типъ крупнаго устава древняго образца и полагаетъ, что надписи современны ихъ автору, католикосу Комитасу, вступившему на патріаршій престолъ Арменіи въ 617 году; б) Х. И. сообщилъ о надписяхъ на мѣдной посудѣ изъ Эчміадзинскаго клада. Изъ обширнаго клада этого, найденнаго въ 1896 году при разборкѣ стараго зданія духовной школы, Императорская Археологическая Коммиссія препроводила въ Историческій Музей 84 предмета (подносы, блюда, тарелки, чаши, котлы, кувшины, ложки, фонарь и т. п.), около 20-ти совершенно новыхъ. Докладчикъ списалъ съ нихъ 57 надписей, изъ коихъ видно, что предметы эти жертвовались въ Эчміадзинъ на поминъ въ XVII и XVIII вѣкахъ (см. приложеніе).

3. А. Е. Крымскій сообщилъ «О нѣкоторыхъ арабскихъ документахъ, вывезенныхъ имъ изъ Сиріи». Сказавъ кратко о своихъ приобрѣтеніяхъ (въ томъ числѣ великолѣпная, писанная на шелку, рукопись медицинскаго содержанія, восходящая по меньшей мѣрѣ къ XIII-му вѣку; рукопись Путешествія Макарія, конца прошлаго вѣка, неполная), А. Е. остановился на рукописи шейха Зіяде ибн-Яхъи «Объ истинной вѣрѣ» — апологія мусульманства противъ христіанства. Первая часть сочиненія (л. 1—24) направлена противъ ученія о Св. Троицѣ и въ частности противъ божественности Иисуса Христа (имя котораго поминается съ благоговѣніемъ), причѣмъ авторъ толкуетъ Евангеліе въ духѣ несторианскомъ и арианскомъ. Во второй главѣ (л. 25—32) Зіяде доказываетъ, что чудеса Христа не ставятъ Его выше другихъ пророковъ. Глава третья (л. 32—37) посвящена защитѣ личности Мохаммеда противъ христіанскихъ упрековъ (здѣсь характерно, что авторъ понимаетъ мусульманскій *жигадъ* جِدَادٌ въ смыслѣ оборонительномъ, а не наступательномъ). Въ главѣ четвертой (л. 38—87) Зіяде даетъ обзоръ тѣхъ мѣстъ Библии В. и Н. З., въ которыхъ, по его мнѣнію, содержатся пророчества о Мохаммедѣ. Въ пятой главѣ (88—131) утверждаетъ, что современная редакція Библии несвободна отъ поддѣлокъ и искаженій; выдѣливши такія мѣста, онъ находитъ, что остальное вполнѣ совпадаетъ съ Кораномъ.—Далѣе А. Е. привелъ три небольшіе документа: преданіе, записанное въ Месопотаміи, будто русскій народъ произошелъ во времена Халифа Омара отъ арабскихъ выходцевъ, кочевавшихъ сперва между Аной, Кербеллой и Багдадомъ; разрѣшеніе діярбекрскаго кадья на похороны христіанина—халдея, данное въ 1205 г. гиджры (1790 Р. Х.) и полное поносныхъ выраженій для христіанъ; письмо Исбыра Абула изъ Москвы къ брату въ Дамаскъ, 1857 года, съ порученіемъ списать для Москвы рукопись Путешествія Макарія, придавъ списку возможно болѣе древній видъ и дату,— причѣмъ даются подробныя наставленія о поддѣлкѣ. М. В. Никольскій высказалъ по поволу доклада А. Е. Крымскаго мнѣніе, что толкованіе Св. Писанія у Зіяде носятъ печать вліянія новѣйшаго западнаго раціонализма.

4. О. Е. Коршъ прочелъ замѣтку о сирскихъ словахъ: *bag* (сынъ) и *treun* (два). Обративъ вниманіе на замѣну, исключительно въ этихъ словахъ, обще-семитскаго *n* посредствомъ *r* и сдѣлавъ подробный разборъ этихъ случаевъ, О. Е. предлагалъ объяснить ихъ частымъ проклитическимъ употребленіемъ данныхъ словъ, причѣмъ выпадала коренная гласная *i*, вслѣдствіе потребности охранить чистоту первой согласной, явилась по диссимиляціи перемѣна *p* на *r* (Приложеніе). М. В. Никольскій указалъ на неточность данныхъ, на которыхъ референтъ построилъ свой выводъ, въ особенности на то, что въ проклитическихъ, какъ называетъ ихъ О. Е., формахъ удержалась въ еврейскомъ и сирскомъ гласная въ формѣ *šewa mobile*: такъ *treun* читается *tēgēn*, *sphar*—*sēphar* и т. п. Впрочемъ, въ виду трудности вопроса и значительнаго числа интересныхъ наблюденій О. Е. Корша, М. В. находилъ его мнѣніе заслуживающимъ вниманія.

Какъ произошли такія сочетанія согласныхъ въ обще-семитическомъ языкѣ вопросъ иной.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ПРОТОКОЛУ № 63.

О сирскихъ *bar* и *treyn*. Въ сирскомъ языкѣ два корня представляютъ единственный въ своемъ родѣ переходъ *n* въ *r*: числительное *treyn*, ж. р. *tarteyn* «два, двѣ» (ар. *ʿiṯnāni*, ж. р. *ʿiṯnatāni* или *ṯintāni*, евр. *šnayim*, ж. р. *štaym* и пр.) и эдесское *bar*, палест. *ʿibr*, эмфат. *brā* «сынъ» (ар. *ʿibnūn* или *bni*, евр. *ben*) съ *bart*, эмфат. *bartā* «дочь» (ар. *bintun*, евр. *bat*). Впрочемъ второй изъ этихъ корней по множ. ч. сохранилъ и по сирски *n*: отъ *bar*—*bnīn*, въ опредѣляемой формѣ—*bnay*, въ эмфатической—*bnayā*, отъ *bart*—*bnon*, опред. *bnot*, эмфат. *bnotā*. Между этими словами есть общая черта: какъ числительное, такъ и обозначенія понятія «сынъ» или «дочь» встрѣчаются по большей части въ связи съ другими словами, именно существительными, которыя за ними слѣдуютъ *n*, какъ части рѣчи знаменательныя, имѣютъ на себѣ логическое удареніе. Такимъ образомъ эта общая черта со стороны физической сводится къ проклитизму, т. е. подчиненности слѣдующему слову относительно ударенія. Связь перехода *n* въ *r* съ этимъ физическимъ условіемъ явствуетъ изъ того, что множ. ч. отъ *bar* и *bart*, которое встрѣчается въ такомъ положеніи гораздо рѣже, не подверглось, какъ мы видѣли, этому звуковому измѣненію. Слѣдствіемъ проклитизма, какъ и противоположнаго ему по расположенію слова энклитизма, обыкновенно бываетъ сокращеніе слабѣе ударяемаго слова, напр. у насъ въ просторѣчии «середь комнаты», «околъ вѣсъ», «пердыть объдомъ», «по сдрокъ копѣекъ», въ ново-греческомъ языкѣ *papa Iōrgjis, kir Nikólas, jero Miḫális, kapetan Nikítas* вмѣсто *παππάς, κύριος—, γέρος— (=γέρων), καπετάνιος—* и т. п. Естественно ожидать подобныхъ сокращеній и въ занимающихъ насъ семитическихъ словахъ. И въ самомъ дѣлѣ, арабское множ. *banūna* обличаетъ въ ед. *bni* опущеніе коренной гласной, а что это опущеніе произошло давно и упрочилось, видно изъ формы *ʿibnūn* (съ приставнымъ *i*), которая, какъ и палест.-сирск. *ʿibr*, употребляется и независимо, подъ логическимъ удареніемъ вмѣсто доисторической **bānawun* (отъ **bānawa*, позже—*banū* строить, ср. евр. *bānā bayit l*—«построилъ домъ кому» =уступилъ кому своего сына, *biḫnā* «построился» =обзавелся дѣтьми).

Быть можетъ еще древнѣе выпускъ гласной въ числительномъ, какъ можно заключить изъ двойной арабской формы ж. р.—*ʿiṯnatāni* и *ṯintāni*, гдѣ помѣщеніе гласной *i*, очевидно, лишь служебной, то передъ группой согласныхъ, то внутри ея доказываетъ, что эта гласная и тамъ и здѣсь не первоначальна, и что, слѣдовательно, это слово начиналось нѣкогда въ арабскомъ языкѣ группой согласныхъ—**ṯnāni*, **ṯntāni*¹⁾. Тѣ-же группы

¹⁾ Противъ возможности такого начала словъ въ семитическихъ языкахъ вскорѣ по ихъ выдѣленіи изъ обще-семитической массы нельзя ссылаться на ихъ позднѣйшую фонетику, какъ ни согласны они въ этомъ случаѣ. Изъ этого согласія слѣдуетъ лишь

были первоначально и въ еврейскомъ языкѣ, гдѣ *štayim*, несомнѣнно, изъ **šntayim*, а въ сирскомъ *tarteyn* — изъ **trteyn* — **tnteyn*, такъ какъ гласная *a* служитъ въ этомъ языкѣ для облегченія выговора при неудобно-произносимомъ скопленіи согласныхъ, особенно съ *r* или придумной гортанной въ концѣ слога, напр. *srag* «книга» при ед. эмфат. *sergā*, суффиксальномъ *serg* (*-ī-e^h*, *-an*, *-hūn*), множ. самост. *sergīn*, опредѣл. *sergau*, эмфат. *serge'*, суффикс. *sergau* (*-hūn* и т. п.) — отъ первоначальнаго **sigr* (евр. *šēfer*) со слоговымъ *r* или съ иррациональной гласной передъ *r* по утратѣ конечной гласной (**sigrū*). Такова-же, вѣроятно, и гласная словъ *bag* и *bart* ²⁾, а это значитъ, говоря иначе, что эти слова звучали нѣкогда — сначала, разумѣется, только передъ гласной — какъ *br*, *brt*. *Bag* встрѣчается изрѣдка и въ еврейской поэзии (едва-ли въ какой связи съ глаголомъ *bāgā* «сотворилъ»), и здѣсь мы находимъ его безъ гласной въ соединеніи съ мѣстоименіемъ — *br-ī* «сынъ мой» (какъ въ сиро-халдейскомъ). На основаніи этихъ фактовъ можно, кажется, со значительной долей вѣроятности приписать превращеніе *n* въ *r* въ словахъ *bag* и *trayn* именно тѣсному соединенію звука *n* съ предшествующимъ, которое грозило уподобленіемъ *t* послѣдующему *n* вслѣдствіе сродства зубныхъ съ *n* (откуда наше діалект. *онна* вм. *одна* и т. п.) и превращеніемъ *b* въ *m* (какъ у насъ *надомно* вм. *надобно*, ново-ар. *mnaqtob* вм. *b-naqtob*), зачѣмъ могло послѣдовать полное уподобленіе въ ту или другую сторону (какъ по-лат. *somnus* изъ **sornus*, а по-итал. *sonno* изъ **sonno*, а по франц. *somme*). Въ тѣхъ случаяхъ, когда языкъ ради ясности стремится къ устраненію такихъ уподобленій съ ихъ послѣдствіями, является на помощь разобщеніе звуковъ (диссимиляція) посредствомъ отнесенія одного изъ нихъ къ ближайшей физиологической категоріи, но болѣе отдаленной отъ категоріи сосѣдняго, чѣмъ та, къ которой по условіямъ своего образования онъ принадлежалъ прежде. Такъ *m* и *n* разобщены въ сербскомъ *tavni* «темный», откуда и въ именной формѣ *tavan*, на этотъ разъ уже только по аналогіи, безъ физиологической нужды. При такихъ-же условіяхъ мы находимъ и превращеніе *n* въ *r* во франц. *Londres* (изъ *London*), но особенно часто въ испанскомъ языкѣ, гдѣ каждый разъ, какъ *n* вслѣдствіе выпаденія предшествующаго краткаго *i* пришелъ въ соприкосновеніе съ *m*, на мѣстѣ *n*

то, что Семиты еще до раздѣленія старались избѣгать сочетаній согласныхъ въ началѣ, но различіе способовъ, къ которымъ прибѣгли отдѣльные семитическіе языки для уничтоженія такого начала словъ, ясно указываетъ на существованіе общаго предмета этой борьбы. *ībnun* при *banūna*, *bīntun* при *banātu* (гдѣ *a* коренное), какъ и *ivnatāni* съ *vintāni* — живые ея свидѣтели даже въ предѣлахъ одного языка. Здѣсь передъ нами то-же явленіе, которое мы наблюдаемъ съ одной стороны въ заимствованномъ изъ пеглеви арабскомъ *'isfīdāg* «бѣлила» съ другой въ соотвѣтствующемъ ново-персидскомъ *zīrīda* «бѣлокъ» при пеглевійскомъ *zrētak* (отъ *zrēt* «бѣлый» — Zend. *zraeta*) и т. п.

²⁾ Въ рукописяхъ *bart* является съ *lineola occultans*, т. е. знакомъ произносимости, подъ *r*, что, конечно, указываетъ не на искусственную вставку *r* лишь по аналогіи муж. *bag*, а скорѣе на параллельное существованіе этимологически вѣрной формы **bant*, въ которой *n* исчезалъ такъ-же, какъ въ эмфат. *mditā* отъ *mdinā* «городъ» и т. п. (ср. евр. *bat*).

явился *г* со вставнымъ *б* впереди (какъ въ греч. ἄμ-β-ροτος и т. п.): *hombre* изъ *homine*, *pombre* изъ *nomine*, *hembra* изъ *femina* *hambre*, изъ **famina* вм. *fames* (ср. франц. *famine*), *cumbre* изъ *culmine*, *estambre* изъ *stamine*, *lumbre* изъ *lumine*, *sembrar* изъ *seminare*, *mansedumbre* (съ испанско-лат. суффиксомъ—*umine*, какъ и слѣдующія три слова), *techumbre*, *costumbre*, *pesadumbre*, также *sangre* изъ *sanguine* (во избѣжаніе **saīne* съ задне-небнымъ *n*). Португальскій языкъ не прибѣгъ къ диссимляціи и за это поплатился звукомъ *n* послѣ *m*: *cume*, *costume* и т. п. Изъ *n* передъ *m* развилось *r* и въ прованс. *mermar* уменьшать вмѣсто **minimare*, *arma* вмѣсто *anima*, съ *b* — *Dombredeus* = рум. *Dumpedeu* вмѣсто *Domine Deus*.

№ 64. Протоколъ засѣданія Восточной Комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 16 марта 1899 года подъ предсѣдательствомъ В. О. Миллера, въ присутствіи предсѣдателя Общества, графини Уваровой, г.г. членовъ: С. А. Бѣлокурова, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, Л. З. Мсеріанца, Г. А. Муркоса, М. В. Никольскаго, А. С. Хаханова и секретаря С. С. Слуцкаго.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія 4 февраля 1899 года.

2. Секретарь прочелъ докладъ Г. А. Муркоса: «Рукопись Путешествія Макарія Антиохійскаго, принадлежащая Московскому Главному Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ». Съ описаніемъ архивской рукописи докладчикъ соединилъ краткій обзоръ остальныхъ извѣстныхъ рукописей «Путешествія». Рукописи: архивская 1859 года, учебнаго отдѣленія при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ 1847 года и порфиріевская (нынѣ Императорской Публичной Библіотеки) 1849 года писаны, очевидно, съ одного и того же оригинала — съ дамаской рукописи 1700 г. (вѣроятно погибшей въ 1860 года). Оригиналъ англійскаго перевода Бельфура (Лондонъ, 1829—36) писанъ въ 1765 г. и нынѣ принадлежитъ Британскому Музею. Сенковскій видѣлъ на Ливанѣ рукопись, писанную почеркомъ кершунни, т. е. сирскими буквами по арабски. А. Е. Крымскій недавно вывезъ изъ Сейданайскаго монастыря въ Сиріи неполную рукопись Путешествія. Давая подробное описаніе архивной рукописи, докладчикъ отмѣчалъ добросовѣстность и тщательную точность, съ какими изготовленъ этотъ списокъ. Такъ, въ противоположность рукописи учебнаго отдѣленія, въ которой переписчикъ мудрствуетъ, въ списокѣ архивскомъ сохраненъ живой народный языкъ текста, примѣчанія стоятъ на своихъ мѣстахъ и даже размѣщеніе текста подогнано, повидимому, страница въ страницу къ оригиналу. Въ концѣ рукописи переписчикъ Илія, сынъ Іосифа, Жибаръ, въ послѣсловіи своемъ опредѣленно обозначаетъ дату окончанія переписки: «15-го благословеннаго февраля одного изъ мѣсяцевъ 1859 г. христіанской эры», и указываетъ, что списокъ снятъ «съ книги Ніиматулла, сына священника Георгія, сына Насима; дата ея—отъ Адама 7208». Далѣе идутъ, за именными печатями, подписи шести свидѣтелей, изъ коихъ особенно замѣчательны двѣ: высоко-христіанскаго и просвѣщеннаго дѣя-

теля, протоіерея Іосифа Муханна Аль-Хаддада и Михаила Аббуда, весьма обстоятельная. Аль-Хаддадъ свидѣтельствуєтъ, что книга «списана со стариннаго списка и сличена съ нимъ въ точности». Михаилъ Аббудъ говоритъ: «Эту книгу... я... позаботился списать со старинной изветшавшей книги, помѣченной 7208 г. отъ сотворенія міра. Эта книга есть вкладъ; она старинная, пришла въ ветхость и не можетъ быть перенесена изъ города въ городъ, ибо близка къ уничтоженію. Въ виду того, что къ намъ обратился съ просьбою возлюбленный братъ нашъ синьоръ Испиръ (Спиридонъ) Аббудъ достопочтенный и поручилъ намъ, чтобы мы позаботились снять съ нея списокъ для него, мы тотчасъ приступили къ дѣлу, согласно его приказанію, и заказали снять съ нея копію, истративъ на это что потребовалось; и сличили ее со старымъ спискомъ, слово въ слово, строка въ строку и листь въ листь, со всевозможной точностью и тщательностью, согласно желанію вышеупомянутаго брата нашего»... Далѣе идутъ свидѣтельства еще двухъ Аббудовъ (третьяго брата и, вѣроятно, отца, послѣдняго—по турецки); зятя ихъ, Іоанна Попандопуло, протонотарія Антиохійскаго патріарха (по гречески) и нѣкоего Константина сына Михаила Маллука. Докладчикъ полагаетъ, что вслѣдствіе точной передачи дамасскаго оригинала въ архивскомъ спискѣ, «позволительно думать, что списокъ этотъ болѣе другихъ близокъ къ оригинальному тексту Павла Алеппскаго». Прибывшій во время чтенія докладчикъ, послѣ чтенія показывалъ въ изданіи Бельфура части оставленныя безъ перевода и приведенныя Бельфуромъ по арабски, а также свою копію, собственноручно исполненную съ архивской рукописи ¹⁾.

3. Л. З. Мсеріанцъ прочелъ докладъ «О реставраціи Курнакскаго храма», подробно остановившись на исторіи этого храма въ связи съ общей исторіей египетской культуры, и затѣмъ на основаніи свѣдѣній и рисунковъ, помѣщенныхъ въ Temps и Illustration, познакомивъ слушателей съ самой реставраціей.

№ 65. Протоколъ засѣданія Восточной Комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 18 ноября 1899 г. подъ предѣтельствомъ В. О. Миллера, въ присутствіи гг. членовъ: М. О. Аттаи, Д. И. Иловайскаго, О. Е. Корша, А. Е. Крымскаго, Г. А. Муркоса, М. В. Никольскаго, А. М. Успенскаго, Г. А. Халатьянца, бар. Р. Р. Штакельберга, гостя С. Н. Кологривова и секретаря С. С. Слуцкаго.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія, 16 марта 1899 г.

2. В. О. Миллеръ прочелъ: «О семитскомъ элементѣ въ татскомъ нарѣчій горскихъ евреевъ». — Вопросъ о языкѣ кавказскихъ евреевъ разсматривался докладчикомъ въ первомъ научномъ засѣданіи Комиссіи въ 1887 г. ²⁾. Горскіе евреи (дагъ-чужу) живутъ въ аулахъ и нѣкоторыхъ городахъ Дагестанской, Терской, Кубанской областей и губерній

¹⁾ Докладъ Г. А. Муркоса вошелъ въ составъ статьи его объ Архивской рукописи «Путешествія» въ VI вып. Сборника Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ (съ фототипіей).

²⁾ Древн. Вост. I, протоколы, стр. 16.

Протоколы стр. 179, строка 21 сверху:
напечатано: евреевъ должно быть: армянъ.

Бакинской и говорятъ поднарѣчіемъ татскаго языка, одного изъ новоперсидскихъ діалектовъ. Общее число ихъ доходило въ 1886 г., по Анненкову, до 21 т.; но въ древнее время, по указаніямъ преимущественно топографическихъ именъ, собраннымъ у докладчика въ «Матеріалахъ для изученія еврейско-татскаго языка» (СПБ. 1892), число еврейскихъ поселеній на Восточномъ Кавказѣ было значительно больше нынѣшняго. По свѣдѣніямъ Масуди, Ибнъ-Хаукаля, Исторіи Дербента, арабы при завоеваніи Дагестана въ первой половинѣ VIII вѣка уже нашли тамъ евреевъ. Свидѣтельство Эльдада-га-Дани и свидѣтельство самого языка указываютъ, что пришли они на Кавказъ изъ Азербайджана,—вѣроятно, вслѣдствіе гоненій въ сассанидской Персіи, особенно сильныхъ въ V вѣкѣ. Языкъ ихъ можно характеризовать какъ иранское нарѣчіе, произносимое семитской артикуляціей и построенное отчасти фонетически, а отчасти морфологически на тюркскій ладъ. Черты семитизма являются въ чуждыхъ иранству эмфатическихъ: тетъ (t), дедъ (d), кофъ (q), далѣе хедъ (h), айнь (:), и въ особомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ звукѣ решъ (r). Звуки эти употребляются горскими евреями, какъ въ персидскихъ, такъ и въ тюркскихъ и еврейскихъ (обрядовыхъ) словахъ и вліяютъ на смежный гласный звукъ: вмѣсто ä, ü, i при нихъ являются: а, ö, û и v, чему докладчикъ привелъ рядъ примѣровъ. Въ заключеніе В. О. отмѣтилъ попутно нѣкоторыя отличія татскаго нарѣчія матрасинскихъ евреевъ, гдѣ нѣтъ указанныхъ особенностей, но являются армянскія черты.

При обсужденіи доклада М. В. Никольскій и О. Е. Коршъ сомнѣвались въ семитизмъ указанныхъ чертъ. Въ собранныхъ примѣрахъ О. Е. Коршъ находилъ соотвѣтствіе тюркскому закону, гдѣ широкой гласной соотвѣтствуетъ болѣе грубый согласный звукъ.

3. С. Н. Кологривовъ представилъ разсмотрѣнію Коммисіи листки лицевой персидской рукописи «Записокъ султана Бабера», принадлежавшей книгохранилищу шѣха и подаренной матерью шаха Насръ-Эддина русскому посланнику кн. Долгорукову. При разсмотрѣніи этихъ 48-ми миниатюръ (съ текстомъ на оборотѣ), обращалось вниманіе на красоту и тонкость рисунка, на тщательность въ передачѣ различныхъ типовъ (тюркскій типъ Бабера и его дружины, типы индусовъ и т. п.), въ изображеніи животныхъ, растений, подробностей обстановки.

№ 66. Протоколъ засѣданія Восточной Коммисіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 25 ноября 1899 г. подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя Коммисіи М. В. Никольскаго, въ присутствіи предсѣдателя Общества графини П. С. Уваровой, гг. членовъ: О. Е. Корша, А. Е. Крымскаго, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, А. С. Хаханова и секретаря С. С. Слуцкаго.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія 18 ноября 1899 года.

2. М. В. Никольскій сдѣлалъ сообщеніе о недавно вышедшемъ въ свѣтъ изданіи Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ подъ загла-

віємъ: «Труды по востоковѣдѣнію, издаваемые Лазаревскимъ Институтомъ Восточныхъ Языковъ. Вып. I. Книги Паралипоменонъ въ древнѣйшемъ армянскомъ переводѣ». Референтъ не имѣетъ возможности ознакомиться съ текстомъ изданной библейской книги и введеніемъ къ изданію, не зная армянскаго языка; но, судя по предисловію на русскомъ языкѣ, находитъ текстъ интереснымъ, такъ какъ, по словамъ автора, Г. А. Халатьянца, онъ обнаруживаетъ большое сходство съ LXX, а еще большее съ оригинальнымъ еврейскимъ текстомъ; тѣмъ не менѣе авторъ не признаетъ оригиналомъ для перевода ни LXX ни масаретскій еврейскій текстъ, а полагаетъ, что онъ сдѣланъ съ утраченнаго сирійскаго Таргума. Таргумъ къ книгѣ Паралипоменонъ не утраченъ, и нужно было бы автору сдѣлать съ нимъ сличеніе. Но едва ли это сличеніе приведетъ къ положительнымъ даннымъ. По всѣмъ признакамъ, передъ нами гекзаплярный текстъ, т. е. текстъ LXX исправленный на основаніи масаретскаго. Гекзаплярный текстъ, какъ оказывается, былъ въ большемъ употребленіи у сирійцевъ и съ него дѣлались переводы на сирійскій языкъ. Но такъ какъ сирійскаго гекзаплярнаго текста книги Паралипоменонъ пока нѣтъ, то настоящій армянскій можетъ оказаться интереснымъ именно какъ переводъ этого текста. Тогда онъ имѣлъ бы не малую цѣнность. Референтъ высказалъ пожеланіе, чтобъ армянскіе ученые продолжили свои изслѣдованія текста именно въ этомъ направленіи.

3. Онъ же доложилъ о полученной имъ статьѣ г. Басмаджана изъ Парижа, содержащей изслѣдованіе вновь открытой въ Закавказьѣ клинообразной надписи, найденной близъ селенія Шагриаръ Эчміадзинскаго уѣзда. Надпись идетъ вокругъ большаго круглаго камня, составляющаго базу колонны и по матеріалу и содержанію напоминаетъ надпись въ Газанчи, изданную референтомъ въ Мат. по археол. Кавказа, V, 59—60. Г. Басмаджанъ дѣлаетъ свое чтеніе и толкованіе по весьма дурному снимку арх. Месропа, присланному ему изъ Закавказья и находитъ надпись интересною по двумъ словамъ, обогащающимъ по его мнѣнію ванскій вокабулярій: *zui*, *aḡuiāni*. Но въ дѣйствительности, по мнѣнію референта, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ текстомъ совершенно тождественнымъ съ надписью Газанчи, но неудачно прочитаннымъ у г. Басмаджана. Референтъ не прочь даже допустить здѣсь недоразумѣнія съ самымъ памятникомъ, такъ какъ есть основаніе думать, что онъ также тождественъ съ памятникомъ, найденнымъ въ Газанчи.

4. Г. А. Муркосъ прочелъ сообщеніе о рѣчахъ приписываемыхъ халифу Али. Докладчикъ изложилъ подробно содержаніе этихъ рѣчей, причемъ слѣдовалъ тексту принадлежащей ему рукописи начала XVIII вѣка, выгодно отличающейся отъ бейрутскаго изданія 1885 г. (между прочимъ полнотою комментарія). Однѣ изъ рѣчей выражаютъ образъ міросозерцанія автора, его возрѣнія на Божество и на отношеніе Божества къ міру и человѣку; другія передаютъ его религіозно-нравственныя возрѣнія; третьи имѣютъ частный интересъ и обращены къ противникамъ Али, къ жителямъ подвластныхъ ему провинцій, къ ближайшимъ его привержен-

цамъ и къ дружинѣ. Въ рѣчахъ къ противникамъ доказываются права Али на халифатъ и опровергаются взводимыя на него обвиненія (въ убійствѣ предшественника его, Османа); рѣчи къ подвластнымъ жителямъ обличительны (за неискренность къ Али и къ Исламу); рѣчи къ ближайшимъ приперженцамъ и войску то возбуждаютъ ихъ къ храбрости, то упрекаютъ за малодушіе. Слогъ рѣчей тяжелъ и своеобразенъ; выраженія часто необыкновенно лаконичны, часто обильны метафорами и сравненіями изъ обыденной жизни древнихъ арабовъ.— Въ догматически-богословскихъ рѣчахъ Али представляется первымъ, *какъ бы* систематизаторомъ, осмыслителемъ мусульманскихъ представлений о Богѣ и его отношеніяхъ къ міру и человѣку. Въ Коранѣ, кромѣ отрывочныхъ фразъ, часто повторяемыхъ, о Богѣ великомъ, милосердомъ и всемогущемъ, мы ничего не находимъ; въ нашихъ рѣчахъ есть, напротивъ, *попытка* выяснить представленіе о Божествѣ. Въ приложеніи приводится нѣсколько изъ мѣстъ, цитованныхъ авторомъ. О міротвореніи и Промыслѣ говорится въ существѣ дѣла не болѣе чѣмъ въ Коранѣ, но съ большей стройностью и послѣдовательностью. Особенно интересны религіозно-нравственныя рѣчи, ибо возрѣнія, высказанныя въ нихъ, имѣло огромное вліяніе на мусульманство. Характеръ этихъ рѣчей по преимуществу аскетическій: презрѣніе къ этому міру, его благамъ и удовольствіямъ ради жизни будущей, а равно преданность и повиновеніе Богу стоятъ на первомъ планѣ. Міръ — ходячій обманъ, свѣтъ исчезающій, тѣнь скоро преходящая, мусульманскій мудрецъ долженъ стоять выше всего преходящаго и быть постоянно проникнутымъ преданностью и благодарностью къ Аллаху. Докладчикъ, отмѣчая высокія стороны этой морали, указалъ и на мрачный характеръ ея въ общемъ, на суровыя и узкія черты въ ней, какова ненависть ко всему немусульманскому и требованіе священной войны или крайне узкіе предѣлы и эгоистическія цѣли благотворительности¹⁾.

А. Е. Крымскій, выразивъ свое отрицательное отношеніе къ докладу, заявилъ, что по впечатаніи его, посвятитъ отдѣльную статью его разбору, который теперь, въ засѣданіи, занялъ бы слишкомъ много времени.

№ 67. Протоколъ засѣданія Восточной Коммисіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 27 января 1900 г. подъ председательствомъ В. О. Миллера, въ присутствіи председателя Общества графини П. С. Уваровой, гг. членовъ: М. О. Аттаи, А. Е. Крымскаго, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, Г. А. Муркоса, М. В. Никольскаго, Г. А. Халатьянца, барона Р. Р. Штакельберга и секретаря С. С. Слуцкаго.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія 25 ноября 1899 года.

2. Г. А. Халатьянецъ, по поводу прочтеннаго протокола пояснилъ: замѣчанія сдѣланныя М. В. Никольскимъ на «Предисловіе» г. Халатьянца къ изданію древняго армянскаго перевода Паралипоменонъ, основаны на

¹⁾ Докладъ напечатанъ въ «Юбилейномъ сборникѣ въ честь В. О. Миллера» М. 1900 г.

недоразумѣніи: близость къ тексту LXX указана въ «Предисловіи» для *сирскаго* текста, помѣщеннаго въ Полиглоттѣ Вальтона; для армянскаго же текста, именно въ противоположность тому, указана лишь близость къ еврейскому тексту. Последняя выражается какъ въ формахъ собственныхъ именъ (напр. Шемъ—Симъ и т. п., постоянно), такъ и въ текстѣ цѣлыхъ фразъ, и въ слѣдахъ непонятыхъ еврейскихъ формъ.

3. Г. А. Муркосъ прочелъ докладъ: «О подлинности произведеній, приписываемыхъ Халифу Али». Выводы докладчика таковы: *Рѣчи* приписываемыя Али соотвѣтствуютъ историческимъ представленіямъ о немъ и могутъ быть признаны относительно подлинными въ томъ смыслѣ, что въ основѣ своей восходятъ къ сказанному Али; но обработаны онѣ позднѣе, какъ свидѣтельствуютъ съ одной стороны разныя редакціи для одной и той же рѣчи, а съ другой — черты несвойственныя эпохи Али: систематическое изложеніе (вмѣсто отрывочныхъ сентенцій и стиховъ), вліяніе неоплатонизма, нѣкоторыя особенности стиля. Изъ собранія *сентенцій* Али, нѣкоторыя взяты изъ рѣчей, другія, вѣроятно, были развиты въ рѣчи; но и тѣ сентенціи, которыхъ мы не встрѣчаемъ въ рѣчахъ, нынѣ сохранившихся, нѣтъ основанія признавать неподлинными, и вѣрнѣе слѣдовать преданію и признавать и ихъ относительную подлинность. Наоборотъ изъ *стиховъ*, приписываемыхъ Али, нѣкоторые, несомнѣнно, принадлежатъ инымъ поэтамъ, а подлинность другихъ остается сомнительной, — хотя докладчикъ и не раздѣляетъ крайнихъ мнѣній и въ этомъ пунктѣ.

При обсужденіи доклада В. О. Миллеръ указалъ, что для насъ нѣтъ побудительной причины склоняться въ сторону мусульманскаго преданія, когда наука не даетъ основанія для вывода. — А. Е. Крымскій сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія относительно выводовъ референта, предоставляя себѣ, по отпечатаніи доклада, сдѣлать разборъ его.

4. М. О. Аттая сообщилъ о древнихъ арабскихъ надписяхъ на горѣ Оаворѣ. Посѣтивъ гору истекшимъ лѣтомъ, докладчикъ былъ свидѣтелемъ того, какъ усердно производятся раскопки на участкѣ католическаго монастыря; результаты раскопокъ сохраняются втайнѣ, вещи высылаются во Францію. На участкѣ православнаго монастыря раскопокъ не производится; но пробывъ здѣсь всего нѣсколько часовъ, М. О. нашелъ три древнихъ надписи: одну на мраморной плитѣ, уже вдѣланной недавно въ ограду, другія на такихъ же плитахъ, сложенныхъ въ качествѣ матеріала (одна расколота на двое). Первая относится къ 607 г. (=1210 по Р. Х.) и повѣствуетъ о сооруженіи здѣсь крѣпости знаменитымъ султаномъ Аль-Хадилемъ Абу-Бекромъ (1196—1218); двѣ послѣднія — къ 611 и 612 гг. и говорятъ о постройкѣ сыномъ Аль-Хадила, Аль-Му'аззамомъ мечети и крѣпости. Любопытно и ново именованіе Аль-Му'аззама еще при жизни отца султаномъ (чѣмъ дается новый фактъ: что онъ еще при жизни отца правилъ самостоятельно Сиріей). Указанія надписей докладчикъ освѣщаль свѣдѣніями о крестовыхъ походахъ.

5. В. О. Миллеръ прочелъ, присланное изъ ПБ-га М. В. Рябининимъ сообщеніе: «Нѣсколько замѣчаній объ иранскомъ элементѣ въ угро-

финской группѣ». Отчасти пополняя наблюденія барона Штакельберга (Древн. Вост. т. I), отчасти сообщая новые примѣры, докладчикъ приводитъ рядъ иранскихъ словъ въ группахъ: западно финской (суоми) и пермской и въ языкѣ мадьярскомъ. Къ нѣкоторымъ изъ этихъ примѣровъ В. О. Миллеръ сдѣлалъ ограничительныя замѣчанія.

6. Г. А. Халатьяцъ принесть въ даръ Коммисіи экземпляръ изданнаго Лазаревскимъ Институтомъ, подъ его редакціей, «Древнѣйшаго армянскаго перевода книгъ Паралипоменонъ». (Труды по востоковѣдѣнію, издаваемые Лазаревскимъ Институтомъ Восточныхъ Языковъ. Выпускъ I).

7. По предложенію М. В. Никольскаго послана за подписью всѣхъ присутствовавшихъ привѣтственная депеша О. Е. Коршу по случаю избранія его въ ординарные академики.

№ 68. Протоколъ засѣданія Восточной Коммисіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 10 февраля 1900 г. подъ предѣтельствомъ В. О. Миллера, въ присутствіи предѣдателя Общества графини П. С. Уваровой, гг. членовъ: А. Е. Крымскаго, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, Л. З. Мсеріанца, Г. А. Муркоса, М. В. Никольскаго, С. Н. Теръ-Саргсянца, Г. А. Халатьянца и секретаря С. С. Слуцкаго.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія 27 января 1900 г., причѣмъ предѣдатель сообщилъ, что О. Е. Коршъ, депешей на его имя, благодаритъ Коммисію за привѣтствіе.

2. Секретарь представилъ полученный за послѣднее время вып. 2—3 т. XII Зап. Вост. Отд. Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества и привѣтствовалъ появленіе «Юбилейнаго сборника въ честь В. О. Миллера», въ составъ коего вошло значительное число статей и по востоковѣдѣнію.

3. М. В. Никольскій доложилъ письмо о. Галуста Теръ-Мкртчяна, сообщающее свѣдѣнія о клинообразной надписи, найденной въ Шагріарѣ, о которой М. В.—чѣ докладывалъ 25 ноября, на основаніи статьи г. Басмаджана. Общество обратилось тогда къ о. Галусту съ просьбою снять для Общества эстампажъ съ надписи. О. Галустъ, столь много сдѣлавшій для изученія клинописи въ русской Арменіи, и теперь перевезъ тяжеловѣсный камень въ Эчміадинъ и прислалъ Обществу прекрасный эстампажъ съ него въ 5 кускахъ и двѣ фотографіи, на коихъ рядомъ изображены оба парные камня: изъ Шагріара и изъ Газанчи, и ноябрьскій № «Арарата» 1896 г., гдѣ впервые издана шагріарская надпись въ снимкѣ отъ руки. Какъ сравненіе, сдѣланное на мѣстѣ о. Галустомъ, такъ и присланные имъ снимки подтверждаютъ предположеніе, высказанное М. В. Никольскимъ, о тождествѣ текста обѣихъ надписей, гласящихъ: «халдійцамъ великимъ Аргишти сынъ Менуа этотъ домъ построилъ», при мелкихъ орфографическихъ различіяхъ. Это двѣ базы круглыхъ колоннъ изъ базальта, принадлежавшихъ, вѣроятно, одному и тому же зданію; на верхней ихъ поверхности о. Галустъ отмѣчаетъ углубленія—въ среднѣ большое, кругомъ малыя—слѣды зодческихъ приемовъ ванскаго періода.

Въ томъ же письмѣ о. Галусть со справедливымъ негодованіемъ сообщаетъ, что по полученнымъ имъ изъ Берлина свѣдѣніямъ одинъ пасторъ-миссіонеръ въ Турціи или Персіи предлагалъ доставить Берлинскому Музею клинообразную надпись—какъ оказалось, Ташбурунскую, древнѣйшую изъ клинописей въ Россіи—спрашивая за то 6.000, потомъ 10.000 марокъ. М. В. Никольскій пояснилъ, что по словамъ Белька рѣчь шла объ эйларской надписи и что Обществомъ послана уже просьба къ мѣстной администраціи о разслѣдованіи этого дѣла.

4. А. Е. Крымскій прочелъ докладъ: «Ученая мечеть Аль-Азхаръ, ея печать и отношеніе къ остальной печати».

При обсужденіи доклада, М. О. Аттая указавъ, что мечеть основана при Аль-Му'иззѣ-би-д-динѣ, отмѣтилъ важность трудовъ ея по филологіи—какъ изданный ею словарь Таджу-ль-Арусъ. Среди арабскихъ газетъ М. О. Аттая указалъ на значеніе газеты Ар-Раидъ Аль-Мафи, какъ болѣе распространенной среди русскихъ мусульманъ, и сообщилъ, что Аль-Аграмъ перенесена изъ Александріи въ Каиръ.

5. Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ прочелъ докладъ: «Армянскій текстъ Паралипоменонъ, изданный Лазаревскимъ Институтомъ». Въ армянскомъ предисловіи къ изданію, вслѣдъ за изложеніемъ обстоятельствъ открытія и изданія памятника, идутъ: *описание* эчміадзинскаго списка (XVII в.)—составленное Г. А. Халатовымъ (который и открылъ памятникъ для науки) и іерусалимскаго (XIII в., текстъ коего и изданъ, съ указаніемъ различій по эчміадзинскому списку), составленное епископомъ Хабаяномъ; *сличеніе* обоихъ списковъ, устанавливающее, что оба принадлежатъ одной редакціи, каждый имѣетъ свои достоинства, но въ іерусалимскомъ лучше сохранились архаизмы; замѣчанія о *языкѣ* памятника, отличающемся изящностью, чистотой и ясностью; списокъ нѣкоторыхъ новыхъ, представленныхъ имъ, *архаизмовъ*; предположенія объ *оригиналѣ*, съ котораго сдѣланъ переводъ: текстъ близокъ къ еврейскому, но неполнѣ, и вѣроятно, согласно преданію армянской письменности, восходитъ къ еврейскому черезъ какой либо сирскій, но не тотъ, который изданъ въ Полиглоттѣ Вальтона. Докладчикъ, сличивъ сполна новооткрытый текстъ съ армянскимъ переводомъ съ LXX (и отчасти съ подлиннымъ греческимъ текстомъ) убѣдился, какъ въ рѣзкомъ отличіи этого древне-армянскаго перевода отъ LXX, такъ и въ интересѣ представляемомъ имъ со стороны языка, по архаичности словъ и оборотовъ, и могъ дополнить, со своей стороны, списокъ архаизмовъ, данный Г. А. Халатьянцемъ.

Въ засѣданіи М. В. Никольскій, прослѣдивъ, при содѣйствіи докладчика и Г. А. Халатьянца, рядъ примѣровъ изъ новооткрытаго текста въ сравненіи съ армянской вульгатой, слѣдующей LXX-и, присоединился къ заключенію, что текстъ этотъ несомѣнно идетъ не отъ LXX. Но въ то же время онъ интересенъ и загадоченъ тѣмъ, что существенно разнится и отъ единственной редакціи еврейскаго текста. Оригиналѣмъ его не былъ сирскій экзапларный текстъ, не дошедшій до насъ.

ОБЗОРЪ

ДЕСЯТИЛѢТНЕЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВОСТОЧНОЙ КОММИССИИ,

читанный въ засѣданіи 31 октября 1897 года

СЕКРЕТАРЕМЪ С. С. СЛѢЦКИМЪ.

Въ засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 24 апрѣля 1887 года графиня П. С. Уварова сообщила, что товарищ секретаря Общества, М. В. Никольскій представилъ ей соображенія о пользѣ и необходимости учредить при Обществѣ отдѣленіе Восточной Археологій. Графиня сносилась по этому дѣлу съ Ф. Е. Коршемъ, Н. О. Эминымъ, В. Ф. Миллеромъ, Г. П. Канановымъ, В. К. Трутовскимъ, которые отнеслись сочувственно къ мысли объ учрежденіи или отдѣленія, или постоянной коммисіи для разработки восточныхъ древностей. За этимъ сообщеніемъ графини М. В. Никольскій прочелъ свое «Мотивированное предложеніе объ образованіи Восточной Коммисіи», впоследствии напечатанное «вмѣсто предисловія» къ протоколамъ Коммисіи. Общество ¹⁾, принимая во вниманіе: 1) нужды свои, требующія образованія особаго кружка лицъ для изслѣдованія вост. памятниковъ поступающихъ въ Общество; 2) задачи русской археологій въ Средн. Азійи и на Кавказѣ, требующія систематическихъ и совмѣстныхъ занятій археологовъ съ ориенталистами; 3) обширность и важность для науки памятниковъ архаическаго Востока и обязанность для нашей науки включить ихъ въ сферу своего изслѣдованія; 4) лингвистическій по преимуществу характеръ изслѣдованій по восточной археологій, обособляющій ее отъ другихъ отраслей археолог. науки и 5) наконецъ достаточный контингентъ московскихъ ученыхъ силъ по востоковѣднію внутри Общества и внѣ его, постановило: 1) учредить постоянную Коммисію по Восточной Археологій, предоставивъ ей право,

¹⁾ Отчетъ за 1887 г. и протоколъ засѣданія 24 апрѣля 1887 г. (Древности XII, прот. стр. 130—131 и XIII, прот. стр. 14).

на точномъ основаніи устава Общества, привлечь къ своей дѣятельности и постороннихъ Обществу лицъ; 2) поручить собраніе и организацію Коммисіи граф. П. С. Уваровой.

Въ засѣданіи 8 мая графиня доложила Правила Восточной Коммисіи, составленныя ею въ соучастіи съ членами заявившими желаніе объ учрежденіи Коммисіи, и Правила эти были утверждены Обществомъ. 29 сентября состоялось первое распорядительное засѣданіе Коммисіи, на которомъ выбраны были: предсѣдателемъ Коммисіи — О. Е. Коршъ, товарищемъ предсѣдателя В. О. Миллеръ и секретаремъ М. В. Никольскій, и, на основаніи Правиль, постановлено пригласить къ участию въ Коммисіи нѣсколько лицъ, не состоявшихъ въ то время членами Общества. Наконецъ 31 октября 1887 года произошло, въ составѣ 25 членовъ, первое ученое засѣданіе Коммисіи, «началась лѣтопись» ея, какъ выразился тогда М. В. Никольскій въ своей привѣтственной рѣчи ²⁾).

Нынѣ исполнилось 10 лѣтъ съ того дня, и умѣстнымъ представляется оглянуться на сдѣланное Коммисіей за первое десятилѣтіе ея дѣятельности.

Кабинетныя занятія Коммисіи могутъ быть сведены къ четыремъ группамъ: 1) опредѣленіе и описаніе памятниковъ; 2) изслѣдованія и сообщенія по восточной археологій, исторіи и литературамъ; 3) работы по восточному языковѣдѣнію; 4) сообщенія о новостяхъ литературы востоковѣдѣнія.

Въ первой группѣ занятій—опредѣленія памятниковъ—больше всего пришлось имѣть дѣла, конечно, съ чтеніемъ надписей на восточныхъ языкахъ. Уже передъ открытіемъ Коммисіи Общество находилось въ обладаніи обширнаго собранія надписей, присланныхъ Н. Н. Пантусовымъ и О. В. Поярковымъ съ недавно тогда открытыхъ несторианскихъ кладбищъ въ Семирѣченской области. Чтеніемъ этихъ—сирскихъ, тюркскихъ, отчасти арабскихъ—надписей, относящихся къ XIII—XIV в., занялись въ Коммисіи: М. В. Никольскій, О. Е. Коршъ, С. С. Слуцкій, и В. К. Трутовскій ³⁾. Далѣе, изъ поступавшихъ въ Общество мусульманскихъ надписей изъ Средней Россіи, съ Кавказа, изъ Туркестана, О. Е. Коршъ ⁴⁾ и В. К. Трутовскій ⁵⁾ занялись чтеніемъ надписей Касимовской текіе XVII вѣка, О. Е. Коршъ прочелъ арабскіе надгробныя надписи изъ Уфимской губ. ⁶⁾, Н. И. Холмогоровъ доложилъ надпись на гробницѣ святаго изъ-подъ Казани ⁷⁾, М. О. Аттая—арабскія надписи изъ Ханскаго дворца и изъ

²⁾ Древности Восточныя. Прот. стр. 11—15.

³⁾ Древности, т. XII, прот. стр. 119; Др. Вост. I, 1—66, 67—72, 176—194; прот. 4, 20, 31, 59—60, 103, табл. I—VII.

⁴⁾ Прот. стр. 18—20.

⁵⁾ I, 195—211, прот. стр. 71.

⁶⁾ Прот. 62. Отсюда и далѣе, мы при указаніи какъ на статьи, такъ и на протоколы, обозначаемъ арабскими цифрами страницы, указаніе на томъ (римскими цифрами) даемъ лишь для статей; ибо протоколы въ обоихъ томахъ «Древн. Восточн.» имѣютъ одну пагинацію.

⁷⁾ Прот. 17—18.

Джума-мечети въ Баку⁸⁾ и изъ моельни при Иссыкъ-Кулъ⁹⁾; Мирза Джафаръ—персидскія надписи Баку¹⁰⁾. Въ чтеніи этого разряда надписей принимали участіе и С. Е. Саковъ, Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ, Г. А. Муркосъ, М. С. Шекпнъ. С. С. Слуцкій представилъ (весьма гадательно) предположеніе о тюркской надписи на каменной бабѣ изъ киргизской степи¹¹⁾ Далъе М. В. Никольскій доложилъ о двухъ еврейскихъ надписяхъ изъ Оеодосійскаго Музея¹²⁾ и изслѣдовалъ, по просьбѣ Ф. Ф. Радде два пальмирскіе надгробные памятника изъ Тифлискаго музея¹³⁾. В. Ф. Миллеръ сообщилъ о вновь открытой осетинской надписи — пока единственный письменный памятникъ аланскій¹⁴⁾; Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ собралъ и прочелъ рядъ армянскихъ надписей съ Кавказа, изъ Крыма, изъ Херсонской губерніи, указавъ между прочимъ, надп. XII в. въ Майкопскомъ уѣздѣ, установивъ пребываніе армянъ въ Крыму уже въ XIII в. и доказывая положеніе о колонизаціи армянъ въ Южную Россію черезъ Балканскій полуостровъ¹⁵⁾ Г. А. Церетели представилъ полное собраніе надписей Гелатскаго монастыря, сопровождаемое примѣчаніями Д. З. Бакрадзе и отзывомъ А. С. Хаханова¹⁶⁾. Клинообразныя надписи Закавказья также нашли наконецъ своего русскаго изслѣдователя: М. В. Никольскій предпринялъ собраніе и систематическое изслѣдованіе ванскихъ надписей русскою Арменіи, пользуясь изданными текстами, далъе сообщеніями и снимками архіепископа Месропа и о. Галуста Теръ-Мкртчяна и наконецъ снимками добытыми въ экспедиціи А. С. Хаханова и въ богатой результатными экспедиціи самаго М. В.—ча съ А. А. Ивановскимъ¹⁷⁾. Плодомъ этихъ трудовъ явилась книга М. В.—ча: «Клинообразныя надписи Закавказья», составившая V томъ издаваемыхъ Обществомъ «*Матеріаловъ по Археологіи Кавказа*» и заключающая въ себѣ полное собраніе доселѣ извѣстныхъ клинообразныхъ надписей Закавказья и филологическое и историческое изслѣдованіе ихъ.

Кромѣ монументальныхъ надписей Коммиссія занималась опредѣленіемъ разныхъ вещей изъ частныхъ собраній. Здѣсь на первомъ мѣстѣ надо назвать драгоцѣнную месопотамскую коллекцію Блау. Направленная въ наше Общества драгоманомъ русскаго консульства въ Багдадѣ, г. Балтазаромъ, она была разобрана, опредѣлена и каталогизована М. В. Ни-

⁸⁾ Мат. по археол. Кавказа, вып. III, 82—83 и 90—91; Др. Вост. прот. 75, 91.

⁹⁾ Прот. 121.

¹⁰⁾ Мат. по археол. Кавк. вып. III, 91; Др. Вост. прот. 91.

¹¹⁾ Прот. 68 съ рисункомъ.

¹²⁾ Прот. 130.

¹³⁾ II, 163—164 и табл. III.

¹⁴⁾ Мат. по археол. Кавк. вып. III, 110—118; Др. Вост. прот. 53.

¹⁵⁾ Мат. археол. Кавк. III 106—109. Прот. 28—29, 50—53, 60—61, 89—90, 115—116, 124; зас. Общества 10 декабря 1896 г., Др. Вост. II, 120—132.

¹⁶⁾ I, 223—280, прот. 67.

¹⁷⁾ Прот. 83, 90, 91, 93, 97, 99, 104—5, 112, 130; I, 375—453 и таб. XIII—XIV; II, 24—27 и табл. I; Археол. Изв. и Зам. 1893 г. № 12; 1896 г. № 4; ср. Др. XVI прот. 14, 48, 98, 120.

кольскимъ, а также послужила предметомъ нѣсколькихъ докладовъ М. В.—ча (древности ассиро-вавилонскія)¹⁸⁾, И. П. Соловейчика (еврейско-вавилонская чаша)¹⁹⁾ и М. С. Щеккина (геммы съ пеглевійскими надписями)²⁰⁾. Эта чрезвычайно изящная, несомнѣнной подлинности коллекція заключала въ себѣ болѣе 200 предметовъ, въ томъ числѣ рядъ рѣдкостнѣйшихъ вещей: двѣ архангелскія пластинки; нѣкоторые изъ цилиндровъ, контрактъ на базальтѣ, еврейская чаша, и нѣсколько униковъ (какъ нѣсь эпохи Гудеа, III тысячелѣтія до Р. Х.). Она продавалась собирателемъ за ничтожную цѣну 4.000 гульденовъ; но неподготовленность русской публики къ оцѣнкѣ этого рода древностей вынудила Общество, послѣ долгаго ряда бесплодныхъ хлопотъ для удержанія коллекціи въ Россіи, отпустить ее въ Англію²¹⁾. Въ связи съ занятіями по коллекціи Блау, М. В. Никольскій опредѣлилъ нѣсколько кавказскихъ цилиндровъ изъ собр. графини Уваровой и изъ собр. гр. С. С. Уварова²²⁾; ассирійскіе фрагменты клинообразной надписи и барельефа изъ собран. кн. П. А. Пугачина²³⁾; халдейскія древности кн. А. А. Гагарина (глиняные конусы Гудеа и 4 дощечки съ надписями)²⁴⁾. В. К. Трутовскій читалъ пеглевійскую надпись на геммѣ В. Ф. Миллера²⁵⁾. М. О. Аттая изслѣдовалъ арабскій вѣсь изъ Дербента, собр. гр. Уваровой²⁶⁾, Ю. Д. Филимоновъ сообщалъ о кускахъ древней восточной парчи со золотканой арабской надписью въ собраніяхъ Румянцевскаго музея и Г. А. Муркосъ, при участіи М. О. Аттая и С. Е. Сакова, прочелъ эту надпись²⁷⁾. Разсмотрѣвъ кавказскую коллекцію Рошнова, М. В. Никольскій и М. О. Аттая обличили поддѣльность ея клинописныхъ и арабскихъ памятниковъ (хотя М. О.—чъ признавалъ возможность древности арабскихъ поддѣлокъ)²⁸⁾. Поддѣлка обличена была М. В. Никольскимъ также въ цилиндрахъ приобрѣтенныхъ А. В. Праховымъ на Востокѣ и въ кирпичѣ и блюдѣ съ клинообразными надписями, присланныхъ въ Общество съ Кавказа²⁹⁾.

Рядъ восточныхъ *рукописей* былъ разсмотрѣнъ и опредѣленъ Комиссіею. Такъ М. О. Аттая разсмотрѣлъ: двѣ арабскія рукописи (одна XVI в.), привезенныя съ Кавказа М. М. Ковалевскимъ и заключающія въ себѣ различныя изложенія Аль-Мухаррара; арабско-черкесскую руко-

¹⁸⁾ Прот. 48—49, 50, 63; I, 83 — 88 и табл. VII; 118 — 128, 143—165 и табл. IX. 166—175 и табл. X; Каталогъ выставки при Москов. Археол. Съѣздѣ 1890 г. зала VIII. стр. 55—69.

¹⁹⁾ I, 89—117 и табл. VIII.

²⁰⁾ Прот. 71—73.

²¹⁾ I 370—371.

²²⁾ Прот. 64, 116; ср. I, 166—175 и Труды VIII Съѣзда, прот., 111.

²³⁾ I 353—359 и таб.; прот. 74, 77.

²⁴⁾ Засѣд. Общества 4 марта 1897 г.

²⁵⁾ Прот. 20, 24.

²⁶⁾ Прот. 121.

²⁷⁾ II, 118—119 и таб. II; прот. 94—95.

²⁸⁾ Прот. 21, 25.

²⁹⁾ Труды VIII Съѣзда, прот. 111; Др. Вост. прот. 130; Арх. Изв. и Зам. 1896 № 4.

пись П. Ш. Анисимова; переводъ псалтири Абдуллаха-ибн-Фадла по рупк. XVI—XVII в.; 26 султанскихъ грамотъ К. Д. Улагая (Кубанская область), 1726—1821 гг. ³⁰) Г. А. Муркосъ сообщилъ о приобрѣтеніи Лазаревского Института—рупк. 1552 г., содержащей «Викайетъ» 'Убайдуллаха-Махмуда; рассмотрѣлъ доставленный М. М. Ковалевскимъ списокъ 13 рукописей Малой Казы-Кумукской мечети; рукопись (его же) XVI вѣка, содержащую «Разъясненіе вѣры» 'Алія-бнн-Атыята 'Ульвана, со стихами Ибн-Хабива; рукописный восточный сборникъ гр. Уварова, XVI в., гдѣ заключалось между прочимъ письмо Мелетія митр. алеппскаго, впоследствии—Макарія патр. антиохійскаго, представляющее значительный біографическій интересъ, какъ любопытны и стоящіи съ нимъ въ связи три письма другихъ лицъ въ томъ же сборникѣ; онъ же сообщилъ о Службеникѣ патріарха Макарія, хранящемся нынѣ на Афонѣ ³¹).

А. С. Хахановъ изслѣдовалъ: двѣ рукописи «Барсовой Кожки» принадлежатъ: одна Моск. Главн. Архиву Минист. Иностран. Дѣлъ, другая — Парижской Національной Библиотекѣ; гуджары Тифлискаго Церковнаго музея, которые и издалъ въ Кутансѣ («Гуджары» Кутансѣ 1891 года, XXXI+178 стр. 8°), и Ниноцминдскіе акты, XVII—нач. XIX в. пожертвованные въ спискахъ М. П. Сабининымъ ³²).

Х. П. Кучукъ-Іоаннесовъ изслѣдовалъ ³³): рукописное сокровище Лазаревского Института—армянское Евангеліе IX в.; доставленные кавказской экспедиціей А. М. Павлинова снимки съ трехъ армянскихъ Евангелій: XIV, XV и XVII в., десять армянскихъ рукописей собранія г. Оханджаньяна въ Кишиневѣ, XV—XVIII в., причемъ одна изъ нихъ, 1616 года, заключающая въ себѣ «Посланіе Пилата къ Тиверію» дала поводъ къ особому докладу М. Н. Сперанскаго ³⁴).

Ө. Е. Коршъ изслѣдовалъ универсалы Петра Великаго на татарскомъ языкѣ къ Будацкимъ и Крымскимъ татарамъ ³⁵), и онъ же вмѣстѣ съ Х. И. Кучукъ-Іоаннесовымъ рассмотрѣлъ каменецъ-подольскіе армяно-польско-татарскіе акты (армянской азбукой на польскомъ и татарскомъ языкахъ), списки съ коихъ были сняты Х. П.—чемъ въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ ³⁶).

Наконецъ послѣдней новостью по отдѣлу рукописей въ Комиссіи были присланныя въ даръ Обществу изъ Бейрута кн. Гагаринымъ, по указанію сочлена нашего А. Е. Крымскаго, и опредѣленные М. В. Никольскимъ отрывки трехъ сирскихъ Евангелій, изъ коихъ старшее восходитъ къ VII вѣку, а младшее къ IX-му ³⁷).

³⁰) Прот. 38 и 114, 78, 134, 136.

³¹) Прот. 30, 36, 39, 125; I 212—222; II 113—117.

³²) I 74—101 и прот. 126; прот. 92, 102, 105—6.

³³) I 454—464 и прот. 94; 61, 128—129, Мат. Арх. Кавк. III, 92—105.

³⁴) Прот. 129—130.

³⁵) I, 465—483.

³⁶) Прот. 124, 136.

³⁷) Статья въ этомъ выпускѣ; прот. 134. Засѣданіе Общества 21 января 1897 г.

Кончая съ отдѣломъ рукописей, укажемъ на переводы восточныхъ текстовъ, сдѣланные членами Комиссiи. М. С. Щекинымъ изданы въ персидскомъ текстѣ и переведены: «4 правила дервиша» и стихотворенiе Урфи Ширазскаго «Пѣснь къ виночерпiю»³⁸⁾; А. С. Хахановъ издалъ грузинскiе акты Тифлисскаго музея и перевелъ рядъ грузинскихъ источниковъ по введенiю христiанства въ Грузiю³⁹⁾. Дѣятельный арабистъ нашъ М. О. Аттая перевелъ Житiе св. Георгiя по Аттабари и «Сказанiе о Мудромъ Хакирѣ»⁴⁰⁾. Г. А. Муркосъ издалъ и перевелъ письмо Мелетiя Алеппскаго и совершаетъ нынѣ монументальный трудъ: переводъ составленнаго Павломъ Алеппскимъ описанiя путешествiя Макарiя Антиохiйскаго въ Россiю въ 1654—56 гг.—одно изъ увлекательнѣйшихъ описанiй путешествiй, когда либо сдѣланныхъ, драгоцѣнный и обильный источникъ и для историка быта, и для археолога⁴¹⁾.

Переходимъ къ отдѣлу *изслѣдованiй и сообщенiй* по археологiи, исторiи и литературамъ Востока. Говоря о чтенiи надписей, мы коснулись уже нѣкоторыхъ изъ этихъ работъ. Сюда принадлежатъ изслѣдованiя М. В. Никольскаго по ваннскимъ надписямъ и по исторiи народа Урарту, который оставилъ эти надписи⁴²⁾. Закавказской клинописи посвящены и доклады о. Галуста Теръ-Мкртчяна — «Изслѣдованiе географическихъ названiй Саракамышской клинообразной надписи» и «О языкѣ ваннскихъ надписей» (сближенiе съ языкомъ нынѣшняго удинскаго племени въ Нухинскомъ уѣздѣ)⁴³⁾ и Л. З. Мсерянца — «Къ интерпретацiи ваннскихъ надписей»⁴⁴⁾.

По коллекцiи Блау М. В. Никольскимъ сдѣланъ рядъ докладовъ: общiй обзоръ коллекцiи, халдейскiй вѣсъ эпохи Гудеа, вавилонскiй контрактъ покупки дома 666 г. до Р. Х., таблица примѣтъ, цилиндры и геммы коллекцiи Блау (числомъ 170), изображенiе женскаго божества на цилиндрахъ и въ статуэткахъ (опредѣленiе изображенiй божествъ Шалу и Раману), двѣ арханческiя пластинки коллекцiи (защита подлинности ихъ противъ Менана, которому онѣ были извѣстны въ очень плохомъ снимкѣ⁴⁵⁾). И. И. Соловейчику принадлежали: изслѣдованiе о крайне рѣдкостной вавилонско-еврейской чашѣ съ обширной заклинательной надписью (изъ той же коллекцiи), и доклады: «О надписи Меша, царя Моава», «По поводу мнѣнiя о пуническомъ происхожденiи имени Цезарь» и «Имя царя на Моавитской стелѣ», остроумное предположенiе, что имя это надо чи-

³⁸⁾ I 346—352; II 1—9; прот. 93, 109.

³⁹⁾ «Гуджары» Кутаисъ, 1891; Др. В. I 299—345; прот. 74.

⁴⁰⁾ Прот. 123, 142.

⁴¹⁾ I 218—222; прот. 75; засѣд. Общества 26 февраля 1896 г. и 21 января 1897 г.; сборникъ Харюгѣриа. Полный переводъ Павла Алеппскаго печатается въ «Чтенiяхъ» Общ. Ист. и Др. Росс.

⁴²⁾ Др. Вост. 375—453; «Клинообразныя надписи Закавказiя»—V т. Материаловъ по археологiи Кавказа, ср. прим. 17.

⁴³⁾ Прот. 113, 117.

⁴⁴⁾ Прот. 111; Сборникъ Харюгѣриа въ честь Ф. Е. Корна, М. 1896, стр. 391—399.

⁴⁵⁾ См. прим. 18.

тать не Меша—что не имѣетъ смысла — а Моша, т. е. извѣстное семитское имя (Моисей) ⁴⁶⁾. С. С. Слущкій, пользуясь указаніями М. В. Никольскаго и Ф. Е. Корша, представилъ изслѣдованіе о семирѣченскихъ несторіанскихъ надписяхъ ⁴⁷⁾. Къ области этнографіи, міеологіи и народныхъ литературъ относились доклады: В. Ф. Миллера — «Ассирійскія заклинанія и заговоры», «О сарматскомъ богѣ Уатафарнѣ», «Изъ изслѣдованій по ведійской міеологіи», «Восточная основа русскаго сказанія объ Урусланѣ», «Башкирское сказаніе о змѣѣ—аждаѣ», «Сказаніе о мудромъ Хейкарѣ» ⁴⁸⁾, бар. Р. Р. Штакельберга: «О персидскомъ эпосѣ Виса и Раминъ» ⁴⁹⁾, М. В. Рябинина — «Экскурсъ въ область народной литературы Египта» и «Калила и Димна, ея происхожденіе и исторія» ⁵⁰⁾, М. О. Аттая объ арабской «зарѣ» (изгнаніи духовъ изъ человѣка ⁵¹⁾). По грузиновѣдѣнію далъ нѣсколько докладовъ А. С. Хахановъ: «Источники о введеніи христіанства въ Грузію» — полный сводъ и сличеніе этихъ источниковъ; «О грузинскомъ переводѣ Калилы и Димны», «Ростоміани—грузинскій переводъ Шах-наме», «Барсова кожа—по рукописямъ Москов. Главн. Архива Минист. Иностр. Дѣлъ и Парижской Національной Библіотеки», «Гуджары и ихъ значеніе для исторіи Грузіи» ⁵²⁾. М. П. Сабининъ сдѣлалъ сообщеніе «О грузинскихъ древностяхъ» ⁵³⁾. Г. А. Халатьянцъ сообщилъ «О началѣ критическаго изученія Исторіи Моисея Хоренскаго» и «Объ ученыхъ заслугахъ Патканова» ⁵⁴⁾. С. Н. Теръ-Саргсянцъ сообщилъ «Удинское сказаніе о борьбѣ отца съ сыномъ» ⁵⁵⁾, М. С. Шекинъ доложилъ «О Саги-Намѣ Урфи Ширазскаго» о «О 4-хъ обязанностяхъ дервиша» ⁵⁶⁾, А. Е. Крымскій сдѣлалъ рядъ сообщеній по исторіи суффизма ⁵⁷⁾, В. К. Трутовскій доложилъ о «Гулистанѣ Золотой Орды» и «О надписяхъ Касимовской текіе» ⁵⁸⁾, Н. И. Веселовскій прислалъ сообщеніе «О происхожденіи слова *Арбатъ*» ⁵⁹⁾ (отъ арабскаго *рабатъ*—гостинница, страннопріимный домъ), а В. Ф. Миллеръ прочелъ «О происхожденіи имени Яуза», которое онъ объяснялъ изъ финнскаго языка ⁶⁰⁾. Г. Шиленковымъ присланы сообщенія: «О Хуссейнъ-бекѣ, мусульманскомъ святомъ у башкиръ въ X—XI в.» и «О мнимомъ дворцѣ Тура-хана» ⁶¹⁾.

Нѣкоторые изъ докладовъ, какъ имѣвшіе общій интересъ, были согласно правиламъ Коммиссіи прочтены въ общихъ засѣданіяхъ Общества. Сюда относились: отчеты объ экспедиціяхъ, снаряженныхъ Обще-

⁴⁶⁾ I 89—117 и табл. VIII; прот. 31—33, 53, 69.

⁴⁷⁾ I, I и 176.

⁴⁸⁾ Засѣд. Общества 15 мр. 1896 г.; Др. В. I 129—134; прот. 65, 76, 82, 92, 144—146.

⁴⁹⁾ II 10—23; прот. 121.

⁵⁰⁾ I прот. 54, 55—59.

⁵¹⁾ Прот. 84.

⁵²⁾ I 299—343; II 74—101; прот. 35, 74, 81, 92, 126.

⁵³⁾ Прот. 101—102.

⁵⁴⁾ Прот. 118—120; 60.

⁵⁵⁾ Прот. 85—89.

⁵⁶⁾ Т. II, 1—9, т. I 346—352; прот. 109, 93.

⁵⁷⁾ Т. II, 28—73; прот. 95, 102, 106, 127, 133.

⁵⁸⁾ Т. I 73—82, 195—211; прот. 20, 71.

⁵⁹⁾ Прот. 66.

⁶⁰⁾ Прот. 107.

⁶¹⁾ Прот. 138.

ствомъ, общіе доклады М. В. Никольскаго по закавказскимъ клинообразнымъ надписямъ, о клинообразныхъ надписяхъ въ Египтѣ, о сирскихъ евангеліяхъ кн. Гагарина и о месопотамскихъ древностяхъ его ⁶²); чтенія Г. А. Муркоса изъ «Путешествія Макарія Антиохійскаго» ⁶³); доклады: В. Θ. Миллера «Ассирійскія заклинанія и заговоры ⁶⁴», В. А. Грингмута «О дипломатическомъ архивѣ XIV в. до Р. Х.» (архивъ фараона Аменхотеп IV) ⁶⁵) Л. З. Мсеріанца по поводу извѣстія объ открытіи хроникки Маръ-Абаса ⁶⁶), С. С. Слуцкаго о IX международномъ съѣздѣ ориенталистовъ въ Лондонѣ ⁶⁷), некрологи членовъ Общества: Бакрадзе (чит. А. С. Хахановъ), Холмогорова (чит. В. К. Трутовскій) и Н. О. Эмина (чит. Г. Д. Халатьянцъ) ⁶⁸).

Лингвистическій элементъ необходимо присутствовалъ въ большей части перечисленныхъ работъ. Поэтому, переходя къ занятіямъ нашей Комиссіи по языковѣдѣнію, я назову только доклады спеціально-лингвистическіе, стоящіе внѣ прямой связи съ археологіей. М. О. Агтая читалъ «О фонетикѣ арабскаго языка по изслѣдованіямъ древнихъ арабскихъ ученыхъ (по поводу рукописи Ибн-Хабіба, пожертвованной Обществу М. М. Ковалевскимъ)» ⁶⁹). В. А. Грингмутъ: «Образованіе множ. числа въ древне-египетскомъ языкѣ въ связи съ общей методологіей египетской грамматики», «Къ фонетикѣ египетскаго, преимущественно коптскаго языка», «Къ вопросу объ египетской транскрипціи семитскихъ словъ» ⁷⁰). К. И. Дадаевъ «О грузинскихъ аспиратахъ и аффрикатахъ» ⁷¹). В. М. Истринъ «О примѣненіи сравнительнаго метода къ изслѣдованію семитскихъ языковъ» ⁷²). Θ. Е. Коршъ представилъ два изслѣдованія, отличающіяся обычными ему глубиной анализа и богатствомъ сравненій: «О языкѣ семирѣченскихъ турецкихъ надписей» и «Ритмическое объясненіе древне-индійскаго эпико-дидактическаго размѣра śloka» и сообщилъ двѣ «Замѣтки по арабской этимологіи» (къ вопросу объ основахъ на *ab* и объясненіе персидскаго *vata*) ⁷³). Л. З. Мсеріанцъ прочелъ доклады: «Образованіе армянскаго множ. числа», «О мокскомъ нарѣчій», «Къ вопросу о генезисѣ *gen. sing.* въ армянскомъ языкѣ», «По вопросу объ этрусскомъ языкѣ», «По этимологіи языка клинообразныхъ надписей Ахеменидовъ» ⁷⁴). В. Θ. Миллеръ «О происхожденіи кавказскихъ евреевъ» (татское нарѣчіе перс. яз., произносимое семитами, со слѣдами тюркскаго вліянія). «О фонетическомъ значеніи одного клинообразнаго древнеперсидскаго знака». М. В. Никольскій «Современное положеніе вопроса о

⁶²) Др. XVI, прот. 14, 48, 98, 120 и др.

⁶³) Засѣд. 20 февраля 1896 г. и 21 января 1897 г.

⁶⁴) 15 марта 1896 г.

⁶⁵) 20 февраля 1896 года; докладъ напечатанъ въ апрѣльской книжкѣ «Русск. Обзор.» 1896.

⁶⁶) 20 декабря 1896 года.

⁷¹) Прот. 33.

⁶⁷) Др. XVI, прот. 60; Др. Вост. I, 360—374.

⁷²) I, 67—72; II, 133—160; прот. 117,

⁶⁸) Др. XV вып. 2, прот. 21; XVI прот. 19, 57. 141, 142.

⁶⁹) Прот. 24, 91, 125.

⁷³) Прот. 73, 78—79, 83, 95, 108.

⁷⁰) Прот. 73.

⁷⁴) Прот. 16, 91.

сумерскомъ языкѣ»⁷⁵⁾. С. С. Слуцкій: «О предложныхъ выраженіяхъ понятій *прежде* и *послѣ* въ новозавѣтномъ Пешито»⁷⁶⁾. А. С. Хахановъ: «Замѣтки по грамматикѣ древне-грузинскаго языка»⁷⁷⁾. Баронъ Р. Р. Штакельбергъ: «О нѣсколькихъ персидскихъ словахъ въ осетинскомъ языкѣ» и «Финско-иранскія лексикальныя отношенія»⁷⁸⁾.

Наконецъ въ Коммиссіи дѣлались сообщенія по *литературѣ* востоковѣдѣнія, гг. Атгаей⁷⁹⁾, Кучукъ-Іоаннесовымъ⁸⁰⁾, Миллеромъ⁸¹⁾, Мсеріанцемъ⁸²⁾, Никольскимъ⁸³⁾, Трутовскимъ⁸⁴⁾, Халатянцемъ⁸⁵⁾ и сообщенія эти, касаясь обыкновенно важнѣйшихъ заграничныхъ новостей въ области занятій каждаго докладчика, были весьма интересны. Сюда же должны мы причислить предшествовавшіе печатанію 3-го тома сборника Эмина: докладъ Г. А. Халатянца «объ армянскихъ апокрифахъ въ переводѣ Н. О. Эмина», и чтеніе имъ отрывковъ изъ апокрифовъ: хожденія Богородицы по мукамъ и объ Іосифѣ и Асенеѣ:—въ памяти Коммиссіи еще свѣжъ живой интересъ возбужденный этими чтеніями⁸⁶⁾.

Членами Коммиссіи совершено было нѣсколько *экспедицій* на Кавказъ по порученію Общества. А. С. Хахановъ въ поѣздку 1890 г., занялся особенно актами (гуджарами) тифлискаго собора; изъ поѣздки 1892 г. въ Эриванскую губ., онъ привезъ нѣсколько новыхъ снимковъ съ клинообразныхъ надписей, и какъ эта, такъ и слѣдующія поѣздки, 1893 и 95 г.г., дали ему обильный матеріалъ для описанія⁸⁷⁾ кахетинскихъ древностей. Въ экспедиціяхъ М. В. Никольскаго и А. А. Ивановскаго въ Эриванскую губернію, въ 1893 и 94 г., кромѣ собранія клинообразныхъ надписей, были сдѣланы раскопки, доставившія богатый матеріалъ, по всѣмъ признакамъ принадлежащій ваннской эпохѣ, къ которой также съ увѣренностью можно отнести цѣлый рядъ развалинъ крѣпостей, изслѣдованный экспедиціями⁸⁸⁾; экспедиціями Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, въ 1894 и 95 гг., собраны многіе памятники армянской колонизаціи въ Южной Россіи.

Кромѣ того въ засѣданіяхъ Коммиссіи сообщали: В. И. Сизовъ — о своихъ развѣдкахъ въ Сухумъ-Кале (1888 г.), Н. М. Ядринцевъ о своей

⁷⁵⁾ Прот. 70.

⁷⁶⁾ Прот. 62.

⁷⁷⁾ Прот. 113.

⁷⁸⁾ I, 135—142 и 283—298; прот. 63 и 74.

⁷⁹⁾ Прот. 84, 137.

⁸⁰⁾ Прот. 75, 104, 109, 134, 137.

⁸¹⁾ Прот. 134, 137.

⁸²⁾ Пр. 78—80. засѣд. Общества 20 дек. 1896 г.

⁸³⁾ Пр. 75, 97, 105, 107, 120, 122, 132, 141.

⁸⁴⁾ Пр. 98, 135. ⁸⁵⁾ Прот. 135.

⁸⁶⁾ Прот. 138—140, 143—144.

⁸⁷⁾ Мат. по археол. Кавказа вып. VII.

⁸⁸⁾ Мат. по арх. Кавказа тт. V и VI.

поѣздкѣ въ Монголію (1889 г.), граф. Уварова—въ Туркестанъ (1890 г.), М. С. Щекинъ—въ Египетъ, Палестину и Сирію (1890 г.)⁸⁹⁾.

Коммисіи приходилось работать и сообщать съ другими учреждениями и Обществами. Такъ по поводу записки Кавказскаго Отдѣла Импер. Русск. Географ. Общ. Коммисія обсуждала по докладу Ф. Е. Корша вопросъ о кавказскихъ алфавитахъ⁹⁰⁾. По просьбѣ А. С. Павлова обсуждался вопросъ, направленный къ нему Россійскимъ посломъ при Портѣ А. И. Нелидовымъ, объ учрежденіи въ Константинополѣ Русскаго Ученаго Института, и обширный, составленный Коммисіей, проэктъ былъ отправленъ Послу⁹¹⁾. Далѣе Коммисія приняла дѣятельное участіе въ VIII Археологическомъ Съѣздѣ въ Москвѣ. Предсѣдатель и Секретарь Коммисіи были избраны для исполненія тѣхъ же обязанностей въ Восточномъ Отдѣленіи Съѣзда. Прочтено было восемь докладовъ членами Коммисіи: Ф. Е. Коршемъ—«Универсалы Петра Великаго къ Буджацкимъ и Крымскимъ татарамъ»⁹²⁾; Х. И. Кучукъ-Іоаннесовымъ «Краковскіе армянскіе отрывки Евангелій XIV—XV в.»⁹³⁾ В. Ф. Миллеромъ «О сарматскомъ богѣ Уатафаріѣ»⁹⁴⁾, М. В. Никольскимъ—«Поддѣльные вавилонскіе цилиндры коллекціи А. В. Прахова» и «Цилиндры коллекціи Блау»⁹⁵⁾, И. И. Соловейчикомъ—«Надпись Меші»⁹⁶⁾; Г. А. Халатовымъ—«Армянское божество Агнехъ»⁹⁷⁾ А. С. Хахановымъ—«Грузинскіе рукописи Румянцевскаго Музея»⁹⁸⁾.

Коммисія участвовала въ Выставкѣ при Съѣздѣ несторіанскими древностями изъ Средней Азіи (въ подлинникахъ и въ снимкахъ), коллекціей Блау, кирпичемъ Навуходоносора изъ Лазаревскаго Института (тогда единственный клинописный памятникъ въ московскихъ собраніяхъ) и статуэткой изъ собранія В. Н. Вырубова (привезенной съ о. Родоса), изображающей такъ называемаго «Издубара», съ клинообразной надписью на платьѣ, которую можно прочесть: «богъ Анбъ»⁹⁹⁾.

Коммисія приняла участіе и въ Международныхъ Съѣздахъ Ориенталистовъ въ Лондонѣ (1891 г.)¹⁰⁰⁾, Женевѣ (1894 г.) и Парижѣ (1897 г.): въ первомъ посылкой коллекціи Блау и сообщеній объ этой коллекціи и о семирѣченскихъ памятникахъ; въ двухъ послѣднихъ—черезъ личное участіе депутата Коммисіи А. С. Хаханова, который и прочелъ въ Парижѣ докладъ: «Положеніе Армянъ въ Грузинскомъ Царствѣ».

⁸⁹⁾ Прот. 54, 65—66, 74, 76—77.

⁹⁰⁾ Прот. 45—48.

⁹¹⁾ Прот. 21 и особое прил. къ т. I вып. 1.

⁹²⁾ Др. В. I, 465—483 и Труды VIII Съѣзда, т. IV (прот.) 132.

⁹³⁾ Труды VIII Съѣзда, II т., 264—268 и IV т. 172.

⁹⁴⁾ Др. В. I, 129—134 и Тр. VIII С., IV, 113.

⁹⁵⁾ Труды VIII Съѣзда, т. IV, 111—113; Др. В. I, 166—175, Тр. VIII С. IV, 135.

⁹⁶⁾ Тр. VIII С., IV, 172—173.

⁹⁷⁾ Тр. VIII Съѣзда, IV, 133—134.

⁹⁸⁾ Тр. VIII Съѣзда, т. II, 269—281 и т. IV, 111.

⁹⁹⁾ Каталогъ Выставки, зала VIII, стр. 49—71.

¹⁰⁰⁾ I, 360—374.

Уже къ концу первой зимы оживленной ученой дѣятельности выяснилась цѣлесообразность учрежденія самостоятельнаго печатнаго органа для Коммиссiи, и въ засѣданiи 29 марта 1888 г., Общество, по предложенiю графини П. С. Уваровой, постановило: разрѣшить Восточной Коммиссiи самостоятельное изданiе ея трудовъ, въ форматѣ и величинѣ «Древностей» и открыть на это ежегодный кредитъ до 700 рублей. Такъ основались «Древности Восточныя», и за семь лѣтъ, 1889—1895, вышло 4 выпуска ихъ подъ редакцiей М. В. Никольскаго. Кромѣ того V выпускъ «Матерiаловъ по археологiи Кавказа» составляетъ изслѣдованiе М. В. Никольскаго: «Клинообразныя надписи Закавказья»; VI выпускъ посвящается изслѣдованiямъ А. А. Ивановскаго; въ составъ III, IV и VII выпусковъ входятъ труды г. г. Аттан, мирзы Джафара, Кучукъ-Иоаннесова Миллера и Хаханова, а въ томы II и IV «Трудовъ VIII Археологическаго Съѣзда» и въ «Каталогъ Выставкi» этого Съѣзда — работы г. г. Корша, Кучукъ-Иоаннесова, Миллера, Никольскаго, Слуцкаго, Соловейчика, Халатьянца, Хаханова ¹⁰¹⁾.

Изданiя наши были сочувственно приняты ориенталистами русскими и иностранными. Особенно дорого намъ здѣсь то, что мы завоевали себѣ сочувствiе нашего чтимаго старшаго собрата — Восточнаго Отдѣленiя Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества: довольно естественный на первыхъ порахъ скептицизмъ уступилъ мѣсто довѣрiю, и у насъ установились дружныя и братскiя отношенiя. За границей наши изданiя вызвали рядъ сообщенiй въ спеціальныхъ и общихъ журналахъ и рядъ привѣтственныхъ писемъ редактору изъ Англии, Францiи, Германiи, Чехiи и привели къ непосредственнымъ и болѣе или менѣе постояннымъ сношенiямъ съ такими свѣтилами западной науки, какъ Сэйсъ, Менанъ, Бецольдъ, Леманъ. Нѣкоторые труды Коммиссiи переведены на другiе языки; мнѣ известно о переводахъ статей М. В. Никольскаго: «Клинообразныя надписи ваннскаго царства» (Др. Вост.) — на армянскiй, въ журналѣ Эчмиадзинской Академiи «Араратъ», «Клинообразныя надписи Закавказья» (Мат. по Археол. Кавк.) — на армянскiй же языкъ, въ журналѣ венеціанскихъ мѣхитаристовъ *Vaznavor*; «Объ изображенiи женскаго божества на вавилонскихъ цилиндрахъ» — на французскiй языкъ въ *Revue archéologique*; статьи М. С. Цекина: «О четырехъ обязанностяхъ дервиша» — на нѣмецкiй языкъ въ Лейпцигскомъ изданiи «*Lotusblüthe*». Въ Россiи на сдѣланное И. И. Соловейчикомъ изслѣдованiе замѣчательнѣйшей вавилонско-еврейской чаши, откликнулся Гаркави статьей въ Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археологич. Общества.

«Древности Восточныя» удостоились Августѣйшаго вниманiя Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Державнаго Покровителя Общества: въ проѣздъ свой черезъ Омскъ, 15 iюля 1891 года, Его Высочество изволилъ принять докладъ Н. Н. Пантусова объ изслѣ-

¹⁰¹⁾ См. выше.

дованіи семирѣченскихъ несторіанскихъ кладбищъ и разсматривать изданіе Восточной Коммисіи и пожаловаль Н. Н. Пантусову перстень.

На Международномъ Лондонскомъ Съѣздѣ Ориенталистовъ въ 1891 г. по предложенію Г. Оппера, присужденъ почетный отзывъ Имп. Моск. Археол. Обществу за опредѣленіе и блестящую защиту подлинности коллекціи Блау; почетный отзывъ и медаль самому д-ру Блау за собраніе этой коллекціи (причемъ постановлено передать эту медаль черезъ наше Общество); тѣмъ же Съѣздомъ присужденъ почетный отзывъ С. С. Слуцкому за изслѣдованіе семирѣченскихъ несторіанскихъ надписей.

Въ 1896 году Императорское Русское Археологическое Общество присудило большую золотую медаль М. В. Никольскому за изслѣдованіе клинописей Закавказья.

Почти всѣ десять лѣтъ во главѣ Коммисіи стояли: Ф. Е. Коршъ (первый предсѣдатель Коммисіи), В. Ф. Миллеръ (первый товарищ предсѣдателя) и М. В. Никольскій (первый секретарь). Кромѣ того несли должности: графиня П. С. Уварова (тов. предсѣд. въ то время когда, въ отсутствіе Ф. Е. Корша, предсѣдательствовала В. Ф. Миллеръ) и Г. А. Халатьянцъ (секретарь въ 1897 году, причемъ по его почину начались сношенія Коммисіи съ вѣнскими мекхитаристами).

Въ послѣднемъ году Ф. Е. пожелалъ сложить съ себя должностныя обязанности въ Коммисіи, но обѣщаль намъ по прежнему интересоваться Коммисіей, и служить ей. Выбраны были: предсѣдателемъ В. Ф. Миллеръ, товарищемъ предсѣдателя—М. В. Никольскій и секретаремъ С. С. Слуцкій.

Въ засѣданіяхъ Вост. Коммисіи по правиламъ ея участвуютъ: всякій желающій изъ членовъ Общества и лица приглашенныя Коммисіей извнѣ Общества. Въ протоколы Коммисіи занесены 62 члена Коммисіи лично участвовавшихъ въ засѣданіяхъ,—и кромѣ того были читаны заочные доклады: Н. И. Веселовскаго, о. Галуста Теръ-Мкртчяна, Г. А. Церетели съ примѣчаніями Д. З. Бакрадзе, г. Шиленкова. Изъ 62 членовъ засѣданій, десять лицъ являются, собственно, гостями Коммисіи: не принимая въ ней дѣятельнаго участія, они выразили свое сочувствіе ей, почтивъ насъ нѣсколькими посѣщеніями. В. Н. Бензенгръ, Н. Л. Гондатти, г. Герсевановъ, И. Е. Забѣлинъ, И. А. Линниченко, Н. О. Нерсесовъ, Г. К. Ульяновъ, Н. М. Турбинъ, о. архимандритъ Христофоръ (Жифара), г. Чеботаревскій. Изъ 52 дѣятельныхъ посѣтителей Коммисіи было 4 пріѣзжихъ: проф. Еліазаровъ изъ Ярославля, А. В. Селивановъ изъ Рязани, Н. М. Ядринцевъ изъ Иркутска и О. И. Брокъ изъ Норвегіи. Остальные 48—москвичи: Д. Н. Анучинъ, М. О. Аттая, А. А. Гатцугъ, мирза Абдулла Гафаровъ, В. А. Грингмутъ, мирза Джафаръ, К. Г. Додаевъ, С. О. Долговъ, А. А. Ивановскій, Д. И. Иловайскій, В. М. Истринъ, Г. И. Канановъ, А. И. Кирпичниковъ, И. И. Козловскій, Ф. Е. Коршъ, А. Е. Крымскій, Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ, В. Ф. Миллеръ, П. Н. Миллю-

ковъ, В. М. Михайловскій, Л. Э. Мсеріанцъ, Н. В. Никитинъ, М. В. Никольскій, А. В. Орѣшниковъ, И. Л. Окрочедѣловъ-Серебряковъ, А. М. Павлиновъ, А. С. Павловъ, В. К. Попандопуло, В. Е. Румянцевъ, М. В. Рябининъ, М. П. Сабининъ, С. Е. Саковъ, С. Н. Саркисовъ, В. И. Сизовъ, С. С. Слуцкій, М. И. Соколовъ, И. И. Соловейчикъ, М. Н. Сперанскій, В. К. Трутовскій, граф. П. С. Уварова, Ю. Д. Филимоновъ, Ф. Ф. Фортунатовъ, Г. А. Халатьянцъ, А. С. Хахановъ, Н. И. Холмогоровъ, бар. Р. Р. Штакельбергъ, М. С. Шекинъ, Н. А. Янчукъ.

За десятилѣтнее свое существованіе Коммиссія испытала и горестныя утраты. Изъ числа лицъ, сочувственно отозвавшихся на мысль объ учрежденіи Восточной Коммиссіи, уже не могъ войти въ составъ ея Никита Осиповичъ Эминъ, пораженный тяжелой предсмертной болѣзью. Изъ среды дѣятелей Коммиссіи скончались: Дмитрій Захарьевичъ Бакрадзе, знаменитый грузинологъ, примѣчанія котораго къ труду Г. А. Церетели издано въ нашихъ «Древн. Восточныхъ»; Алексѣй Алексѣевичъ Гатцукъ,—членъ основатель Общества и членъ Коммиссіи, съ теплымъ сочувствіемъ относившійся къ ней; Игнатій Игнатьевичъ Козловскій, членъ Общества и Коммиссіи, молодой, даровитый лингвистъ, начавшій занятія грузинскимъ языкомъ; Николай Ивановичъ Холмогоровъ, членъ и сотрудникъ Коммиссіи съ ея основанія; Георгій Ильичъ Канановъ, который отдаваясь ввѣреннымъ ему дѣтямъ и молодежи, находилъ время со вниманіемъ и сочувствіемъ слѣдить за дѣятельностью Коммиссіи; истекшимъ годомъ скончался Василій Егоровичъ Румянцевъ, который въ качествѣ товарища-предсѣдателя Общества, былъ участникомъ нашего перваго ученаго засѣданія, 31 октября 1887 года¹⁰²⁾.

Нѣсколько членовъ Коммиссіи оставили занятія къ ней вслѣдствіе отъѣзда своего изъ Москвы. Такъ отбылъ на югъ И. Л. Окрочедѣловъ; В. М. Истринъ и изъ Новороссійскаго университета не прерываетъ связи съ Обществомъ, посѣщаетъ, приѣзжая въ Москву, его засѣданія, и въ новой области своихъ занятій не порываетъ ни связи съ востоковѣдніемъ, ни надежды опять полнѣе посвятить ему свои труды. Очень чувствительной и незамѣнимой потерей для Коммиссіи былъ отъѣздъ изъ Москвы И. И. Соловейчика, даровитаго гебранста и дѣятельнаго члена Коммиссіи съ основанія ея.

Коммиссія съ признательностью вспомнить нынѣ имена учреждений и лицъ снабжавшихъ ее матеріаломъ. Сюда принадлежатъ: Лазаревскій Институтъ, Румянцевскій Музей, Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, а въ числѣ отдѣльныхъ лицъ мы на первомъ мѣстѣ должны съ глубокимъ почтеніемъ

¹⁰²⁾ Со времени прочтенія этого доклада скончались: Андрей Михайловичъ Павлиновъ, Илья Лазаревичъ Окрочедѣловъ-Серебряковъ, Юрій Дмитріевичъ Филимоновъ (последній членъ-основатель Общества) и Алексѣй Степановичъ Павловъ. Изъ гостей нашихъ давно уже нѣтъ въ живыхъ Василія Николаевича Бензегра и Нерсеса Осиповича Нерсесова; нѣтъ и Николая Михайловича Ядринцева.

и благодарностью назвать имя архіепископа Месропа, который, въ отвѣтъ на просьбу Коммисіи, щедро прислалъ весь находившійся у него матеріалъ по закавказской клинописи, вслѣдствіе чего Коммисія могла разобраться въ этомъ матеріалѣ, заинтересовать имъ Общество и предпринять дальнѣйшее его изслѣдованіе и систематическую разработку. Вступивъ въ сношенія съ Коммисіей, высокочтимый архіепископъ не переставалъ оказывать содѣйствіе трудамъ ея и путемъ переписки, и при пріѣздѣ нашихъ экспедицій. Назовемъ также съ искренней благодарностью имена г. г. Балтазара, Вырубова, кн. Гагарина, Ковалевскаго, Крымскаго, Ивановскаго, Иоакимова, о. Галуста Теръ-Мкртчяна, г. г. Оханджаньяна, Павлинова, Пантусова, Пояркова, Прахова, кн. Путятина, Сабинина, Д. А. Струкова, граф. Уваровой, Улагая, Ушакова и Филимонова, Н. Н. Харузина.

При предложеніи основать Коммисію указывалось, что учрежденіе это приведетъ «къ развитію и расширенію сферы дѣятельности Общества и укрѣпленію единства и солидарности въ средѣ его членовъ». Мы видимъ что надежды эти не были тщетны: дѣятельность Общества развилась въ новой области, благодаря учрежденію Коммисіи; новыя силы привлечены къ участию въ трудахъ его; окрѣпла связь московскихъ оріенталистовъ между собой и съ Обществомъ и связь съ нашимъ Обществомъ русскихъ дѣятелей по изслѣдованію Востока. Уже по примѣру нашему и заимствуя нашъ уставъ, открыты при Обществѣ двѣ другія Коммисіи: Славянская и Археографическая, одна пять лѣтъ тому назадъ, другая въ прошломъ году. За десять лѣтъ существованія Коммисія доказала свою жизненность и плодотворность, окрѣпла, упрочилась, трудами и изданіями послужила разработкѣ востоконѣднія и утвердила свой научный характеръ.

Пожелаемъ, чтобъ и впредь дѣятельность ея продолжалась и развивалась въ томъ же направленіи, чтобъ служба нашему Обществу, она росла и ширилась, чтобъ собирались въ ней все новыя, а особенно новыя молодыя силы, чтобъ открывались для ея дѣятельности новыя широкіе горизонты!

1124
R3

RAL BOOKBINDING CO.
535ST 53
TY CONTROL MARK

005 A

11

6035

DS
11
.M65
f
v.2
pt.2

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD AUXILIARY LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-9201
All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

MAY 10 1996
F/T JUN 12 1996
— LLL

